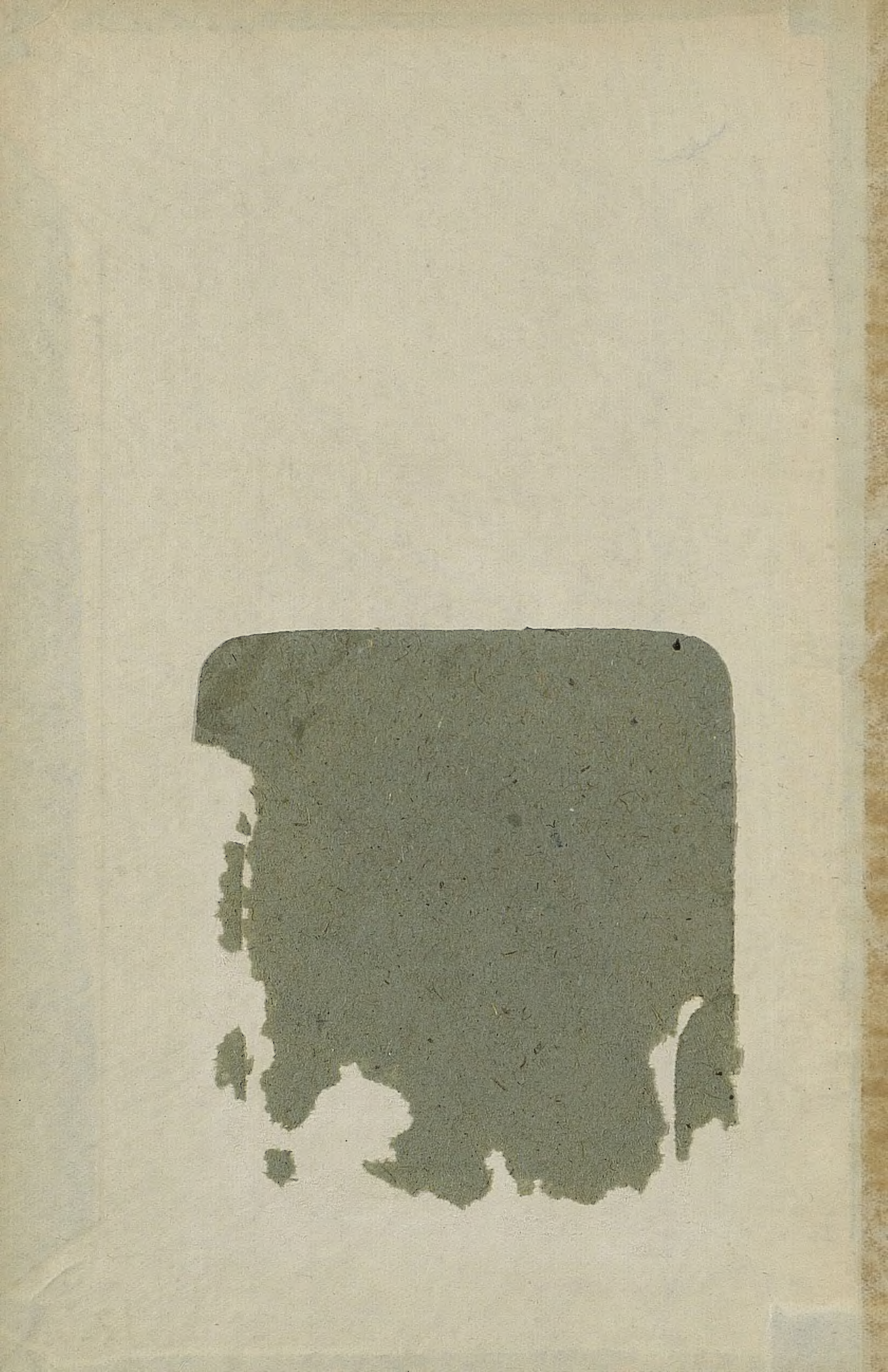


ЕМ. ЯРОСЛАВСКИЙ

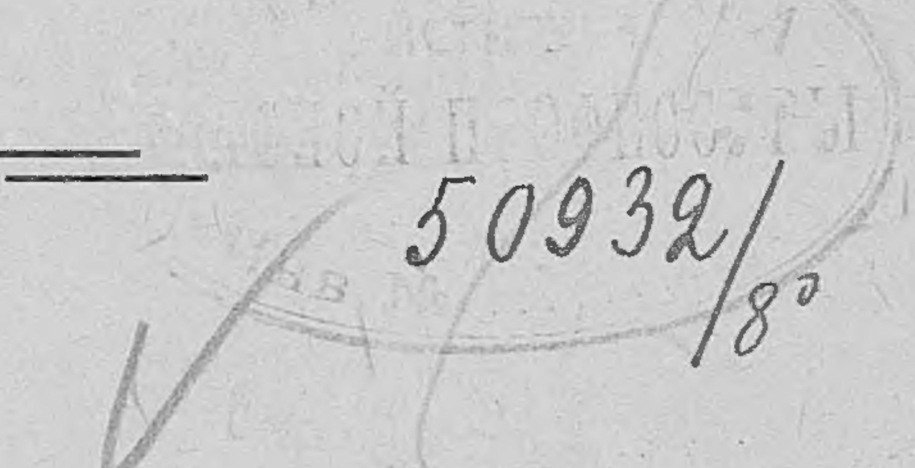
ГОСУДАРСТВЕННОЕ
— ИЗДАТЕЛЬСТВО —
19 — ЛЕНИНГРАД — 25

ЕМ. ЯРОСЛАВСКИЙ

ЖИЗНЬ И РАБОТА
В. И. ЛЕНИНА

23 апреля 1870 — 21 января 1924

ИЗДАНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ, ИСПРАВЛЕННОЕ



ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЛЕНИНГРАД—МОСКВА
1925

Гиз. № 10567. Ленинградский Гублит № 20777. $22^{1}/_{2}$ л. Отпеч. 75.000 экз.

СОЮЗУ РАБОЧИХ И КРЕСТЬЯН С. С. С. Р.

Я пишу эти строки, когда миллионы людей хотят знать про жизнь, мысли и дела ЛЕНИНА. Я рассказываю только одну тысячную долю того, что расскажут потом другие. В эти часы я думаю только о том, чтобы перед рабочими и крестьянами просто, бесхитростно раскрыть образ того, к кому тянутся в порыве любви, скорби и благодарности миллионы трудящихся всех наций, всех стран, всего мира, пробужденных для борьбы за полное освобождение человечества от всех видов угнетения человека человеком.

СОДЕРЖАНИЕ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

Предисловие к третьему изданию.

Я писал свою книгу, когда не было почти материалов для жизнеописания детских и юношеских годов Владимира Ильича Ленина, да и вообще воспоминаний о жизни его было очень мало. Мы знали основные моменты его работы. Но важно было собрать все, что могло обрисовать ту или другую черту жизни этого исключительно гениального вождя пролетарской революции. Потребность в полном жизнеописании столь огромна, что два первых издания этой книги, несмотря на ее явные несовершенства, разошлись в несколько недель. За это время накопились новые ценные материалы, главным образом воспоминания соратников Владимира Ильича, близких ему людей, знавших его в годы подполья в эмиграции, в ссылке. Особенно ценны воспоминания Надежды Константиновны Крупской, А. И. Елизаровой (Ульяновой) и целого ряда других товарищей. Большую помощь мне в этой работе, как и вообще всем изучающим Ленина, оказали (и окажут) составленные Институтом Ленина «Основные вехи жизни и деятельности Владимира Ильича».

Разбросанные по газетам, по отдельным сборникам и журналам материалы эти не доступны тем, кто хотел бы иметь все это собранным вместе. Этот материал позволил мне значительно пополнить книгу, заполнить многие существенные пробелы, исправить ее. Первая часть настоящей книги (до октябрьского

переворота) переработана на основе этого материала совершенно заново. Я ввел те исправления и указания, которые сделаны были мне друзьями, товарищами и родными Ильича, точно так же как и теми рабочими, которые занимаются в кружках по изучению ленинизма по этой книге. Внося исправления и дополнения, я думал, что этим я помогу понять Ленина, помогу его изучить.

Автор.

СМЕРТЬ ВЛАДИМИРА ИЛЬИЧА ЛЕНИНА.

В конце 1923 г. и в начале 1924 г. вся наша коммунистическая семья, все рабочие и крестьяне жили надеждой на выздоровление тов. Ленина, на возвращение его к работе. Эта надежда за последние дни перед смертью тов. Ленина перешла в уверенность. Здоровье его заметно укреплялось, появилась уверенность в том, что к нему вернется утраченная речь. И даже Надежда Константиновна Крупская, такая осторожная в обещаниях, такая строгая в этом вопросе, считала, вместе с врачами, что к лету Ильич выздоровеет. Вот почему и на XIII Всероссийской Партконференции и на XI Всероссийском Съезде Советов мы говорили радостно и уверенно, что Ильич скоро, быть может, вернется, к работе. Так страстно ждала рабочая и крестьянская масса этого дня и часа! Бывало, на каком собрании ни выступишь, — съезд ли, совещание какое, доклад, лекция, просто небольшое собрание, — у докладчика, у председателя — куча записок: «Как здоровье тов. Ленина? Скоро ли Ильич выздоровеет? Скоро ли Ильич вернется к работе?». «Без Ильича — словно без солнышка», — написал мне как-то рабочий на собрании Госзнака в Хамовниках осенью 1923 г.

И вдруг — эта страшная весть вечером 21 января. Она была так тягостна, так давила сознание — просто не укладывалась в голове. Я был на Съезде Советов. Шел доклад по финансовому вопросу. Товарищ подошел и на ухо передал: «В 2 часа ночи в Кремле пленум Ц. К.» [1]). Сразу запала тревога: зачем такое экстренное заседание? Что случилось? Почему именно в 2 часа ночи, когда можно сейчас же после заседания Съезда? Понял, что какая-то беда случилась. Спросил двух товарищей, — никто не знает, в чем дело. Но третий знал уже, да сказать не мог,

[1]) Пленум Ц. К.—собрание всех членов и кандидатов Центрального Комитета нашей партии с участием членов Президиума Центральной Контрольной Комиссии.

старик. Метнулся только, придавленным голосом сказал: с Ильичем плохо. А сам бледный, как мелом побеленная стена.

Шел со Съезда, старался успокоить товарищей, а у самого такая тоска, такая тревога! И нельзя от нее уйти никуда, спрятаться нельзя. Как дождаться этих двух часов ночи!

Пошел к товарищам в Кремль, решил там дожидаться. Приходили один за другим, узнавали и тихо, беззвучно рыдали в уголке, не в силах скрыть горя. Старые большевики рыдали. А рядом тихо, почти шопотом совещались.

* * *

Разве я один так переживал смерть Ильича?

Вот тов. Зиновьев рассказывает [1]):

«Давно ли Надежда Константиновна говорила: у нас все идет хорошо. Ездил на охоту. Меня не взял, — хочет без нянюшки. Занятия (чтение) идут хорошо. Хорошее настроение — шутит, хохочет. Врачи все теперь того мнения, что к лету будет говорить.

И врачи все это подтверждали.

А сейчас позвонили: Ильич умер . . .

. . . Через час мы едем в Горки уже к мертвому Ильичу: Бухарин, Томский, Калинин, Сталин, Каменев и я. (Рыков лежит больной.) В автосанях [2]).

Как бывало мчишься в Горки на вызов Ильича, когда он был здоров, — как на крыльях. А теперь . . .

Смотрим на звезды. Пытаемся говорить о другом. Ильич умер, — что будет, что будет? А путь так долог — целых два часа. Дорога занесена снежными сугробами. Гудит телефонная проволока. Воздух так ясен. Ночь светла.

Горки. Уже у ворот столпилась кучка людей — это товарищи из охраны Ильича. Они усыпают сосновыми ветками снежную дорогу к дому, где лежит Ильич. Помню: совсем недавно, несколько недель тому назад через щелку окна мы с Каменевым и Бухариным смотрели в парк, когда Владимира Ильича вывозили на прогулку. Приветливо, с доброй ильичевской улыбкой он снимал здоровой рукой с головы своей кепку, здороваясь с этими же товарищами из охраны. Как просияли все они. С какой любовью смотрели на своего Ильича эти рабочие, любившие его, как дети . . . А сегодня все они поникли головой, жмутся друг к другу, говорят шопотом, вытирают слезу.

Вошли в дом. Ильич лежит на столе. Уже успели переодеть в новую тужурку. Цветы. Сосновые ветки. Лежит в боль-

---

[1]) «Правда», № 23, 30 января 1924 г.: *Г. Зиновьев*—«Шесть дней, которых не забудет Россия».

[2]) Автомобиль на полозьях, чтобы можно было ехать по глубокому снегу.

шой комнате. Тут же открыт ход на балкон. Мороз. На этом балконе летом 1920 г. мы пили чай и решали вопрос о наступлении на Варшаву.

Светлая зимняя снежная ночь. В комнате, где лежит Ильич, холодно. Много света. Яркая луна. Много звезд. Крестьянские дома кажутся совсем близкими через открытый на балкон ход. Ильич — на фоне крестьянской России. Незабываемая картина.

Ильич — как живой. Прилег отдохнуть. Да он же дышит! Вот, вот приподымается грудь. Лицо спокойно, спокойно. Оно стало еще добрее. Разгладились морщины. Замшевые складки в нижней части лица, ближе к шее, остались. Недавно подстригся. Выглядит совсем молодым. Лицо доброе, доброе, нежное. Кажется, только Старик недоволен, зачем мы так долго глядим на него, зачем набегает слеза! Где же видано, чтобы большевики плакали! . . Поцелуй в лоб—в прекрасный ильичевский несравненный лоб. Лоб этот холоден сейчас, как мрамор. Сердце пронзилось мыслью: так это действительно *навеки, навсегда* . . .

В два часа ночи назначено в Кремле заседание пленума Центрального Комитета. Едем с поездом назад. Опоздали только на час. Вошли. Никогда не забыть и этой минуты. Сидят все 50 человек и . . . молчат. Гробовое молчание. Повидимому, они молчат уже довольно долгое время — с тех пор, как пришли сюда. Все они бесстрашные ленинцы, отобранные всей партией бойцы, не раз смотревшие в лицо смерти, сидят с плотно сжатыми зубами. Слова не идут с языка. Потом заговорили. Просидели до утра. Осиротевшие. За эти часы ближе стали друг другу, чем за всю прежнюю жизнь, за долгие годы совместной работы» . . .

Да, мы молчали. Не было слов. И не нужны они были тогда, в эти ночные часы, когда весть о смерти нашего друга, вождя, учителя, товарища Ильича стала перебегать по проволокам телефонов и телеграфов, по волнам радио пронизывала далекие уголки земного шара, стучалась в рабочие квартиры и в крестьянские хижины, исторгала у кремневых людей жгучие слезы боли, рождала глубокую тоску по ушедшем из жизни Ильиче.

А теперь, когда все знают, что умер Ильич, что нет Ленина, — все хотят знать, как жил, работал и умер этот человек, хотят знать его учение, его мысли, хотят научиться у этого величайшего революционера, как надо бороться за полное освобождение порабощенного человечества.

Бывая на рабочих собраниях, прислушиваясь к желаниям рабочих, работниц и красноармейцев, я увидел, что рабочая масса хочет иметь книжку, в которой про Ленина было бы рассказано возможно подробнее. Сейчас возникают десятки тысяч кружков

по изучению Ленина, по изучению ленинизма. Нужна книга, которая включала бы в себе описание всех главнейших моментов жизни Ленина, обстановки, в которой ему приходилось работать, события, участником которых был Ленин. Надо помочь возникающим кружкам молодых ленинцев подняться на такую ступень, когда более глубокое и серьезное изучение станет для них возможным. Вот какую цель я имел в виду, принимаясь за работу.

Это я и хочу сделать в книге, которую я пишу сейчас же после похорон тов. Ленина.

Через полгода, через год будет написано много книг о Ленине, — лучше, полнее, чем я пишу сейчас. Я знаю, как много недостатков должна иметь моя книга, написанная за такое короткое время. И все же я сознаю, что, выполняя этой своей работой долг перед своим учителем Владимиром Ильичем Лениным, помогу не одной тысяче рабочих и крестьян узнать, понять и изучить Ленина.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Семья Ульяновых.

18.

ДЕТСТВО И ОТРОЧЕСТВО ИЛЬИЧА.

Владимир Ильич Ульянов-Ленин родился 23 апреля 1870 г. в Симбирске. Прадеды его были крестьяне. Дед его числился мещанином г. Астрахани. Отец тов. Ленина — Илья Николаевич Ульянов — был директором народных училищ. Это был справедливый человек, очень умный, пользовавшийся любовью окружающих, особенно учителей городских и сельских школ. Таких школ он открыл более 400, с 20.000 учащихся. Ни земель, ни имений у него никогда не было.

Старшая сестра Владимира Ильича, Анна Ильинична Елизарова, сообщает, что «отец был разночинцем, приобрел он в Симбирске в 1878 г. лишь деревянный дом, который, переезжая со всей семьей в 1887 г. в Казань, мать и продала» [1]).

У Владимира Ильича было два брата: Александр и Дмитрий. Александр был казнен царем Александром III, Дмитрий и сейчас жив. В живых сейчас остались и две сестры тов. Ленина: Анна Ильинична Елизарова и Мария Ильинична Ульянова, сестра Ольга умерла, когда Ильич еще был юношей. Мать тов. Ленина — Мария Александровна — умерла незадолго до революции, в 1916 г.

Какова была мать Ленина, об этом рассказывает тов. М. Б. Смирнов в своих воспоминаниях, напечатанных в газете «Советский Юг»:

Это было приблизительно в 1899 г., — сообщает тов. Смирнов. — Я, вместе с группой Андронова, Ногина, Сергея и Лидии Цедербаум, Звездочетова, Давыдовой и другими, был арестован в связи с известной стачкой питерских ткачей 1899 г., где рабочие, помимо экономических требований, впервые в своих прокламациях выдвинули свои политические требования—свободу слова, стачек, союзов и т. д. Находился я в доме предварительного заключения. Свидания с женой мне, однако, давались не там, не в присутствии жандармов, а в департаменте полиции. В одно из таких свиданий я в приемной директора департамента полиции,—если мне память не изменяет,—Зволянского увидел мать Владимира Ильича, которая приехала в Петербург хлопотать о переводе ее сына из Енисей-

[1]) *А. Елизарова*—«О жизни Владимира Ильича Ульянова-Ленина в Казани»,—«Путь Революции». Историч. журнал Татбюро Истпарта. 1922 г., № 2, стр. 5.

ской губернии заграницу или, в крайнем случае, в Псков. Вышедший из кабинета директор департамента, забывший, что перед ним стоит мать, с цинизмом (т.-е. наглостью) царского опричника, громко, на всю залу, обратился к матери Владимира Ильича со следующей речью:

— Можете гордиться своими детками: одного повесили, а о другом также плачет веревка.

Трудно передать (для этого надо быть художником) фигуру и выражение лица матери Ильича в тот момент, когда, поднявшись, полная достоинства, она произнесла в ответ на это:

— Да, я горжусь своими детьми!

Мать имела на Владимира Ильича очень большое влияние. Анна Ильинична рассказывает о том, что Владимир Ильич, став студентом Казанского университета, начал курить.

Мать, опасаясь за его здоровье, бывшее в детстве и юношестве не из крепких, стала убеждать его бросить куренье. Исчерпав все доводы относительно вреда для здоровья, обычно на молодежь мало действующие, она указала ему, что и лишних трат, хотя бы копеечных (мы жили в то время все на пенсию матери), он себе, не имея своего заработка, позволять бы, собственно, не должен. Этот довод оказался решающим, и Володя тут же,—и навсегда,—бросил курить. Мать с удовлетворением рассказала мне об этом случае, добавляя, что, конечно, довод о расходах она привела в качестве последней зацепки. (А. Елизарова—«О жизни В. И. Ульянова-Ленина в Казани»,—«Молодая Гвардия», № 2—3.)

О детских годах Ленина почти ничего не было написано при его жизни. Только теперь мы можем заглянуть в красшек жизни Володи Ульянова. Детские фотографии — портреты того же времени—изображают Володю Ульянова живым, бойким мальчиком, с кудрявыми волосами, с ласковым взглядом умных глаз.

Но как ни скудны эти данные о детстве Ильича, хочется их собрать, сохранить. Впоследствии из этих маленьких осколков жизни Володи Ульянова художник создаст цельный образ.

Сейчас еще в Симбирске жива старушка, жившая в семье Ульяновых — Мария Михайловна Павлова, когда Ленин был еще ребенком. Она так описывает детство Ильича:

Он рос необыкновенно живым мальчиком. Был очень полненький, толстенький, с кудрявыми редкими волосиками, немного рыжеватый. Своей живостью и резвостью обращал на себя внимание всех детей. Был большой «забияка». Любимым его занятием с детьми было ставить ребятишек во-«фрунт» и ими командовать. То и дело, слышишь, кричит им:

— Вставайте во-«фрунт».

Даже дома с сестрой Олей то и дело играет в солдаты. Загонит Олю под диван, а потом начнет по-военному командовать. Встанет по-военному и кричит:

— Раз-два, раз-два, шагом марш.

Володя очень любил покупать птичек, и в Благовещенье их выпускал из клеток. Перед Благовещеньем, бывало, то и дело пристает к папе и маме:

— Дайте мне три рубля, я накуплю много птиц и завтра их всех выпущу.

Мама, бывало, скажет:

— Что ты, Володя, тебе хватит и одного рубля.

Наступит Благовещенье. Володя встанет раньше всех, разбудит всех в доме, для него был настоящий праздник выпускать птиц.

Детские годы Володя Ульянов жил в с. Кокушкино, Казанской губернии. Об этих детских годах вспоминает тов. Табейко со слов кокушкинских крестьян-старожилов:

Володя привозил частенько из города множество разноцветных бабок и устраивал игры. При этом он пользовался чугунной бабкой и, к огорчению других малышей, редко оставался побитым.

Все игры и занятия кокушкинской детворы присущи были и малолетнему В. Ульянову. Кроме игры в бабки, основной любовью его пользовался самострел (лук), сделанный из обруча. С этим самострелом он уходил далеко в поле или к ключу (у «Повирни») и подстреливал там куликов, как это делали все крестьянские дети.

Шел в ночное. Роскошный уголок в лесу, на поляне, для пастбища лошадей, в трех-четырех верстах от деревни. И Володя, любивший природу как свою книгу, так увлекался прогулками «по дебрям лесным», что шел на отчаянные споры со старшими, пускал в ход все свое красноречие и искренность, лишь бы убедить их взять его в ночное.

— Возьмите меня в ночное. Я приготовил на всех чай, сахар. Костер разведу, дров наломаю.

Но старшие ему говорили:

— Нет, нет, Володя. Ты мал. В лесу волки и медведи живут. Колдунья маленьких там ворует,—как мы тебя возьмем...

Володя набирался храбрости и шел по их следам в ночное.

(П. Лепешинский—«Жизненный путь Ильича»,—«Молодая Гвардия», № 2—3, апрель 1924 г.)

Так же мало, как и о детских, дошкольных годах, написано до сих пор и о школьных годах Володи Ульянова. Известно, что девяти лет вступил он в 1-й класс Симбирской гимназии, где сразу же обратил на себя внимание своими способностями. Некоторые, однако, напрасно изображают его «пай-мальчиком», смиренным и послушным. Анна Ильинична Ульянова-Елизарова, наоборот, вспоминает о нем, как о «смелом и шаловливом».

Еще в детские годы запали в сознание молодого Володи Ульянова разговоры о революции, о борьбе с царским правительством. Тихий, на вид скромный, гимназист, думал уже в детских годах о борьбе. Может быть, этим и объясняется то, что многие считали его в гимназии скрытным, замкнутым в себе.

Правда, он получил при окончании гимназии лучший отзыв (хороший аттестат). Директором гимназии в то время был Ф. Керенский (отец Александра Керенского, главы Временного Правительства 1917 г.). В этом отзыве, без которого Владимира Ильича не приняли бы в университет, было сказано:

«Весьма талантливый, постоянно усердный и аккуратный, Ульянов во всех классах был первым учеником и при окончании курса награжден золотой медалью, как самый достойный по успехам, развитию и поведению. Ни в гимназии, ни вне ее не было замечено за Ульяновым ни одного случая, когда бы он словом или делом вызвал в начальствующих и преподавателях гимназии непохвальное о себе мнение».

Анна Ильинична считает, что в этой части отзыв почти верен, кроме только слов о том, что Володя Ульянов ни словом, ни делом ни разу не вызвал недовольства начальствующих.

Еще когда он учился в гимназии, пришло известие об аресте его старшего брата Александра, который учился в Питере, в университете. В то время шла борьба между революционной партией «Народной Воли» и царским правительством.

Партия «Народной Воли» создалась в 1878 г. после долгих попыток социалистов того времени вести среди крестьян мирную проповедь. Народники были убеждены, что все крестьяне — прирожденные социалисты, что стоит к ним прийти только и растолковать как следует про социалистическое устройство, и они сами у себя заведут это устройство. Но когда народники «пошли в народ», то они убедились в том, что крестьяне их в большинстве случаев не понимают. А вместе с тем всякая попытка более открыто разъяснить крестьянам причину их тяжелого положения вела за собою преследование царского правительства. Они убедились в том, что главное препятствие на пути освобождения народного, это — царское самодержавное правительство. За мирную проповедь, иногда просто за распространение грамоты без разрешения начальства, социалистов бросали в тюрьмы, ссылали на поселение, на каторгу. Но так как в это время еще не было подготовленных для революционной борьбы народных масс, то ее повели отдельные смелые одиночки. Они собрались на съезд, образовали партию «Народной Воли», которая поставила перед собою задачу — свержение царского самодержавия. Народовольцы очень скоро убедились, что правительство в ответ на террор народовольцев отвечает правительственным террором, казнями народовольцев. Правительство ни перед чем не останавливалось. Так правительство казнило Розовского, 15-летнего мальчика, который расклеивал на заборах революционные воззвания, прокламации. Народовольцы думали, что главное дело в том, чтобы уничтожить наиболее зловредных царских чиновников, а если не поможет, то добраться до самого царя.

1 марта 1881 г. партия «Народной Воли» казнила царя Александра II за жестокости, которые он чинил над крестьянами, за то, что он поддерживал помещиков-дворян, за то, что притеснял крестьян и давал волю капиталистам. Он был взорван бомбой на улице, которую бросил в него народоволец Гриневицкий.

Но от этого не изменился государственный порядок. Наоборот, пуще прежнего сдавили народ.

Царь Александр III был еще более самодержцем и крепостником, чем его отец. Он был напуган смертью своего отца и ввел в стране самые жестокие порядки. Казни сменялись массовой ссылкой на каторгу. Над крестьянами свистели розги. Партия «Народной Воли» была почти совершенно разгромлена.

Такой партии, как сейчас наша Р. К. П. с сотнями тысяч рабочих и крестьян членов партии, не было тогда. Народовольцы

были смелые одиночки, вступившие в неравный бой, в страшное единоборство с царским самодержавием. Вот таким одиночкой был и Александр Ульянов, который решил с несколькими товарищами — Осипановым, Шевыревым, Андреюшкиным, Генераловым и другими — продолжать эту неравную борьбу, когда был разбит, казнен почти целиком Исполнительный Комитет партии «Народной Воли».

3 марта 1887 г. Александр Ульянов был арестован. И вот весть об этом дошла до Симбирска, где в это время учился 17-летний Владимир Ильич Ульянов. В семье боялись сообщить об этом матери. Владимир Ильич взялся подготовить мать к этому известию и выполнил это с большой твердостью: уже тогда он умел владеть собою в трудные минуты. Об этом времени нам рассказала недавно сестра его Мария Ильинична Ульянова, на вечере, устроенном пленумом Московского Совета 8 февраля, посвященном памяти Ильича.

Вы знаете, товарищи, что Владимир Ильич был богато одарен от природы, но, помимо этого, он обладал необыкновенной способностью итти твердо и непреклонно к раз намеченной им цели. Еще совсем юным, в последних классах гимназии (Владимир Ильич кончил гимназию семнадцати лет), он проводил все вечера за книгами, за подготовкой к той революционной работе, которую он поставил целью своей жизни. Но особенно памятно мне осталось время после окончания им гимназии, годы, когда он жил с нами в Казани и Самаре, до отъезда Ильича в Петербург. Весной в 1887 году мы получили известие о казни старшего брата. Особенно запечатлелось мне выражение лица Владимира Ильича в эту минуту, когда он сказал: «Нет, мы пойдем не таким путем. Не таким путем надо итти». И вот с тех пор он стал подготовлять себя к тому пути, который он считал единственно правильным для освобождения России от ига царя и капитала.

Я помню, когда мы жили в деревне, в Самарской губернии, Владимир Ильич каждое утро после чая отправлялся, нагруженный книгами, словарями и тетрадями, в укромный уголок сада, чтобы там заниматься. Там стояли стол и скамейка, и там проводил Владимир Ильич большую часть дня за научными занятиями. Он умел не только читать книги, он умел изучать их, он штудировал (изучал) их, составлял конспекты (т.-е. планы), делал выписки. Я приходила тогда в тот уголок, чтобы заниматься с ним языками, и, несмотря на то, что я была совсем ребенком, меня даже тогда поражала та настойчивость и та аккуратность, с которой Владимир Ильич делал то дело, за которое он брался. И настолько был силен его нравственный облик, что тогда уже без всяких понуканий хотелось сделать все на свете, лишь бы он был доволен тобой, лишь бы заслужить его одобрение. Целыми днями Владимир Ильич проводил за книгами, отрываясь только для прогулки и для разговоров и споров с тем небольшим кружком товарищей, которые так же, как и он, подготовляли себя к революционной работе. И это уменье работать, это упорство осталось за ним всю жизнь. И в ссылке, и заграницей он пользовался всяким свободным моментом, всяким свободным часом, чтобы отправиться в библиотеку. У нас сохранилось много тетрадок и выписок, и по ним можно судить, какое громадное количество литературы по всем отраслям знания успел за свою жизнь проштудировать Ильич.»

С этим рассказом о том, как встретил 17-летний Ильич весть о казни брата Александра, совпадает и рассказ упомяну-

той уже Марии Михайловны Павловой, жившей в то время в доме Ульяновых.

Еще не забыть мне никогда того случая с Александром Ильичем. В Петрограде у них в то время жила племянница, кажется, Веретенникова. Однажды получилась телеграмма от нее: «Тетя, приезжайте, дети в опасности.»

Это было в марте месяце, в самую распутицу. Еще из Симбирска не было железной дороги. Мы остались в доме с детьми одни.

И никак не могли придумать, что же могло случиться с Анной Ильиничной и с Александром Ильичем. Потом однажды Владимир прочел: «Кого в ссылку, кого к повешению»...

— Моего брата, Александра, тоже к повешению,—проговорил он.

Мы все заплакали и удивлялись, что Владимир Ильич такой крепкий и при таком тяжелом известии даже не заплакал. А он говорит:

— Что я буду плакать, этим не поможешь; я должен отомстить.

Так тогда это осталось мне непонятным, кому это хотел отомстить Владимир Ильич. После этого он стал часто задумчив, грустен, много читал и все больше был в своей комнате. (Журнал «Работница», № 6, март 1924 г. Воспоминания о семье Ульяновых Марии Михайловны Павловой.)

О том, какое влияние имел молодой Ленин на своих сверстников, рассказывает тов. Д. Бушуев, учившийся с ним в Симбирской гимназии.

Повсюду, где только являлась возможность собраться: на гуляньях, прогулках, в садах, а зимнее время на катках,—мы собирались своим тесным кружком, где тов. Ленин ставил вопросы о демократии, о крепостном праве, о тяжелом состоянии рабочего класса, которые подвергались оживленной дискуссии.

Уже и тогда тов. Ленин имел всегда за собой большинство, умея доказать остальным правоту своего взгляда. Несмотря на то, что эти собрания носили случайный характер, они оставляли в умах и сердцах их участников неизгладимый след, часто в дальнейшем определявший их общественную работу. Следует указать, что когда на наших собраниях, по какимлибо причинам, отсутствовал Володя Ульянов, то его отсутствие сейчас же чувствовалось и отражалось на настроении и деятельности всего собрания, которое проходило вяло, безрезультатно, и мы обыкновенно, немножко потоптавшись, расходились ни с чем. Его исключительное влияние, полное организующей энергии, было тем стержнем, вокруг которого объединялась вся молодежь как в играх, так и при обсуждении серьезных вопросов. В этих кружках принимала участие молодежь—ученики всех сословий, все, кто попадал в поле зрения Володи Ульянова.

Так протекала наша жизнь до 1888 года, когда тов. Ленин уехал в Казанский университет и поступил на юридический факультет.

Нет никакого сомнения в том, что уже в эти молодые годы, еще на школьной скамье, зародилась у Ленина ненависть к дворянам-помещикам, к капиталистам, к самодержавному правительству. Его сердце на стороне брата, заточенного в Шлиссельбургской крепости. Брата ждет виселица: суд скорый и беспощадный. 19 мая того же года — через два месяца после ареста — Александр Ульянов был повешен в Шлиссельбургской крепости вместе со своими товарищами.

И с этих пор молодой Владимир Ульянов не переставал думать о том, как уничтожить этот проклятый самодержавный порядок. Конечно, не чувство мести им руководило. Но славные борцы «Народной Воли» и много лет спустя, когда он был уже

вождем движения, твердым учеником Маркса, вызывают в Ильиче глубокое уважение. Он видит в них настоящих революционеров, он некоторых из них ставит как образец для деятелей рабочей партии, позже, когда дает ответ организаторам нашей партии на вопрос: «Что делать?»

Кружку корифеев [1], — писал он позже, в 1902 году,—вроде Алексеева и Мышкина, Халтурина и Желябова [2],—доступны политические задачи в самом действительном, в самом практическом смысле этого слова, доступны именно потому и постольку, поскольку их горячая проповедь встречает отклик в стихийно пробуждающейся массе, поскольку их кипучая энергия подхватывается и поддерживается энергией революционного класса.

СТУДЕНЧЕСКИЕ ГОДЫ.

В 1887 г. Владимир Ильич кончил Симбирскую гимназию (получив по всем предметам высшую отметку, так что ему должны были выдать золотую медаль); однако, в столичный университет Ильича не пустили, боялись, как бы он не пошел по стопам брата, не захотел бы отомстить за смерть его и за мучение народа.

Сестра его, Анна Ильинична, так же объясняет то обстоятельство, что Владимир Ильич должен был поступить в Казанский университет.

Это произошло в год суда в Петербурге над старшим братом, Александром Ильичем, и казни его. Дело это произвело тогда огромное впечатление, и тучи от пронесшейся над семьей грозы спустились и над головами остальных ее членов. Естественно, что на следующего брата власти склонны были смотреть очень подозрительно, и можно было опасаться, что его ни в какой университет не пустят.

11 июля (29 июня) 1887 г. Ленин подал в Казанский университет прошение о зачислении его на юридический факультет. Так как о нем самом были даны самые лучшие отзывы директором гимназии, в которых указывалось, что Владимир Ильич воспитан в духе религии и послушания начальству, то 25 августа (13-го) он был принят в университет. В Казань переселилась тогда вся семья Ульяновых. Сначала Владимир Ильич поселился в доме, бывшем Ростовой на Первой Горе, а затем переехал на Ново-Комиссариатскую улицу, в дом Соловьевой.

Конечно, департамент полиции следил за малейшим шагом молодого Ульянова. Уже в августе месяце полиция замечает его сношения с революционерами того времени (кружок Федосеева).

Студенчество в то время составляло главную опору революционных организаций, откуда черпались новые силы. Поэтому на студенчество в то время смотрели очень подозрительно. После казни Александра II и покушения на жизнь Александра III еще сильнее увеличились притеснения студентов, подавление

[1]) Корифеи—выдающиеся люди-руководители.

[2]) Ткач Петр Алексеев, Ипполит Мышкин, Степан Халтурин (столяр) и Андрей Желябов—революционные деятели семидесятых годов.

среди них всякой свободной мысли. Университеты наводнялись шпионами, — чуть профессор или студент скажут какое-нибудь свободное слово — начальству уже известно. Обыски, аресты и высылки студентов были постоянным явлением. Но это же и будоражило наиболее честных среди них, толкало их на путь революции.

Анна Ильинична Елизарова рассказывает об этом времени:

Волна так называемых «беспорядков» прошла с ноября по всем университетам. Докатилась она и до Казани.

Студенты Казанского университета собрались 4-го декабря, шумно требовали к себе инспектора, отказывались разойтись; при появлении последнего предъявили ему ряд требований,—не только чисто студенческих, но и политических. Подробности этого столкновения, переданные мне в свое время братом, не сохранились в моей памяти. Помню только рассказ матери, ходившей хлопотать о нем, что инспектор отметил Володю, как одного из активных участников сходки, которого он видел в первых рядах, очень возбужденного, чуть не со сжатыми кулаками. Владимир Ильич был арестован на квартире с 4-го на 5-е декабря и просидел несколько дней с другими арестованными (всего сорок человек). Все они были высланы из Казани.

Владимир Ильич впоследствии вспоминал, как пристав, арестовавший его, старался на него повлиять, уговорить его, поставить на путь истинный. Он рассказывал об этом В. Адоратскому:

Видимо, приставу, судившему по наружности молодого студента, которому было тогда всего 17 лет, показалось, что этот молодой человек попал в историю случайно, благодаря «дурным влияниям» товарищей. Пристав заговорил:

— Ну что вы бунтуете, молодой человек, ведь стена.

Ответ, однако, получился совершенно неожиданный:

— Стена, да гнилая, ткни, и развалится,—отвечал Владимир Ильич.

Приставу оставалось только ужаснуться такой нераскаянности и закоренелости.

(«Пролетарская Революция», № 3 — 1924 г. «За 18 лет» — В. Адоратский.

Студент В. И. Ульянов был выслан в дер. Кокушкино, Казанской губ. (в 40 верстах от Казани).

Там он жил вместе с сестрою Анною под надзором полиции, его никуда не выпускали. Крестьяне села Кокушкина, где он жил и в детстве, вспоминают об этом времени:

В изгнании и угнетении жили они здесь. Не велено им было в городах-то жить. Началось это, когда, значит, слух пошел, что старший, Александр-то Ильич, погиб. Будто на реке Неве стояла такая машина. Его подвесили и сквозь эту машину пропустили головой. И остальных вскоре взяли под свой волчий глаз (Владимира Ильича и Анну Ильиничну). Мария Александровна очень даже тогда убивалась.

Анна Ильинична была приговорена незадолго перед этим к ссылке в Сибирь на 5 лет, но, по просьбе ее матери, ей заменили

ссылку в Сибирь гласным надзором полиции в деревне. Спустя некоторое время туда переселилась и мать Ленина.

Никаких соседей у нас не было,—рассказывает Анна Ильинична.— Провели мы зиму в полном одиночестве. Редкие приезды двоюродного брата да посещения исправника, обязанного проверять—на месте ли я и не пропагандирую ли крестьян,—вот и все, кого мы видели. Владимир Ильич много читал,—во флигеле был шкаф с книгами покойного дяди, очень начитанного человека, были старые журналы с ценными статьями; кроме того, мы подписывались в казанской библиотеке, выписывали газеты. Помню, какими событиями были для нас оказии из города и как нетерпеливо раскрывали мы заветный пещер (корзинка местной работы), содержащий книги, газеты и письма. Равно и обратно при оказии пещер нагружался возвращаемыми книгами и почтой. Связано у меня с ним и такое воспоминание. Один вечер все сидели за корреспонденцией, готовя почту. Мне бросилось в глаза, что Володя, обыкновенно почти не писавший писем, строчит что-то большое и вообще находится в некотором ажиотаже. Весь пещер был нагружен, мать с меньшим уже улеглась, а мы с Володей сидели еще по обыкновению. Я спросила, кому он писал. Оказалось, товарищу по гимназии, поступившему в другой, помнится, в один из южных университетов. Описал в нем, конечно, студенческие «беспорядки» в Казани, с очень резкими,—как выяснилось из рассказа,—выпадами по адресу инспектора и других властей предержащих и спрашивал о том, что было в их университете.

Я стала доказывать брату никчемность отправки такого письма, совершенно бесплодный риск новых репрессий (притеснений), которым он себя этим шагом подвергал. Но переубедить его было всегда не легко. Он находил мои опасения преувеличенными и не хотел менять решения. Тогда я указала ему на риск, которому он подвергает товарища, отправляя письмо такого содержания на его личный адрес.

Тут Володя призадумался, а потом довольно быстро согласился с этим последним соображением, пошел в кухню и вынул, хотя и с видимым сожалением, злополучное письмо.

Позднее, летом, я имела удовольствие слышать от него в одной беседе по какому-то случаю между ним и двоюродной сестрой полушутливое, полусерьезное заявление, что за один совет он мне благодарен. Это произошло после того, как он перечел провалявшееся несколько месяцев в его ящике письмо и подверг его уничтожению.

Кроме чтения, Владимир Ильич занимался в Кокушкине с младшим братом, ходил с ружьем, зимой на лыжах. Но это была его первая, так сказать, проба ружья, и охота была всю зиму безуспешная. Я думаю, что это происходило и потому, что охотником в душе, как другие два брата мои, он никогда не был.

Помню особенно ярко крутую, раннюю весну после этой, утомившей нас одинокой зимы,—первую весну, проводимую нами в деревне. Помню долгие прогулки и беседы с братом по окрестным полям под аккомпанимент (припев) неумолчно заливавшихся невидимых жаворонков в небе, чуть пробивавшуюся зелень и белевший по оврагам снег...

С осени 1888 года брату разрешено было поселиться с матерью в Казани, куда и переехала вся семья. Я оставалась еще некоторое время в деревне, но поздней осенью разрешено было переехать и мне. Квартира была снята в доме Орловой на Первой горе, недалеко от Арского поля, во флигеле. При квартирке был балкон и довольно живописный садик по горе. В первом этаже было почему-то две кухни, одну из которых занял Владимир Ильич вследствие большей изоляции этого помещения.

Тут он начал чтение «Капитала» Маркса, рассказывая мне с большим увлечением о прочитанном. Тут завел понемногу некоторые зна-

комства, но больше уходил сам, чем принимал у себя. Фамилий его знакомых я не помню. Он был все же довольно осторожен из внимания к матери. Исключительное мужество, с которым мать переносила несчастье с потерей брата Александра, вызывало удивление и уважение даже со стороны посторонних людей. Тем более чувствовали это мы, дети, ради которых, для забот о которых она страшным усилием воли сдерживала себя. Надежда Константиновна говорила мне, что Владимир Ильич рассказывал о том удивительном мужестве, с которым перенесла мать потерю брата, а позднее сестры Ольги.

Этот рассказ заставляет нас с некоторой осторожностью относиться к тому, что вспоминает «Старый Коммунар» о том, что Владимир Ильич уже был в это время настоящим марксистом. Однако, рассказ В. Бушуева, с которым Владимир Ильич учился в гимназии, вполне подтверждает, что общественные вопросы целиком занимали в это время голову молодого студента, Володи Ульянова.

Надобно еще отметить, что в сентябре 1888 г. Ленин пытался получить разрешение на выезд заграницу для окончания образования, но получил отказ от департамента полиции.

Поселившись снова в Казани, Ленин заводит связи с членами революционного кружка Федосеева и других, который занимался изучением социалистического учения Карла Маркса. Само собою разумеется, что Ленин был в это время на плохом счету у полиции, у жандармерии. С университетом у него очень не ладилось в это время. На просьбу разрешить ему держать экзамены при университете он получил отказ. И только в 1891 г. ему разрешили поехать в Ленинград (тогдашний Петербург), чтобы там сдать экзамены. Наконец, в 1891 г. Ленин сдал экзамены по юридическому факультету и получил звание «помощника присяжного поверенного». К этому времени, по свидетельству знавших его современников, Ленин вполне уже ознакомился с учением Маркса и сделался его верным и достойным учеником.

Эту свою подготовку Ленин получил отчасти в подпольных кружках, в которых он работал и в Казани, а затем в Самаре. Работа в подпольных кружках давала то ценное, что настоящий революционер именно там пробуждался, не уходил в простую учебу, а думал о том, как это учение направить на исправление того окружающего зла, о котором вели беседы в подпольном кружке.

В начале лета 1889 г. Ленин переехал с семьею в деревню Алакаевку, Самарской губернии, в 50 вер. от Самары. Это было как раз во-время. Не успел бы уехать Владимир Ильич из Казани, он был бы наверняка арестован вместе с членами революционного кружка Н. Е. Федосеева, с которыми он находился в сношениях. Об этих арестах он узнал уже в Алакаевке.

Осенью 1889 г. Ленин переехал в Самару, где продолжал изучать Маркса и в то же время готовился к государственным

Ленин в школьные годы (1887 г.).

экзаменам. Здесь он вступает в сношения с существовавшими тогда местными революционными кружками.

Вот что пишет о нем Голубева-Яснева, знавшая хорошо в это время Владимира Ильича:

Владимира Ильича я знаю давно: в 1891 году, когда я познакомилась с ним, *он был совсем еще молодым человеком, изучавшим Маркса и вообще страшно много работавшим над собою;* меня, помню, страшно изумила *его работоспособность необычайная. Но уже и тогда, в молодые годы, это был вылитый из стали Владимир Ильич, с готовым, продуманным, остроумным и метким ответом на устах.*

Эти слова тов. Голубева писала еще при жизни Ленина. Теперь, вспоминая о нем более подробно, тов. Голубева рисует нам Владимира Ильича как человека, у которого тогда уже сложились правильные взгляды по важнейшим вопросам революционной борьбы.

Познакомилась я с ним в 1891 году. Ему тогда только что исполнился двадцать один год. Был он исключен из Казанского университета, выслан из Казани и жил со своими родными в Самаре. Обычный костюм его в то время—ситцевая синяя косоворотка, подпоясанная шнурком, а обычное занятие—глубокое, серьезное, настойчивое изучение теории Маркса. В течение года я видала Владимира Ильича довольно часто, так как часто бывала в семье Ульяновых. Это был период, когда Владимир Ильич готовился к будущей роли вождя всемирной революции. Конечно, он не думал тогда, какую роль он будет играть в истории, нет—пытливый ум юноши Ульянова искал ответов на те жгучие вопросы, которые ставила ему жизнь, упорно искал—и скоро нашел.

Такой настойчивости, такого упорства в труде, какие были у Владимира Ильича уже в то время, я никогда ни у кого не видала. Я до самого последнего времени думала, что это были черты, присущие его характеру. И только недавно от сестры его, Анны Ильиничны, узнала, что на гимназической скамье Владимир Ильич не был особенно усердным мальчиком; это понятно: при его блестящих способностях ему все легко давалось; но уже в последних классах гимназии, по словам той же его сестры Анны Ильиничны, он задумывался над вопросом выработки в себе этого хорошего качества—упорства в работе; задумался, решил и выполнил блестяще. Целыми днями и вечерами сидел Владимир Ильич в своей комнатке, изучая Маркса; лишь изредка давал он себе отдых или играя в шахматы, или беседуя со своей маленькой сестрой, Марьей Ильиничной—Маняшей, как он звал ее тогда.

Изучение Маркса у Владимира Ильича не было оторванным от жизни. Рядом с Марксом на его столе лежали статистические сборники, в которых слабо, но все же отражалась русская действительность. Впоследствии, в 1894 году, питерские товарищи прозвали его «стариком» за его цитаты с цифрами. Знакомился он в тот период и с прошлым нашего революционного движения; ходил иногда беседовать со старыми народовольцами и народниками, осевшими после ссылки в Самаре. Интересовался и тем революционным течением, к которому принадлежала я (русских якобинцев-бланкистов [1]). Здесь я должна упомянуть об одном маленьком эпизоде, не осо-

[1]) Часть тогдашних революционеров придерживалась взглядов французского революционера Огюста Бланки на вопрос о захвате власти. Они считали, что для этого надо иметь строго замкнутую группу революционеров-заговорщиков. Они были уверены, что «народ» (под этим они объединяли и крестьян, и студентов, и рабочих, и интеллигенцию) готов к революции.

бенно лестном для меня, но характерном для Владимира Ильича: когда я с ним познакомилась (я старше его на девять лет), за мной был десятилетний опыт партийной работы, между прочим, по ведению кружков молодежи, и у меня, как у всякого профессионала, выработался определенный шаблонный подход к людям, в особенности к молодежи; с этим шаблоном я подошла и к Владимиру Ильичу и, что называется, наскочила. Я сразу же не то поняла, не то почувствовала, что этот юноша отмечен какой-то особой печатью и что не мне поучать его, а самой, быть может, придется у него поучиться.

Припоминая свои беседы с Владимиром Ильичем, я теперь еще более, чем раньше, прихожу к заключению, что у него уже тогда являлась мысль о диктатуре пролетариата. Недаром же в разговорах со мной Владимир Ильич так часто останавливался на вопросе о захвате власти (один из пунктов нашей якобинской программы). Насколько я помню, он не оспаривал ни возможности, ни желательности захвата власти, он только никак не мог понять, на какой-такой «народ» мы думаем опираться, и начинал пространно разъяснять, что народ не есть нечто целое и однородное, что народ состоит из классов с различными интересами и т. п. Вел Владимир Ильич за этот период и практическую работу: около него группировался кружок молодежи, перед которым он выступал с рефератами. (М. Голубева.— Последний караул. «Молодая Гвардия», № 2—3, апрель 1924 г.)

Таким вступал молодой Владимир Ильич Ульянов в жизнь. человеком твердых убеждений, начитанным, с ясным ответом на вопросы революции, с твердым, покоряющим окружающих характером. В нем, тогда еще молодом человеке, были все черты будущего вождя мировой революции и была та огромная сила, которая заставила его друзей дать этому молодому товарищу кличку «старик».

ДЕВЯНОСТЫЕ ГОДЫ.

К этому времени остатки партии «Народной Воли» были окончательно разбиты, и те, кто хотел бороться за освобождение трудящихся в царской России, стали вновь приглядываться к тому, какими силами можно добиться их освобождения. Надежда на крестьянские бунты, которые подымались время от времени, в прежние годы, там, где крестьяне теряли всякое терпение и шли на смерть, делали отчаянные попытки сбросить власть помещиков, — эта надежда не давала исхода, да и сил таких не было, чтобы эти отдельные крестьянские вспышки соединить в одно могучее движение. Бороться в одиночку, как боролись с бомбами и револьверами народовольцы,— в успех такой борьбы тоже почти никто не верил. Еще крепче стянули узду на шее рабочего и крестьянина, при безмолвии в стране еще тяжелее становилось жить. А рабочий класс, городской пролетариат, уже выходил на самостоятельную дорогу борьбы, и все чаще и чаще стали появляться у нас люди, которые видели в городском рабочем классе фабрично-заводских рабочих ту самую силу, которая должна встать впереди освободительного

движения и повести всех трудящихся на бой с царским режимом, с властью капиталистов и помещиков.

И даже один из уцелевших народовольческих кружков, который имел в Петербурге свою тайную типографию (печатный станок), в это время стал помогать тем, кто вел революционную работу среди рабочих и печатал в своей типографии для них листки и книжки. Но далеко не все прежние революционеры понимали, какой переворот происходит в это время у нас в России.

Еще в конце семидесятых годов, а именно в 1875 г. на юге России создалась большая рабочая организация «Южный Русский Рабочий Союз». Этот Союз ставил себе задачей — завоевание политической свободы. Он правильно понимал, что без этого нельзя рабочим организоваться и добиться экономического переустройства. Большинство участников этого Союза было вскоре арестовано и сама организация распалась. Но в 1878 г. в Питере создалась уж другая организация — «Северный Союз Русских Рабочих». Организаторами этого Союза, его устроителями были уже не интеллигенты, а рабочие: слесарь Виктор Обнорский и столяр Степан Халтурин. Они правильно считали, что этот Союз является уж началом всероссийской рабочей организации. Им удалось вскоре привлечь в свой Союз до 200 передовых рабочих. Они выпустили «Воззвание к русским рабочим». В этом воззвании Северный Союз указывал главную свою задачу— уничтожение настоящего экономического устройства и передачу всех средств производства и орудий производства рабочим артелям. Этот Союз правильно понимал, как нужно соединить борьбу за политическую свободу с борьбой за экономическое переустройство общества. Поэтому в первую очередь Союз считал необходимым завоевание политической свободы. Этот Союз послужил толчком к дальнейшей организации рабочих. Революционерам после этого легче было находить передовых рабочих, которые уже понимали, как надо бороться, за что надо бороться.

Ясно теперь, отчего же именно в это время такой успех имело учение Маркса.

В России происходило быстрое развитие капитализма благодаря тому, что иностранные капиталисты, которым тесно было заграницей, стали вкладывать свои капиталы в разные фабрики и заводы, в строительство железных дорог у нас в России. Это повело к увеличению и к расширению фабрик и заводов, к собиранию огромных масс рабочего населения в города к фабрикам и заводам. Это повело к тому, что пролетариат у нас за эти годы значительно окреп и вместе с тем, как это всегда бывает при быстром развитии капитализма, рабочие стали сознавать свое тяжелое положение и искать совместно способов улучшить это положение. В этих своих поисках справедливости, в этих своих попытках улучшить свое положение рабочий класс сталкивался

не только с классом капиталистов, но и с правительством царским, которое выражало волю этих капиталистов. Рабочий класс становился революционным. Для тех, кто понимал правильно развитие общества, для марксистов, учеников Карла Маркса, было ясно, что рабочий класс становится той силой, которая сможет победить царское самодержавие и перестроить общество. Один из умнейших марксистов того времени Георгий Валентинович Плеханов поэтому правильно выразил надежду на будущую пролетарскую революцию. Он сказал: «революция в России победит, как революция рабочего класса, или она никогда не победит».

Но, с другой стороны, у нас много было в то время образованных людей, которые сознавали, что надо в России изменить порядки, поубавить власти у царя и у помещиков, побольше дать силы новому классу фабрикантов, заводчиков и других капиталистов. На место дворянства шла новая буржуазия, — торговая, промышленная и денежная (финансовая).

Вот этот-то новый класс, который стремился к власти, и выделил образованных людей, которые тоже искали силу, посредством которой можно было бы урезать помещиков и царя, добиться конституции, устроить что-нибудь вроде английского буржуазного государства, или как в Америке или во Франции: на словах была бы свобода и даже демократическая республика, а на деле — власть капиталистов. И видели эти люди, что, действительно, рабочий класс городов, фабрик и заводов скоро будет представлять собою большую силу.

И действительно, мы видим, как начинаются организованные забастовки на фабриках и заводах. Сначала рабочие выставляют только требования одной фабрики, одного завода; но когда они убеждаются, что из этого ничего не выходит, что их в одиночку легко разбивают и подавляют, тогда передовые рабочие разных фабрик и заводов начинают сговариваться между собою насчет общей борьбы, насчет общих требований. Они приходят скоро к мысли, что у рабочих разных фабрик и заводов есть *один общий интерес, общие требования.* Они начинают поддерживать друг друга; стачки становятся уже не выступлением одной какой-либо фабрики из-за своей собственной обиды и недовольства, а *выступлением рабочего класса, пролетариата.* Естественно, начинают обдумывать правильный план борьбы, *программу.* И вот они узнают, что в Западной Европе, в передовых странах капитализма, там тоже развивается рабочее движение вследствие таких же причин, как и в России. Они узнают про учение Карла Маркса и Фридриха Энгельса, про научный социализм, про коммунизм. Именно потому, что в это время у нас стал очень сильно развиваться капитализм и, вместе с тем, стало развиваться рабочее движение, получило у нас большое распростране-

ние учение Карла Маркса. Оно не с неба свалилось, а само явилось, как бы подытоживанием, подсчетом борьбы рабочего класса в разных странах, намечало правильный путь и законы развития общества.

Но учение научного социализма, учение Карла Маркса попадало на разную почву. Одни, как Владимир Ильич Ленин, видели, что это учение есть могучее оружие для освобождения рабочего класса. Учение Маркса заключалось в том, что буржуазное капиталистическое государство неизбежно воспитывает и создает революционный класс народа, пролетариат; и этот пролетариат вынужден самым своим экономическим положением бороться с капиталистами. Учение Маркса указывает ему и цели этой борьбы: уничтожение власти капитала, захват государственной власти (диктатура пролетариата), захват всех средств и орудий производства (банков, фабрик, железных дорог, рудников и проч.). Учение Маркса заключается в том, что рабочий класс должен для этого соединиться в одну партию для такой борьбы. В этой своей борьбе он ничего не потеряет, кроме цепей капиталистического рабства, а завоевать он должен целый мир. В этой борьбе он привлекает на свою сторону и другие классы, например, крестьян, особенно бедноту крестьянскую, деревенский пролетариат и полупролетариат. Там, где не уничтожены остатки крепостничества (как это было у нас), рабочий класс их уничтожает в своей борьбе. Рабочий класс утверждает свое господство не для того, чтобы властвовать, не для власти, а для того, чтобы уничтожить всякое господство, всякую власть, перестроить так общество, чтобы все народы сами могли управляться, чтобы все хозяйство было общественным. Конечно, для этого нужны годы и десятки лет упорной борьбы и упорной работы, — это надо для того, чтобы в конце концов беднейшее крестьянство и крестьяне-середняки поняли, что для них такой порядок, такой общественный строй выгоднее. Таково учение Маркса.

Образованные люди из буржуазии понимают, что это учение правильное. Многие из капиталистов очень хорошо знают, что это действительно так, но на то это и буржуазия, чтобы бороться против рабочего класса. Поэтому буржуазные ученые старались изо всех сил доказать, во-первых, что Маркс никуда не годный ученый, что все, что он написал — пустая брехня, — это делают одни профессора и писатели из буржуазии. А другие стараются с другого конца обойти учение Маркса и рабочий класс. Они говорят: учение Маркса правильно, но не совсем, и к России оно неприменимо. В России, дескать, совсем особые условия; рабочий класс — где он? У нас такой силы он не имеет и не может иметь как в других странах. Пути развития нашего не такие, как в других странах; построить рабочую партию самостоятель-

ную у нас нельзя; буржуазия, дескать, у нас тоже не такая, как на Западе: хорошая, дескать, у нас буржуазия; желает, дескать, добра рабочему классу и крестьянству. Поэтому они старались исфальшивить учение Маркса, исказить его, подделать так, чтобы обломать острые зубы у этого учения, сделать его безвредным, ручным, удобным. Для этого царское правительство разрешило им даже печатать журналы, где они занимались подобной подделкой под учение Маркса. Например, «*Коммунистический Манифест*» Маркса и Энгельса, где Маркс и Энгельс, основатели научного социализма, призывают к прямой борьбе против капиталистов, *правительство не разрешало печатать, а вот критиковать учение Маркса, ругать учение Маркса, всячески его урезывать — это царское правительство разрешало сколько угодно.*

Надо иметь в виду, что ученики Маркса видели неизбежность развития в России капитализма, что отрицали в это время народники в своих статьях. Все эти марксисты, хотя даже совсем не революционные, как Струве, Туган-Барановский и другие, доказывали, поэтому, что капитализм в России будет развиваться неизбежно, — хотят ли этого или не хотят народники или кто бы то ни было. Так как все предыдущее поколение революционеров воспитывалось на народнических взглядах, считалось народниками, то правительство сквозь пальцы смотрело на то, что пишут в разрешенных правительством (легальных) журналах ученики Маркса в своих статьях *против* народников. Конечно, в этих журналах *последовательные* ученики Маркса, *настоящие* революционные марксисты принимали участие. Им было гораздо труднее писать, они должны были замаскировывать свои мысли очень искусно, так, чтобы проскочить через игольные уши цензуры (т.-е. царских надзирателей за тем, что печатается). Однако, *кое-что* удавалось им в этих легальных марксистских журналах протаскивать. Но господа Струве, Туган-Барановский и другие, которые занимались подделкой «*под Маркса*», влияли и на часть революционных марксистов. Потому у нас даже в рабочих кружках были люди, сбитые с толку этими господами. Сбитые с толку, они стали на путь экономизма, т.-е. считали, что дело рабочего класса — вести экономическую борьбу, добиваться тех или иных экономических уступок от капиталистов, а политическую борьбу должна вести только передовая буржуазия, которую выдвигает развивающееся капиталистическое общество. Эти мысли развивались в журналах экономистов: «Рабочее Дело», «Рабочая Мысль». И с этими мыслями Ленину пришлось выдержать с самого начала жесточайшую борьбу, так же как со всякой попыткой изуродовать, исказить, неверно изобразить мысли Маркса в легальных (разрешенных правительством) журналах.

Когда Ленин был уже в ссылке, несколько человек из этих извратителей Маркса — в числе их Е. Кускова и Прокопович —

написали нечто вроде «символа веры» экономистов. Так он и назывался по-латыни «Кредо» («Credo»), т.-е. «верую», как начинается этим словом символ христианской веры. И вот в этом-то символе веры экономисты договорились до таких вещей, которые, конечно, Ленин считал чрезвычайно вредными для дела рабочего класса. Получив этот «символ веры» позднее в сибирской ссылке, он собрал нечто вроде съезда ссыльных марксистов, бывших членов Союза борьбы за освобождение рабочего класса и вместе они составили ответ на этот символ веры — протест, который был потом напечатан в России и заграницей, широко распространен и помог передовым рабочим разобраться в неверных взглядах экономистов. В символе веры Кускова, Прокопович и другие горе-марксисты подхватили то, что в Западной Европе говорили в то время враги революционного марксизма, так называемые *«ревизионисты»*, т.-е. те, которые занимались ревизией, пересмотром, искажением, подделкой революционного учения Маркса. Шаг за шагом ответ, составленный Лениным, разбирает эти неверные взгляды, разбивает их. Ленин пишет в этом ответе:

Собственная программа авторов «Кредо» (то-есть символа веры) клонится, очевидно, к тому, чтобы рабочий класс, идя по линии «наименьшего сопротивления», ограничивался экономической борьбой, а либерально-оппозиционные элементы боролись при участии марксистов «за правовые формы». Осуществление подобной программы было бы равносильно политическому самоубийству русской социал-демократии, равносильно громадной задержке и принижению русского рабочего движения и русского революционного движения (два последние понятия для нас совпадают).

А кроме этого была и третья порода образованных людей, которые искренне считали себя друзьями народа. Но они неспособны были понять революционное учение Маркса, вперед не умели смотреть, не могли видеть, как и куда развивается наша Россия, и все думали, что мы — самобытники, совсем особый народ, совсем по-особому устроенный и что удастся нам обойтись без такого развития капитала, как в других странах. Когда им говорили: обратите внимание на рабочий вопрос, они спрашивали: «А разве у нас есть рабочий вопрос?». «Это только в других странах, в Германии, в Англии есть революционный рабочий вопрос, а у нас этого нет», — говорили народники.

У нас, говорили народники, споря против нас, марксистов, и буржуазии-то настоящей нет. И думали народники, что впереди всех в революции пойдет крестьянство.

Вот в этой-то обстановке и начал работать Владимир Ильич, и своим орлиным, далеко видящим взором посмотрел кругом и увидел: подымается на борьбу новая сила — рабочий класс фабрик и заводов.

На Владимира Ильича все эти писатели и образованные люди смотрели, как на дерзкого человека, который смеет спорить с ними, стариками, и учить их. А Владимир Ильич раскрывал им своими меткими, спокойными ударами суть их мысли и доказывал, что у них за словами «народ», «воля народа» и другими подобными красивыми словами ничего хорошего для народа нет.

Владимир Ильич оставил очень глубокий след в Самаре. Вскоре там образовался большой прочный кружок, куда входило много видных впоследствии революционеров - марксистов, А. П. Скляренко, И. Х. Лалаянц (Инсаров) и другие, и куда стекались из разных городов послушать новое учение. Одно время там издавалась даже газета, в которой проводилось учение Маркса («Самарский Вестник»).

В октябре 1891 г. Владимир Ильич снова обратился к царскому правительству за разрешением выехать заграницу. Но ему в этом было отказано.

К этому времени относится чрезвычайно интересный рассказ брата Владимира Ильича — Димитрия. Ильич как-то переезжал на пароме через Волгу. И вот увидел, как арендатор перевоза, богатый кулак, самовольно арестует всех лодочников. Он потребовал составления протокола и подал в суд на незаконные действия кулака. Конечно, кулак, где надо, подмазал, и дело затягивалось да откладывалось. Но Ильич был уже тогда кремневым человеком: за что взялся, добьется своего, не отступится. В осеннюю слякоть трясся по проселочной дороге на суд, но все-таки сумел доказать незаконные поступки кулака и добиться того, что кулака посадили в тюрьму на месяц. Многие, видя, сколько хлопот это дело причиняет Ленину, советовали ему бросить тяжбу. Но Ленин не бросил и добился наказания кулака.

В Самаре же осенью Ленин пишет работу: «Новые хозяйственные движения в крестьянской жизни». Он читает доклады об учении Маркса не только в местных кружках, но и в других городах Поволжья. В этом же году осенью он читает доклад в Нижнем-Новгороде.

РАБОТА В ПЕТЕРБУРГЕ. „СОЮЗ БОРЬБЫ ЗА ОСВОБОЖДЕНИЕ РАБОЧЕГО КЛАССА“. „ЧТО ТАКОЕ ДРУЗЬЯ НАРОДА“. ПЕРВАЯ ПОЕЗДКА ЗАГРАНИЦУ. АРЕСТ. ЖИЗНЬ В ТЮРЬМЕ.

Осенью 1893 г. Владимир Ильич переехал в Петербург, к этому времени он был уже вполне оформленным руководителем революции.

Зимой 1893 г. на Рождестве Владимир Ильич приезжал в Москву, и вот что рассказывает об этом приезде сестра его Анна Ильинична: «В какой-то студенческой квартире на Малой

Бронной улице, в доме Гирша, устроено было собрание, на котором выступал с докладом известный в это время писатель-народник В. П. Воронцов. Этот Воронцов доказывал в своих книгах, что в России невозможно развитие капитализма. Последствия показали, что это было совершенно неверно. Но в то время В. П. Воронцов считался видным ученым, студенты и другие образованные люди из народников верили ему. Поэтому, когда выступил двадцатитрехлетний Владимир Ильич против этого, уже лысого, почтенного писателя, многие смотрели на это выступление, как на мальчишескую дерзость». Но Владимир Ильич «смело и решительно, со всем пылом молодости и силой убеждения, но также вооруженный и знаниями, стал разбивать учение народников, не оставляя в нем камня на камне, и враждебное отношение к этой «мальчишеской дерзости» стало сменяться постепенно, если не менее враждебным, то уже более уважительным отношением» . . . «Впечатление, произведенное речью Владимира Ильича, было громадное. О нем говорили, как о новой звезде, появившейся на горизонте (небосклоне), одни с удовольствием и удовлетворением, другие с завистью и оглядкой — что, мол, из этого будет. Многих из присутствовавших молодых товарищей Владимир Ильич тогда же переубедил и заставил их изучать Маркса».

Еще большее влияние Владимир Ильич оказал в Петербурге. В 1894 г. Владимир Ильич вступил в петербургский кружок пропагандистов социал-демократов, который назывался «Центральной группой для руководства рабочим движением». А рабочее движение в это время уже развивалось довольно широко. 1 мая 1891 г. питерские рабочие устроили уже тайное собрание. На этом тайном собрании один из питерских рабочих говорил: «Будем учиться объединяться сами, товарищи, будем объединяться в сильную партию, будем, братья, сеять это великое семя с восхода до захода солнца, во всех углах нашей земли.»

Владимир Ильич с рабочими, В. Шелгуновым, И. В. Бабушкиным, Борисом Зиновьевым и другими, создает целый ряд кружков. В. Шелгунов и Бабушкин были одними из самых выдающихся рабочих того времени. Шелгунов все силы, все время свое отдавал рабочему движению, знал хорошо все рабочие районы Питера (Ленинграда), и питерские рабочие его хорошо знали. С помощью группы передовых рабочих удалось создать много кружков, выбрать от рабочих районов представителей и положить начало организации, которая в 1895 г. превратилась в *«Союз борьбы за освобождение рабочего класса»*.

Одна из участниц этого Союза, З. Кржижановская, рассказывает об этом времени:

Познакомилась же я с Владимиром Ильичем лишь в 1893 году, осенью, когда он приехал в Питер и тотчас приступил к деятельному

отысканию всех социал-демократических связей. Он быстро ориентировался (т.-е. разбирался) во всех имеющихся в то время группировках и вступил в тесные отношения с группой технологов-социал-демократов, через которую и получил главным образом связи с питерскими рабочими [1]).

Восторженные о нем отзывы товарищей я услышала раньше, чем увидела его первый раз, когда он читал нам свой реферат (доклад) «О рынках».

Быстрый и самособранный, с чуть насмешливым и острым глазом, через край полный энергией и жизнью,—он и тогда был, как искра. Реферат его «О рынках» и брошюра «Что такое друзья народа» сразу выявили его масштаб. Определенность линии, глубина анализа (исследования), огромная эрудиция (научность, начитанность) как по части теории Маркса, так и окружающей русской действительности в соединении с неукротимой революционной энергией, огромной работоспособностью быстро обеспечили ему громадное влияние среди товарищей, и он естественно, как-то само собой, становится центром и главой группы.

Очень скоро он убеждает товарищей в необходимости изменения тактики, в необходимости перехода от узких форм пропаганды к широкой агитации среди масс, к захвату этих масс, к вовлечению их в активную борьбу с существующим строем как экономическим, так и политическим.

И тогда же, по-моему, выявились уже *три* основные линии его работы. Это, *во-первых*, борьба с враждебной идеологией, затемняющей сознание рабочего класса, борьба страстная, резкая, беспощадная. *Во-вторых*, создание крепко сколоченной организации, связанной единством теоретической и тактической линии. И, *в-третьих*, установление самой широкой связи с рабочими массами, возможное сближение с ними путем изучения их жизни, запросов, интересов. Отсюда переход к новой тактике, к таким новым приемам революционной деятельности, как листки, газета, популярные брошюры.

И он не только прокламирует (т.-е. провозглашает) эти основные линии, а с присущей ему бурной стремительностью проводит их на практике. Он пишет брошюру «Что такое друзья народа», выступает на собраниях народников, где жестоко и неожиданно для них их побивает. Он заводит связи и производит подбор единомышленников среди нарождающихся повсюду, хотя и очень малочисленных, социал-демократических группировок (Питер, Москва, Нижний, Самара). Он пишет листки, брошюру «О штрафах», ведет рабочие кружки.

В организации, в создании этого Союза Владимир Ильич принимал действительно с самого начала очень большое участие. Надо было вести борьбу с теми, кто не верил в успех рабочего движения, и с теми, кто не понимал задач рабочего движения, кто стремился совлечь это движение с правильного пути. Осенью 1894 г. решено было перейти к массовой работе, и Владимир Ильич в январе 1895 г. написал первую листовку по поводу стачки на Семянниковском заводе. Тов. Шелгунов рассказывает, какое огромное значение имело то, что они откликались тогда на всякую забастовку, на всякое проявление недовольства, отмечая в своих листовках то, что рабочие чувствовали особенно сильно, с чем они сталкивались на каждом шагу. От этих мелочей они посте-

---

[1]) В составе группы в то время были: С. Радченко, Г. Кржижановский, В. Старков, Г. Красин, П. Запорожец, А. Ванеев, М. Названов, А. Малченко, М. Сильвин, Н. Крупская, А. Якубова и я.

пенно переходили к пониманию более глубоких причин тяжелого положения рабочего класса.

Владимир Ильич в это время написал очень серьезную книгу: *«Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов»*. Эту книгу он написал в ответ на статьи известных в то время писателей-народников Н. К. Михайловского, Кривенко и других, которые в журнале «Русское Богатство» воевали против учеников Маркса. Михайловский искренне себя считал другом народа, так же как и другие писатели из «Русского Богатства»,— Карышев, Южаков, Кривенко и другие. Вместе с тем они приносили вред и рабочим и крестьянам тем, что не понимали, как развивается и в какую сторону развивается хозяйство России. Они думали, что можно криками да жалобами остановить развитие капитализма, образование пролетариата и крупной промышленности. Они думали, что можно восстановить какими-нибудь поправочками да подпорочками разрушенное крестьянское хозяйство. И вот в этой книге, которая печаталась тогда не в типографии даже, а на гектографе (студень такой особый из желатина и глицерина, на котором в прежнее время печатали тайные листки), Владимир Ильич разъясняет учение Маркса, показывает, что только оно открывает правильную дорогу борьбы. В этой книге он показал, что хорошие разговоры народников-писателей о народе на самом деле вредят народу. Он показал, что развитие капитализма остановить нельзя, а надо его изучать, вскрыть законы капитализма, найти и организовать те силы, которые способны его разрушить.

Надо иметь в виду, что Н. К. Михайловский считался в то время «властителем дум» интеллигенции, особенно среди студенчества. Когда-то он имел даже отношение к партии «Народной Воли». Понятно, поэтому, каким негодованием была встречена работа Ленина. А между тем в этой ранней своей работе Ленин прямо-таки гениально наметил основные мысли ленинизма, которые он впоследствии развил в своих сочинениях и защищал в жизни.

Отвечая народнику Михайловскому, Ленин давал тем самым ответ всей читающей России. Ленин писал в этой книге по поводу международных столкновений и войн:

...Нет иного средства борьбы с национальной ненавистью, как организация и сплочение класса угнетенных для борьбы против класса угнетателей в каждой отдельной стране, как соединение таких национальных рабочих организаций в одну международную рабочую армию для борьбы против международного капитала.

Что должны делать революционеры в России?

Примкнуть к этой борьбе пролетариата с буржуазией, борьбе неимущих классов против имущих, которая составляет главное содержание экономической действительности России, начиная от глухой деревушки и кончая новейшей усовершенствованной фабрикой.

Как примкнуть?

Естественно, что социал-демократы (так назывались тогда ученики, последователи Маркса) обратили все свое внимание и все надежды на этот класс, что они свели свою программу к развитию классового самосознания, направили всю свою деятельность к тому, чтобы помочь ему подняться на прямую политическую борьбу против современного режима и втянуть в эту борьбу весь русский пролетариат.

Народники упорно закрывали глаза на то, что действительно происходило в жизни народа, они думали, или делали вид, что можно как-то отчураться от развития капитализма, обойти его. Ленин, поэтому, решительно вскрывает вред такого взгляда. Он указывает, что

социалистическая интеллигенция только тогда может рассчитывать на плодотворную работу, когда покончит с иллюзиями (т.-е. самообманом) и станет искать опоры в действительном, а не желательном развитии России, в действительных, а не возможных общественно-экономических отношениях.

Ленин поэтому советует заняться серьезным изучением того положения крестьян, рабочих, помещиков и капиталистов, из которого рождается борьба классов. Он всегда подчеркивал, что каждый марксист должен по мере своих сил *изучать* вопрос, а не надеяться на то, что он все знает, все понимает; но Ленин вовсе не учил нас зарыться в книжную мудрость так, чтобы не видеть того, что делается в жизни.

Этим подчеркиванием необходимости, важности и громадности теоретической работы социал-демократов я вовсе не хочу сказать, чтобы эта работа ставилась на первое место перед *практической*, тем менее, чтобы вторая откладывалась до окончания первой.

Конечно, если задача социалистов полагается в том, чтобы искать «иных (помимо действительных) путей развития» страны, тогда естественно, что практическая работа становится возможной лишь тогда, когда гениальные философы откроют и покажут эти «иные пути». И наоборот: открыты и показаны эти пути—кончается теоретическая (научная) работа и начинается работа тех, кто должен направить «отечество» по «вновь открытому» иному пути. Совсем иначе обстоит дело, когда задача социалистов сводится к тому, чтобы быть идейными руководителями пролетариата в его действительной борьбе против действительных настоящих врагов, стоящих на *действительном* пути данного общественно-экономического развития. При этом условии теоретическая и практическая работа сливаются вместе, в одну работу, которую так метко охарактеризовал ветеран (старый боец) германской социал-демократии Либкнехт словами: «Учиться, пропагандировать, организовать». («Что такое друзья народа», Н. Ленин.)

Ленин в этой ранней работе намечает и *тактическую линию нашей партии, то-есть линию поведения по отношению к разным другим классам и партии, способы борьбы.*

Как впоследствии он резко выступал против партии эсэров особенно за то, что они свою мелкобуржуазность прикрывают флагом и словами социализма, так и тогда он считал, что «мелкобуржуазные теории (учения) являются *безусловно* реакционными (то-есть контр-революционными), *поскольку* они выступают в качестве социалистических теорий».

Но это не избавляет нас от обязанности определить свое отношение к тому, чего добивается мелкая буржуазия (например, крестьянская).

Но если мы поймем, что на самом деле ничего социалистического тут нет, то-есть все эти теории безусловно не объясняют эксплоатации трудящегося и потому абсолютно не способны послужить для его освобождения, что на самом деле все эти теории отражают и приводят интересы мелкой буржуазии,—тогда мы должны будем иначе отнестись к ним, должны будем поставить вопрос: *как следует отнестись рабочему классу к мелкой буржуазии и ее программам?* И на этот вопрос нельзя ответить, не приняв во внимание двойственность характера этого класса (у нас в России эта двойственность особенно сильна вследствие меньшей развитости антагонизма (т.-е. борьбы, противоположности) мелкой и крупной буржуазии). Он является прогрессивным (передовым), поскольку выставляет общедемократические требования, т.-е. борется против каких бы то ни было остатков средневековой эпохи и крепостничества; он является реакционным (контрреволюционным, отсталым), поскольку борется за сохранение своего положения, как мелкой буржуазии, стараясь задержать, повернуть назад общее развитие страны в буржуазном направлении.

Поясню на примере, каким образом полное отрицание мещанских теорий марксистами не только не исключает демократизма в их программе, а, напротив, требует еще более настоятельного настаивания на нем. Выше указаны были три основные положения, на которых выезжали всегда представители мещанского социализма в своих теориях: малоземелье, высокие платежи, гнет администрации.

Социалистического ровно ничего нет в требовании устранения этих зол, ибо они нимало не объясняют экспроприации (т.-е. того, каким образом капиталист отнимает прибавочную стоимость у рабочего и землю или кабальную ренту у крестьян. *Е. Я.*), и устранение их нимало не затронет гнета капитала над трудом. Но устранение их очистит этот гнет от усиливающих его средневековых ветошек, облегчит рабочему прямую борьбу против капитала и потому в качестве демократического требования встретит самую энергичную поддержку рабочих. Платежи и налоги—это, говоря вообще, такой вопрос, которому в состоянии придавать особую важность только мелкие буржуа, но у нас платежи с крестьян представляют из себя во многих отношениях простое переживание крепостничества: таковы, например, выкупные платежи, которые должны быть немедленно и безусловно отменены; таковы те налоги, которые падают только на крестьян и мещан и от которых свободны «благородные». («Что такое друзья народа», Н. Ленин.)

К сожалению, вторая часть этой замечательной работы Владимира Ильича потеряна и до сих пор не найдено ни одного оттиска. Уже в этой ранней работе Ленин - писатель встает во весь свой гигантский рост, обнаруживает огромную начитанность, острый критический ум, ширину охвата вопроса. Книга была написана в апреле 1894 г.

А осенью 1894 г. Ленин читает уже новую свою работу в квартире Классена: «Экономическое содержание народничества и критика его в работе Струве». Петр Струве был тоже марксистом. Но уже тогда Ленин видел, что этот профессор отойдет от революции, изменит ей, так как Струве смотрел на рабочий класс только как на средство для достижения целей, какие ставила себе часть передовой буржуазии.

Весною 1895 г. выходит сборник статей под заглавием: «Материалы к характеристике народного хозяйства России». В составлении и редактировании этого сборника Ленин принимает деятельное участие совместно с П. Б. Струве, Потресовым, Классеном, Радченко, Старковым. Тов. Кржижановская вспоминает, что

весной 1895 года Владимир Ильич серьезно захварывает воспалением легких. До приезда его матери мы установили некоторого рода дежурство у него. Лежа в постели, он изучает третий том «Капитала», комментирует (т.-е. толкует) его и всячески вовлекает нас в его изучение.

В конце апреля 1895 г. Владимиру Ильичу разрешили, наконец, выехать на время заграницу. Не на отдых он поехал туда, а для того, чтобы войти в связь с жившими в изгнании тогдашними революционерами, учениками Маркса, Георгием Плехановым, Павлом Аксельродом и Верой Засулич и др. Эти товарищи в 1883 г. образовали заграницей первое русское революционное общество учеников Маркса, Группу «Освобождение Труда» (социал-демократов, как их тогда называли), издавали там, заграницей, революционные книжки, переправляли их тайком в Россию через границу. Вот для связи с ними и поехал в Швейцарию Владимир Ильич, а также для того, чтобы обсудить с ними, как дальше действовать. Эти люди считались в то время и действительно были настоящими революционерами. Плеханов считался учителем тогдашних марксистов. Его книги и статьи имели очень большое значение для первых шагов рабочего движения. Владимир Ильич *на всех на них произвел очень большое впечатление.* Павел Аксельрод говорил тогда: «До сих пор у нас не было в России человека, который соединял бы знание теории (учения) Маркса с практическими качествами организатора. Такой человек теперь у нас есть: это — будущий вождь рабочего движения, Владимир Ильич Ульянов-Ленин». Аксельрод был очень скуп на похвалы, и такая оценка в то время имела большое значение. Владимир Ильич обсудил с Группой «Освобождение Труда» все главные вопросы относительно дальнейшей работы, наладил перевозку через границу революционных книжек и газет и в сентябре 1895 г. вернулся обратно в Питер и в это время окончательно сорганизовал, вместе с другими товарищами, *«Союз борьбы за освобождение рабочего класса».*

Во время своей заграничной поездки Владимир Ильич побывал в Париже и Берлине, посещал там рабочие собрания, присматривался к постановке работы в рабочих массах. Точно так же он познакомился и с иностранной литературой по вопросам учения Маркса. Пробыл он заграницей с апреля по сентябрь месяц. В сентябре 1895 г. он вернулся из-за границы сначала в Москву, потом в Питер. Из-за границы он тайком (контрабандой) перевез чемодан с запрещенной социал-демократической литературой (книгами, газетами).

«Возвратился он,—рассказывает З. Кржижановская,—торжествующий и веселый. Завязаны крепкие связи с Группой «Освобождение Труда», привезена нелегальная литература и первый мимеограф в двойном дне чемодана, так необходимый нам при новой тактике (мимеограф — аппарат для печатания).

Осень 1895 г. была оживленная и стремительная. Разработан был впервые организационный план работы, произведена разбивка сил на районы, выделена центральная редакционная группа, начато издание газеты «Рабочее Дело». Главным инициатором — зачинщиком всего «Старик»—Ильич.»

Тогда же, в сентябре месяце 1895 г. Ленин объехал крупнейшие центры рабочего движения (Вильно, Москву, Орехово-Зуево) с целью создать единство работы в духе революционного учения Маркса. И действительно, мы видим в последующие годы, как в разных городах вырастают «Союзы Борьбы».

* * *

Журнал «Рабочее Дело» был уже набран и почти напечатан, когда полиция решила покончить с существованием «Союза Борьбы» путем массовых арестов. В ночь с 8 на 9 декабря 1895 г. были произведены аресты, захватившие почти всех главных деятелей «Союза Борьбы». Долго выслеживала полиция по пятам Владимира Ильича, а он лихорадочно, горячо работал, то в рабочих кружках, то в поездке, то за писанием статьи, листовки, то за обсуждением планов дальнейшей борьбы. Он очень любил рассказывать, как однажды обманул своих соглядатаев.

Заметив шпионов в воротах дома, из которого выходил, он юркнул в парадный подъезд того же дома и потешался оттуда заметавшимися в поисках его соглядатаями, а кто-то из проходивших с удивлением поглядел на него, сидевшего в кресле швейцара и покатывающегося со смеху. («Пролетарская Революция», № 3, 1924 г.—«Владимир Ильич в тюрьме» А. И. Елизарова.)

Очень интересны эти воспоминания А. И. Елизаровой о жизни Владимира Ильича в тюрьме.

«Владимир Ильич был арестован 9 декабря старого стиля 1895 г. Месяца полтора до этого я с матерью были у него в Петербурге. Он жил тогда в Большом Казачьем переулке—вблизи Сенного рынка—и числился помощником присяжного поверенного.»

Очутившись в тюрьме, Владимир Ильич сейчас же принялся за работу. Во-первых, он разработал план большого научного труда, который он начал в тюрьме в июне 1896 г.: «Развитие капитализма в России». Этот труд он затем продолжал в ссылке и закончил его только в конце ссылки. (Появилось в печати в апреле 1899 г.)

Затем он завязывает сейчас же через сестру Анну Ильиничну связи с друзьями, тайными путями передает ей письма, статьи и воззвания и таким образом продолжает помогать «Союзу

борьбы за освобождение рабочего класса». В тюрьме же он разработал проект программы нашей партии и брошюру «О стачках». Эта брошюра была набрана уже для печати в Лахтинской типографии, но была захвачена жандармами при аресте типографии. Писать приходилось бесцветными чернилами (особым раствором или молоком), которые потом от нагревания на лампе проступали на бумаге. Чтобы жандармы не заметили, что он этим занимается, во время прогулок, когда они рылись в камере, Ленин делал из хлеба маленькие чернильницы. Анна Ильинична рассказывает, что

Владимир Ильич мастерил намеренно чернильницы крохотного размера: их легко было проглотить при каждом щелчке форточки, при каждом подозрительном шорохе у волчка. И первое время, когда он не освоился еще хорошо с условиями предварилки (бывший «дом предварительного заключения» так назывался), а тюремная администрация не освоилась с ним, как с очень уравновешенным, серьезно занимающимся заключенным, ему нередко приходилось прибегать к этой мере. Он рассказывал, смеясь, что один день ему так не повезло, что пришлось проглотить целых шесть чернильниц.

Владимир Ильич так серьезно занимался в тюрьме, что жандармам и в голову не приходило раскапывать в этих грудах исписанных мелко бумаг тайных каких записей.

Раз на свидании он рассказывал мне со свойственным ему юмором,— говорит А. И. Елизарова,—как на очередном обыске в его камере жандармский офицер, перелистав немного изрядную кучу сложенных в углу книг, таблиц и выписок, отделался шуткой: «слишком жарко сегодня, чтобы статистикой заниматься». Брат говорил мне тогда, что он особенно не беспокоился: «не найти бы в такой куче», а потом добавил с хохотом: «я в лучшем положении, чем другие граждане Российской империи,—меня взять не могут». Он-то смеялся, но я, конечно, беспокоилась, просила его быть осторожнее и указывала, что если взять его не могут, то наказание, конечно, сильно увеличат, если он попадется, что могут и каторгу дать за такую дерзость, как писание нелегальных вещей в тюрьме.

Ильич был поразительно ровен, выдержан и весел при свиданиях и своим заразительным смехом разгонял наше беспокойство. Сообщение о том, что дело кончается, он встретил возгласом: «Рано, не успею всех материалов собрать». («Пролетарская Революция», № 3, 1924 г.—«Владимир Ильич в тюрьме», А. И. Елизарова.)

Особенно большое значение имела для воспитания учеников Ленина начатая им в тюрьме книга «Развитие капитализма в России». Не только для тогдашних учеников Маркса, но и для всего нашего поколения — рабочих-марксистов — эта книга являлась своего рода евангелием. В этой книге Владимир Ильич со многими цифрами и фактами в руках доказывал, что в нашей крестьянской России капитал забирает одну пядь за другой, как капитал разоряет крестьян, как он создает все больший и больший слой безлошадных, безземельных крестьян, батраков и полубатраков, как разоряет и забирает в руки кустарей, как усиливает богатых крестьян-кулаков. Эта книга

показала многим, что выхода ни для рабочего класса, ни для крестьянства никакого другого нет, кроме революции. Конечно, писать приходилось с опаской, не все договаривать, но мы уже в то время научились, как говорится, читать между строк, понимать с полуслова; а у Владимира Ильича мысли такие ясные и выводы такие неотвратимые, что их понимать легко. Не унывал Владимир Ильич в тюрьме, а работал для освобождения рабочего класса. Можно сказать, что мыслями этой своей книги Владимир Ильич осветил путь борьбы для многих сотен и тысяч революционеров, которые учились по его книгам. Кроме того, тайными путями, Владимир Ильич передавал из тюрьмы на волю некоторые свои воззвания. Так, первомайская листовка 1896 г. была написана Лениным в тюрьме и издана группой народовольцев (Ольминский, Астырев, Федулов), которые в это время поняли, что более правы ученики Маркса, строившие рабочую партию, в рабочем классе искавшие опоры и силы для революции.

29 января 1897 г. состоялся приговор по делу Владимира Ильича. Его приговорили к ссылке в Сибирь на три года, и в конце февраля Владимир Ильич отправился в село Шушенское, Минусинского уезда, Енисейской губернии.

Перед отправкой его освободили на три дня и разрешили пробыть в Питере. Для него это был большой праздник, так как освободили и других, арестованных одновременно с ним. Друзья собрались и снялись целой группой (известный снимок с Мартовым, Шелгуновым, Красиным и Кржижановским).

Очень характерно для Владимира Ильича, как он относился к разного рода удобствам жизни в то время. Анна Ильинична рассказывает:

> Владимиру Ильичу было разрешено провести три дня в Москве, в семье. Повидавшись с товарищами, он решил было заарестоваться в Москве и ехать дальше с ними вместе.
>
> Владимиру Ильичу не хотелось пользоваться льготой по сравнению с товарищами. Помню, что это очень огорчило мать, для которой разрешение ехать Володе на свой счет было самым большим утешением. Питерские знакомые очень настаивали на необходимости этого, чтобы сберечь его недюжинные силы. А. М. Калмыкова предлагала даже средства для этого. Мать отказалась от помощи, передав через меня А. М. Калмыковой, что пусть те деньги пойдут для более нуждающегося, например, Кржижановского, а она сможет отправить Владимира Ильича на свои средства.
>
> И вот после того, как матери доказывали, насколько важно добиться поездки на свой счет, после того, как ей передавали слова кого-то из старых ссыльных: «ссылку мог бы повторить, этап—никогда», Владимир Ильич решает отказаться от полученной с трудом льготы и добровольно пойти опять в тюрьму.

Однако, его удалось все-таки убедить, и Ленин выехал в Сибирь. 17/29 апреля 1897 г. Ленин прибыл в Красноярск (туда только что была проведена железная дорога), а 8/20 мая Ленин выехал в село Шушенское, на место ссылки.

ЖИЗНЬ В ССЫЛКЕ.

Про жизнь в ссылке Владимира Ильича тоже можно много рассказать интересного. Жил он там у крестьян, которые к нему относились с очень большим уважением, верили ему очень, шли к нему за всякого рода советами. В Минусинском уезде в это время были и другие ссыльные, как, например: Г. М. Кржижановский, З. Н. Кржижановская, А. С. Шаповалов, Ф. В. Ленгник, Ф. Я. Кон, П. Н. Лепешинский, О. Б. Лепешинская и др. Перечисленные товарищи теперь живы и многие могут вспомнить про эту жизнь в Минусинском уезде и в Шуше. Туда к Владимиру Ильичу приехала и невеста его, Надежда Константиновна Крупская, ставшая там его женой. Она была приговорена к ссылке на Урал, по тому же самому делу, так как все время помогала Владимиру Ильичу в работе и самостоятельно вела работу среди рабочих. Ссылку она должна была отбывать в Уфе, но ей разрешили отбывать ссылку в Сибири, там, куда сослан был Владимир Ильич.

Ссыльные, изгнанные от настоящей жизни люди, должны были устраивать и там, в ссылке, такую жизнь, которая дала бы им возможность сохранить силы. Но они не унывали там и не плакались на свою судьбу, были бодры, были уверены, что еще удастся им поработать для освобождения рабочего класса, а пока старались делать то, что можно было делать в ссылке — и сами учились, и других учили. Местные крестьяне вспоминают, как они обращались не раз к Владимиру Ильичу с разного рода вопросами. Он отвечал им охотно, но осторожно, учил их держать язык за зубами. Сибиряки и сейчас его вспоминают там с любовью и уважением. Как только он прибыл в ссылку, он занялся своей большой работой, которая требовала годов, работал над книгой «Развитие капитализма в России». Там ее продумал и докончил. Кроме других больших работ, он там написал одну маленькую книжечку, которая называется «Задачи русских социал-демократов».

В этой небольшой книжечке Владимир Ильич правильно решил вопрос о том, как должно быть поставлено социалистическое движение в такой отсталой стране с большинством крестьянского населения, как наша страна. Тогда много спорили—должны ли рабочие вести политическую борьбу или они должны только отстаивать свои экономические интересы, заработную плату, сокращение рабочего дня, улучшение условий работы и т. п. Иные признавали, что рабочие должны вести политическую борьбу, но они никак не могли связать борьбу за экономические улучшения против буржуазии, борьбу за социализм, за коммунизм с борьбой против царского правительства. В это время

были у нас такие товарищи, которых звали *экономистами*. Они прямо говорили, что рабочие, дескать, не должны заниматься политической борьбой — их дело бороться за копейку, за пятачок прибавки к жалованию, а борьбу с царским правительством рабочие должны предоставить либеральной буржуазии, всяким адвокатам, да инженерам, да профессорам, да докторам. Тов. Ленин в этой маленькой книжечке ясно и отчетливо поставил вопрос о задачах рабочего класса. Он показал рабочим, что они должны немедленно приняться за политическую борьбу, что на буржуазию им нечего надеяться. То, что в Западной Европе, например, в Великой французской революции, сделала буржуазия, то должно быть взято на свои плечи рабочим классом, например, уничтожение остатков крепостного права. Нечего дожидаться, когда политические перемены, когда более свободное правительство дадут возможность построить самостоятельную коммунистическую рабочую партию, надо строить ее сейчас, как бы ни были тяжелы условия, как бы ни был тяжел режим царского самодержавия. Надо построить такую партию, чтобы она была способной вести рабочий класс в бой и против царского правительства, и против буржуазии.

Рукопись этой маленькой книжечки удалось разными тайными путями доставить заграницу той самой Группе «Освобождение Труда», о которой мы уже упоминали. Когда до них дошла эта рукопись, то эти старики — Плеханов, Аксельрод и Засулич — очень обрадовались, потому что почувствовали в лице Владимира Ильича новую большую силу. Павел Аксельрод так и говорил своим друзьям о Ленине. И в предисловии к этой книжечке он осыпает отборными похвалами тов. Ленина. Он называет его первым после Плеханова практиком рабочего движения, а по тому времени это была большая похвала.

В той же ссылке Владимир Ильич написал еще несколько книг и статей. В этих книгах он нападает на тех учеников Маркса, которые, как мы уже указали выше, стремились приспособить учение Маркса к потребностям буржуазии. Конечно, мы тоже старались писать в журналах («Новое Слово», «Начало»), где проповедывалось учение Маркса. Мы старались дать без примеси, без фальши это учение.

Владимиру Ильичу пришлось раскрыть, показать истинное лицо тех людей, которые только прикрывались именем Маркса. Один из них, П. Струве, теперешний кадет и злейший враг коммунистов и Советской России, одно время был довольно близок к нам. Но когда с целой группой других писателей того же толка он занялся подделкой Маркса, сначала очень осторожно, а потом все грубее и грубее, тогда выступил против него Владимир Ильич. Сначала под фамилией Тулина выступил он против него со статьей. Но сторожевые собаки царского правитель-

ства, которые следили за тем, чтобы ничего не печаталось опасного для этого правительства (цензора), сожгли книгу, в которой была статья Тулина-Ленина. Книгу-то они сожгли, а мысли Владимира Ильича сжечь не могли.

О том, как Ленин жил в ссылке, рассказал мне также бывший тогда в минусинской ссылке тов. Ф. Ленгник:

... Товарищи жили между собою очень дружно и довольно часто ездили друг к другу в гости, хотя это строжайше воспрещалось полицией. Летом в 1899 году в селе Ермаковском, где жил тогда умирающий от чахотки тов. А. А. Ванеев, по почину Владимира Ильича был устроен нелегальный (неразрешенный, тайный) съезд, на который съехалось семнадцать товарищей. На этом съезде Владимир Ильич Ленин сделал доклад о повороте некоторых оставшихся на воле русских социал-демократов на очень пагубный для судьбы русского революционного рабочего движения путь: эти люди отстаивали ту точку зрения, что русские рабочие должны бороться только за улучшение своего *экономического* положения, из чего естественно получалось, что ведение политической борьбы рабочий класс должен предоставить буржуазным партиям. Владимир Ильич прочитал полученный им документ, где эти взгляды были изложены. Владимир Ильич развивал перед собранием съехавшихся товарищей необходимость самой настойчивой борьбы с этим опасным течением, грозящим подчинить русское рабочее движение буржуазным партиям. Предложенный Ильичем проект протеста против этого документа был восторженно принят съездом семнадцати товарищей с некоторыми несущественными поправками и был разослан по разным городам России и заграницу. Г. В. Плеханов, который был вполне тогда с нами, напечатал его для широкого распространения в России. Эта группа семнадцати через год положила начало группе «Искра», которая задалась целью систематически бороться с этим вредным буржуазным взглядом.

Наряду с углубленной литературной работой Владимир Ильич принимал самое деятельное участие в установлении самых оживленных сношений с Группой «Освобождение Труда» (Плехановым, Аксельродом, В. Засулич), с которой он лично познакомился во время своей заграничной поездки весной 1895 года, а также переписывался с Петербургом, Москвой и другими российскими городами и с товарищами по ссылке, с которыми он находил время переписываться в виде длиннейших писем, в которых освещались иногда очень сложные и интересные вопросы революционного движения или даже философии марксизма.

Владимир Ильич был всегда не только интересным и глубоким собеседником, но и охотно принимал самое деятельное участие в прогулках, охоте, катаньи на коньках, плавании, игре в шахматы, достигая во всех этих видах спорта больших результатов и обнаруживая всегда искреннейшую товарищескую простоту и заразительную, всех увлекающую веселость и воодушевление. Нельзя указать ни одного товарища, который не был бы буквально влюблен в этого чуткого, милого, простого товарища, который никогда не давал чувствовать никому своего гигантского превосходства в вопросах теории и практики. Нет, он подходил ко всякому человеку, а к партийному товарищу в особенности, с такой теплотой и горячим сочувствием, что даже самый ледяной человек растаивал перед ним и делался его другом на всю жизнь.

Тов. А. Кручина описывает, как жил Ильич в Сибири:

В 1897 году Владимир Ильич Ленин был выслан из Петербурга (теперь—Ленинград) в административном порядке в Енисейскую губернию под гласный надзор полиции на три года.

В мае 1897 года Владимир Ильич, в сопровождении двух жандармов, был доставлен в село Шушенское, Минусинского уезда, где и прожил до конца ссылки.

Владимир Ильич жил на квартире в доме крестьянина Зырянова, которому платил за стол и квартиру 7 руб. 40 коп., составлявших сумму полагавшегося ему ежемесячно довольствия от казны.

Для постоянного наблюдения за Ильичем был специально назначен полицейский стражник Заусайлов, бывший фельдфебель, типичный служака тех времен.

Жизнь Владимир Ильич вел замкнутую, общения с местной так называемой «аристократией» не имел, очень много уделял времени чтению и литературной работе.

Проживающие в настоящее время в селе Шушенском крестьяне, Завертнин и Ермаков, хорошо помнят Ильича и с удовольствием вспоминают свое с ним знакомство.

Первое знакомство на новом месте Ильич свел с содержателем мелочной лавки Завертниным, у которого покупал почти исключительно писчую бумагу.

Основательное количество бумаги, приобретаемое в лавке Ильичем чуть ли не через день, удивило Завертнина.

— Кто вы такой будете?—не вытерпев, спросил Завертнин своего нового покупателя.

— Я политический ссыльный,—просто ответил Владимир Ильич.

С этого началось знакомство.

Завертнин об этом рассказывает так:

— Водил я компанию с приставом, с писарями, с попом. Все они рассказывали мне про политических такие страсти, что я не представлял их себе иначе, как каких-то разбойников, а как познакомился с Владимиром Ильичем, совсем другого мнения стал держаться о политических.

Пригласил Завертнин к себе Ильича чайку попить. Ильич согласился. За чаем пошли разговоры.

Такого рода встречи участились. Ильич согласился вести несложное счетоводство Завертнина. Последний узнал от своего нового знакомого много такого, о чем раньше и не думал.

Вспоминает Завертнин один случай, особенно ярко врезавшийся в его памяти.

Как-то Ильич сидел у Завертнина за чаем. Мимо окон на улице мелькнули форменные фуражки. Только что успел Завертнин сообщить об этом Ильичу, как в комнату вошли товарищ прокурора, жандармский ротмистр и жандармский офицер.

Не здороваясь и не снимая фуражки, начальство с места в карьер приступило к делу.

— Где здесь кабинет Ленина?

Приступили к обыску. Тщательно обшарили стол, заваленный бумагами и книгами.

Несколько официальных вопросов, фуражки сняли—и никакой официальности.

В глазах Завертнина «начальство» сразу потеряло свой авторитет (вес). Такими маленькими, никчемными показались они по сравнению с Ильичем, обладавшим какой-то особенной силой влияния на окружающих, подавлявшим всей силой своего ума.

В тот же день, спустя несколько часов, начальство снова заглянуло к Завертнину, подвергнув его основательному допросу:

— Давно ли знаете Ульянова?

— Что вас заставило вести с ним знакомство?

— Куда Ульянов ездит из села Шушенского?

— Какие он ведет разговоры с крестьянами?

Завертнин ответил, что он берет у Ленина уроки счетоводства и бухгалтерии, сообщить об Ульянове что-либо подробнее ничего не может, так как Ульянов нигде не бывает, никаких знакомств ни с кем не имеет и ведет жизнь замкнутую.

Завертнин спросил, можно ли ему, вообще, в дальнейшем продолжать знакомство.

На этот вопрос жандармский ротмистр ответил:

— Конечно, конечно. Не только можно, но должно. Во-первых, он для вас полезен, а во-вторых, вы должны будете наблюдать за ним и обо всем замеченном сообщать нам.

Преподав инструкцию Завертнину, начальство уехало.

Как-то в часы досуга Ильич обучил крестьянина Строганова играть в шахматы.

Строганов страшно увлекся шахматами и начал довольно прилично играть партию за партией со своим учителем.

Мечтой Строганова было устроить Ильичу мат. Но, увы, мечте этой не суждено было сбыться. Чуть не часами обдумывал ходы Строганов, но под конец игры начинал заметно волноваться и проигрывал.

Ильич был неизменно спокоен и с добродушной иронической (насмешливой) улыбкой объявлял своему партнеру «шах и мат».

О злополучном шахматисте Строганове и спокойном, выдержанном учителе любит с веселой улыбкой вспоминать Завертнин.

— Где уж там каким-то Строгановым Ильича обыгрывать, когда Ильич всему капиталу шах объявил, а теперь, кажись, и до мата недалеко.

Зашел Ильич как-то в Шушенское волостное правление и спросил, не знает ли кто, где ему найти квартиру комнаты в две-три с кухней, так как к нему приезжает невеста с матерью и он думает жениться.

Бывший в это время в волостном правлении крестьянин Ермаков порекомендовал Ильичу квартиру в доме некоей Петровой.

Вскоре приехала Надежда Константиновна Крупская. Она также была в ссылке и переехать в село Шушенское ей разрешили при условии, если она обвенчается с Ульяновым.

Молодые поселились в доме Петровой. Мать Надежды Константиновны занималась хозяйством, а Ильич и Надежда Константиновна целыми днями проводили время за работой около своих письменных столов.

Фельдфебель Заусайлов глаз не спускал с поднадзорного Ильича, но относился к нему в общем хорошо.

Даже на охоту Ленин не мог пойти без разрешения стражника, не говоря уже о поездках в Минусинск, куда Ильич изредка ездил за книгами и т. п.; для таких путешествий требовалось особое каждый раз разрешение исправника или жандармского ротмистра.

Вся корреспонденция, получавшаяся на имя Владимира Ильича, просматривалась в Минусинске.

В квартире Ильича очень часто производились обыски, не дававшие, правда, никаких сколько-нибудь существенных для начальства результатов.

Ильич мало обращал внимания на строгий надзор, которым он был окружен. Все дни он проводил в напряженной работе.

Ежедневно совершал прогулки, при чем шел всегда со сложенными назад руками, с опущенной головой—и получалось впечатление, что во время прогулки он занят серьезными размышлениями. («Советская Сибирь», № 22 (1264), 27 января 1924 г.)

С особенной любовью вспоминает это время ссылки З. Кржижановская.

После моего ареста в 1896 году у меня наступает двухгодичный перерыв в сношениях с питерцами, и только в 1898 году я снова увидела всех в Минусинском уезде, куда были высланы: Владимир Ильич, Надежда Константиновна, Кржижановский, Старков, Лепешинский, питерские рабо-

чие: Шаповал, Панин, Энгберт, группа польских рабочих—социал-демократов—Чекальский, Ковалевский, Проминский, а позднее переведены из Енисейского уезда—питерцы Ленгник, Ванеев, Сильвин. Таким образом, у нас получилась, хотя и разбросанная по всему Минусинскому уезду, но своя дружная компания, тесно связанная недавней совместной работой, настроением и всем складом мысли.

Связь между всеми поддерживалась перепиской, приездами друг к другу и даже съездами под разными благовидными предлогами. Центром всей социал-демократической ссылки сделался, конечно, Ильич. Он вел огромную переписку со всеми товарищами и связывал у себя все нити. По его же инициативе (почину) был у нас организован обмен всеми получаемыми из России книгами, газетами, журналами, русскими и иностранными.

Вся жизнь его, бодрая и деятельная, полная внутреннего содержания и напряжения невольно подтягивала всех, не давала разлениваться в условиях ссылки, создавала темп (т.-е. размер жизни).

И в нашей ссылке не было ни скуки безделья, ни нудного настроения, ни склочных историй. Работали, готовились к будущему, занимались с рабочими, следили за российскими делами.—Было бодро и хорошо...

ЛЕНИН ВОЗВРАЩАЕТСЯ ИЗ ССЫЛКИ.

29 января 1900 г. Ленин окончил срок ссылки. Ему выдали проходное свидетельство для следования на место жительства, выбранное им самим. Ленин остановил свой выбор на Пскове, в котором жило тогда много других товарищей. Столичные города были для Владимира Ильича запрещены.

Надежда Константиновна еще не окончила срока ссылки. Она выехала вместе с Владимиром Ильичем и осталась в Уфе с матерью. Остановился в Уфе и Ленин. Там он познакомился с местными социал-демократами, частью жившими там в ссылке: А. Д. Цюрупой (ныне зампредсовнаркома), Свидерским, Крохмалем, Петренко и другими. Вот каким описывает А. Петренко Владимира Ильича того времени:

В начале восьмого часа вечером пришел молодой человек, лет тридцати на вид, хотя и с большой лысиной. Он был одет весьма просто, как большинство из нас: плохонькое пальтишко, на шее повязан шерстяной шарф. Сбросив в передней пальто, он вошел в комнату в сером коротком пиджаке, жилете и таких же брюках. Рубаха с отложным чесучовым воротником была повязана черным шелковым галстуком. Вместе с ним пришла молодая женщина. Это и был Владимир Ильич Ульянов со своей женой Надеждой Константиновной, урожденной Крупской.

Владимир Ильич скоро уехал (30 января—11 февраля 1900 г.), но в Уфе осталась Надежда Константиновна, которой предстояло отбыть в Уфе последний год ссылки. Квартира, где она жила со своей нежно-любимой старушкой матерью, служила связью между политической ссылкой и Владимиром Ильичем. Через Надежду Константиновну велась с ним переписка, от нее мы узнавали наиболее интересные политические новости, о которых нельзя было прочесть в легальной периодической печати.»

(«Пролетарская Революция», № 3, 1924 г., «Тов. Ленин в Уфе», А. Петренко.)

Отсюда совершает поездки в г. Подольск, где в то время жила мать Владимира Ильича, и в Уфу, где оканчивала свой срок ссылки Надежда Константиновна. В Москве и Петербурге, конечно, ему было почти невозможно работать. Охранное отделение, жандармерия следят за ним во-всю. По записям в архивах жандармского управления видать, что каждый почти шаг его был известен, где он бывал, когда ушел, с кем разговаривал и проч. Но Владимир Ильич не мог усидеть спокойно на месте. Псков намечается им, как один из пунктов, где жило в это время много ссыльных, бывших на подозрении у правительства. Из них, живущих в настоящее время в Москве, можно назвать: тов. Стопани, Лепешинского, П. А. Красикова, В. Н. Соколова. Владимир Ильич во время своих приездов в Псков произвел на всех очень большое впечатление, направляя мысли этих товарищей на определенный путь. Он сознавал в это время особенно отчетливо необходимость создания центра (комитета), который мог бы руководить борьбою рабочего класса. В Пскове на одном из совещаний, в котором принимали участие Мартов, Потресов, ставшие впоследствии меньшевиками, Струве и Туган-Барановский, ставшие потом кадетами, злейшими нашими врагами, — был выработан план издания заграницей революционных книг и газет. Еще в Сибири определенно у Владимира Ильича зародилась мысль издавать заграницей газету, вокруг которой объединялись бы все истинные сторонники учения Маркса. Эту газету предполагали назвать «Искрой». И вскоре, действительно, осуществили эту мысль и стали заграницей издавать газету «Искру», в заголовке которой был клич: «*Из искры возгорится пламя*».

В одну из поездок в Питер Владимир Ильич был вновь арестован.

Он просидел в тюрьме три недели и убедился, что ему не дадут спокойно жить в России и что выгоднее ему и полезнее для самой работы, если он уедет заграницу и оттуда начнет вести свою революционную работу, — писать, проповедовать, организовывать, подготовлять рабочих и оттуда руководить работой нашей партии.

Но до этого он съездил еще раз тайком в Уфу к Н. К. Крупской. Всякую такую поездку он использовал с тем, чтобы закрепить, оформить хотя бы небольшую группу социал-демократов, установить с ними связи. Он строил нашу партию.

16/29 июля 1900 г. Ленин выехал заграницу.

В ИЗГНАНИИ ЗАГРАНИЦЕЙ. „ИСКРА".

(В ЭМИГРАЦИИ.)

Перед своим последним арестом и выездом заграницу Владимир Ильич объехал значительную часть больших городов,

всюду, где только можно было, положил начало будущей организации рабочей партии. Устанавливал группы товарищей, с которыми условливался, как с ним переписываться, адреса, явки [1].

Таким образом, уезжая заграницу, Владимир Ильич имел возможность сразу же списаться оттуда со многими товарищами, влиять на них, давать им указания. Как только он очутился заграницей, сейчас же стал издавать газету «Искра», стал одним из ее редакторов, т.-е. руководителей, и через эту газету, которая тайными путями провозилась через границу, стал собирать революционные силы, революционных работников, соединять их в одно целое, направлять их к одной цели.

Было очень рискованно перевозить «Искру» и другие печатные заграничные издания в Россию. Приходилось либо контрабандой возить с большим риском, либо обманывать жандармов на границе разными способами, обкладывать себя кругом газетными листами или в потайных чемоданах перевозить,—и нужно было найти людей, которые не струсили бы тюрьмы и ссылки и даже каторги, в случае если попадутся с таким грузом. Такие преданные люди находились, готовы были итти на всякие жертвы, только бы доставить «Искру» в наши рабочие центры. Когда сейчас вспоминаешь, какое огромное значение для нас всех имела эта газета, чувствуешь, как справедливы были написанные в ее заголовке слова: «*Из искры возгорится пламя*».

Да, действительно, из маленькой искры разгорелось большое пламя революции, которое в конце концов спалило и дворянское сословие, и власть капиталистов, и царский трон. Весь старый порядок смело́, слизнуло, как огнем.

Надо было построить партию. Еще до этого в 1898 г. русские ученики Маркса, — тогда они назывались социал-демократами,— собрались в г. Минске на съезде, чтобы там создать партию, соединиться в одно, разработать общий план, — как действовать, как рабочему классу бороться против капиталистов и против

---

[1]) «Явками» или «явочными квартирами» назывались такие условные адреса, по которым можно было прийти к товарищу, не боясь полиции, и по этому адресу найти членов организации. Обыкновенно устанавливались явки так: какой-нибудь товарищ, иногда даже из буржуазной семьи, который был на хорошем счету у полиции, считался вполне благонадежным, но в то же время знал членов организации, принимал членов подпольной организации. Обыкновенно устанавливался пароль, т.-е. приходящий произносил какое-нибудь условное слово (пароль), по которому можно было узнать, что это не предатель, свой человек. Иногда просто говорил: я пришел от такого-то, а иногда это была, например, такая фраза: «когда настанет настоящий день?» А тот, к кому обращались, должен был тоже ответить условным знаком, чтобы пришедший убедился, что он не ошибся. Конечно, стоило только полиции узнать про явку, как ей открывался удобный путь для вылавливания всех, кто на нее приходил.

помещиков и против царского правительства. В это время комитеты наши назывались «Союзами борьбы за освобождение рабочего класса». На тайном съезде в Минске были депутаты от Питерского, Московского, Киевского и Екатеринославского союзов, а также от тогдашнего еврейского союза рабочих («Бунда»).

Там наметили, хотя только начерно, программу, решили выбрать Центральный Комитет партии и постановили, что Владимир Ильич должен взять руководство (стать редактором) «Рабочей Газеты». Предполагалось устроить подпольную печатню (типографию), и оттуда распространять газету по всем городам. Но Владимиру Ильичу не пришлось тогда заняться этим делом. И только заграницей он мог выполнить давно задуманный план. Там ему пришлось вести большие споры с товарищами, как построить партию. В это время каждая организация, каждая маленькая группка в отдельных городах работала, что называется, «без руля и без ветрил» («кустарнически», как иногда говорил Владимир Ильич), без общего единого руководства; а там, где нет общего единого руководства, там нет еще партии. Рабочая партия образуется только тогда, когда передовые слои рабочего класса соединяются для общей борьбы, когда они имеют единое руководство и единую программу, — этого еще тогда не было. Надо было *подготовить* такую партию, выяснить перед всеми, как надо ее строить, рассеять ложные понятия о задачах рабочего класса, а таких ложных понятий в наших отдельных кружках и группах по отдельным городам и уездам в прошлом было большое множество. Мы уже упоминали, что у нас были экономисты, которые не понимали задач политической борьбы; были товарищи, которые не понимали, зачем это надо создавать общий центр; были товарищи, которые не умели связаться и связать свою работу с рабочими массами; были и такие товарищи, которые звали на путь террора, т.-е. устрашения правительства, путем убийства отдельных выдающихся правителей и чиновников. И вот «Искра» должна была всех этих людей собрать, объединить, разъяснить им, растолковать, как надо построить партию, для того, чтобы она в конце концов могла вывести рабочее движение на широкую дорогу революционной борьбы.

Как же Ильич готовил, как он собирал большевистскую партию? Первым делом он считал необходимым поставить как следует издание *общерусской* газеты «Искры». На это он потратил много усилий. «Искра» должна была стать и вскоре стала боевым органом, вокруг которого собирались силы будущих большевиков. Они назывались в это время «искровцами». Они отстаивали необходимость для всех организаций нашей партии создать единый руководящий центр. Таким центром, от которого шло

признанное всеми руководство, и была «Искра». В статьях «С чего начать» и в книжке «Что делать» он эту мысль развивает очень убедительно. Особенно эта его книжечка «Что делать» имела громадное значение и влияние на нас всех тогда. В этой работе он, на-ряду с другими ценными мыслями об организации нашей партии, выдвинул задачу: создать группы революционеров, для которых революционное дело — единственное дело в жизни (профессионалов-революционеров).

Нечего и говорить, какое громадное значение имели эти мысли Ленина для создания нашей партии. Всякий старый большевик может вспомнить, что они были как бы пробным камнем для всякого. Мы знаем, что Ленин перед отъездом из России везде организовал связи: теперь в этих городах, где вели свою работу искровцы, вокруг них стали вырастать комитеты. Конечно, это связано было с развивавшимся рабочим, а затем (с 1902 г.) и крестьянским движением. Но «Искровские» комитеты нашей партии и сами, своим чередом, усиливали это движение, давали ему правильное истолкование и направление.

Сначала «Искра» издавалась в г. Мюнхене (Бавария). Туда переселились Владимир Ильич и Надежда Константиновна.

Я приведу здесь два - три отрывка из воспоминаний товарищей, относящихся к этому времени работы Ильича в «старой Искре» [1]).

В. Кожевникова вспоминает в журнале «Пролетарская Революция», № 3, 1924 г. «В годы старой «Искры»:

когда Владимир Ильич, в 1900 году окончив ссылку, поехал заграницу и начал издавать «Искру», объединив вокруг себя группу партийцев и тем положив начало работы «нелегальных», «профессиональных революционеров», которые не были так стеснены полицейскими ограничениями в местожительстве и для работы были «чище», чем под своим именем,— началось повальное бегство из ссылки и по дороге в ссылку, сначала заграницу в редакцию «Искры», как центр революционной мысли, и центр, где сосредоточивались все связи с товарищами, работавшими в России, а затем опять на живую работу в Россию.

З. Кржижановская в упоминавшейся уже статье, напечатанной в «Молодой Гвардии», так описывает значение «Искры».

В «Искре» создавался увесистый *идеологический* кулак и *организационный* центр, связанный сотнями живых связей с Россией. Это был совсем новый тип заграничной газеты, насквозь пронизанной биением русской жизни. И эта струя шла, главным образом, от Владимира Ильича, который знал и чувствовал Россию, как никто из них.

Мы уехали из Мюнхена с самыми светлыми надеждами на успех. В России, действительно, волна все нарастала. «Искра» разгоралась в пламя. Число ее комитетов быстро увеличивалось. Рабочие массы все больше втягивались в организацию. И в связи с этим оживлением наших дел из сибирской ссылки начались побеги товарищей, переходивших на нелегальное положение и отдававших себя в распоряжение партии. Они

---

[1]) В 1903 году «Искра» стала защищать меньшевиков, тогда оттуда, из состава ее редакции, ушел Ленин.

распределялись по комитетам, становились разъездными агентами, отправлялись заграницу, ставились на транспорт нелегальной литературы. Все они проезжали через Самару, где мы тогда жили и где был в то время некоторый организационный и распределительный центр».

Б. Горев вспоминает, как он на пути из сибирской ссылки прочитал «Что делать» и какое огромное впечатление произвела эта работа на него:

...Эта брошюра, за лихорадочным чтением которой я провел, не ложась, всю ночь напролет, произвела на меня потрясающее впечатление. В новом псевдониме (т.-е. выдуманном имени) «Ленин» я, конечно, сейчас же узнал основателя питерского «Союза Борьбы», уже известного мне В. И. Ульянова. Я почувствовал в авторе этой брошюры огромную, на этот раз не только теоретическую, но и организационную силу, со страстной и настойчивой волей. Мои симпатии к «Искре» сильно укрепились после этого. («Каторга и ссылка», № 1 (8), «Перед II съездом», В. Горев.)

Владимир Ильич, как и Надежда Константиновна, очень много работали в это время. В. Кожевникова, которая работала в редакции «Искры», рассказывает, что

все работы как по изданию «Искры», так по рассылке ее и по сношению с русскими товарищами (зашифровка и расшифровка)[1]) исполняли сами члены редакции, но главным образом Владимир Ильич и Надежда Константиновна.

Владимир Ильич работал целый день, часов с девяти, с небольшими перерывами на еду. Я даже не помню случая, когда бы он бывал в театре или в музее. Часто по вечерам, проработав целый день, он вдруг обращался ко мне и говорил: «Ну, идем отдыхать на полчаса!»

Владимир Ильич и отдыхал по часам. Всегда во-время посмотрит на часы и скажет: «осталось две минуты, кончайте скорее свою кружку и идем».

Как жил в личной жизни в это время Ильич? Многих интересует этот вопрос. Лучше всего его осветила Надежда Константиновна в своей прекрасной статье «О Владимире Ильиче» («Правда», № 83 11/IV 24). Никто не посетует на меня за то, что я приведу ее здесь почти целиком:

О Владимире Ильиче очень много пишут теперь. В этих воспоминаниях Владимира Ильича часто изображают каким-то аскетом [2]), добродетельным филистером [3]), семьянином. Как-то искажается его образ. Не такой он был. Он был человеком, которому ничто человеческое не чуждо. Любил он жизнь во всей ее многогранности, жадно впитывал ее в себя.

Расписывают нашу жизнь, как полную лишений. Неверно это. Нужды, когда не знаешь, на что купить хлеба, мы не знали. Разве так жили товарищи-эмигранты? Бывали такие, которые по два года ни заработка не имели,

---

[1]) Приходилось переписываться *шифром*, шифровками, т.-е. писать особыми условными знаками—цифрами, которые обозначали буквы в какой-нибудь книге. Притом писали невидимыми, бесцветными чернилами. Такое письмо получатель должен был проявить, т.-е. нагреванием или другим способом сделать бесцветные знаки ясными для чтения, а затем раскрыть, расшифровать их значение.

[2]) Аскет—монах, человек, отрекшийся от радостей мира, от физических наслаждений.

[3]) Филистер—ограниченный человек, который кичится мещанскими добродетелями.

ни из России денег не получали, форменно голодали. У нас этого не было. Жили просто, это правда. Но разве радость жизни в том, чтобы сытно и роскошно жить? Владимир Ильич умел брать от жизни ее радости. Любил он очень природу. Я не говорю уже о Сибири, но и в эмиграции мы уходили постоянно куда-нибудь за город подышать полной грудью, забирались далеко-далеко и возвращались домой, опьяневшие от воздуха, движения, впечатлений. Образ жизни, который мы вели, значительно отличался от образа жизни других эмигрантов. Публика любила бесконечные разговоры, перебалтыванье за стаканом чаю, в клубах дыма. Владимир Ильич от такого перебалтыванья ужасно уставал и всегда ладил уйти на прогулку. Помню первый год нашей эмигрантской жизни, в Мюнхене мы взяли однажды на прогулку Мартова и Анну Ильиничну, чтобы показать им наше любимое место—дикий берег Изара, куда нужно было продираться через какие-то кусты. Они через полчаса у нас так изустали и разворчались, что мы поторопились переправить их на лодке в культурную часть города и уж без них пошли на «наше» место. Даже в Лондоне мы ухитрялись выбираться на лоно природы, а из этого прокопченного дымом, обволоченного туманом чудища это не так-то легко, особенно, когда не хочешь истратить больше полутора пенсов на омнибус.

Потом, когда у нас в Швейцарии завелись велосипеды, круг наших прогулок значительно расширился. Помню, как однажды в Лондоне Вера Ивановна Засулич возмущенно сказала какому-то товарищу, который предполагал, что Ильич только и делает, что сидит в Британском музее, и очень удивился, что тот собирается на прогулку: «Ведь он же страстно любит природу!». Помню, я тогда подумала: «А ведь это правда».

Любил Ильич еще наблюдать быт. Куда-куда мы ни забирались с ним в Мюнхене, Лондоне и Париже. Он любил вычитывать объявления о разных собраниях социалистов в пригородах, в маленьких кафе, в английских церквах. Он хотел видеть жизнь немецкого, английского, французского рабочего, слышать, как он говорит не на больших собраниях, а в кругу близких товарищей, о чем он думает, чем он живет. На каких только предвыборных собраниях в Париже мы ни бывали. Мы знали быт рабочих той страны, в которой жили, лучше, чем его знали обычно эмигранты. Помню, в Париже была у нас полоса увлечения французской революционной шансонеткой. Познакомился Владимир Ильич с Монтегюсом, чрезвычайно талантливым автором и исполнителем революционных песенок. Сын коммунара—Монтегюс был любимцем рабочих кварталов. Ильич одно время очень любил напевать его песню: «Привет вам, солдаты семнадцатого полка»,—это было обращение к французским солдатам, отказавшимся стрелять в стачечников. Нравилась Ильичу и песня Монтегюса, высмеивавшая социалистических депутатов, выбранных малосознательными крестьянами и за пятнадцать тысяч франков депутатского жалованья продающих в парламенте народную свободу... У нас началась полоса посещения театров. Ильич выискивал объявления о театральных представлениях в предместьях Парижа, где объявлено было, что будет выступать Монтегюс. Вооружившись планом Парижа, мы добирались до отдаленного предместья. Там смотрели вместе с толпой пьесу, большей частью сантиментально-скабрезный вздор, которым так охотно кормит французская буржуазия рабочих, а потом выступал Монтегюс. Рабочие встречали его бешеными аплодисментами, а он, в рабочей куртке, повязав шею платком, как это делают французские рабочие, пел им песни на злобу дня, высмеивал буржуазию, пел о тяжелой рабочей доле и рабочей солидарности. Толпа парижских предместий—рабочая толпа, она живо реагирует (отзывается) на все,—на даму в высокой модной шляпке, которую начинает дразнить весь театр, на содержание пьесы. «Ах ты, подлец!»,—кричит рабочий актеру, изображающему домовладельца, требующего от молоденькой квартирантки, чтобы она отдалась ему. Ильичу нравилось растворяться в этой рабочей массе.

Монтегюс выступал раз на одной из наших русских вечеринок и долго, до глубокой ночи, он сидел с Владимиром Ильичем и говорил о грядущей мировой революции, сын коммунара и русский большевик, каждый мечтал об этой революции по-своему. Во время войны Монтегюс стал писать патриотические песни.

Другая полоса была, это—посещение предвыборных собраний, куда рабочие приходили с ребятами, которых не на кого оставить дома. Слушали ораторов, смотрели, что задевает, электризует толпу, любовались на могучую фигуру рабочего-кузнеца, с восторгом глядевшего на оратора и прильнувшего к нему полу-детскою фигурою сына-подростка, впившегося в оратора, как и отец, всем своим существом. Мы слушали социалистического депутата, как он говорит перед рабочей аудиторией, а потом шли слушать его на собрание интеллигенции, чиновников, и видели, как большие и зажигательные идеи, от которых трепетала рабочая аудитория, тускнели, рядились оратором в приемлемый для мелкой буржуазии цвет. Ведь надо же отвоевать побольше голосов. И, возвращаясь с собрания, Ильич мурлыкал монтегюсовскую песенку о социалистическом депутате...

В Лондоне мы ходили в Гайд-Парк слушать уличных ораторов. Один говорил о боге, другой о том, как плохо живут приказчики, третий о городах-садах. Ходили в Уайт-Чепль, еврейский квартал Лондона, и знакомились там с русскими матросами, еврейской беднотой, слушали ее полные тоски и отчаяния песни. Шли в кружок, где юный социалист делал доклад о муниципальном социализме, а старый член партии, фигурировавший накануне в качестве социалистического попа на своеобразном богослужении в социалистической церкви «семи сестер», объяснявший, что исход евреев из Египта надо понимать, как прообраз исхода рабочих из царства капитализма в царство социализма, крыл юного докладчика за оппортунизм...»

Следует здесь отметить эту черту Ленина: он очень внимательно прислушивался и присматривался к рабочим собраниям заграницей. Другие старые социалисты, живя заграницей, иногда ни разу не побывали на рабочих собраниях. То, что отмечает Надежда Константиновна, это отмечают и другие товарищи. Лев Давыдович Троцкий в вышедшей недавно книжечке «Ленин и старая «Искра», рассказывает, как он, приехавши в Лондон, ходил с Лениным на такие собрания.

В одно из воскресений я отправился с Владимиром Ильичем и Надеждой Константиновной в социалистическую лондонскую церковь, где социал-демократический митинг чередовался с пением революционно-благочестивых псалмов. Оратором выступал наборщик, вернувшийся на родину, кажется, из Австралии. Владимир Ильич переводил нам шопотом его речь, которая звучала довольно революционно, по крайней мере, по тому времени. Затем все поднимались и пели: «Всесильный боже, сделай так, чтобы не было ни королей, ни богачей».. или что-то в этом роде. «В английском пролетариате рассеяно множество элементов революционности и социализма,—говорил по этому поводу Владимир Ильич, когда мы вышли из церкви,—но все это сочетается с консерватизмом [1]), религией, предрассудками и никак не может пробиться наружу и обобщиться»... Здесь не безынтересно отметить, что Засулич и Мартов жили совершенно в стороне от английского рабочего движения, целиком поглощенные «Искрой» и тем, что ее окружало. Ленин же совершал время от времени самостоятельные разведки в область английского рабочего движения.

---

[1]) Консерватизм—отсталость.

Об этом же вспоминает и Б. Горев:

По вечерам Ленин посещал иногда английские собрания (на которых и я был несколько раз вместе с ним), отчасти из политического интереса, отчасти для практики английского языка, которым он занимался весьма усидчиво. Он брал обменные уроки у интеллигентного англичанина, который преподавал ему английский язык и литературу взамен русского. В результате, когда я был в Лондоне, Ленин, проживший там уже около года, довольно свободно объяснялся по-английски и этим отличался от других эмигрантов (т.-е. выселившихся заграницу), например, от Веры Засулич, которая, покупая что-либо в лавке, пальцем указывала нужный ей предмет. Единственное развлечение, которое позволял себе Ленин, были музыкальные концерты, которые он очень любил.

(«Каторга и ссылка», 1 (8), «Перед II съездом», В. Горев.)

Ленин сам в это время был средоточием, центром, к которому стремились люди, искавшие живого революционного дела. Ленин подкупал всех своей простотой и вместе с тем уменьем дать каждому живое дело. Эту простоту по сравнению, например, с Георгием Валентиновичем Плехановым, отмечает и Л. Д. Троцкий в упомянутой книжечке. З. Лилина также вспоминает это время, как Ленин привлекал к себе молодежь.

Как раскрывался он весь, как шел навстречу нарастающей партийной молодежи! Он никогда не уставал разъяснять и растолковывать каждому отдельному товарищу все, в чем тому бывало трудно разобраться самому. Стоило только заявить Владимиру Ильичу: не понимаю, помогите разобраться, и Владимир Ильич толковал, разъяснял до тех пор, пока все неясное становилось ясным и понятным.

Молодежь знала, ценила эту черту характера Владимира Ильича и порою ею даже злоупотребляла. Сходить к Владимиру Ильичу за вопросом или советом было проще простого. Мне при этом припоминается следующее событие. Товарищи Зиновьев, Владимиров и Ставский отправились из Берна в Женеву знакомиться с Плехановым и Лениным. Они потом все трое описывали эти два свидания: у Плеханова их приняли в гостиной и угостили кофе из чашек с наперсток величиной. Помню, товарищ Ставский мне говорил: и страшно же было мне, рабочему, сидеть на хрупком стульчике и прикасаться к крошечной чашечке. А тов. Плеханов,—говорили они,—нас все поучал и поучал. А к товарищу Ленину пришли мы, нас провели к нему в комнату. Он с нами долго беседовал, а затем пригласил пить чай. Он привел нас в кухню, там на столе стоял чайник с кипятком, чашки, хлеб, масло. Чай разливала Надежда Константиновна. Между нами завязалась оживленная беседа о положении дел в России, о делах в партии. Не хотелось уходить от Ильича,—заявили мне все трое.

Помню, один из членов нашей большевистской группы, тов. Андреев, спросил тов. Плеханова:

— Не можете ли вы объяснить нам, чем руководствовались вы, когда вы на съезде пошли с большевиками, а после съезда перешли к меньшевикам?

Плеханов вспылил и ответил буквально следующее:

— Вы еще слишком молоды, чтобы задавать мне такие вопросы Знаете ли вы, что, когда ваш папенька ухаживал за вашей маменькой, я уже был социалистом?

Этой репликой (коротким отзывом) отделался Плеханов от ответа на вопросы, столь нас всех волновавшие.

Тов. Ленин никогда не упрекал нас в том, что мы молоды. Его радовала наша молодость, ибо он с нами и мы с ним всегда были молоды.

(«На могилу Ильича», «Ленин, как человек», З. Лилина. Лнг. 1924 г.)

Зато Ленин сумел вырастить, воспитать поколение ленинцев, которые от него воспринимали, у него учились искусству жить и работать, мыслить и бороться.

Всегда вспоминаешь,—рассказывает В. Кожевникова,—ту энергию, то обаяние, которые исходили от Владимира Ильича и учили—работать всегда, целый день, не уставая, весело, не терять никогда энергии, всегда находить исход из положения; ничего не откладывать на завтра, если можно исполнить сегодня; любить работу, работать так, чтобы не стыдно было за нее отвечать, в случае передачи дела другому, чувствовать себя ответственным вплоть до должного исполнения его; быть точным и аккуратным в работе; жить работой, любить ее, как жизнь.

ИЛЬИЧ СТРОИТ ПАРТИЮ БОЛЬШЕВИКОВ. РАСКОЛ ПАРТИИ. СПОРЫ С МЕНЬШЕВИКАМИ.

Партия большевиков образовалась в 1903 г. Большевиками мы начали называться после II съезда партии, т.-е. после 1903 г. Этот съезд собрался заграницей. На этом съезде за тов. Ленина высказалось большинство, правда, только на несколько голосов больше, чем за Мартова и Плеханова. Вот от этого и пошло название большевиков и меньшевиков. Тогда споры казались многим очень несерьезными. Не понимали даже многие, из-за чего спорят, — не все ли равно, как будет сказано в уставе партии: будет ли сказано, что «членом партии считается всякий, кто признает ее программу, поддерживает партию материальными средствами и оказывает ей *регулярное личное содействие под руководством одной из ее организаций*», как предлагал Мартов и как это было принято съездом. Или же первый пункт устава будет такой, как предлагал тов. Ленин: «членом партии считается всякий, признающий ее программу и поддерживающий партию как материальными средствами, так и *личным участием в одной из партийных организаций*». Да, в самом деле: как будто совсем пустяки! Мне рассказывал старый рабочий, бывший на этом съезде, что, когда он услыхал эти споры и не понимал спорящих, то он в коридоре поймал одного из этих спорщиков и хотел его поколотить, — дескать, не болтай зря языком. А на самом деле из этих маленьких разногласий впоследствии получились очень большие разногласия. Сначала как будто вопрос шел о том, должны ли мы построить партию из таких товарищей, каждый из которых входит в организацию, принимает личное в ней участие, или мы должны построить партию так, что в ней будут участвовать члены, и не входящие в самую организацию, а так, — работающие где-то на стороне и оказывающие ей только личное содействие.

Для того, чтобы это было сейчас более понятно, можно было бы взять такой пример: у нас есть сейчас группа содей-

ствующих Р.К.П. Так вот: *большевики считали тогда, что членами партии могут быть только те, кто действительно уже вошел в партию и работает в ее организации, подчиняется всем постановлениям партии, выполняет все ее решения.* А меньшевики считали, что и такие, которые сейчас входят в группу содействующих *и вовсе не являются членами партии, не считают для себя обязательными ее решения, тоже должны считаться членами партии.* Но дело сводилось к тому, что большевики и Владимир Ильич требовали, чтобы партию подбирать строго, не наводнять ее всякого рода людьми, которые еще шатаются, а меньшевики говорили: «А как же профессора, а как же гимназисты, — неужели мы обязательно должны требовать от них, чтобы они работали лично в организации?». Мы им отвечали: «Обойдемся и без профессоров и без гимназистов, только бы больше было рабочих, которые войдут в нашу партию и будут в ней работать, как члены партии».

Но в этом вопросе мы остались в меньшинстве, зато за нами было большинство по вопросу о том, как должен относиться рабочий класс к буржуазии, и по другим важным вопросам мы имели большинство на этом съезде.

Большинство бывших на этом съезде считало уже тогда, что рабочий класс должен итти своей самостоятельной дорогой в решительной борьбе, привлекая на сторону революции наиболее угнетенные мелкобуржуазные слои населения. Уже тогда большевики видели в крестьянстве ту силу, которая вместе с рабочим классом пойдет в наиболее решительные моменты революции. Потому уже тогда большевики намечали путь сближения именно с крестьянством, а меньшевики уже в то время считали буржуазную интеллигенцию и передовую буржуазию той силой, которая поведет политическую борьбу, а рабочий класс, дескать, должен подталкивать эту буржуазию, но так, чтобы ее не отпугивать.

Отсюда и пошло наше название: большевики. Сокращенно большевиков звали тогда беками, а меньшевиков — меками, а тех, кто колебался между теми и другими — ни бе, ни ме.

Впоследствии выяснилось, что мы расходимся и по другим вопросам. Это — вопросы о роли и значении пролетариата в революции, о роли крестьянства, о вооруженном восстании.

А между тем в России развертывалось революционное движение. Начались массовые рабочие стачки 1902 — 1903 г.г., начались массовые крестьянские волнения, разгромы помещичьих имений. Интеллигенция, особенно учащаяся молодежь, чувствовала, что народные массы пришли в движение. Тогда эта интеллигенция осмелела, и мы видим все чаще и чаще так называемые студенческие беспорядки, когда студенты ставили перед

правительством политические требования. Зашевелились и так называемые либералы, т.-е. те самые образованные господа, которые считали, что кое-какие поправочки у нас в царском правительстве надо сделать, что надо немножечко урезать власть у дворян, да побольше установить власти за новой силой, за буржуазией, торгово-промышленниками, дать политические права (конституцию) интеллигенции, немножечко ослабить узду по отношению ко всему народу, *не трогая в то же время самой основы буржуазного порядка, не затрагивая прибылей капиталистов и помещиков*. Были такие либералы и среди земцев. Особенно много было их в среде так называемых разночинцев, служащих в государственных учреждениях, врачей, статистиков, землемеров, учителей.

В это время и эс-эры (так называемые социалисты-революционеры) стали создавать свою партию, повторяя давно опровергнутые жизнью зады насчет самобытности России, насчет того, что у нас нет настоящего рабочего класса, и прочую ерунду.

Эс-эры рекомендовались настоящими друзьями крестьян (некоторые из них и были настоящими в душе друзьями крестьян, а только не знали настоящей дороги, они потом, большей частью, ушли из партии эс-эров в нашу партию) и устраивали покушения на отдельных правительственных чиновников и этим создавали очень много шума и вредного шума. У многих получалась такая мысль, что таким путем можно изменить порядок и добиться свободы: дескать, будем убивать одного за другим, покуда правительство не сдастся и не уступит.

По сути дела, и либералы и эс-эры шли к одному, только разными способами. Эс-эры говорили царю и правительству: «Дайте нам конституцию, не то мы будем стрелять». А либералы говорили: «Дайте нам конституцию, не то *они* будут стрелять».

А рабочий класс оставался в стороне зрителем — что, мол, из этого выйдет, чья возьмет? Владимир Ильич тогда уже предвидел, что они сыграют предательскую роль по отношению к революции, поэтому он стоял за резолюцию, которая еще 21 год тому назад признала вредной работу этой партии для дела политического единства пролетариата в его борьбе за социализм и общенародной борьбы с самодержавием царским. Задача наша была, — и этому нас учил Ильич, — чтобы *сам рабочий класс принял участие в борьбе*, выходил бы на улицу в демонстрациях и предъявлял бы правительству свои требования, принимал участие в забастовках и там тоже предъявлял бы не только требования к капиталистам о прибавке жалования, но и (политические) требования к правительству об изменении всего своего положения, чтобы готовился рабочий класс к вооруженному

восстанию, чтобы вели мы работу не только среди рабочих, а и среди солдат в армии, строили бы свои военно-революционные организации, чтобы также вели работу революционную среди крестьян, а особенно среди беднейшего крестьянства.

Когда земцы и другие образованные люди стали сочинять заявления царскому правительству, меньшевики очень обрадовались и говорили: вот видите, какие хорошие союзники для рабочего класса. Рабочий класс должен, дескать, так действовать, чтобы не отпугивать от себя буржуазию—в этом высшая мудрость.

Товарищ Троцкий передает разговор между Лениным и В. Засулич (ставшей меньшевичкой) по поводу либералов. Те заигрывали в то время с социалистами, желая использовать борьбу рабочего класса с целью отвоевать конституцию, но такую, которая нужна была кадетской буржуазии, а не такую, к какой стремились рабочие. Приезжали тогда заграницу вожди кадетов — Струве и Милюков. Издавали они тогда даже журнал подпольный «Освобождение», который взасос читали все царские министры, что не мешало им угнетать народ и верой и правдой служить царизму, защищать капиталистов и помещиков.

Ленин раскрывал этот обман беспощадно. Это не нравилось меньшевикам. Троцкий передает, как жаловалась Вера Засулич на Ленина:

— Вот смотрите, как они стараются,—говорила она, глядя мимо Ленина, но имея в виду прежде всего именно его.—В последнем номере «Освобождения» Струве ставит нашим либералам в пример Жореса, требует, чтобы русские либералы не порывали с социализмом, ибо иначе им угрожает жалкая судьба немецкого либерализма, а брали бы пример с французских радикалов-социалистов.

Ленин стоял у стола в надвинутой на лоб мягкой соломенной шляпе «под панаму» (заседание уже кончилось, и он собирался уходить).

— Тем больше их надо бить,—сказал он, весело улыбаясь и как бы дразня Веру Ивановну.

— Вот так так,—воскликнула она с полным отчаянием,—они идут нам навстречу, а мы их бить!

— Вот именно. Струве говорит своим либералам: надо против нашего социализма принимать не грубые немецкие меры, а более тонкие французские: привлекать, задабривать, обманывать, развращать на манер левых французских радикалов [1]), заигрывающих с жорესизмом [2]). («Ленин и старая «Искра».)

Вот этих-то либеральных меньшевистских мудрецов Владимир Ильич жестоко высмеял и доказал, что у рабочего класса есть своя дорога, что он должен выступать самым решительным

---

[1]) Радикалы—буржуазная партия во Франции, которая старалась вести на поводу правых социалистов-меньшевиков.

[2]) Жоресисты—тогдашнее правое крыло французской социалистической партии, во главе которого стоял видный вождь партии—Жан Жорес, в то время отстаивавший сотрудничество с буржуазией. В начале войны 1914—1918 г.г. был убит французской буржуазией, как пламенный проповедник против войны.

образом, раскрывая ложь и обман господ либеральных земцев, кадетов и др. Рабочему классу нечего бояться отпугнуть своими действиями буржуазию. Ему надо бояться, как бы он не отпугнул от себя крестьян. *Это были дв разные дороги*. («*Две тактики*»: так назвал Ленин книжечку, которую он написал тогда по этому вопросу.)

Союз рабочего класса и крестьянства стал проповедовать Владимир Ильич больше 20 лет тому назад. Какая роль пролетариата в революции? Ленин и его ученики-большевики учили, что *пролетариат является вождем революции* (тогда говорили: «*гегемоном*»), он ведет за собою в решительный бой и крестьянство, и другие колеблющиеся слои народа; рабочий класс поддерживает всякое движение, которое решительно направлено против царского правительства; рабочий класс в предстоящей революции победит, в случае, если он сумеет соединить свои действия с действиями деревенской бедноты, революционное крестьянство; и власть, которая должна будет образоваться в случае победы революции в России, будет властью (диктатурой) пролетариата и революционного крестьянства.

Это Владимир Ильич сказал отчетливо и ясно в своей книжечке, написанной еще в *1903 г.* для крестьян. Так она и называлась: «*К деревенской бедноте*».

В этой книжечке Ленин так объясняет крестьянам, почему пролетариат должен выступить как единый класс против своего врага — буржуазии:

изменить все порядки во всем государстве—дело нелегкое. Для этого нужно много труда, много длинной и упорной борьбы. Все богатые люди, все собственники, вся *буржуазия* будет отстаивать свои богатства всеми силами. На защиту всего *богатого класса* станут чиновники и войско, потому что самое правительство находится в руках богатого класса. Рабочие должны сомкнуться, как один человек, для борьбы против всех, кто живет чужим трудом; рабочие должны объединиться сами и объединить всех неимущих в один *рабочий класс*, в один *класс пролетариата*. Борьба будет нелегка для рабочего класса, но эта борьба непременно кончится победой рабочих, потому что буржуазия или люди, живущие чужим трудом, составляет ничтожную долю народа. А рабочий класс—громадное большинство в народе. Рабочие против собственников—это значит миллионы против тысяч. (Собрание сочинений Н. Ленина, том IX, стр. 328—329.)

Тогда классовое сознание деревенской бедноты, деревенских пролетариев и полупролетариев затемнялось тем, что и богатый крестьянин был *против* помещика. Ленин предупреждает крестьян: это только до поры до времени. Наступит время, когда для деревенской бедноты станет ясно, что ей по дороге только с рабочим классом фабрик и заводов.

Пусть каждый деревенский житель посмотрит хорошенько вокруг себя. Как часто мужики-богатеи говорят против господ, против помещиков. Как они жалуются на притеснение народа, на то, что у господ земля зря пустует. Как они любят покалякать (с глаза на глаз), что надо бы, дескать, прибрать землю к мужицким рукам.

Можно ли верить тому, что говорят богатеи? Нет. Они не для народа хотят земли, а для себя. Они и теперь уже понабрали себе и купчей земли, и съемной, да им еще мало. Значит *деревенской бедноте недолго придется итти вместе с богатеями против помещиков.* Только первый шаг мы можем вместе с ними сделать, а там придется врозь итти.

Вот почему надо ясно отделить этот первый шаг от других шагов и от нашего последнего, главного шага. Первый шаг в деревне—полное освобождение крестьянина, полные права ему, устройство крестьянских комитетов для возвращения отрезков. А последний наш шаг и в городе, и в деревне один будет: *отберем все земли, все фабрики у помещиков и у буржуазии и устроим социалистическое общество.* Между первым и последним шагом нам еще немало борьбы пережить придется, и *кто смешивает первый шаг с последним, тот вредит этой борьбе, тот, сам того не ведая, засоряет глаза деревенской бедноте.*

Первый шаг деревенская беднота сделает со всеми крестьянами вместе: разве некоторые кулаки отстанут, разве одному из сотни мужиков никакая кабала не претит. А вся громада тут еще заодно пойдет: равные права всему крестьянству нужны. Помещичья кабала всех по рукам и по ногам вяжет. Ну, а последнего шага никогда не сделают все крестьяне вместе: тут уж все богатое крестьянство против батраков встанет. Тут уж нам нужен крепкий *союз деревенской бедноты с городскими рабочими.* Кто говорит крестьянам, что они сразу могут и первый и последний шаг сделать, тот обманывает мужика. Тот забывает о великой борьбе между самими крестьянами, о великой борьбе между деревенской беднотой и крестьянами-богатеями.

(Собрание сочинений Н. Ленина, том IX, стр. 364—365.)

Ленин предвидит возможность того, что случилось отчасти после 1906 г., а при белых во время гражданской войны там, где белые свергали Советскую власть.

Может быть,—писал он,—они еще не успеют завтра же сойтись с помещиками и захотят добить помещичью власть до конца. Отлично. Социал-демократам это очень желательно и социал-демократы будут советовать деревенским и городским пролетариям требовать отнятия всей земли у помещиков и отдачи ее свободному народному государству. Социал-демократы будут зорко смотреть, чтобы деревенские пролетарии не оказались при этом обманутыми, чтобы они укрепились еще лучше для окончательной борьбы за полное освобождение пролетариата.

Но, может быть, будет совсем иначе. И даже вероятнее, что будет иначе. Богатые крестьяне и многие образованные люди могут завтра же, как только худшая кабала будет ограничена и урезана, завтра же соединиться с помещиками, и тогда против всего деревенского пролетариата встанет вся деревенская буржуазия... Тогда нам смешно было бы бороться с одними помещиками. Тогда мы должны бороться со всей буржуазией и требовать прежде всего как можно больше свободы и простора для такой борьбы, требовать облегчения жизни рабочему для облегчения его борьбы.

Во всяком случае, будет ли так или иначе, наше первое, наше главное и непременное дело: *укрепить союз деревенских пролетариев и полупролетариев с городскими пролетариями.*

(Собрание сочинений Н. Ленина, том IX, стр. 368.)

Стало быть, не с Февральской и не с Октябрьской революции Владимир Ильич проповедует союз рабочих и крестьян, а больше 20 лет проповедывал он его, создавал и укреплял. Больше того. Уже в 1905 — 1906 г.г. Владимир Ильич ставил вопрос о власти рабочих и крестьян. В 1906 г. на нашем партийном

съезде в Швеции, в городе Стокгольме, обсуждались земельные вопросы (аграрная программа); Владимир Ильич тогда доказывал, что надо нам провести национализацию земли, т.-е. как раз тот самый порядок, который мы сейчас проводим.

Против этого спорили покойный Плеханов, П. Маслов и др. Они говорили: «Как же мы передадим землю государству? А если вернутся помещики?».

Владимир Ильич им отвечал: «Надо, чтобы каждый крестьянин понял, что если он отобрал землю у помещика, то он должен так перестроить все государство сверху до-низу, чтобы помещик вернуться не мог, чтобы вся власть, сверху до-низу, была (демократическая) народная».

А что значит вся власть сверху до-низу демократическая? Тогда еще не говорили: власть Советов, а на деле это была власть Советов, которую мы осуществили в 1917 г.

Следует еще отметить, что Ленин уже тогда, еще в начале девятисотых годов (даже в девяностых) вполне выяснил наше отношение к среднему крестьянину и его место в революции. В той же брошюре «К деревенской бедноте» Ленин писал:

> Везде, где начинается борьба между богатыми и беднотой, между собственниками и рабочими,—средний крестьянин посередке оказывается и не знает, куда итти. Богатые на свою сторону зовут: ты, мол, тоже хозяин-собственник, тебе нечего с голышами-рабочими делать. А рабочие говорят: богатые тебя надуют и тебя же оберут, и нет тебе иного спасения, кроме как нам помогать в борьбе со всеми богатыми. Этот спор из-за среднего мужика везде идет, во всех странах, где рабочие социалисты-демократы борются за освобождение рабочего народа. В России этот спор как раз теперь начинается. Поэтому нам надо особенно хорошо рассмотреть это дело и ясно понять, какими обманами завлекают среднего мужика богатые, как нам эти обманы вывести на чистую воду, как нам помочь среднему крестьянину найти его настоящих друзей. Если русские рабочие социал-демократы сразу станут на верный путь, то нам удастся гораздо скорее, чем немецким товарищам рабочим, устроить прочный союз деревенского рабочего народа с городскими рабочими и быстро прийти к победе над всеми врагами трудящихся.
>
> (Собрание сочинений Н. Ленина, том IX, стр. 340—341.)

Вышеприведенные выписки показывают, как Ленин умел понимать хорошо отношения различных слоев крестьянства и других классов. Вот именно в анализе, т.-е. исследовании разных классов и их отношении к революции, Ленин не имел себе равного в нашей партии. Дальнейшая наша борьба целиком подтвердила правильность тогдашних мыслей Ленина. Но тогда многим казалось, что Ленин очень «узко» смотрит: его называли «сектантом» (за непримиримость, за фанатизм, т.-е. за беззаветную преданность делу, которое он считал правильным).

Нас, большевиков, сторонников Ленина, называли еще «твердокаменными». Да, мы были твердокаменными там, где это нужно было в интересах пролетарской революции. Нам

приходилось не раз порывать личную дружбу и всякие сношения с людьми, которые отходили от нашей линии: вчерашние друзья становились непримиримыми врагами.

Ленину из-за своих взглядов приходилось порывать с лучшими товарищами. Многие считали, что Ленин — черствый человек, неспособный на глубокую личную привязанность. Конечно, это не так. Но там, где разрыва требовало дело рабочего класса, он шел на этот разрыв с лучшими своими друзьями — вчерашними соратниками. Это он сохранил до конца своей жизни. Это особенно задушевно рассказала нам Надежда Константиновна в своей статье «О Владимире Ильиче»:

Владимир Ильич любил людей. Он не ставил себе на стол карточки тех, кого он любил, как кто-то недавно описывал. Но любил он людей страстно. Так, любил он, например, Плеханова. Плеханов сыграл крупную роль в развитии Владимира Ильича, помог ему найти правильный революционный путь, и потому Плеханов был долгое время окружен для него ореолом; всякое самое незначительное расхождение с Плехановым он переживал крайне болезненно. И после раскола внимательно прислушивался к тому, что говорил Плеханов. С какой радостью он повторял слова Плеханова: «Не хочу умереть оппортунистом» [1]). Даже в 1914 году, когда разразилась война, Владимир Ильич страшно волновался, готовясь к выступлению против войны на митинге в Лозанне, где должен был говорить Плеханов. «Неужели он не поймет?»,—говорил Владимир Ильич. В воспоминаниях П. Н. Лепешинского есть одно совершенно неправдоподобное место. Лепешинский рассказывает, как однажды Владимир Ильич сказал ему: «Плеханов умер, а вот я, я жив». Этого не могло быть. Был, вероятно, какой-нибудь другой оттенок, которого П. Н. не уловил. Никогда Владимир Ильич не противопоставлял себя Плеханову.

Молодые товарищи, изучая историю партии, вероятно, не отдают себе отчета, что такое был раскол с меньшевиками.

Не только Плеханова любил Владимир Ильич, но и Засулич, и Аксельрода. «Вот ты увидишь Веру Ивановну, это кристально-чистый человек»,—сказал мне Владимир Ильич в первый вечер моего приезда в Мюнхен. Ореолом окружал он долгое время и Аксельрода.

Последнее время, незадолго уже перед смертью, он спрашивал меня про Аксельрода (указал его фамилию в газете, спросил «что»), просил спросить по телефону про него Каменева и внимательно выслушал рассказ. Когда я рассказала ему про А. М. Калмыкову и после этого он спросил «что», я уже знала, что спрашивал про Потресова. Я ему рассказала, что знала, и спросила: «узнать подробнее?». Он отрицательно покачал головой. «Вот, говорят, и Мартов тоже умирает»,—говорил мне Владимир Ильич, незадолго до того момента, как у него пропала речь. И что-то мягкое звучало в его словах.

Личная привязанность к людям никогда не влияла на политическую позицию Владимира Ильича. Как он ни любил Плеханова или Мартова, он политически порвал с ними (политически порывая с человеком, он рвал с ним и лично, иначе не могло быть, когда вся жизнь была связана с политической борьбой), когда это нужно было для дела.

Но личная привязанность к людям делала для Владимира Ильича расколы неимоверно тяжелыми. Помню, когда на втором съезде ясно стало, что раскол с Аксельродом, Засулич, Мартовым и другими неизбежен,

---

[1]) Оппортунист—человек, отказывающийся от своих убеждений, *приспособляющий* их к чужим взглядам.

как ужасно чувствовал себя Владимир Ильич. Всю ночь мы просидели с ним и продрожали. Если бы Владимир Ильич не был таким страстным в своих привязанностях человеком, не надорвался бы он так рано. Политическая честность—в настоящем, глубоком смысле этого слова,—честность, которая заключается в умении в своих политических суждениях и действиях отрешиться от всяких личных симпатий и антипатий,—не всякому присуща, и тем, у кого она есть, она дается не легко.

У Владимира Ильича был всегда большой интерес к людям, бывали постоянные «увлечения» людьми. Подметит в человеке какую-нибудь интересную сторону и, что называется, вцепится в человека. Помню двухнедельный «роман» с Натансоном, который поразил его своим организаторским талантом. Только и было разговору что о Натансоне. Особенно вцеплялся Владимир Ильич в приезжих из России. И обычно, под влиянием вопросов Владимира Ильича, заражаясь его настроением, люди, сами того не замечая, развертывали перед ним лучшую часть своей души, своего я, отражавшуюся в их отношении к работе, ее постановке, во всем их подходе к ней. Они невольно как-то поэтизировали свою работу, рассказывали о ней Ильичу. Страшно увлекался Ильич людьми, страшно увлекался работой. Одно с другим переплеталось. И это делало его жизнь до чрезвычайности богатой, интенсивной, полной. Он впитывал жизнь во всей ее сложности и многогранности. Ну, аскеты не такие бывают.

ПЕРВАЯ РЕВОЛЮЦИЯ.

Между тем русское правительство затеяло войну с Японией. Кто такие японцы? Из-за чего война? Кому была нужна война? Про это русский народ ничего не знал. День и ночь, ночь и день шли поезда на восток, в далекую Манчжурию. Сотни тысяч крестьян и рабочих посылались на верную смерть. А из-за чего? Что у нас, земли тогда мало было? Чего не хватало? Разным дворянам Безобразовым да великим князьям Романовым нужны были корейские леса, как будто у нас своих лесов нет; надо было забирать чужую землю, а на эту самую землю, на этот самый лес зарилось и японское правительство.

Но японское правительство было хоть подготовлено к этой войне, а русское правительство надеялось на то, что мы «японцев шапками закидаем». Сначала врали в газетах: дескать, побеждаем да побеждаем; а потом, как выяснилась горькая правда, так и пошли у нас большие волнения в народе.

Владимир Ильич с самого начала был против этой войны. Он предвидел, что из этой войны также родится большое народное движение, что так спокойно для народа эта война не пройдет. И действительно, вскоре после того как погиб наш флот в бою при Цусиме, после того как сдали крепость Порт-Артур, после того как под Мукденом и в других местах Манчжурии полегли сотни тысяч наших солдат, начались у нас бунты в войсках.

А еще до этих бунтов в армии и во флоте, 9 января 1905 г., рабочие, выведенные из терпения притеснениями капиталистов и всей этой ненужной войной, решили пойти к царю, просить

у него облегчения; пошли без бунта, пошли с верой к царю, с крестами, хоругвями, иконами и царскими портретами, в полном порядке. Не «Интернационал» пели они, не рабочие революционные песни; пели они «Спаси, господи, люди твоя». А царь Николай Романов, помазанник божий, сидел во дворце и говорил им: «Приидите ко мне все, страждущие и обремененные, и я расстреляю вас».

И они пошли, верующие в царя, и царь их расстрелял. Больше тысячи человек невинных людей погибло на улицах столицы. Поднялась тогда рабочая Россия, а когда вести дошли и до деревень, а когда вести дошли до армии и флота, тогда все забурлило, заволновалось. Начались крестьянские восстания, стали поджигать имения помещиков, красный петух стал гулять по барским имениям. Летом 1905 г. восстал флот черноморский во главе с броненосцем «Потемкиным». Да не сумели тогда еще сбросить власть царя и капиталистов, не было еще тогда у нас крепкой партии, которая могла бы взять на себя руководство всем этим во всей стране и направить движение по одной дороге.

Когда вспыхнуло восстание матросов черноморского флота, Ленин решил направить для руководства восстанием товарища М. Васильева-Южина. Тов. М. Васильев-Южин рассказывает об этом в своей статье *«Восстание на броненосце «Потемкин» и тов. Ленин»* («Молодая Гвардия», № 3, 1924).

В общих чертах дело происходило так. В Черноморском флоте среди моряков давно уже велась успешная пропаганда и агитация. Особенно много распропагандированных матросов находилось на броненосце «Екатерина Вторая», на который и возлагались главные надежды. Предстояли летние практические занятия эскадры. Она собралась в плавание, погрузив достаточное количество боевых снарядов. Перед плаванием вся эскадра собиралась у маленького островка Тендер. На этот раз первый отправился к острову броненосец *«Потемкин»*. Остальная эскадра оставалась еще в Севастополе.

Матросы «Потемкина» вообще ненавидели своего командира *Голикова* и других офицеров за жестокое обращение и бесцеремонное обворовывание команды. В первый же день плавания матросам приготовили обед из тухлого мяса. Матросы стали выражать недовольство и заявили протест. Офицеры набросились на них с грубой бранью и угрозами, а *Голиков* (если не ошибаюсь) выстрелом из револьвера убил матроса *Вакулинчука*. Матросы моментально схватились за винтовки и в несколько минут перебили и выбросили за борт всех офицеров. Восстание началось. Был выбран комитет, во главе которого стал матрос *Матюшенко*. Броненосец снялся с якоря и направился в Одессу.

Весть о восстании на «Потемкине» проникла заграницу лишь через несколько дней. Легко себе представить, какое возбуждение она вызвала в среде революционной эмиграции. Всех потянуло в Россию. И вот мне передают, что меня ищет Владимир Ильич по очень важному и срочному делу. Я немедленно собрался итти к нему, но он предупредил меня и зашел сам. Разговор был недолгий.

— По постановлению Центрального Комитета вы, тов. *Южин*, должны завтра выехать в Одессу,—начал Ильич.

— Готов хоть сегодня. Какие задания?

— Задания самые серьезные. Есть опасения, что одесские товарищи не сумеют, как следует, использовать восстание на броненосце «Потемкин». Вам необходимо добиться, чтобы немедленно был сделан дессант. Постарайтесь, во что бы то ни стало, попасть на броненосец, убедите матросов действовать решительно. В крайнем случае не останавливайтесь перед бомбардировкой правительственных учреждений. Город нужно захватить в наши руки. Затем немедленно вооружите рабочих и самым решительным образом агитируйте среди крестьян. Предложите им захватывать помещичьи земли и соединяться для общей борьбы с рабочими. Крестьянам уделите возможно больше внимания. Союзу рабочих и крестьян в начавшейся борьбе я придаю огромное, исключительное значение.

Ильич явно волновался и увлекался. В таком состоянии я раньше никогда его не видел. Особенно меня поразили и, каюсь, удивили его дальнейшие планы.

— Дальше необходимо сделать все, чтобы захватить в свои руки остальной флот. Я уверен, что большинство судов примкнут к «Потемкину». Нужно только действовать решительно и смело. Тогда немедленно посылайте миноносец за мной. Я выеду в Румынию.

— Вы серьезно считаете все это возможным, Владимир Ильич?— невольно сорвалось у меня.

— Разумеется, считаю совершенно возможным. Нужно только действовать решительно и быстро!—уверенно и твердо повторил он.

Ленин был прав: *мы не сумели* (я говорю это и про себя, так как находился в это время в Одессе — только что за день до этого вышел из тюрьмы после 10-дневной голодовки) использовать это движение, правительство же сумело его обезвредить, не дать ему разрастись в более могучее.

К осени 1905 г. движение рабочих стало широко развертываться, так что дело дошло до всеобщей забастовки в октябре. Все остановилось: фабрики, заводы, железные дороги, почта и телеграф. Тогда, как это поется в песенке того времени, «Царь испугался, издал манифест: мертвым — свободу, живых — под арест».

17 октября 1905 г. царь пообещал конституцию, а на другой день кровь рабочих уже лилась по улицам городов.

Как только весть об этом дошла до Владимира Ильича, он, чуть ли не на другой же день, хотя это было очень опасно, поехал в Россию. Поселился он около самой столицы (одно время жил в самой столице), около финляндской границы, в Куоккала (станция Финляндской железной дороги), и оттуда стал часто приезжать в столицу руководить движением. Но открыто ему появляться было, конечно, очень опасно. Я хорошо, однако, помню, что Владимир Ильич бывал на очень многих собраниях, делал доклады, а главное, можно было легко поехать туда, в Финляндию, в Териоки или еще на какую-нибудь станцию, повидаться и устроить там собрание, совещание или просто поехать на квартиру к Владимиру Ильичу. Таких совещаний было устроено очень много, и на них Владимир Ильич давал нам указания, как нам действовать.

В конце 1905 г. должен был состояться съезд партии, но не состоялся. Большевики съехались в городе Таммерфорсе, на севере Финляндии. Там нам стало известно о вооруженном восстании в Москве, и вот мы оттуда быстро уехали, чтобы принять участие в этом восстании, надеялись, что удастся организовать его и в других городах. Как известно, московское вооруженное восстание было раздавлено и потоплено в крови рабочих. Другие такие отдельные восстания, как в Харькове и Красноярске и других городах, тоже были раздавлены. Враг торжествовал победу.

Ленин, конечно, делал все решительно возможное, чтобы помочь восставшим московским рабочим. Тов. Антонов-Авсеенко вспоминает, как Ильич призвал его, чтобы дать ему боевые поручения в это время, чтобы не дать раздавить восстание московских рабочих.

Пронизывающе-холодный ветер декабря. Лежу в своей комнатушке сильно больной. Легкий стук. Энергичными шагами входит Вера Слуцкая (в ноябре 1917 года она погибла под Питером от казачьей шрапнели).

— Идемте со мной, крайне важное дело.

— Болен.

— Нужно итти.

В центре города, вблизи Невского. Редакция «Новой Жизни». Несколько человек в небольшой комнате у стола. В кресле Ленин.

— Восстание в Москве ширится. Рабочие побеждают. Николаевская железная дорога бастует. Пока же ставят военных железнодорожников. Нельзя допустить посылки войск из Питера. Нужно поддержать Москву.

Кто-то предлагает:

— Нужно подорвать пути, задержать эшелоны.

Ильич:

— Правильно; это нужно сделать, но этого недостаточно.

Новый голос:

— Устроим революционную улицу. Соберем что есть вооруженного, захватим определенный квартал. Забаррикадируемся. Оттянем на себя силы.

— Нет,—говорит Ильич,—это тактика отчаяния. Нужно не терять связи с массами. Тем, что вы предлагаете, мы не помешаем посылке войск: не успеем упрочиться, как разобьют...

Но что скажут наши военные?

Тов. Ногин и я сообщаем:

— Матросы разоружены. В «Петропавловске» связи недостаточны, но дезорганизовать возможно. Гвардейцы пойдут за начальством. Армейцы, железнодорожный батальон и саперы хорошо настроены.

Ильич:

— А пойдут они на отказ заменить бастующих?

Ногин уверенно:

— Да.

Решено. Железнодорожный батальон и саперы должны начать и захватить склад оружия на Охте (саперы стоят), передать оружие организованным рабочим, которые будут двинуты с митингов. Укрепиться на Выборгской стороне, связь держать с Финляндией.

Я, как бывший офицер, должен принять командование. Начали рано утром.

Прошла ночь. Утро. Никто не пришел, как было условлено, за мной. После узнал—солдаты отказались выступить.

(«На могилу Ильича», «В дни натиска и бури», В. Антонов-Авсеенко.)

А когда московское вооруженное восстание было раздавлено и прошел первый испуг, тогда-то и обнаружилась истинная природа либералов.

Те самые господа кадеты, которых меньшевики нам советовали не отпугивать, подносили благодарственные адреса за усмирение московских рабочих. Началось подлое оплевывание московского декабрьского вооруженного восстания. Даже Г. Плеханов в своем «Дневнике социал-демократа» писал: «Не надо было браться за оружие, не надо было начинать вооруженного восстания». Владимир Ильич тогда со всем пылом, на какой он был способен, обрушился на этих хулителей революции.

Нет ничего более близорукого,—писал он тогда,—как подхваченный всеми... взгляд Плеханова, что нечего было начинать несвоевременную стачку, что «не нужно было браться за оружие». Напротив, *нужно было более решительно, энергично и наступательно браться за оружие. Нужно было разъяснять массам невозможность одной только мирной стачки и необходимость бесстрашной и беспощадной вооруженной борьбы.* И теперь мы должны, наконец, открыто и во всеуслышание признать недостаточность политических забастовок. Должны агитировать (проповедывать) в самых широких массах за вооруженное восстание... Скрывать от масс необходимость отчаянной кровавой истребительной войны, как непосредственной задачи грядущего выступления, значит обманывать и себя, и народ.

В декабре 1905 г. мы были раздавлены. Враг ликовал. Многие впадали в уныние, а Владимир Ильич видел своим ясным взором, что нам придется еще раз взяться за оружие и что надо к этому новому восстанию подготовиться как следует. Он хотел, чтобы мы не просто признали свою ошибку, а чтобы мы знали, в чем эта ошибка. И одной из ошибок серьезных Владимир Ильич считал то, что у нас не было отчаянно смелого, бесповоротно решительного наступления. Он писал тогда в 1905 г.:

Декабрь подтвердил наглядно еще одно глубокое... положение Маркса, писавшего, что восстание есть искусство и что главное правило этого искусства—отчаянно-смелое, бесповоротно-решительное наступление. Мы недостаточно усвоили себе эту истину. *Мы недостаточно учились сами и учили массы этому искусству, этому правилу наступления во что бы то ни стало.* Мы должны наверстать теперь упущенное нами со всей энергией. Недостаточно группировок по отношению к политическим лозунгам, необходима еще группировка по отношению к вооруженному восстанию. Кто против него, кто не готовится к нему, того надо беспощадно выкидывать вон из числа сторонников революции, выкидывать к противникам его—к предателям или трусам, ибо близится день, когда сила событий, когда обстановка борьбы заставит нас разбирать врагов и друзей по этому признаку.

Владимир Ильич считал в 1905 г., что мы потерпели только временное поражение, он был уверен в том, что скоро наступит новая борьба, и он призывал решительно готовиться к этой борьбе. Он сам писал инструкции для боевых дружин, он сам

писал о том, как надо готовиться к вооруженному восстанию, он помогал нам издавать газеты, он защищал нашу боевую тактику против меньшевиков и на съезде в Стокгольме в 1906 г., и на съезде в 1907 г. в Лондоне, и позже. Он писал в 1906 г.:

> *Будем помнить, что близится великая массовая борьба. Это будет вооруженное восстание. Оно должно быть, по возможности, единовременно.* Массы должны знать, что они идут на вооруженную кровавую отчаянную борьбу. *Презрение к смерти должно распространиться в массах и обеспечить победу. Наступление на врага должно быть самое энергичное; нападение, а не защита, должно стать лозунгом масс.* Беспощадное истребление врага станет их задачей. Организация борьбы сложится подвижная и гибкая; колеблющиеся элементы войска будут втянуты в активную борьбу. Партия сознательного пролетариата должна выполнить свой долг в этой великой борьбе.

Когда выяснилось, что трудно рассчитывать на немедленное новое выступление рабочих масс, Владимир Ильич призывает итти в Государственную Думу и там, в этой Государственной Думе, которую многие называли свиным хлевом, повести революционную борьбу, говорить с трибуны Таврического дворца, где заседала Государственная Дума, к рабочим, крестьянам, солдатам, звать их на борьбу, сплачивать. Не законы писать итти туда, потому что рабочие не могли там провести законы, нужные рабочим и крестьянам, а разоблачать обман народа надо было туда итти и звать народ на борьбу. Сидели там, в этой самой Государственной Думе, купцы, помещики, профессоры, адвокаты, попы и зажиточные крестьяне. Маленькая горсточка была рабочих депутатов. Владимир Ильич учил их, как вести революционную борьбу, как выступать. Он говорил так: «Зачем вам произносить там парламентские речи на манер того, как говорят эти образованные господа? А вы попросту, по-мужицки, по-рабочему выйдите да скажите про рабочую нужду, про крестьянские порядки, про то, что наболело, про несправедливости господ помещиков да капиталистов; выйдите да пообещайте им, что мы, мол, вас повесим на фонарях, как власть возьмем, последние годы доживаете. Вот тогда рабочие и крестьяне вас будут слушать, прислушиваться к вам, и вы будете, хоть и маленькая горсточка, а все-таки их звать на борьбу и сплачивать их в одно». И некоторые наши депутаты действительно очень много сделали в этом отношении в Государственной Думе.

В 1905 г. дело доходило до образования в Питере, Москве и других городах «Советов рабочих депутатов», а местами кое-где были даже «Советы рабочих и солдатских депутатов» (в Красноярске, Чите). И тогда же Владимир Ильич видел в них ту форму революционного единения, которую мы должны будем укрепить в 1917 г. Он присутствовал тайком на заседаниях «Совета рабочих депутатов», и, быть может, тогда уже в голове его созревал план создания будущего советского государства. Об этих именно

Советах он писал, как о новой форме, созданной рабочим классом. Когда же в России революция пошла на убыль, организация была значительно разгромлена, и столыпинская могильная тишина стала водворяться среди виселиц казненных, Владимир Ильич решил, с болью в душе, по совету и настоянию передовых рабочих нашей партии, снова уехать заграницу, потому что его по пятам преследовали. Надо было опять начать собирать силы для новой борьбы.

Летом 1906 г. Ленин участвует на IV («объединительном») съезде в Стокгольме, где резко выступает против меньшевиков, защищая национализацию земли, вооруженное восстание и необходимость более четкой классовой линии поведения в Государственной Думе. Затем он возвращается в Питер, живет около границы (Куоккала), принимая участие в руководстве всей работой. В июле 1906 г. вспыхнуло восстание в Кронштадте и Свеаборге. Ленин находился в оживленных сношениях с организаторами Кронштадтского и Свеаборгского восстания и предпринимал меры к тому, чтобы это восстание перенесено было и в столицу. Но это не удалось. Восстание было подавлено. С участниками восстания расправились кровавой баней и виселицами.

Живя в Финляндии, Ленин руководил деятельностью депутатов в Государственной Думе: он понимал эту деятельность только как революционную. На Государственную Думу смотрел как на место, откуда более свободно может звучать голос рабочего на всю страну. Поэтому он стоял за участие в Думе, но так, чтобы депутаты воспользовались своим исключительно выгодным положением людей, которые могут проповедывать социализм открыто, с целью сплотить, организовать массы рабочих, солдат и крестьян для революционной борьбы.

Ленин придавал огромное значение работе в войсках. В ноябре 1906 г. я с несколькими товарищами (Насимович-Чужак, М. Трилиссер, И. Х. Лалаянц, Д. К. Гончарова, Э. Кадомцев и П. Кадомцев, И. Ф. Локацков, Г. И. Гиммер и другие) устроили в Таммерфорсе, в Финляндии, совещание военных и боевых организаций; Ленин это совещание очень одобрил и защищал нас от нападок меньшевиков.

В июле 1907 г. Ленин участвовал на Лондонском съезде нашей партии, где ему пришлось выдержать ужасную борьбу с меньшевиками. Помню, как правительство всячески травило нас, гнало из Дании (г. Копенгагена) в Швецию (г. Мальме), оттуда — в Лондон. Лондонские газеты пестрили заметками, что Ленин—анархист, что он—брат цареубийцы, что на нашем съезде будет руководить вместе с Лениным известный тогда анархист князь Петр Кропоткин.

Мы собрались в маленькой «Церкви братства» (так она называлась — Brotherhood Church — на Бальзамической улице —

Balms Street), которая принадлежала обществу английских социалистов-фабианцев (особая такая домашняя, ручная порода социалистов, больше чем наполовину состоящая из самой настоящей буржуазии). Борьба была на съезде такая резкая, что дело доходило до обмороков противников. По многим вопросам на этом съезде победили большевики, но было ясно, что нам с меньшевиками в одной партии не ужиться.

После разгона 2-й Государственной Думы многие стали опять высказываться за бойкот Думы. На состоявшейся летом 1907 г. в Выборге общерусской конференции нашей партии Ленин решительно высказался *за* участие рабочих в выборах в 3-ю Государственную Думу, несмотря на изменение избирательного закона в худшую сторону.

В августе 1907 г. Ленин участвует в Штуттгартском международном конгрессе (съезде) и вместе с Розой Люксембург проводит на этом съезде резолюцию, обязывающую социалистов объявить «войну войне» и бороться за превращение империалистической войны в социальную революцию, в войну гражданскую, направленную против власти капиталистов.

По окончании этого съезда он возвратился в Россию, но уже было ясно, что ему не удастся работать. Его ждала тюрьма. Он предпочел изгнание и, по настоянию партии, выехал снова заграницу.

ВТОРОЕ ИЗГНАНИЕ. БОРЬБА ЗА ПАРТИЮ.

На этот раз его изгнание — жизнь заграницей — было немного короче, хотя и тяжелее было оно. Печальное это было время. Тысячи рабочих сидели по тюрьмам, сотни были казнены. Сотни лучших товарищей гремели кандалами на каторге, тысячи были разосланы в ссылку, в самые отдаленные углы. Объявилось много предателей-Иуд, которые предавали рабочих и помогали раскрывать наши подпольные тайные организации. Кто покрепче, посмелее, оставались в партии, несмотря ни на что, продолжали работать, зарывались только поглубже, как кроты, в подполье, но продолжали кротовую работу, подкапывали устои старого мира. Кто посмелее да половчее, бежали из тюрьмы, из ссылки, вновь возвращались к работе, рискуя часто своей головой.

А с другой стороны, часть товарищей стала хоронить партию. Особенно подло держали себя меньшевики. Они стали проповедывать *ликвидаторство;* дескать, надо покончить с нашей подпольной работой, ликвидировать ее, партия подпольная умерла, она — труп. Хоронить стали нашу партию. Надо,

дескать, работать только открыто, как позволяет царское правительство. Надо отказаться от всего, что препятствует этой открытой (легальной) работе. Приходилось Владимиру Ильичу бороться жестоко с этими ликвидаторами, поддерживать бодрость в людях. Давно уже не было «Искры». В 1904 г. Владимир Ильич стал издавать газету большевиков «Вперед», позднее — «Пролетарий», потом газету «Социал-Демократ», в 1905 г. — «Новую Жизнь», потом газету «Волну» и другие. В Москве издавался «Светоч». И теперь Владимир Ильич стал подумывать о том, что надо опять издавать такую газету, которая собирала бы вокруг себя рабочих; но только позднее удалось это выполнить, а пока надо было собирать растерянные силы, вновь их соединять. И вот, сидя заграницей, Владимир Ильич устраивает заграницей школу для марксистов, для рабочих, которых можно было бы подготовить к руководству нашими комитетами. Интеллигенция в то время больше чем на три четверти разбежалась от нас, испугалась. В праздник революции она была около нас, а как пришли тяжелые, суровые будни, разбежалась. Владимир Ильич думал: надо собрать двадцать — тридцать передовых рабочих, являющихся практиками рабочего движения, и их вооружить знанием учения Маркса.

И Ленин задумывает устроить заграницей партийную школу, собрать туда передовых рабочих из России и с ними заниматься там, не боясь преследований полиции, с тем, чтобы из них подготовить руководителей партии.

Ленин еще раньше предвидел возможность бегства интеллигенции из рядов нашей партии в случае поражения революции. В. Адоратский в своих воспоминаниях о Владимире Ильиче («Пролетарская революция», № 3, 1924 г.) пишет:

Как раз 1904—1905 годы были годами расцвета политической борьбы против самодержавия. Политические события первостепенной важности, одно ярче другого, проходили перед глазами. Тов. Ленин жил заграницей; он уже был вождем большевистской фракции, принимая самое живое участие в политической борьбе. Сношения между Россией и заграничным центром становились все оживленнее, товарищи из России появлялись в Женеве чуть не ежедневно. Тов. Ленин расспрашивал каждого приехавшего, доходя до мельчайших подробностей местной рабочей жизни. Отъезжающим в Россию он давал наставления особенно заботиться о том, чтобы рабочие присылали в редакцию письма о фабрично-заводской жизни. Каждому приезжему из России местному работнику ставился вопрос: есть ли у вас в комитете рабочие, а если нет, то почему.

Однажды два молодых комитетчика, приехавшие из Одессы, ответили:

— Пробовали мы ввести в комитет рабочих, но неудачно.

— Почему?

— Да они сейчас же потребовали, чтобы выпускать листки о заработной плате и разных мелких нуждах отдельных заводов.

Нужно было видеть, с каким негодованием обрушился Ильич на этих комитетчиков, как он отпел их, объясняя, что это требование одесских рабочих лучше всего доказывает именно пользу и необходимость выдвигать рабочих в число членов комитета.

В вопросе об устройстве школы ему пришлось также выдержать большую борьбу. Потому что такую же школу стали строить писатель Горький совместно с А. В. Луначарским, А. Богдановым, В. Базаровым, Г. Алексинским и другими отзовистами, богоискателями и богостроителями (о них несколькими строками ниже).

А. М. Пешков (Максим Горький), А. Богданов, А. В. Луначарский устроили в Италии на острове Капри школу, собрали туда с разных концов России рабочих. Лекции читали Богданов, Луначарский, Покровский М. Н., Лядов, Максим Горький, Станислав Вольский и Алексинский. Но так как Ленин совершенно не был согласен с тем, что тогда проповедывали эти товарищи, то он сам устроил школу в Париже и читал лекции в этой школе, которая управлялась Центральным Комитетом нашей партии. Ленин читал о земельном вопросе, о профессиональном движении в России и заграницей, Зиновьев — по истории русской революции, Каменев — по вопросам организации нашей партии, покойный Иннокентий Дубровинский и еще несколько товарищей — по другим вопросам. Один из учеников этой школы, рабочий ткач, Владимир Михайловнч Косырев, рассказывает о первой встрече с Лениным в этой школе:

Дня через три по нашем приезде в Париж, нам обещали устроить встречу с тов. Лениным. Вечером нас пригласили в Центральный Комитет, в помещение (похожее на переднюю) редакции газеты «Пролетарий». Нас встретил тов. Зиновьев. На этот раз ученики пришли не все, всего человек пять. Беседа с Зиновьевым как-то не клеилась, все ждали прихода Ленина. Никто не обратил внимания, как из соседней комнаты вышел коренастый, лысый человек в потертом сюртуке и сел на подоконнике в стороне от нас. Зиновьев тоже не обращал на него внимания и продолжал задавать нам вопросы. Прошло уже минут пятнадцать, а я не утерпел и спросил Зиновьева, когда же, наконец, придет Ленин, которого мы так долго ждем. Зиновьев ухмыльнулся, посмотрел на сидящего в сторонке человека и сказал: «Товарищ Ленин как будто уже пришел». Все засмеялись. Ленин подошел ближе, беседа оживилась, пришла Надежда Константиновна Крупская, которую мы также раньше не видали. Одета она была скромно, покрыта полушалком. Вошла и встала около печки, наблюдая нас. Она осталась на своем месте до конца беседы. Мы условились с Лениным, что он будет приходить на занятия к нам в гостиницу. Аккуратно, в назначенный час, он приходил к нам, чтобы беседовать о столыпинской реформе. (Столыпин проводил выделение крестьян на отруба с тем, чтобы создать крепкое, зажиточное, кулацкое крестьянство для поддержки помещичьего, самодержавного строя, но просчитался. Впоследствии Столыпин был убит.)

Когда сторонники Богданова, Алексинского и других, видя неудачу своей школы на Капри (от них часть слушателей рабочих, вместе с Михаилом Заводским (Вилоновым) откололась и уехала к Ленину), устроили новую школу в г. Болоньи, то с ней повторилось то же самое. Совещание большевиков из редакции «Пролетария» вынесло в июне 1909 г. решение по поводу этих школ,

где снимало с большевиков всякую ответственность за школы, устраиваемые отзовистами и богостроителями [1]).

Что же это были за отзовисты и богостроители?

Ленину приходилось очень много спорить с теми учениками, которые раньше побывали в школе Богданова и других на острове Капри. Дело в том, что в то время часть товарищей считала Ленина очень умеренным, считала, что Ленин пошел вправо, заблудился. В чем видели они ошибку Ленина? В 1905 г., когда волна революции поднималась все выше и выше, когда дело доходило до вооруженного восстания, Ленин проповедывал бойкот Государственной Думы, т.-е. говорил, что в Государственную Думу выбирать не надо, что выборы в Государственную Думу только отвлекают рабочий класс и крестьянство от прямой революционной борьбы. Но когда он увидел, что Государственная Дума играет большую роль, что революционные силы далеко еще не все собраны и из Государственной Думы можно будет вести проповедь революции, Ленин стал советовать выбирать в Государственную Думу. Но не для того, чтобы итти там столковываться с помещиками и с капиталистами, а для того, чтобы оттуда вести решительную революционную борьбу. Так как к речам в Государственной Думе прислушивались, Ленин считал, что и Государственную Думу можно превратить в революционную трибуну, как он говорил, и оттуда звать рабочих, крестьян и солдат к восстанию. Часть товарищей считала, что Ленин изменяет революции. Они уже его, видите ли, считали правым, а себя левыми. Впоследствии эти товарищи образовали заграницей группу, которая требовала, чтобы мы *отозвали* рабочих депутатов из Государственной Думы. За это их стали называть «*отзовистами*». Часть этих товарищей стала выпускать в то время заграницей свою газету «Вперед». По этой газете их называли «*впередовцами*». Ленин решительно боролся с ними, доказывал, что они так же вредят революции рабочего класса,

---

[1]) По поводу школы на Капри Ленин провел на совещании большевиков следующее решение:

«Признавая, что при современном недостатке опытных партийных работников, целесообразно поставленная и действительно партийная школа, даже находящаяся заграницей, могла бы до известной степени помочь местным организациям в деле выработки годных партийных работников из среды рабочих, и считая необходимым, с своей стороны, сделать все, что положение нашей организации позволяет для выполнения этой помощи местным организациям,—расширенная редакция («Пролетария»), на основании всего образа действий инициаторов (зачинщиков) школы на Капри, констатирует, что эти инициаторы преследуют не общефракционные цели, то-есть не цели большевистской фракции, как идейного течения партии, а свои особые, групповые идейно-политические цели...

В виду всего этого расширенная редакция «Пролетария» заявляет, что большевистская фракция никакой ответственности за эту школу нести не может».

как те самые *«ликвидаторы»*-меньшевики, которые настаивают на прекращении революционной, подпольной работы нашей партии.

Кроме того, Ленин вел в то же время не менее решительную борьбу с так называемыми *«богоискателями»* и *«богостроителями»*. Многие интеллигенты, разуверившись в революции, метались тогда в поисках такого учения, которое могло бы удовлетворить этих людей, потерявших веру в революцию. Часть писателей в то время выступила с проповедью необходимости построить новую религию, такую, которая удовлетворяла бы пробудившийся к революционной борьбе рабочий класс, начала доказывать, что религия и социализм не только совместимы, но больше того, социализм сам является новой религией. Ленин еще в 1909 г. выступил решительно против такого неправильного отношения к вопросу о религии и указывал на то, что для многих наших друзей защита социализма, как религии, есть только одна из форм перехода от социализма к религии. С такими богоискателями он вел самую беспощадную борьбу, не останавливался перед тем, чтобы порвать с ними, как он порвал, например, в то время очень резко с тов. А. В. Луначарским. Не менее резко выступал он и против богостроителей. Богостроителями назывались в то время люди, которые тоже стремились построить новую религию. Они говорили, что народ в своей борьбе сам строит религию, и они помогали ему строить эту религию. Ленин в этом видел величайший вред. С одним из таких богостроителей, Алексеем Максимовичем Пешковым (Максимом Горьким) Ленин переписывался много по этому вопросу.

Ленин писал Горькому тогда в письме от 14 ноября 1913 г.:

Богоискательство отличается от богостроительства, от богосозидательства, от боготворчества ничуть не больше, чем желтый чорт отличается от чорта синего. Говорить о богоискательстве не для того, чтобы высказаться против всяких чертей и богов, против всякого идейного труположства (всякий боженька есть труположство, будь это самый чистенький, идеальный, не искомый и построяемый боженька, все равно), а для предпочтения синего чорта желтому, это в сто раз хуже, чем не говорить совсем [1]).

---

[1]) На совещании большевиков Ленин провел поэтому такую резолюцию *«О богостроительских тенденциях (стремлениях) в социал-демократической среде:*

«Принимая во внимание, что в настоящее время, когда в атмосфере упадка общественного движения рост религиозных настроений в контрреволюционной буржуазной интеллигенции придал этого рода вопросам важное общественное значение, и что в связи с этим ростом религиозных настроений делаются ныне отдельными социал-демократами попытки связать с социал-демократией проповедь веры и богостроительства и даже придать научному социализму характер религиозного верования,—расширенная редакция «Пролетария» заявляет, что она рассматривает это течение, особенно ярко пропагандируемое в статьях тов. Луначарского, как течение, порывающее с основами марксизма, приносящее по самому суще-

Именно потому, что всякая религиозная идея, всякая идея о всяком боженьке, всякое кокетничание даже с боженькой есть невыразимейшая мерзость, особенно терпимо (а часто даже доброжелательно) встречаемая *демократической* буржуазией,—именно поэтому это самая опасная мерзость, самая гнусная «зараза». Миллион грехов, пакостей, насилий и зараз *физических* гораздо легче раскрываются толпой и потому гораздо менее опасны, чем *тонкая*, духовная, приодетая в самые нарядные «идейные» костюмы, идея боженьки. Католический поп, растлевающий девушек (о котором я сейчас случайно читал в одной немецкой газете), гораздо менее опасен именно «для демократии», чем поп без рясы, поп без грубой религии, поп идейный и демократический, проповедующий созидание и сотворение боженьки. Ибо первого попа *легко* разоблачить, осудить и выгнать, а второго *нельзя* выгнать так просто, разоблачить его в тысячу раз труднее, «осудить» его ни один «хрупкий» и «жалостливо шаткий» обыватель не согласится.

Кроме того, надо было в это время дать отпор разным нашим писателям, бывшим ученикам Маркса, которые стали колебаться и ревизовать — пересматривать учение Маркса, доказывали, что Маркс ошибался то в том, то в другом. Стали печатать книжки по философии, которые тоже в конце концов сводили дело к тому, чтобы поколебать учение Маркса. Владимир Ильич тогда должен был засесть сам за книжки по философии, так сказать, забраться в крепость врага; он просиживал дни и ночи в библиотеках Лондона и составил серьезный труд по философии, в котором показал правильную дорогу ученикам Маркса, большевикам. Он показал в этой книге, что пересмотр философии Маркса есть на самом деле пересмотр всего пути нашей борьбы, и он помог нам сохранить правильную линию. Эта его философская работа по тому времени была для нас не менее важна, чем его руководство в дни восстания. И там, и тут он помогал нам итти правильной дорогой по пути, завещанному нам Марксом и Энгельсом — творцами научного социализма.

В написанных им тогда книгах и статьях (статья «Марксизм и ревизионизм» в сборнике «Карл Маркс» и книга: «Материализм и эмпириокритицизм»). Пришлось Ленину повоевать в это время и с тов. Троцким, который никак не соглашался с большевиками и считал, что между большевиками и меньшевиками вовсе нет таких разногласий, которые нельзя было бы примирить. Таких «примиренцев» Ленин очень не любил.

НОВЫЙ ПОДЪЕМ ДВИЖЕНИЯ.

Уже в 1910 г. почувствовалось, что настает конец безвременью. Показались первые признаки оживления среди рабочих.

ству своей проповеди, а отнюдь не одной терминологии (т.-е. не только словесный), вред революционной социал-демократической работе по просвещению рабочих масс, и что ничего общего с подобным извращением научного социализма большевистская фракция не имеет».

И как только Владимир Ильич это почувствовал, он начал снова подумывать об издании большевистской газеты в России. Ему удалось привлечь на свою сторону старика Г. В. Плеханова, который не был согласен с меньшевиками-ликвидаторами и совместно с нами тогда выступил против них. На совместном совещании с Каменевым, Зиновьевым, Плехановым и депутатами Государственной Думы они решили издавать газету «Звезда». В этой газете, которая стала выходить в конце 1910 г., Ленин принял живейшее участие, пересылая для напечатания свои статьи.

Весною 1911 г. Ленин созывает в Париже совещание большевиков — членов Центрального Комитета нашей партии. На это совещание он вызвал бежавшего из ссылки А. И. Рыкова; на нем, кроме того, присутствовали товарищи Каменев, Зиновьев, Семашко, Владимирский и Тышко (Иогихес, убитый в Германии во время революции). На этом совещании было постановлено перестроить заграничное бюро Центрального Комитета и приступить к созыву общепартийного совещания, чтобы обновить и создать новый Центральный Комитет, который способен был бы руководить начавшимся оживлением рабочего движения.

В начале 1912 г. Владимир Ильич созывает в Праге (в теперешней Чехо-Словакии) *Всероссийское совещание (конференцию) большевиков* [1]). Это совещание имело громадное значение: после долгого времени растерянности, разброда, отсутствия руководства, снова большевики собрались вместе, решили главные вопросы, стоявшие на очереди, наметили план работы и пути борьбы. Главное, на что Владимир Ильич обращал тогда внимание, было: сплочение передовых революционных рабочих и массовая агитация. Партию строить из разнородных кусков, включая туда и меньшевиков-ликвидаторов и других, он не советовал. Уже тогда он смотрел на дело так: «Лучше меньше, да лучше».

[1]) Совещание имело одиннадцать заседаний и выработало резолюции по следующим пунктам порядка дня: 1) революционный подъем партии, стачки и задачи партии; 2) строительство нелегальной организации; 3) думская социал-демократическая фракция; 4) партийная пресса; 5) страховая кампания; 6) отношение к ликвидаторству; 7) вопрос о единстве; 8) о «национальных» социал-демократических организациях. На конференции, происходившей в Праге в январе 1912 года, были представлены все действующие социал-демократические организации, за чисто единичными исключениями. Присутствовало пятнадцать делегатов с решающим голосом от следующих организаций: С.-Петербург, Москва и Центрально-Промышленная область, Киев, Екатеринослав, Николаев, Баку, Тифлис, Саратов, Казань, Вильно, Двинск.

С опозданием прибыли еще на конференцию два товарища из социал-демократической фракции 3-й Государственной Думы (один большевик и один меньшевик-партиец).

В 1911 г. летом Ленин, живя в Париже, устраивает в местечке Лонжюмо под самым Парижем, партийную школу для рабочих, в которой он прочитал следующие лекции: 1) Политическая Экономия — 30 лекций. 2) Аграрный (земельный) вопрос — 10 лекций. 3) Теория и практика социализма — 5 лекций.

И в эти годы Ильич жил все такой же напряженной жизнью, главную радость видя в работе для революции. З. Лилина вспоминает об этой работе в школе в Лонжюмо:

Лето 1911 года провели мы все вместе в деревушке под Парижем в Лонжюмо, где была устроена большевистская партийная школа. Владимир Ильич работал шесть дней в неделю, не давая себе ни минуты отдыха. Но зато один день в неделю, но никогда не в воскресенье, когда, по его словам, проходу не было от гуляющих, отдыхал полностью. Мы тогда садились все четверо: Владимир Ильич, Надежда Константиновна, Зиновьев и я—на велосипеды и уезжали с шести часов утра до десяти—одиннадцати вечера за город. Условие, которое Владимир Ильич при этом ставил,—ни слова о политике.

В первый раз, когда мы поехали, мне казалось странным, о чем же мы будем говорить, если нельзя говорить о политике. Оказалось, что с Владимиром Ильичем можно говорить о многом, не касаясь политики.

А в 1912 г. стали издавать газету «Правда». Сразу же на эту газету обрушилось царское правительство. Но в то же самое время эта газета стала массовой газетой рабочих, которые поддерживали ее всячески, собирали деньги на нее по кружкам, по фабрикам и заводам, устраивали сборы, отчисления, сами писали туда корреспонденции про рабочую жизнь, распространяли ее всячески. Сегодня закроют «Правду», а завтра выходит «Путь Правды»; «Путь Правды» закроют, глядишь — выходит «Голос Правды»; «Голос Правды» закроют — «Правда Труда» вышла; «Правду Труда» закроют, появляется «Северная Правда» и т. д. Все больше и больше соединялись вокруг газеты рабочие, а в газете, почти что в каждом номере, появлялись статьи Владимира Ильича, который сидел близко к границе и получал эту газету, аккуратно следил за ней, вместе с другими товарищами руководил ею, давал постоянные указания, радовался, как ребенок, подсчитывая, сколько имеет рабочих-подписчиков эта газета, на скольких заводах устраиваются сборы, сколько рабочих голосует за нас в союзе металлистов, сколько в страховых больничных кассах. Он это делал, как полководец, который собирает боевые силы и подсчитывает каждого солдата, готового в бой с капиталом.

Кроме того, Владимир Ильич тогда писал много в журнале «Просвещение», который мы издавали для передовых рабочих. Кроме этого, мы издавали журнал «Вопросы Страхования». Всей этой большой работой руководил Владимир Ильич. Чувствовалось, как нарастает все выше и выше волна рабочего движения.

Каждый день он посылает в Россию статью, написанную для этих газет и журналов. Надо сказать, что товарищи, сиде-

вшие в редакции, не очень-то церемонились и со статьями Ильича, переделывали их, урезывали. Ильич очень терпеливо относился к этому. Об этом вспоминает (в «Пролетарской Революции») тов. М. С. Ольминский, который в то время был редактором «Правды» (в партии был известен под именем «Галерка» — так он подписывал свои статьи):

Только литератор может вполне понять, насколько тяжело работать в газете при таких условиях. Большинство литераторов разбегалось после одного—двух случаев такой операции с их статьями. А относительно товарища Ленина члены редакции говорили:

— Уж Ильич от нас не уйдет!—и кромсали его статьи без зазрения совести.

И только однажды, кажется, в марте 1913 года, в письме у Ильича вырвалась фраза: «При таких условиях невозможно работать в газете». Это случилось, когда на запрос, почему несколько его статей подряд не было напечатано, он получил ответ, что рукописи еще не прочитаны за недостатком времени.

В Ильиче передовые рабочие видели в то время настоящего вождя, которому можно доверить руководство движением. Когда большевики победили на выборах в «Союз металлистов», где против нас были и эс-эры, и меньшевики, и другие группы, рабочие тотчас же послали приветственную телеграмму вождю — Ильичу. Вы можете понять, какая это была радость, какая награда тов. Ленину!

После расстрела рабочих на приисках «Ленского золотопромышленного т-ва», 4 апреля 1912 г., рабочее движение приняло ярко-политический, массовый, бурный характер. Расстрелы на далекой Лене сотен ни в чем неповинных рабочих пробудили революционную энергию.

В 1914 г., незадолго перед войной, забастовочное движение охватило целые районы, а в некоторых местах дело дошло до вооруженных схваток, до постройки баррикад. Но тут грянула империалистическая война 1914 г.

История раскрывала новую кровавую страницу. Среди стонов и грохота орудий, из обломков, развалин и залитых кровью окопов вставало солнце коммунизма, загоралась заря Коммунистического Интернационала.

ВОЙНА 1914—1918 г.г. ОТНОШЕНИЕ К ВОЙНЕ.

Весть о войне дошла до Владимира Ильича, когда он жил в галицкой деревушке вместе с Надеждой Константиновной Крупской, товарищем Григорием Зиновьевым и Лилиной. Когда получилось известие о том, что война объявлена, сразу стало ясно, что дело серьезное. О том, что война надвигается, об этом мы, большевики, писали задолго до этого: это было

совершенно ясно. Я помню, как в Якутске, в ссылке, еще в 1913 г., я читал в журнале большевиков «Просвещение» статью нашего тов. Михаила Николаевича Покровского, из которой совершенно ясно было, что мы стоим перед мировой войной.

Ильич предвидел эту войну еще раньше.

В 1907 г. собрался в г. Штуттгарте, в Германии, Международный съезд социалистов II Интернационала: мы тогда входили все во II Интернационал, хотя и находили, что во многом это международное объединение рабочих отклоняется от правильного революционного пути рабочего класса. Владимир Ильич, вместе с Розой Люксембург и некоторыми другими товарищами, составляли как бы *левую* фракцию и внесли поправку к резолюции о мировой войне, в которой говорилось:

1) что милитаризм (т.-е. организация вооруженных сил в буржуазных государствах) есть главное орудие классового угнетения;

2) что надо поставить агитацию среди молодежи;

3) что надо не только бороться против возникновения войны или за скорейшее прекращение начавшейся уже войны, а надо бороться за то, чтобы использовать создаваемый войною кризис для ускорения падения буржуазии.

И позднее, когда угроза войны нависла над Европой из-за дележа и грабежа на Балканах, социалисты II Интернационала опять-таки пообещались бороться против войны.

Хотя Владимир Ильич очень хорошо знал, что у многих тогдашних социалистов слово расходилось с делом, но все-таки был хорошего еще мнения о них. Тов. Зиновьев так рассказывает об этом моменте:

> Я помню, мы тогда держали пари (бились об заклад) с тов. Лениным. Я говорил: вы увидите, что господа германские социал-демократы не посмеют голосовать против войны, они *воздержатся* при голосовании военных кредитов. А тов. Ленин говорил: «Нет, они все-таки не такие подлецы. Бороться против войны они, конечно, не будут, но для очистки совести они будут голосовать против, дабы рабочий класс не выступил против них.

Да, в этом случае ошиблись оба, почти все ошиблись тогда. Германские социал-демократы настолько оказались холопами перед правительством кайзера Вильгельма, что голосовали за то, чтобы дать деньги на ведение войны.

Владимир Ильич понял тогда, что II Интернационал умер, что надо собирать силы для постройки III Интернационала, нового объединения рабочих, которое способно было бы бороться против войны и выполнить свой социалистический долг перед всем рабочим классом. В ноябре 1914 г. Владимир Ильич писал (в статье «Положение и задачи социалистического Интернационала»):

> «II Интернационал выполнил свой долг полезной подготовительной работы по предварительной организации пролетарских масс в долгую

«мирную» эпоху (т.-е. промежуток времени) самого жестокого капиталистического рабства и самого быстрого капиталистического прогресса (т.-е. развития) последней трети XIX и начала XX века. III Интернационалу предстоит *задача организации сил пролетариата для революционного натиска на капиталистические правительства, для гражданской войны против буржуазии всех стран за политическую власть, за победу социализма.*

Теперь всем нам ясно, что II Интернационал погиб, как *социалистический* Интернационал. Он стал отделением фашистов, прикрытием социалистической болтовней и знаменем социализма. Под этим прикрытием он удерживает массы от пролетарской революции. Под этой маской он спасает от гибели буржуазию, как спасал ее во время войны. Но тогда слова Ленина вызвали среди социалистов большое возмущение. Ведь II Интернационалу все еще верили миллионы рабочих. Поэтому господа социалисты говорили с возмущением, что Ленин оскорбляет всех социалистов.

Ленин объявляет тогда войну войне. Многие считали его чудаком, мечтателем, фанатиком, чуть ли не сумасшедшим, который не понимает того, что происходит. Но мы ведь все теперь знаем, что Ленин оказался прав. Ленин писал тогда же, в ноябре 1914 г.:

Война не случайность, не «грех», как думают христианские попы, а неизбежная ступень капитализма, столь же законная форма капиталистической жизни, как и мир... *Отказ от военной службы, стачки против войны и тому подобное есть простая глупость, убогая и трусливая мечта о безоружной борьбе с вооруженной буржуазией, воздыхание об уничтожении капитализма без отчаянной гражданской войны или ряда войн.* Пропаганда классовой борьбы и в войне есть долг социалиста; *работа, направленная к превращению войны народов в гражданскую войну, есть единственная социалистическая работа в эпоху империалистического вооруженного столкновения буржуазии всех наций.* Долой поповски-сантиментальные (чувствительные) и глупенькие воздыхания о «мире во что бы то ни стало». *Поднимем знамя гражданской войны.* Пролетарское знамя гражданской войны не сегодня, так завтра, не во время теперешней войны, так после нее, не в эту, так в ближайшую следующую войну соберет вокруг себя не только сотни, тысячи сознательных рабочих, но и миллионы одураченных ныне шовинизмом (военным угаром) полупролетариев и мелких буржуа, которых гримасы войны будут не только запугивать и забивать, но и просвещать, учить, будить, организовывать, закалять и подготовлять к войне против буржуазии и «своей» страны, и «чужих» стран.

В самом начале войны, как только она была объявлена, Ленин был арестован австрийскими властями (15/28 июля 1914 г.) и освобожден был только по просьбе австрийских социал-демократов. Он был выслан из Австрии в Швейцарию, где деятельно принялся за борьбу с военным угаром, за превращение этой войны в гражданскую. В сентябре Ленин пишет свои знаменитые «Тезисы» (положения, пункты) о войне, рассылает их членам ЦК и ответственным представителям партии в России для

согласования. В начале октября он эти тезисы передал через швейцарских социал-демократов на обсуждение итальянско-швейцарской конференции социалистов, которая собралась в г. Лугано. В этих тезисах он проводит те же мысли, что в только что приведенном отрывке его статьи от ноября 1914 г. Наконец, его тезисы одобряются большевиками и опубликованы в № 33 газеты большевиков «Социал-Демократ» в виде манифеста партии. В этом манифесте мы читаем:

Во главе одной группы воюющих наций стоит немецкая буржуазия. Она одурачивает рабочий класс и трудящиеся массы, уверяя, что ведет войну ради защиты родины, свободы и культуры, ради освобождения угнетенных царизмом народов, ради разрушения реакционного царизма. А на деле именно эта буржуазия, лакействуя перед прусскими юнкерами с Вильгельмом II во главе их, всегда была вернейшим союзником царизма, врагом революционного движения рабочих и крестьян в России. На деле эта буржуазия вместе с юнкерами направит все свои усилия, при всяком исходе войны, на поддержку царской монархии против революции в России.

На деле немецкая буржуазия предприняла грабительский поход против Сербии, желая покорить ее и задушить национальную революцию южного славянства, вместе с тем направляя главную массу своих военных сил против более свободных стран—Бельгии и Франции, чтобы разграбить более богатого конкурента. Немецкая буржуазия, распространяя сказки об оборонительной войне с ее стороны, на деле выбрала наиболее удобный, с ее точки зрения, момент для войны, используя свои последние усовершенствования в военной технике и предупреждая новые вооружения, уже намеченные и разрешенные Россией и Францией...

Во главе других групп воюющих наций стоит английская и французская буржуазия, которая одурачивает рабочий класс и трудящиеся массы, уверяя, что ведет войну за родину, свободу и культуру против милитаризма и деспотизма Германии. А на деле эта буржуазия на свои миллиарды давно уже нанимала и готовила к нападению на Германию войска русского царизма, самой реакционной и варварской монархии Европы.

Заканчивается этот «Манифест» нашей партии, целиком подтвержденный дальнейшим ходом войны и революции, так:

Пролетарский Интернационал не погиб и не погибнет. Рабочие массы через все препятствия создадут новый Интернационал. Нынешнее торжество оппортунизма недолговечно. Чем больше будет жертв войны, тем яснее будет для рабочих масс измена рабочему делу со стороны оппортунистов и необходимость обратить оружие против правительств и буржуазии каждой страны.

Превращение современной империалистской войны в гражданскую войну есть единственный правильный пролетарский лозунг, указываемый опытом Коммуны, намеченный Базельской (1912 г.)[1] резолюцией и вытекающий из всех условий империалистской войны между высокоразвитыми буржуазными странами. Как бы ни казались велики трудности такого превращения в ту или иную минуту, социалисты никогда не откажутся от систематической, настойчивой, неуклонной подготовительной работы в этом направлении, раз война стала фактом.

Только на этом пути пролетариат сможет вырваться из своей зависимости от шовинистской буржуазии, в той или иной форме.

[1]) В 1912 г. на съезде социалистов в Базеле решено было всеми силами стремиться превратить войну империалистическую в социальную революцию.

В марте 1915 г. Ленин созвал совещание (конференцию) заграничных организаций нашей партии, которое наметило твердую, боевую, революционную большевистскую линию по самым важным вопросам, связанным с войною. Приняты были «лозунги революционной социал-демократии», целиком выражающие мысли, ставшие впоследствии основными мыслями Коминтерна. Эти лозунги были разработаны почти целиком Владимиром Ильичем Лениным. В них говорится:

Превращение современной империалистской войны в гражданскую войну есть единственно правильный пролетарский лозунг, указываемый опытом Коммуны, намеченный Базельской (1912 г.) резолюцией и вытекающий из всех условий империалистской войны между высокоразвитыми буржуазными странами.

Гражданская война, к которой революционная социал-демократия зовет в настоящую эпоху, есть борьба пролетариата с оружием в руках против буржуазии за экспроприацию класса капиталистов в передовых капиталистических странах, за демократическую революцию в России (демократическая республика, восьмичасовой рабочий день, конфискация помещичьих земель),—за республику в отсталых монархических странах вообще и так далее.

Крайние бедствия для масс, создаваемые войной, не могут не порождать революционных настроений и движений, для обобщения направления которых должен служить лозунг гражданской войны.

В настоящий момент организация рабочего класса сильно разбита. Но революционный кризис, тем не менее, назревает. После войны господствующие классы во всех странах еще больше напрягут свои усилия к тому, чтобы отбросить назад на долгие десятилетия освободительное движение пролетариата. Задача революционной социал-демократии как в случае быстрого темпа революционного развития, так и в случае затяжного характера кризиса, будет—не отказываться от длительной повседневной работы, не пренебрегать ни одним из прежних методов классовой борьбы. Ее задачей будет и парламентаризм и экономическую борьбу направлять против оппортунизма в духе революционной борьбы масс.

Как первые шаги по пути превращения современной империалистской войны в гражданскую войну надо указать: 1) безусловный отказ от вотирования военных кредитов и выход из буржуазных министерств; 2) полный разрыв с политикой «национального мира»; 3) создание нелегальной организации повсюду, где правительство и буржуазия, вводя военное положение, отменяют конституционные свободы; 4) поддержка братания солдат воюющих наций в траншеях и на театрах войны вообще; 5) поддержка всякого рода революционных массовых выступлений пролетариата вообще.

Только Ленин дал такую ясную постановку вопроса. Вскоре обнаружилось, что *против войны* выступают такие люди, как меньшевик Мартов и эс-эр Чернов, которые неспособны были всерьез бороться против войны, а только путались, сбивались и других сбивали с толку. Сначала в Циммервальде, потом в Кинтале удалось собрать совещание тех социалистов, которые были против войны. На этих совещаниях большинство резко боролось против Ленина. Ленин должен был бросить таким людям, как Мартов, упрек, что они являются агентами буржуазии. Тов. Зиновьев рассказывает, что тов. Раковский так на это обиделся,

что готов был драться с Лениным и Зиновьевым. О гражданской войне и слышать не хотели. Зиновьев рассказывает:

Я помню столкновение в самом Циммервальде Ленина с Ледебуром. Ледебур говорил: «Да, вы здесь, живя за границей, бросаете призывы к гражданской войне. Я посмотрел бы, как бы вы это сделали, живя в России»... А тов. Ленин ему спокойно отвечал: «Когда Маркс писал «Коммунистический Манифест», он тоже жил за границей, и только ограниченные мещане могли бы ставить ему это в укор. *Я живу сейчас за границей,*— говорил Ленин,— *потому что меня сюда послали русские рабочие. А когда придет время, мы сумеем быть на своих постах*»...

Все знают, что тов. Ленин сдержал свое слово. Он всегда жил, работал на боевом посту. И умер на боевом посту.

Те самые люди, которые тогда были против Ленина, как итальянские социалисты Серрати, Ладзари и другие, идут теперь в тюрьму за защиту мыслей тов. Ленина, потому что эти мысли завоевали общее признание, они стали мыслями миллионов рабочих, они стали основою, программою, боевой линией рабочего класса всего мира — III Коммунистического Интернационала. Голос Ленина, как и голос Карла Либкнехта, звучавший сначала одиноко, стал набатным колоколом для всех, кого придавила империалистическая война и власть капитала, ненавистное капиталистическое рабство. Но только с победою пролетарской революции в России стало возможно оформить наш боевой международный союз — Коммунистический Интернационал. До этого задача была в том, чтобы из обломков, из остатков II Интернационала собрать под боевое знамя: «война войне» все, что там есть честного, смелого и преданного пролетарской революции.

Ленина называли *пораженцем.* Он считал, что *нельзя останавливаться перед опасностью поражения царской армии, если этого требует пролетарская революция в России.* Когда Ленин говорил: царская армия должна повернуть оружие против виновников войны — капиталистов и помещиков, против царского правительства, его называли предателем, изменником. Ведь тогда немец разобьет нашу армию, тогда мы «проиграем» войну. Ленин отвечал: «Это лучше, чем воевать «до победного конца» за интересы капиталистов и помещиков».

Мартовская конференция 1915 г. целиком приняла эту точку зрения Ленина по вопросу о поражении царской монархии. В то время как меньшевики уговаривали рабочих итти в военно-промышленные комитеты содействовать победе царской монархии, в то время как Плеханов и Бурцев, Алексинский и бабушка Брешко-Брешковская звали (как в Германии Шейдеман) к единению с помещиками и капиталистами, большевики сказали в своей резолюции «о поражении царской монархии»:

Поражение царской монархии.

В каждой стране борьба со своим правительством, ведущим империалистскую войну, не должна останавливаться перед возможностью в резуль-

тате революционной агитации поражения этой страны. Поражение правительственной армии ослабляет данное правительство, способствует освобождению порабощенных им народностей и *облегчает гражданскую войну против правящих классов.*

В применении к России это положение особенно верно. Победа России влечет за собою усиление мировой реакции, усиление реакции внутри страны и сопровождается полным порабощением народов в уже захваченных областях. *В силу этого, поражение России при всех условиях представляется наименьшим злом.*

Так, слова и мысли Ленина о войне, сначала одинокие, становятся достоянием тысяч, миллионов. Они проникли в окопы, они проникли в казармы, в города и деревни, будили, будоражили, тревожили, вызывали возмущение и клевету одних, будили революционную волю других, помогали собирать силы против войны. Ленин писал воззвания, статьи, устраивал совещания, агитировал, организовывал истинных интернационалистов, то-есть истинных сторонников международного союза. Как жил в это время тов. Ленин, об этом рассказывает тов. Зиновьев.

Роль тов. Ленина с начала войны была совершенно исключительна. Он первый начал собирать кружки интернационалистов. И надо было видеть, как он свою неиссякаемую энергию отдавал на это дело в маленькой Швейцарии. Он жил в Берне, а затем в Цюрихе. Швейцарская социал-демократическая партия сплошь была заражена оборончеством, и только маленькая группа рабочих объединилась вокруг нас. Тов. Ленин затрачивал массу сил и времени, чтобы сорганизовать каких-нибудь 10—20 человек цюрихской рабочей молодежи.

Я жил тогда в другом швейцарском городе, но я живо помню, как горел товарищ Ленин в этой его, по количественному размаху, очень небольшой работе. Ленин писал нам ряд писем, тормошил нас всех, чтобы мы работали среди швейцарцев, и радовался, как ребенок, когда мог сообщить, что вот в Цюрихе ему удалось привлечь в организацию левых социал-демократов, семь юных пролетариев, и, быть может, еще удастся привлечь восьмого.

Мещанское швейцарское правительство готово было тогда выслать Ленина за неблагонадежность. А вот теперь швейцарский социалист тов. Моор рассказывает, что ту бумажку, которую взяло с нас швейцарское правительство, как гарантию, что мы будем вести себя в Швейцарии смирно, швейцарское правительство сдало теперь в музей, как исторический документ. Я не удивляюсь, если швейцарские мещане, которые показывают свои озера и горные виды за один франк, скоро станут показывать за пять франков собственноручную подпись Ленина...

В 1915—1917 годах тов. Ленин вел в Швейцарии совсем особый образ жизни. Война и крах Интернационала резко отразились на тов. Ленине. Многие, знавшие его, товарищи изумлялись, как он изменился с начала войны. Он никогда не относился особенно нежно к буржуазии. Но с начала войны у него появилась какая-то концентрированная, сосредоточенная, острая, как отточенный кинжал, ненависть к буржуазии. Казалось, он даже переменился в лице.

В Цюрихе тов. Ленин жил в беднейшем квартале, в квартире сапожника, почти на чердаке. Он как бы гонялся за каждым пролетарием, чтобы поймать его и втолковать ему, что нынешняя война, это—империалистическая бойня, что честь пролетариата требует борьбы против этой войны не на живот, а на смерть, что нельзя положить оружия до того момента, пока рабочий класс не встанет и не уничтожит разбойников-империалистов.

В такой приблизительно обстановке застала весть о февральской революции того, кто уже больше двух десятков лет боролся за революцию, подготовлял революцию, проповедывал ее, организовывал и предвидел ее наступление и страстно ждал ее прихода.

Как вообще жилось Ильичу за границей, об этом рассказывает тов. Григорий Иванович Петровский, бывший депутат Государственной Думы, осужденный царским правительством в ссылку за борьбу против войны, теперешний председатель Ц. И. К. Украины:

В 1912—1913 г.г. в Карпатах, в местечке Поронино, т.т. Ленин и Зиновьев вели разговор о материальных рессурсах (источниках) Ц. К. и о том, что если партия не добудет средств, то не только затормозится вся работа, но т.т. Ленину и Зиновьеву, вместо революционной деятельности, придется искать заработка и искать его не поблизости к русской границе, чтобы сохранить возможность руководства организацией, а в Англии, так как в Германии и Франции им жить было нельзя из-за преследования полиции.

Надежда Константиновна из-за недостатка средств перебивалась со дня на день, как вол, приготовляла нам обед и в то же время работала, вела секретарскую работу Ц. К. партии. Руки у нее были буквально, как у чернорабочего. Несмотря на тяжелую физическую работу, она держала в своих руках связи с рабочим движением в России, вела переписку и прочее.

Были жуткие минуты.

А что, если действительно партия не достанет средств? Ведь тогда Ильичу придется отойти от движения. Надо знать, что он никогда своих трудов не помещал ни в газетах, ни в журналах буржуазных изданий. Кто так мог выдержать?

Но жизнь сложилась иначе.

Перебиваясь изо-дня в день кое-как, лишь для того, чтобы не уступить ни частицы своих способностей буржуазии, а отдать их целиком партии революционного пролетариата, Владимир Ильич при помощи лучших друзей сохранил себя полностью для революции. Рабочий день в то время у Ильича строго был разделен, при чем на еду и отдых отведены были самые скромные промежутки. Все остальное время до глубокой ночи—работа. Редко кто строит сам для себя такую точную фабрично-заводскую тэйлоровскую дисциплину. И так изо-дня в день, никаких развлечений, театров или что-либо подобное.

Ленину приходилось в это время бороться не только с оборонцами, не только с прямыми пособниками буржуазии в этой войне. В это время среди социалистов было немало таких, которые занимали промежуточное положение, колебались в разные стороны, не умели сделать настоящего шага. По своей всегдашней привычке Ленин таких половинчатых людей беспощадно клеймил, не меньше, чем прямых открытых врагов. Так, в статье о поражении своего правительства в империалистской войне, написанной 26 июля 1915 г., Ленин писал:

Революционный класс в реакционной (т.-е. направленной против революции. *Е. Я.*) войне не может не желать поражения своему правительству. Это—аксиома (т.-е. неоспоримая истина. *Е. Я.*) и оспаривать ее могут только сознательные сторонники или беспомощные прислужники социал-шовинистов (социал-шовинистами во время войны называли тех

социалистов, которые помогали империалистической войне и проповедывали «войну до победного конца». *Е. Я.*).

К числу первых Ленин относит в этой статье откровенных меньшевиков в роде Семковского, а к числу вторых Ленин относил тов. Троцкого, который впоследствии, однако, целиком перешел на сторону большевиков. Ленин не жалеет красок для того, чтобы здесь показать вредность взглядов Троцкого, он называет его статьи «образцом надутых фраз» («вот образец надутых фраз») . . . («Отделываясь фразами, Троцкий запутался в трех соснах, ему кажется, что желать поражения России *значит* желать победы Германии»). . .

Ленин беспощадно высмеивает клич — «ни побед, ни поражений».

Сторонники лозунга ни побед, ни поражений,—пишет он,—фактически стоят на стороне буржуазии и оппортунистов (т.-е. людей, приспособляющихся к господствующим классам. *Е. Я.*), «не веря» в возможность интернациональных революционных действий рабочего класса против своих правительств, *не желая* помогать развитию таких действий—задаче бесспорно нелегкой, но единственно достойной пролетария, единственно-социалистической задаче. Именно пролетариат самой отсталой из воюющих великих держав должен был, особенно перед лицом позорной измены немецких и французских социал-демократов, в лице своей партии выступить с революционной тактикой, которая абсолютно невозможна без «содействия поражению» своего правительства, но которая одна только ведет к европейской революции, к прочному миру социализма, к избавлению человечества от ужасов, бедствий, одичания, озверения, царящих ныне. («Против течения», Н. Ленин.)

ФЕВРАЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ. ОПЯТЬ НА РОДИНЕ.

О возвращении в Россию в 1917 г. тов. Ленина рассказывалось много небылиц. Буржуазные газеты и газеты меньшевиков и эс-эров рассказывали об этом так, будто Ленин, Зиновьев, Радек и другие поехали с помощью германского правительства в Россию только потому, что это было выгодно немецкому кайзеру, и будто Ленин об этом договаривался с правительством Вильгельма. Все помнят, как большевиков в то время травили на каждом шагу. Но послушаем живого участника этого переезда в так называемом «пломбированном» вагоне, в котором приехал тов. Ленин. Тов. Зиновьев об этом рассказывает в кратком жизнеописании тов. Ленина:

Грянула февральская революция. Тов. Ленин устремился в Россию. Но международная буржуазия не хотела его туда пускать, прекрасно сознавая, что если он появится в России, то станет главою русского революционного рабочего класса. И вот Милюков (он был тогда министром иностранных дел) вошел в соглашение с английским и французским правительствами, чтобы не пропускать ни тов. Ленина, ни кого-либо из нас в Россию. Надо было что-нибудь придумать, не останавливаясь даже

перед авантюрой. Тогда в одну из бессонных ночей тов. Ленин решил пробраться через Швецию с шведскими паспортами. Уже были заказаны все необходимые документы, когда человек, занимавшийся этим делом, вдруг спросил нас: «А вы знаете по-шведски?» Пришлось сознаться, что мы не понимаем ни одного шведского слова. Но тов. Ленин и тут нашелся. Он сказал: «Мы разыграем роль глухонемых». Однако, нам на это ответили, что этот «номер не пройдет». Наконец, после долгих и бесплодных стараний найти путь в Россию, тов. Ленин выдвинул очень рискованный, но единственный, оставшийся нам выход—поехать через Германию, с которою русское правительство находилось тогда в войне.

Мы очень хорошо понимали, какую травлю поднимут против нас, если мы поедем через вражескую страну. Но ничего другого нам не оставалось. Мы столковались с германскими коммунистами, сторонниками Карла Либкнехта, вызвали коммунистов французских, швейцарских и шведских и, составив вместе с ними протокол, чтобы оправдаться перед международным рабочим классом, мнение которого для нас было крайне важно, решили проехать через Германию, если только правительство кайзера нас пропустит. Оно нас пропустило. Немцы полагали, что им будет выгодно, если большевики появятся в России (как известно, они потом пожалели о своей уступчивости). Между ними и русскими шла бешеная схватка, и им казалось, что все, способное ослабить русское правительство, пойдет им на пользу. Они не заглядывали слишком далеко. Им был важен лишь сегодняшний день. В конечном счете нам подали к швейцарской границе знаменитый «запломбированный» вагон—кстати сказать, он был довольно грязен и оккупирован целой армией клопов, хотя тогда писали, что он был обставлен роскошно. Но мы были бесконечно рады и такому вагону со всеми его прелестями. Нас запломбировали. С нами поехало в Россию несколько товарищей-швейцарцев. В пути с нами пытались повидаться немецкие социал-демократы. Но тов. Ленин велел передать им, что если они не желают получить оскорбление действием, то пусть лучше не входят в наш вагон. «Мы пользуемся услугами вашего правительства по причинам, которые известны всему миру, и с вами, социал-демократами, нам разговаривать не о чем»,—сказал он им.

Наконец, мы прибыли на финляндскую границу. Всю дорогу тов.Ленин говорил нам: «Мы едем прямо в тюрьму». Он был уверен, что в Петрограде все мы будем арестованы буржуазным временным правительством, которое будет нас судить, как государственных изменников. Но каково было наше удивление, когда, подъезжая к Сестрорецку, мы увидели первые группы революционных рабочих, встретивших нас с величайшим восторгом. А когда наш поезд подошел к дебаркадеру Финляндского вокзала, Ленин не был отправлен в тюрьму, а стал предметом бурной овации (приветствий) со стороны петроградского рабочего класса. Но тов. Ленин никогда не принадлежал к числу особенно доверчивых людей, и торжественная встреча не поколебала его прежнего пессимизма (т.-е. ожидания худшего). Почти каждый вечер он говорил: «Ну, сегодня нас не посадили, значит, посадят завтра». И дело пошло действительно так, что скоро против нас началась травля во всей белогвардейской печати, яростно на нас нападавшей за то, что мы приехали в запломбированном вагоне. Нас вызвали в Исполнительный Комитет Совета Рабочих и Солдатских Депутатов, который был тогда меньшевистским. Здесь, заставив нас прождать три часа, Чхеидзе и иже с ним, покончив со своими важными делами, стали у нас выпытывать, как это случилось, что мы проехали через Германию. Но мы, вместо того, чтобы признать себя обвиняемыми, заговорили как обвинители, и эти господа увидели, что приходится поменяться ролями. Кончилось дело тем, что меньшевистский Исполком вынес резолюцию, оправдывающую нашу поездку через Германию, и был вынужден напечатать в своих «Известиях», что нападки на нас ни на чем не основаны.

В «Правде» от 16/IV, 24 г. тов. Зиновьев вспоминает еще некоторые интересные ценные подробности этого возвращения в Россию. Товарищи не посетуют на меня за то, что я так тщательно собрал здесь все, что имеется в нашей печати об этом интересном моменте.

Чем ближе к Белоострову,—вспоминает Зиновьев,—тем больше возрастает волнение. В Белоострове, однако, власти встречают нас достаточно дружелюбно. Один из керенских офицеров, исполняющий должность коменданта Белоострова, даже «рапортует» Владимиру Ильичу.

В Белоострове нас встречают ближайшие друзья. Среди них Каменев, Сталин и многие другие. В тесном полутемном купэ третьего класса, освещенном огарком свечи, происходит первый обмен мнений. Владимир Ильич забрасывает товарищей рядом вопросов.

— Будем ли мы арестованы в Петербурге?

Встречающие нас друзья определенного ответа не дают, но загадочно улыбаются. По дороге, на одной из станций, ближайших к Сестрорецку, сотни сестрорецких пролетариев приветствуют Владимира Ильича с той сердечностью, с которой рабочие относились только к нему. Его подхватывают на руки. Он произносит первую короткую приветственную речь.

... Перрон Финляндского вокзала в Петербурге. Уже ночь. Только теперь мы поняли загадочные улыбки друзей. Владимира Ильича ждет не арест, а триумф. Вокзал и прилегающая площадь залиты огнями прожекторов. На перроне длинная цепь почетного караула всех родов оружия. Вокзал, площадь и прилегающие улицы запружены десятками тысяч рабочих, восторженно встречающих своего вождя. Гремит «Интернационал». Десятки тысяч рабочих и солдат горят энтузиазмом.

В течение нескольких секунд Владимир Ильич «перестраивает ряды». В так называемой императорской комнате Владимира Ильича ждет «сам» Чхеидзе во главе с целой делегацией от Совета. От имени «революционной демократии» лиса-Чхеидзе приветствует Владимира Ильича, «выражает надежду» и т. д. Не моргнув бровью, Владимир Ильич отвечает коротенькой речью, которая от первого до последнего слова хлещет как бичом по лицу почтенной «революционной демократии». Речь кончается возгласом: «Да здравствует *социалистическая* революция!»

С этой минуты нахлынула могучая человеческая волна. Первое впечатление: мы—щепочки в этой волне. Владимира Ильича подхватили, посадили на броневой автомобиль. В броневике он совершает свой первый въезд в революционную столицу, объезжает густые ряды рабочих и солдат, воодушевлению которых нет границ. Произносит коротенькие речи, бросая в массы лозунг социалистической революции.

Через час мы все во дворце Кшесинской, где собралась почти вся большевистская партия. До утра льются речи товарищей, которым в конце отвечает Владимир Ильич. Рано утром, чуть брезжит свет, мы расходимся, с наслаждением вдыхая воздух родного Петербурга. Идем через Неву, которой не видели уже столько лет. Владимир Ильич бодр и весел. Для каждого у него находится доброе слово. Всех помнит. Со всеми завтра же встретится на начинающейся новой работе.

Кругом бодрые лица. *Приехал вождь.* С нескрываемой радостью, восторгом и любовью все смотрят на Владимира Ильича и регистрируют этот факт.

Владимир Ильич—в России, в революционной России, после долгих лет изгнания. «Первая из первого ряда революций началась». Революционная Россия обрела настоящего вождя. Начинается новая глава в истории международной пролетарской революции.

Впервые об этом возвращении вспоминает теперь Надежда Константиновна Крупская в том же № «Правды», в 7-ю годовщину этого возвращения:

Последнюю зиму (1916—1917 года) мы жили в Цюрихе. Жилось не весело. Рвалась связь с Россией: не было писем, не приезжали оттуда люди. От эмигрантской колонии—очень немногочисленной, впрочем, в то время в Цюрихе—мы держались, по заведенному обычаю, немного в стороне. Только каждый день, идя из эмигрантской столовой, забегал на минутку Гриша Усиевич, милый, погибший потом на фронте молодой товарищ. По утрам довольно регулярно приходил к нам «племянник Землячки», сошедший с ума на почве голода большевик. Он ходил до такой степени оборванный и забрызганный грязью, что его перестали пускать в швейцарские библиотеки. Он старался запопасть Ильича, чтобы что-то обсудить с ним, какие-то принципиальные вопросы, и приходил до девяти часов, пока еще Ильич не ушел в библиотеку. Так как эти интервью с сумасшедшим человеком приводили обычно к тому, что потом болело «все на свете», как выражалась одна знакомая девчурка, то мы стали уходить до библиотеки погулять вдоль озера. Мы нанимали комнату в швейцарской рабочей среде. Комната была не очень целесообразная. Старый, мрачный дом, стройки чуть ли не XVI столетия, окна можно было отворять только ночью, так как в доме была колбасная и со двора нестерпимо несло гнилой колбасой. Можно было, конечно, за те же деньги получить гораздо лучшую комнату, но мы дорожили хозяевами. Это были заправские рабочие, ненавидевшие капитализм, инстинктивно осуждавшие империалистическую войну. Квартира у нас была поистине «интернациональная»; в двух комнатах жили хозяева—по профессии столяр и сапожники,—в одной—жена немецкого солдата-булочника с детьми, в другой—какой-то итальянец, в третьей—австрийские актеры, с изумительной рыжей кошкой, в четвертой—мы, россияне. Никаким шовинизмом не пахло, а однажды во время того, как мы с хозяйкой поджаривали в кухне на газовой плите каждая свой кусок мяса, хозяйка возмущенно воскликнула: «Солдатам надо обратить оружие против своих правительств!» После этого Ильич и слышать не хотел о том, чтобы менять комнату, и особо ласково раскланивался с хозяйкой.

К сожалению, швейцарские социалисты были настроены менее революционно, чем жена рабочего. Владимир Ильич попробовал одно время повести работу в интернациональном масштабе. Стали собираться в небольшом кафе «Zum Adler», на ближайшей улочке. Несколько русских и польских большевиков, швейцарские социалисты, кое-кто из немецкой и итальянской молодежи. На первое собрание пришло что-то около сорока человек. Ильич изложил свою точку зрения на войну, на необходимость осудить вождей, изменивших делу пролетариата, излагал программу действий. Иностранная публика, хотя собрались интернационалисты, была смущена решительностью Ильича. Помню речь одного представителя швейцарской молодежи, говорившего на тему, что стену нельзя пробить лбом. Факт тот, что наши собрания стали таять, и на четвертое собрание явились только русские и поляки. Пошутили и разошлись по домам. Впрочем, к этому времени относится возникновение более тесной связи с Фрицем Платтеном и Вилли Мюнценбергом.

Помнится мне одна сцена из несколько более позднего времени. Забрели мы, однажды, в другую, более фешенебельную часть Цюриха и неожиданно наткнулись на Нобса, редактора цюрихской социалистической газеты, ходившего тогда в левых. Нобс, завидя Ильича, сделал вид, что хочет сесть в трамвай. Ильич все же захватил его и, крепко держа за пуговицу, стал излагать свою точку зрения на неизбежность мировой революции. Комична была фигура, не знавшего как улизнуть от неистового русского, левого оппортуниста Нобса, но фигура Ильича, судорожно сжимавшего пуговицу

Нобса и стремившегося его распропагандировать, показалась мне трагической. Нет выхода колоссальной энергии, гибнет безвестно бесконечная преданность трудящимся массам, ни к чему ясное сознание совершающегося. И почему-то вспомнился мне белый северный волк, которого мы видели с Ильичем в лондонском зоологическом саду и долго стояли перед его клеткой. «Все звери с течением времени привыкают к клетке: медведи, тигры, львы,—объяснил нам сторож.—Только белый волк с русского севера никогда не привыкает к клетке—и день и ночь бьется о железные прутья решетки». Разве пропагандировать Нобса не значило биться о прутья решетки...

Мы собирались уходить в библиотеку, когда пришел тов. Бронский и рассказал нам о февральской революции. Ильич как-то растерялся. Когда Бронский ушел и мы несколько опомнились, мы пошли к озеру, где под навесом каждый день расклеивались все швейцарские газеты. Да, телеграммы говорили о революции в России.

Ильич метался. Он попросил Бронского разузнать, нельзя ли как-нибудь через контрабандиста пробраться через Германию в Россию. Скоро выяснилось, что контрабандист может довести только до Берлина. Кроме того, контрабандист был как-то связан с Парвусом, а с Парвусом, нажившимся на войне и превратившимся в социал-шовиниста, Владимир Ильич никакого дела иметь не хотел. Надо искать другого пути. Какого? Можно перелететь на аэроплане, не беда, что могут подстрелить. Но где этот волшебный аэроплан, на котором можно донестись до делающей революцию России? Ильич не спал ночи напролет. Раз ночью говорит: «Знаешь, я могу поехать с паспортом немого шведа». Я посмеялась. «Не выйдет, можно во сне проговориться. Приснятся ночью кадеты, будешь сквозь сон говорить: сволочь, сволочь. Вот и узнают, что не швед». Во всяком случае, план ехать с паспортом немого шведа был более осуществим, чем лететь на каком-то аэроплане. Ильич написал о своем плане в Швецию Ганецкому. Но из этого, конечно, ничего не вышло. Когда выяснилось, что при помощи швейцарских товарищей можно будет получить пропуск через Германию, Ильич сразу взял себя в руки и старался обставить дело так, чтобы ничто не носило характера самомалейшей сделки не только с германским правительством, но и с немецкими социал-шовинистами, старался все юридически оформить. Шаг был смелый не только потому, что грозила клевета, обвинение в измене отечеству, но и потому, что не было никакой уверенности, что Германия действительно пропустит, не интернирует большевиков. Потом, следом за большевиками, двинулись тем же путем и меньшевики, и другие группы эмигрантов, но сделать первый шаг никто не решался. Когда пришло из Берна письмо, что дело улажено и можно двинуться оттуда в Германию, Ильич сказал: «Поедем с первым поездом». До поезда оставалось два часа. Я усомнилась. Надо было ликвидировать «весь дом», возвратить книги в библиотеку, расплатиться с хозяйкой и т. п. «Поезжай один, я приеду завтра». «Нет, поедем». «Дом» был ликвидирован, уложены книги, уничтожены письма, отобрано кое-какое бельишко и самые необходимые вещи. Мы уехали с первым поездом. Мы могли и не спешить так, так как была Пасха и из-за этого вышла какая-то задержка с нашей отправкой.

В бернский народный дом стали съезжаться едущие большевики: ехали мы, Зиновьевы, Усиевичи, Инесса Арманд, Харитонов, Сокольников, Мехи Цхакая и другие. Ехала бундовка с прелестным кудрявым четырехлетним сынишкой, Робертом, не умеющим говорить по-русски, а только по-французски. Под видом россиянина ехал с нами Радек. Сопровождал нас Платтен.

Всю дорогу мы ни с кем из немцев не разговаривали; около Берлина в особое купэ сели немецкие социал-демократы, но с ними никто из наших говорить не стал, и только Роберт, заглянув к ним в купэ, стал их допрашивать: «Le conducteur, qu'est-ce qu'il fait?» Не знаю, ответили ли немцы

Роберту, что делает кондуктор, но своих вопросов большевикам им так и не удалось предложить. Мы смотрели в окно вагона, и нас поражало полное отсутствие мужчин: одни женщины, подростки и дети, и в городе, и в деревне. Нам давали обед в вагон—котлеты с горошком. Очевидно, желали показать, что в Германии всего в изобилии. Проехали благополучно.

В Стокгольме нас встретили речами, в зале вывесили красное знамя и устроили собрание. Как-то плохо помню Стокгольм, все мысли уже были в России. На финских вейках переехали границу. Было уже все милое, свое, плохонькие вагоны третьего класса, русские солдаты. Ужасно хорошо было. Немного погодя, Роберт уже очутился на руках какого-то пожилого солдата, обнял его ручонкой за шею и что-то лопотал по-французски и ел творожную пасху, которой кормил его солдат. Наши прильнули к окнам. На перронах станций, мимо которых проезжали, стояли гурьбой солдаты. Усиевич высунулся в окно. «Да здравствует мировая революция!»—крикнул он. Недоуменно посмотрели на едущих солдаты. Мимо нас прошел несколько раз бледный поручик и, когда мы с Ильичем перешли в соседний пустой вагон, подсел к нему и заговорил с ним. Поручик был оборонцем, Ильич защищал свою точку зрения—был тоже ужасно бледен. А в вагон малопо-малу набирались солдаты. Скоро набился полный вагон. Солдаты становились на лавки, чтобы лучше слышать и видеть того, кто так понятно говорит против грабительской войны. И с каждой минутой росло их внимание, напряженнее делались их лица.

В Белоострове нас встретили Мария Ильинична, Шляпников, Сталь и другие. Были работницы. Сталь все убеждала меня сказать им несколько приветственных слов, но у меня пропали все слова, я ничего не могла сказать. Товарищи сели с нами и стали рассказывать. Скоро мы приехали в Питер.

Питерские массы, рабочие, солдаты, матросы встречали своего вождя. Как узнали они о нем? Не знаю. Кругом народное море, стихия.

Тот, кто не пережил революции, не представляет себе ее величественной, торжественной красоты.

Красные знамена, почетный караул из кронштадтских моряков, рефлекторы Петропавловской крепости, освещающие путь от Финляндского вокзала к дому Кшесинской,—броневики, цепь из рабочих и работниц, охраняющая путь. Ильича ставят на броневик. Он что-то говорит. А кругом те, кто ближе ему всех на свете, народные массы.

Революционный народ одинаково торжественно и встретил своего вождя, и проводил его в могилу.

Чтобы покончить с воспоминаниями о моменте возвращения, приведу еще несколько отрывков из остроумного рассказа Карла Радека. (*«В пломбированном вагоне»*. «Правда» № 91, 20/IV 24.)

Итак, мы выехали. Приехали мы швейцарским поездом в Шафхаузен, где надо было пересесть в германский поезд. Это был жгучий момент, который остро врезался в мою память. Нас ожидали германские офицеры. Они указали нам зал таможни, в котором должны были пересчитать число живых «снарядов», транспортируемых ими в Россию. Паспорта спрашивать на основе договора они не имели права. Поэтому в таможне мужчин и женщин разделили по обе стороны стола, чтобы по дороге кто-нибудь из нас не улетучился или, подменив русского большевика немецкой барышней, не оставил в Германии зародыш революции. (Я имел большое влечение проделать это, к чему, как австриец, имел даже моральное право, но Ильич был против.) Мы стояли молча, и чувство было очень жуткое. Владимир Ильич стоял спокойно у стены, окруженный товарищами. Мы не хотели, чтобы к нему

присматривались. Бундовка, которая везла с собой четырехлетнего сынишку, поставила его на стол. На мальчика, видно, подействовало общее молчание, и он вдруг спросил острым, ясным детским голосом: «Мамеле, вус из дуэс?» Знатоки французского языка увидят, насколько ошибается тов. Крупская считая, что наш маленький друг Роберт говорил только по-французски. Я не помню, насколько он владел французским языком, но помню очень хорошо этот его разрядивший атмосферу выкрик на... минско-английском наречии.

Ильич всю дорогу работал. Читал, записывал в тетрадки, но, кроме того, занимался и организационной работой. Это дело очень деликатное, но я все-таки расскажу. Шла постоянная борьба между курящими и некурящими из-за одного помещения в вагоне. В купэ мы не курили из-за маленького Роберта и Ильича, который страдал от курения. Поэтому курящие пытались устроить салон для куренья в месте, служащем обыкновенно для других целей. Около этого места поэтому происходило беспрерывно скопление народа и перепалка. Тогда Ильич порезал бумагу и роздал пропуска. На три ордера одной категории, на три билета категории А, предназначенных для законно-пользующихся оным помещением, следовал один билет для курящих. Это вызывало споры о том, какие потребности человеческие имеют бóльшую ценность, и мы очень жалели, что не было с нами тов. Бухарина, специалиста по теории Бем-Баверка о предельной полезности.

Кажется, в Карлсруэ пришел сопровождавший нас Платтен и известил нас, что в поезде находится Янзон, член германской комиссии профессиональных союзов, который передает привет от Легина и хочет нас приветствовать от имени германских профсоюзов. Ильич приказал прогнать его «к чортовой бабушке» и отказался его принять.

Во Франкфурте поезд стоял дольше, и платформа, на которой он задержался, была оцеплена военной стражей. Вдруг цепь была прорвана, и к нам ворвались германские солдаты, услыхавшие о том, что проезжают русские революционеры, стоящие за мир. Всякий из них держал в обеих руках по кувшину пива. Они набросились на нас с неслыханной жадностью, допрашивая, будет ли мир и когда. Это настроение солдат сказало нам о положении больше, чем это было полезно для германского правительства. Настроение было тем более характерно, что все солдаты были шейдемановцами. Больше никого мы всю дорогу не видели. В Берлине платформа, на которой стоял поезд, была оцеплена штатскими шпиками. Так мы доехали до Засниц, где сели на шведский пароход. Там от нас требовали выполнения обыкновенных формальностей—заполнения анкет. Ильич видел в этом какую-то коварную хитрость врага, и приказал подписываться разными псевдонимами, что позже привело к комичному недоразумению. Пароходное радио получило запрос из Трелеборга, едет ли на этом пароходе Ульянов. Это наш товарищ Ганецкий, ожидавший нас в шведской гавани уже несколько дней, притворившись представителем русского Красного Креста, добился права пользования правительственным радио. Капитан знал из анкет, что никакого Ульянова нет, но на всякий случай спросил, нет ли случайно между нами господина Ульянова. Ильич долго косился, пока, наконец, признался, что он и есть Ульянов, после чего Ганецкий был извещен, что мы едем.

В Трелеборге мы произвели потрясающее впечатление. Ганецкий заказал для всех нас ужин, которому предшествовали по шведскому обычаю закуски. Наша голытьба, которая в Швейцарии привыкла считать селедку обедом, увидев громадный стол, заставленный бесконечным количеством закусок, набросилась, как саранча, и вычистила все до конца к неслыханному удивлению кельнеров, которые до этого времени привыкли видеть за закусочным столом только цивилизованных людей. Владимир Ильич ничего не ел. Он выматывал душу из Ганецкого, пытаясь от него узнать про русскую революцию все... что Ганецкому было неизвестно. Утром

мы прибыли в Стокгольм. Ожидали нас шведские товарищи, журналисты, фотографы. Впереди шведских товарищей шагал в цилиндре доктор Карлесон, большой дутый болван, который благополучно оставил уже коммунистическую партию и вернулся в берлогу к Брантингу. Но тогда он, как самый солидный из шведских левых социалистов, принимал нас и председательствовал совместно с честным сантиментальным бургомистром Стокгольма, Линдхагеном, на завтраке в нашу честь. (Швеция отличается от всех других стран тем, что там по всякому поводу устраивают завтрак, и когда в Швеции произойдет социальная революция, то будет сначала устроен завтрак в честь уезжающей буржуазии, а после—завтрак в честь нового революционного правительства.) Вероятно, добропорядочный вид солидных шведских товарищей вызвал в нас страстное желание, чтобы Ильич был похож на человека. Мы уговаривали его купить хотя бы новые сапоги. Он ехал в горских сапогах с гвоздями громадной величины. Мы ему указывали, что если полагалось портить этими сапогами тротуары пошлых городов буржуазной Швейцарии, то совесть должна ему запретить с такими инструментами разрушения ехать в Петроград, где, быть может, теперь вообще нет тротуаров. Я отправился с Ильичем в стокгольмский универсальный магазин, сопровождаемый знатоком местных нравов и условий еврейским рабочим Хавиным. Мы купили Ильичу сапоги и начали его прельщать другими частями гардероба. Он защищался, как мог, спрашивая нас, думаем ли мы, что он собирается по приезде в Петроград открыть лавку готового платья, но все-таки мы его уломали и снабдили парой штанов, которые я, приехав в октябре в Питер, на нем и открыл, несмотря на бесформенный вид, который они приняли под влиянием русской революции. В Стокгольме пытался повидаться с Лениным от имени Ц.К. германской социал-демократии Парвус, но Ильич не только отказался его принять, но приказал мне, Воровскому, Ганецкому совместно с шведскими товарищами запротоколировать это обращение. Весь день прошел в суетне, беготне, но перед отъездом Ильича состоялось еще деловое совещание. Ганецкий и Воровский, живущие постоянно в Стокгольме, и я, не могущий ехать в Петроград из-за своего грешного австрийского происхождения, были назначены заграничным представительством Ц.К. (это назначение должно было быть подтверждено из Петрограда). Ильич давал последние советы о постановке связи с нашими единомышленниками в других странах и связи с русским Ц.К.

3-го апреля ночью Владимир Ильич приехал в Петроград. Конечно, товарищи от него сейчас же потребовали, чтобы он изложил свои взгляды, как он смотрит на войну, на революцию, что дальше делать. Владимир Ильич считал, что сделано далеко не самое трудное. Царское правительство, — говорил он, — легче было свалить, чем помещиков и капиталистов. 4-го апреля он выступил с докладом на собрании большевиков о задачах революционного пролетариата. Чтобы удобнее было всем ознакомиться с его мыслями, он составил краткое изложение их (тезисы), которые он прочитал сначала на собрании большевиков, потом на общем собрании большевиков и меньшевиков (когда еще бывали такие собрания, а кое-где сохранялась даже объединенная организация,—например, в Иркутске).

Тезисы эти так важны для понимания всего дальнейшего хода революции и для знания тогдашних мыслей Владимира Ильича, что мы приводим их здесь целиком.

ТЕЗИСЫ.

1. В нашем отношении к войне, которая со стороны России и при новом правительстве Львова и К⁰ [1]) безусловно остается грабительской, империалистской войной, в силу капиталистического характера этого правительства, недопустимы ни малейшие уступки «революционному оборончеству».

На революционную войну, действительно оправдывающую революционное оборончество, сознательный пролетариат может дать свое согласие лишь при условии: а) *перехода власти в руки пролетариата и примыкающих к нему беднейших частей крестьянства;* б) *при отказе от всех аннексий на деле, а не на словах;* в) *при полном разрыве на деле со всеми интересами капитала.*

В виду несомненной добросовестности широких слоев массовых представителей революционного оборончества, признающих войну только по необходимости, а не ради завоеваний, в виду их обмана буржуазией, надо особенно обстоятельно, настойчиво, терпеливо разъяснять им их ошибку, разъяснять неразрывную связь капитала с империалистской войной, доказывать, что *кончить войну истинно-демократическим, не насильническим миром нельзя без свержения капитала.*

Организация самой широкой пропаганды этого взгляда в действующей армии.

Братанье.

2. *Своеобразие текущего момента в России состоит в переходе от первого этапа революции, давшего власть буржуазии, в силу недостаточной сознательности и организованности пролетариата, ко второму ее этапу, который должен дать власть в руки пролетариата и беднейших слоев крестьянства.*

Этот переход характеризуется, с одной стороны, максимумом легальности (Россия сейчас—самая свободная страна в мире из всех воюющих стран), с другой стороны, отсутствием насилия над массами и, наконец, доверчиво бессознательным отношением их к правительству капиталистов, худших врагов мира и социализма.

Это своеобразие требует от нас умения приспособиться к особым условиям партийной работы в среде неслыханно широких, только что проснувшихся к политической жизни масс пролетариата.

3. *Никакой поддержки временному правительству, разъяснение полной лживости всех его обещаний,* особенно относительно отказа от аннексий, разоблачение вместо недопустимого, сеющего иллюзии (обман) «требования», чтобы это правительство, правительство капиталистов, перестало быть империалистским.

4. Признание факта, что в большинстве Советов Рабочих Депутатов наша партия в меньшинстве и пока в слабом меньшинстве перед блоком всех мелкобуржуазных оппортунистических, поддавшихся влиянию буржуазии и проводящих ее влияние на пролетариат элементов от н.-с., с.-р. до О. К. (Чхеидзе, Церетели и проч.), Стеклова и пр., и пр.

Разъяснение массам, что С. Р. Д. есть единственно возможная форма революционного правительства и что поэтому нашей задачей, пока это правительство поддается влиянию буржуазии, может явиться лишь терпеливое, систематическое, настойчивое, приспособляющееся особенно к практическим потребностям масс разъяснение ошибок и тактики.

Пока мы в меньшинстве, мы ведем работу критики и выяснения ошибок, проповедуя в то же время необходимость перехода всей государствен-

[1]) Во главе временного правительства, организованного сейчас же после февральской революции 1917 года, стоял князь Львов.

ной власти к Советам Рабочих Депутатов, чтобы массы опытом избавились от своих ошибок.

5. *Не парламентская республика,—возвращение к ней от С. Р. Д. было бы шагом назад,—а республика Советов рабочих, батрацких и крестьянских депутатов по всей стране снизу до верху.*

Устранение полиции, армии и чиновничества [1]).

Плата всем чиновникам при выборности и сменяемости всех в любое время, не выше средней платы хорошего рабочего.

6. *В аграрной (земельной) программе перенесение центра тяжести на Совет батрацких депутатов.*

Конфискация всех помещичьих земель.

Национализация всех земель в стране, распоряжение землею местными Советами батрацких и крестьянских депутатов. Выделение Советов депутатов от беднейших крестьян. Создание из каждого крупного имения (в размере около 100 десятин до 300 по местным и прочим условиям и по определению учреждений) образцового хозяйства под контролем батрацких депутатов и на общественный счет.

7. *Слияние немедленно всех банков страны в общенациональный банк и введение контроля над ним со стороны С. Р. Д.*

8. *Не «введение» социализма, как наша непосредственная задача, а переход тотчас лишь к контролю со стороны С. Р. Д. за общественным производством и распределением продуктов.*

9. Партийные задачи.

а) Немедленный съезд партии.

б) *Перемена программы партии—главное:*

1) об империализме и империалистской войне;
2) об отношении к государству и наше требование «государства-коммуны» [2]);
3) исправление отсталой программы-минимум.

в) *Перемена названия партии* [3]).

10. *Обновление Интернационала.*

Инициатива создания революционного Интернационала, Интернационала против социал-шовинистов и против «центра» [4]).

Этот документ останется на долгие времена памятником ясности политической мысли тов. Ленина, четкости ее. До приезда тов. Ленина большевики не вполне ясно представляли себе дальнейший ход дела. Это видно и из вышеприведенных воспоминаний тов. Зиновьева о возвращении Ленина в Россию.

Чувствуя, что рабочие массы левеют, что «война до победного конца» их не удовлетворяет, меньшевики и эс-эры старались прикрыться громкими словами о том, что армия обороняет революцию. Хорошо, — говорит Ильич, — рабочие могут согла-

---

[1]) Т.-е. замена постоянной армии всеобщим вооружением народа.

[2]) Т.-е. такого государства, прообраз которого дала Парижская Коммуна.

[3]) *Вместо «социал-демократии»*, официальные вожди которой во всем мире предали социализм, перейдя к буржуазии («оборонцы» и колеблющиеся «каутскианцы»), надо называться *Коммунистической партией.*

[4]) «Центром» называется в международной социал-демократии течение, колеблющееся между шовинистами («оборонцами») и интернационалистами, именно: Каутский и К° в Германии, Лонге и К° во Франции, Чхеидзе и К° в России, Турати и К° в Италии, Макдональд и К° в Англии и т. д.

ситься на это, если власть перейдет в руки рабочих и беднейшего крестьянства, если на деле будет порвано с интересами капитала. А для этого надо и в армии проповедовать, что без свержения капитала нельзя кончить войны истинно-демократическим миром.

Каков дальнейший ход революции?

Ильич на это отвечает: *мы переходим от первого шага, когда власть в руках буржуазии, ко второму, когда власть должен взять пролетариат и беднейшее крестьянство.*

Надо ли поддерживать временное правительство?

Некоторые большевики еще путались в этом вопросе и говорили, что надо. Ильич отвечает: *никакой поддержки временному правительству.*

Что делать в Советах, где мы в это время были в меньшинстве?

Ленин отвечает: *критиковать, выяснять ошибки, проповедовать необходимость перехода всей власти к Советам Рабочих Депутатов.*

Какое государство должны мы строить?

Республику Советов . . . снизу до верху, — отвечает Ильич.

Что советовать крестьянам?

Создавать Советы, конфисковать, захватывать помещичьи земли, строить крупные образцовые общественные хозяйства.

Что делать с банками?

Слить все банки в один под контролем Советов.

Сразу ли переходить к социализму, т.-е. исключительно к социалистическому хозяйству?

Нет, пока только к контролю за общественным производством и распределением.

В каком виде должна быть наша партия?

Созвать съезд, пересмотреть программу, исправить ее, переменить название, заплеванное и затасканное меньшевиками.

Как быть со II Интернационалом?

Строить *против* него III Коммунистический.

Таково было первое же выступление Ильича. Оно внесло полную ясность. Тезисы Ленина в апреле 1917 г. дали нам всем точные и ясные указания, что делать, куда итти, с кем итти, чего добиваться, с кем объединяться.

ИЮЛЬСКИЕ ДНИ.

21-го апреля питерские рабочие показали уже, что они не хотят мириться с властью капиталистов после февральской революции и что они все теснее собираются вокруг наших знамен. Каждый день жизни 1917 г. быстро и глубоко воспитывал политическое сознание рабочего класса. Единственно, чем удерживали еще рабочие массы капиталисты, это, с одной стороны, опасностью

полного разгрома, а с другой стороны — обещанием созвать в ближайшее время Учредительное Собрание.

К июлю месяцу недовольство рабочего класса возросло до того, что в обеих столицах рабочие массы подымаются против правительства, вокруг наших большевистских требований, и к ним присоединяется часть солдат. Движение это не являлось еще достаточно сильным, чтобы опрокинуть власть кадетов, меньшевиков и эс-эров, но оно показало, что вокруг партии большевиков нарастают и собираются силы, способные взять власть в руки.

Между тем, контр-революция в России в лице кадетов и эс-эров металась в попытках уничтожить эту нарастающую силу большевиков. Теперь вот эти господа на нас обижаются, называют нас насильниками, что мы закрыли их буржуазные, лживые газеты, а они забыли, как они закрыли газету «Правду» в 1917 г., и не только закрыли «Правду», но арестовали многих членов нашего Центрального Комитета — Троцкого, Каменева и других? Что это было? Тов. Ленин в статье, написанной в июле 1917 г. («Конституционные иллюзии»), так объясняет значение этих шагов:

Взглянем на факты. 2 и 3 июля движение нарастает, массы кипят, возмущенные бездействием правительства, дороговизной, разрухой, наступлением. Кадеты уходят, играя «в поддавки» и ставя ультиматум эс-эрам и меньшевикам, предоставляя им, привязанным к власти, но не имеющим власти, расплачиваться за поражение и за возмущение масс.

Большевики 2 и 3 июля удерживают от выступления. Это признал даже свидетель из «Дела Народа» [1]), рассказав о том, что было 2 июля в гренадерском полку. 3-го вечером движение переливает через край, а большевики составляют воззвание о необходимости придать движению «мирный и организованный» характер. 4 июля провокационные выстрелы справа увеличивают число жертв стрельбы с обеих сторон: надо подчеркнуть, что обещание Исполнительного Комитета расследовать события, выпускать дважды в день бюллетени и проч., и проч. осталось пустым обещанием. Ровно ничего эс-эры и меньшевики не сделали, *даже* полного списка убитых с обеих сторон они не опубликовали.

4-го ночью большевики составили воззвание о прекращении выступлений, и тою же ночью оно напечатано в «Правде». Но в эту самую ночь начинается, во-первых, *приход контр-революционных войск в Питер* (видимо, по призыву или с согласия эс-эров и меньшевиков, их Советов, при чем, конечно, об этом «деликатном» пункте до сих пор, по миновании самомалейшей надобности в тайне, больше всего и строже всего хранят молчание). Во-вторых, в эту же ночь начинаются *погромы большевиков* отрядами юнкеров и тому подобное, действующими по поручению командующего войсками Половцева и генерального штаба. *С 4-го на 5-е громят «Правду». 5-го и 6-го громят ее типографию «Труд», убивают рабочего Воинова среди белого дня за то, что он выносил «Листок Правды» из типографии, производят обыск, аресты большевиков, разоружают революционные полки.*

Правительство отсутствует, Советы отсутствуют; они дрожат за свою собственную судьбу, они получают ряд сообщений, что казаки могут прийти

[1]) Была такая газета эс-эров в 1917—1918 годах.

и разгромить их. Черносотенная и кадетская пресса [1]), проведшая травлю против большевиков, начинает травлю против Советов.

Эс-эры и меньшевики связали себя всей своей политикой по рукам и по ногам. Как связанные люди, звали они (или терпели призыв) *контр-революционные войска в Питер.* А это связало их еще больше. Они скатились на самое дно отвратительной контр-революционной ямы. Они трусливо распускают свою собственную комиссию, назначенную расследовать «дело» большевиков. *Они подло выдают большевиков контр-революции. Они униженно участвуют в демонстрации похорон убитых казаков, целуют таким образом руку контр-революционера.*

Они—связанные люди, они на дне ямы.

Этому выступлению рабочих 3 — 4 июля предшествовало объявление 18 июня днем всеобщего наступления на фронте. Мне как раз в это время пришлось очутиться в Москве после якутской ссылки. Я помню, как со всех заборов правительственные сообщения, воззвания кадетов и просто белогвардейцев натравливали на большевиков. Трудно было в это время работать. Клеветой забрасывали нас, самосудами расправлялись, закрывали газеты, арестовывали. Но разве это могло остановить революцию? Мы видели, как все больше и больше нарастало недовольство рабочих. У многих было нетерпение: не пора ли выступить с оружием в руках, не пора ли сбросить власть капиталистов? Даже среди видных большевиков мелькала мысль такая, когда они видели огромные тысячи народа, шедшие во время уличных демонстраций под нашими знаменами с нашими требованиями.

Зиновьев рассказывает, что 3 июля перед нами вставал этот вопрос. Тов. Зиновьев так описывает этот момент в своей книжке «Владимир Ильич Ленин»:

Вы знаете роль тов. Ленина в июльские дни 1917 года. Для него вопрос о необходимости захвата власти пролетариатом был решен с первого момента нашей нынешней революции, и дело шло только о выборе удачного момента. В июльские дни весь наш Ц.К. был против немедленного захвата власти. Так же думал и Ленин. Но когда 3 июля высоко поднялась волна народного возмущения, тов. Ленин встрепенулся. И здесь наверху, в буфете Таврического дворца, состоялось маленькое совещание, на котором были Троцкий, Ленин и я. И Ленин, смеясь, говорил нам: «А не попробовать ли нам сейчас?». Но он тут же прибавлял: «Нет, сейчас брать власть нельзя, сейчас не выйдет, потому что фронтовики еще не все наши. Сейчас обманутый либерданами [2]) фронтовик придет и перережет питерских рабочих.

Владимир Ильич в другой статье «Уроки революции», написанной еще в июле 1917 г., подводит итоги этим июльским дням и пишет:

Наступление (18 июня) означало фактически возобновление грабительской войны в интересах капиталистов, вопреки воле громадного большин-

---

[1]) Печать: газеты, журналы, книги, листки.

[2]) Либерданами, с легкой руки тов. Демьяна Бедного, мы стали называть меньшевиков, после того, как тов. Демьян Бедный в стихотворении соединил в одно имена двух матерых меньшевиков: Либера и Дана.

ства трудящихся. Поэтому с наступлением неизбежно было связано, с одной стороны, гигантское усиление шовинизма (военного угара) и переход военной (а следовательно и *государственной) власти к военной шайке бонапартистов, а с другой стороны, переход к насилию над массами, к преследованию интернационалистов, к отмене свободы агитации, к арестам и расстрелам тех, кто против войны.*

Если 6 мая привязало эс-эров и меньшевиков к победной колеснице буржуазии канатом, то 18 июня приковало их, как слуг капиталистов, цепью.

Озлобление масс, вследствие возобновившейся грабительской войны, естественно возросло еще быстрее и сильнее. 3—4 июля последовал взрыв их возмущения,—взрыв, который большевики пытались сдержать и которому они, разумеется, должны были постараться придать наиболее организованную форму.

Эс-эры и меньшевики, как рабы буржуазии, прикованные господином, согласились на все: и на привод реакционных войск в Питер, и на восстановление смертной казни, и на разоружение рабочих и революционных войск, и на аресты, преследования, закрытие газет без суда. Власть, которую не могла взять целиком буржуазия в правительстве, которую не хотели взять Советы, власть скатилась в руки военной клики, бонапартистов, целиком поддержанной, разумеется, кадетами и черносотенцами, помещиками и капиталистами.

Какой же урок нужно было вывести из этого? Этот урок Владимир Ильич отчетливо выразил в следующих словах:

Урок русской революции: *трудящимся массам нет спасения от железных тисков войны, голода, порабощения помещикам и капиталистам, иначе как в полном разрыве с партиями эс-эров и меньшевиков, в явном сознании их предательской роли, в отказе от каких бы то ни было соглашательств с буржуазией, в решительном переходе на сторону революционных рабочих. Революционные рабочие, если их поддержат беднейшие крестьяне, одни только в состоянии сломить сопротивление капиталистов, повести народ к завоеванию земли без выкупа, к полной свободе, к победе над голодом, к победе над войной, к справедливому и прочному миру.*

ЗАВОЕВАНИЕ КРЕСТЬЯНСТВА И СОЛДАТСКОЙ МАССЫ.

Ненависть временного правительства к большевикам возрастала не только потому, что партия наша укреплялась в рабочем классе, но особенно — потому еще, что на сторону большевиков переходили крестьянство и солдатская масса — фронтовики. Еще в тыловых учреждениях было сколько угодно народу, господчиков, которые пороху и не нюхали и не знали, что такое страдания фронта; им было в тылу удобно, многие из них наживались на страдании и крови рабочих и крестьян, умиравших десятками тысяч на полях смерти; они потому и кричали: «до победного конца». Но фронтовики-солдаты чутко прислушивались к словам нашим о необходимости кончить эту войну. Еще когда Ленин проезжал через Финляндию, солдаты жадно слушали слова его о том, как можно кончить империалистскую войну . . . В «Солдатской Правде» в первом же номере, 15 апреля 1917 г., за подписью Ленина появилась статья: «Солдаты и земля».

В этой статье Ленину приходилось в то время напоминать о том, что в деревне у нас не существует Советов Крестьянских Депутатов. Казалось, зачем об этом напоминать Ленину? Ведь во главе власти стоял тогда эс-эр Керенский. Как народники, которые на словах так заботились о крестьянских интересах, он и его партия должны были бы начать с организации крестьянских советов и передачи всей земли этим крестьянским советам. Однако,так сложилась история нашей страны, что именно рабочий класс, именно партия рабочего класса должна была взять на себя эту историческую задачу — организовать крестьянство и повести его в решительный бой против помещичьего строя, против помещичьей и капиталистической власти.

Большинство солдат, — писал в этой статье Ленин,—из крестьян. Всякий крестьянин знает, как угнетали и угнетают народ помещики. А в чем сила помещиков? В земле. У помещиков десятки миллионов десятин земли. Поэтому миллионам крестьянских семей ничего не остается, как итти в кабалу к помещикам.

Никакие «свободы» не помогут крестьянам, пока помещики владеют десятками миллионов десятин земли.

Надо, чтоб все земли помещиков отошли к народу. Надо, чтоб все земли в государстве перешли в собственность всего народа. А распоряжаться землей должны местные советы крестьянских и батрацких депутатов. Как добиться этого? Надо немедленно устраивать по всей России, в каждой без исключения деревне, Советы Крестьянских и Батрацких Депутатов по образцу Советов Рабочих и Крестьянских Депутатов в городах. Если *сами* крестьяне и батраки не объединятся, если *сами* не возьмут своей собственной судьбы в свои собственные руки, то никто в мире им не поможет, никто их не освободит из кабалы у помещиков.

А чтоб сами крестьяне на местах могли немедленно взять всю землю у помещиков и распорядиться ею правильно, соблюдая полный порядок, оберегая всякое имущество от порчи,—для этого надо, чтобы солдаты помогли крестьянам.

Крестьяне, рабочие, солдаты—огромное большинство в государстве. Это большинство *хочет*, чтобы все земли немедленно перешли в руки крестьянских депутатов. Никто не сможет помешать большинству, *если* оно хорошо организовано (сплочено, объединено), *если* оно сознательно, *если* оно вооружено.

Солдаты! Помогите объединению и вооружению всех рабочих и крестьян!

Солдаты! Объединяйтесь сами крепче и теснее сливайтесь с рабочими и с крестьянами! Не давайте вооруженной силы отнять из ваших рук!

Тогда и только тогда народ получит всю землю, народ избавится от кабалы у помещиков.

В этих наших газетах, как «Солдатская Правда», «Окопная Правда», мы открыто, громко сказали мучившимся на фронтах солдатам то, что мы думаем об их положении, то, что мы думаем о революции, показали наш путь выхода из империалистской войны. И этот наш голос, наш призыв находил все более и более сильный отклик в солдатских массах. Вначале, когда только что стали выбирать советы солдатских депутатов, многие офицеры перекрасились в эс-эровский, меньшевистский цвет, говорили,

что они вместе с солдатами за народ, и многие из них попали в советы солдатских депутатов. Это они пытались изображать из себя выразителей воли фронтовой солдатской массы. Нам приходилось тогда шаг за шагом отвоевывать эти советы солдатских депутатов. Борьба была трудна, недоверие посеяли к большевикам громадное и в особенности старались очернить нас после июльских дней, доказывая, что мы действовали на-руку немецкому правительству, что мы — германские агенты, и прочие подлые сказки распространяли.

Вторым вопросом после войны, которым мы привлекли к себе внимание и сочувствие крестьянской и солдатской массы, был вопрос о земле. По поводу съезда крестьянских депутатов, который собрался 13 апреля в Таврическом дворце, Ленин писал в «Правде»:

Первый вопрос—о земле. Пролетарии деревни будут за полный и немедленный переход *всей* без изъятия земли ко всему народу и за немедленное взятие земли в распоряжение местными комитетами. Но землю нельзя есть. Многие миллионы дворов без лошади, без орудий, без семян ничего не выиграют от перехода земли к «народу».

Надо немедленно ставить на обсуждение вопрос о том и принимать практические меры к тому, чтобы крупные хозяйства, при малейшей к тому возможности, продолжали вестись, как крупные, под руководством агрономов и советских батрацких депутатов с наилучшими машинами, семенами, с применением наилучших приемов земледельческой техники.

Мы не можем скрывать ни от крестьян, ни тем более от пролетариев и полупролетариев деревни, что мелкое хозяйство, при сохранении товарного хозяйства и капитализма, *не в состоянии* избавить человечество от нищеты масс,—что надо *думать* о переходе к крупному хозяйству на общественный счет и *браться за него тотчас*, уча массы и *учась у масс* практически целесообразным мерам такого перехода.

И так как Исполнительная Комиссия Совета Солдатских Депутатов приняла резолюцию, составленную меньшевиками и эс-эрами, о том, что пропаганда (то-есть проповедь) Ленина является не менее вредной, чем всякая контр-революционная пропаганда справа, Ленин по поводу этой резолюции написал замечательный ответ 18 апреля 1917 г., в котором изложил *«наш взгляд»* (так называется эта статья).

В чем по существу наше разногласие?—спрашивает он в этой статье.— Главным образом в третьем пункте—о земле. Мы за то, чтобы крестьяне по собственному решению большинства самих крестьян на местах брали *всю* землю тотчас, увеличивая таким образом производство хлеба и мяса для солдат. Временное правительство за «соглашение» крестьян с помещиками, т.-е. за «соглашение» трехсот крестьян с одним помещиком. Посмотрим, за нас или за временное правительство окажется по этому вопросу большинство народа.

Временное правительство за продолжение *той* и *такой* войны, которую начал Николай Кровавый. Временное правительство за подтверждение *им* заключенных тайных грабительских договоров *без опроса воли народа* и даже без опубликования договоров.

Мы против такой войны, против подтверждения договоров, против неопубликования их.

Мы советуем народам, всем без исключения, кончить эту войну не насильническим, т.-е. истинно-демократическим миром, дающим свободу всем без изъятия народам и народностям. Мы хотим доказать народу, что для окончания войны действительно не насильническим миром необходим переход государственной власти всецело и исключительно в руки Советов Рабочих и Солдатских Депутатов.

В мае 1917 г. собрался первый Всероссийский Съезд Крестьянских Депутатов. Ленин обратился к этому съезду с открытым письмом, в котором опять касался этих самых важных пунктов разногласия с меньшевиками, с эс-эрами и с временным правительством, указывал наш путь, путь нашей партии большевиков, путь организованного восстания рабочих и крестьян против помещиков, капиталистов, путь пролетарской революции. Надо сказать, что крестьяне в это время еще были настроены очень сильно против большевиков. К Ленину многие относились крайне недоверчиво. Им наговорили невесть что про Ленина. Крестьянин В. И. Лебедев (Тверской губернии, Новоторжского уезда, Барковской волости, общины «Заря») рассказывает, как в 1917 г. они понимали Ленина:

Слышали мы также, — рассказывает он,— что Германия присылает к нам вагон большевиков, что она им дала денег и заставила говорить: «долой войну», и что Ленин является главным шпионом германского царя.

Об этом нам больше всего говорила партия социалистов-революционеров: «Не слушайте этих большевиков, они продажные люди, они против войны». Тогда мы стали задавать им вопросы: «А что же они, большевики, и против того, чтобы землю отобрать у помещиков?»

Но как раз тут приехал один из наших рабочих и объяснил нам, что тов. Ленин правильно против войны, но в то же самое время ленинская партия стоит за немедленную передачу всех земель в руки крестьян, а другие партии этого не хотят, а хотят, чтоб землю отдать за деньги, да не сейчас, а когда соберется учредительное собрание.

Другой крестьянин Степан Ефимов Ботанин (Уральская область, Шадринский округ, село Смолинское) вспоминает также Владимира Ильича:

В 1917 году был для крестьян чем-то непонятным. Когда первый раз услышали его имя, мы даже смотрели на него с недоверием, но когда услышали, что Владимир Ильич борется против помещиков, против капиталистов, за отдачу земли тем, кто на ней трудится собственным трудом, с тех пор наше доверие к нему начало расти.

В открытом письме к делегатам первого Всероссийского Съезда Крестьянских Депутатов Ленин писал тогда:

Вся земля должна принадлежать народу. Все помещичьи земли должны без выкупа отойти к крестьянам. Это ясно. Спор идет о том, следует ли крестьянам на местах немедленно брать всю землю, не платя помещикам никакой арендной платы и не дожидаясь учредительного собрания, или не следует.

Наша партия думает, что следует, и советует крестьянам на местах тотчас брать всю землю, делая это как можно более организованно, никоим образом не допуская порчи имущества и прилагая все усилия, чтоб производство хлеба и мяса увеличилось, ибо солдаты на фронте бедствуют ужасно.

Предварительно распорядиться землей могут только местные учреждения. Засев полей необходим. Большинство крестьян на местах вполне сумеют организованно распорядиться землей, запахать и засеять всю землю. Это необходимо, чтоб улучшить питание солдат на фронте. Поэтому ждать учредительного собрания недопустимо.

Далее. Чтоб вся земля досталась трудящимся, для этого необходим тесный союз городских рабочих с беднейшими крестьянами (полупролетариями). Без такого союза нельзя победить капиталистов. А если не победить их, то никакой переход земли в руки народа не избавит от народной нищеты. Землю есть нельзя, а без денег, без капитала, достать орудия, скот, семена неоткуда. Не капиталистам должны доверять крестьяне и не богатым мужикам (это—те же капиталисты), а только городским рабочим. Только в союзе с ними добьются беднейшие крестьяне, чтобы и земля, и железные дороги, и банки, и фабрики перешли в собственность всех трудящихся; без этого, одним переходом земли к народу, нельзя устранить нужды и нищеты.

Второй вопрос о войне.

Война эта—захватная. Ее ведут капиталисты всех стран из-за своих захватных целей, из-за увеличения своих прибылей. Трудящемуся народу эта война ни в каком случае ничего, кроме гибели, ужасов опустошения, одичания, не несет и принести не может. Поэтому наша партия, партия сознательных рабочих, партия беднейших крестьян, решительно и безусловно осуждает эту войну, отказывается оправдывать капиталистов одной страны перед капиталистами другой страны, отказывается поддерживать капиталистов какой бы то ни было страны, добивается скорейшего окончания войны посредством свержения капиталистов во всех странах посредством рабочей революции во всех странах.

Мы хотим такой республики, чтобы вся власть в государстве снизу до-верху принадлежала всецело и исключительно Советам Рабочих, Солдатских, Крестьянских и прочих Депутатов.

Рабочие и крестьяне—большинство населения. Власть должна быть у них, а не у помещиков, не у капиталистов.

Рабочие и крестьяне—большинство населения. Власть и управление должны быть *у их Советов*, а не у чиновников.

Вот наши взгляды, товарищи крестьянские депутаты. Мы твердо убеждены в том, что опыт вскоре покажет самым широким массам народа ошибочность политики народников и меньшевиков. Опыт скоро покажет массам, что спасти Россию, которая, как и Германия, как и другие страны, находится на краю гибели,—спасти измученные войной народы нельзя путем соглашательства с капиталистами. Спасти все народы может только переход всей государственной власти прямо в руки большинства населения».

22 мая 1917 г. Ленин выступал на этом первом Всероссийском Съезде Крестьянских Депутатов. Холодно встретил его съезд, тепло, горячо проводил его. Многие и не знали его. В президиуме, ведь, сидели меньшевики, эс-эры и просто-на-просто недавние эксплоататоры. Ленин выступил с обширной, обстоятельной речью, в которой разоблачал путь меньшевиков и эс-эров, ведущий к соглашению с капиталистами и помещиками, к тому, чтобы оставить за ними значительную власть в стране. Особенно ему пришлось обрушиться на доводы наших противников, будто самовольный захват земли поведет к анархии, к беспорядку, что добровольное соглашение с помещиками будет гораздо лучше и солдаты на фронте отнесутся к добровольному соглашению с доверием. «Почему же солдаты на фронте, — спраши-

вал Ленин, — не будут опасаться, что помещики, под видом добровольного соглашения, наложат невыгодные условия, почему же они должны опасаться того, что крестьянство решит по большинству против помещиков? Непонятно. Почему солдат на фронте должен питать доверие к помещику, к «добровольному соглашению с помещиком»? Все доводы, которые приводились против немедленного перехода земли к крестьянам, Ленин называл помещичьей хитростью.

Помещики поняли,—говорил он,—что больше господствовать палкой нельзя, это они хорошо поняли, и они переходят к тому способу господства, который для России новинка, а в Западной Европе, в западно-европейских странах существует давно. Что господствовать палкой больше нельзя, у нас это показали две революции. Эти революции обучают помещиков и капиталистов, они обучают их, что народом надо править обманом, лестью, надо приспособиться, прицепить к пиджакам красный значок и, хотя бы это были мироеды, говорить: «Мы—революционная демократия, пожалуйста, только подождите, и мы все для вас сделаем» (аплодисменты). Такой довод, будто крестьяне хуже засеют землю сейчас, если они будут сеять уже не на помещичьей, а на общенародной земле, есть именно насмешка над крестьянами, попытка сохранить обманом господство над ними.

Повторяю: помещичьей собственности не должно быть совсем; владение есть еще не собственность, владение есть временная мера и владение каждый год переменяется: крестьянин, который получает в аренду кусочек земли, не смеет считать, что земля его—земля не его и не помещика, а земля народная; повторяю, что от этого ухудшиться посев полей на один год, на эту весну не может; это предположение настолько чудовищное и невероятное, что я вам говорю только одно, что надо остерегаться помещиков, не доверять им, не давать себя в обман ласковым словам и обещаниям. Надо помнить, что решения большинства крестьян, которые в своих решениях довольно осторожны, есть законное общегосударственное решение. В этом отношении на крестьян положиться можно.

Ленин в этой речи разъяснил наш взгляд на организацию сельского хозяйства и там он развил целую программу социалистического устройства земледелия. Он указывал в то время путь крестьянам к общественному хозяйству, он предостерегал, что если крестьяне будут заниматься по-прежнему каждый на своем клочке, то это ни в какой степени не избавит от нищеты, от голода крестьянскую массу, что долгое время еще будут мучиться крестьяне бедняки, батраки и полубатраки, если не создадут общественного хозяйства. Конечно, нужно было предвидеть, что война настолько разрушила хозяйство, что в первое время нужны будут какие-нибудь особенные меры для того, чтобы это хозяйство поднять. Ленин указывал крестьянам: «Война уничтожила массу людей, весь мир залит кровью, весь мир война привела к гибели. И это не преувеличивание, никто не может ручаться за завтрашний день, все говорят об этом».

Вот почему мы говорим: «хозяйство на отдельных участках, хотя бы «вольный труд на вольной земле»,—это не выход из ужасного кризиса, из всеобщего разрушения, это не спасение. Необходима *всеобщая трудовая повинность*, нужна величайшая экономия на каждую часть человеческого

труда, нужна необыкновенная, твердая и сильная власть, которая была бы в состоянии провести эту всеобщую трудовую повинность: ее не могут провести чиновники, ее могут провести только Советы Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов, потому что это—сам народ, сами народные массы, потому что это—не власть чиновничья, потому что они, зная всю крестьянскую жизнь, сверху до-низу могут установить трудовую повинность, могут установить то ограждение человеческого труда, при котором не расхищался бы труд крестьянина, и переход к общей обработке, таким образом, совершался бы постепенно и осмотрительно. Это трудное дело, но необходимо перейти к общей обработке в крупных образцовых хозяйствах: без этого выйти из той разрухи, из того прямо-таки отчаянного положения, в котором находится Россия, нельзя, и было бы величайшей ошибкой, если б кто-нибудь подумал, что подобное величайшее преобразование в жизни народа можно произвести одним ударом. Нет, это требует величайшего труда, требует напряжения решимости и энергии каждого отдельного крестьянина и рабочего у себя на месте в том деле, которое он знает, в том производстве, которое он десятками лет ведет. Такую вещь нельзя сделать по какому-либо распоряжению, но такую вещь сделать необходимо, потому что захватная война привела все человечество на край гибели, десятки миллионов жизней погибли, погибнут еще больше от этой ужасной войны, если не напряжем все свои силы, если все организации Советов Рабочих и Крестьянских Депутатов не сделают общих решительных выступлений по пути к общей обработке земли без капиталистов, без помещиков. Только этот пункт даст действительный переход земли в руки трудящихся.»

С этого съезда Ленин ушел уже известный крестьянской массе. Депутаты с этого крестьянского съезда разнесли по селам и деревням весть о большевике, о Ленине, рассеяли сказки, которыми их кормили меньшевики и эс-эры, о том, что Ленин германский шпион. Они увидели в Ленине человека, который стоит во главе партии, борющейся за полное раскрепощение рабочих и крестьян, за прекращение ненавистной всем войны, за переход всей власти к рабочим и крестьянам. И, когда после июльских дней стали повсюду распространять эс-эры, меньшевики, помещики и капиталисты клевету против партии большевиков и против Ленина, когда объявили их вне закона, когда обещали заплатить щедро за их головы, крестьяне знали одно: Ленин и большевики за прекращение войны, Ленин и большевики за переход всей земли к народу, Ленин и большевики за переход всей власти к рабочим и крестьянам, Ленин и большевики против капиталистов, против помещиков. Большевики становятся вождями не только рабочего класса, но и крестьянской и солдатской массы. Июльские дни были большой пробой сил и влияния большевиков. Это выступление показало, что еще не наступило время перехода власти, но оно показало также, что это время близится.

ЛЕНИН СКРЫВАЕТСЯ.

Правительство, встревоженное этим выступлением, обвиняло нашу партию в том, что мы организуем вооруженное восстание, и начались преследования видных наших большевиков. Вопрос

стоял о том, итти ли товарищам Ленину и Зиновьеву в тюрьму. Даже некоторые члены нашего Центрального Комитета были за то, чтобы им пойти в тюрьму. Мне рассказывал недавно тов. Серго Орджоникидзе, что, когда сообщили Владимиру Ильичу о том, будто адвокат Н. Д. Соколов в Таврическом дворце распространяет слухи о том, что Ленин — провокатор, Ленин заявил: «Я пойду, сяду в тюрьму и докажу им их ложь». Но товарищи в конце концов увидели, какой это был бы безумный шаг. Нет никакого сомнения в том, что Ленина тогда растерзало бы правительство Керенского, как германское правительство, состоявшее из социал-демократов Шейдемана, Эберта и Носке, растерзало германских коммунистов Розу Люксембург и Карла Либкнехта. Одно время даже вели переговоры о том, что Ленин даст себя арестовать, если его посадят в Петропавловскую крепость (гарнизон Петропавловской крепости был на нашей стороне, и мы уверены были, что солдаты не допустят насилия над Владимиром Ильичем). Но временное правительство на это не согласилось. Поэтому решено было в конце концов, что Ленин и Зиновьев скроются. И хорошо сделали, что скрылись. Через неделю тов. Ленин говорил Зиновьеву:

«*Как же мы могли быть так глупы, что хоть на одну секунду думали довериться и итти к этой банде арестовываться? Беспощадная борьба с этой бандой—другого средства нет*».

Скрыть тов. Ленина поручено было рабочему Н. Емельянову. Он рассказывает:

С третьего на четвертое июля пришел ко мне тов. Зоф и сообщил, что Ц. К. партии поручает мне скрыть Владимира Ильича Ленина и Григория Евсеевича Зиновьева.

Тов. Емельянов отвез их сначала на станцию «Разлив», там находилось жилье Емельянова. Владимир Ильич и Зиновьев поместились на чердаке сарая, превращенного до того в сеновал, и там они находились первое время. Пришлось им изменить лицо, снять волосы, а Владимиру Ильичу — усы и бороду, а тем временем подыскивать более удобное помещение, чем в этой дачной местности. И вот пришла такая мысль в голову: время сенокосное; а что, если Владимир Ильич и Григорий Евсеевич, под видом косарей, переселятся на сенокос, тем более, что после преобразования их наружности и стрижки они очень походили на косарей? Ленин и Зиновьев одобрили эту мысль и отправились на сенокос за озером «Разливом». Там они почувствовали себя свободнее. Чтобы попасть туда, надо было ехать водой версты четыре да лесом итти около полутора верст.

Постоянными обитателями там были рабочие-косари, среди которых, конечно, Ленин мог жить гораздо более спокойно. Не надо забывать, что за голову Владимира Ильича была назна-

чена тогда громадная сумма — около 200.000 рублей золотом, и все двуногие и четвероногие собаки охотились за тов. Лениным, разыскивая его. Да и добровольцев было достаточно из буржуазии, из меньшевиков и эс-эров, которые готовы были выдать на растерзание Владимира Ильича.

Там, на этом самом «Разливе», сделали шалаш, покрыли его сверху сеном, на кольях повесили котелок для варки чая на костре, и таким образом в шалаше на болоте, после июльских дней, вожди мировой революции разбили свою боевую палатку. Это был полевой штаб Ильича, откуда он продолжал руководить революцией. Сюда приезжали товарищи с большими предосторожностями. Обыкновенно их провожал туда к Ленину сын Емельянова, Кондратий, перевозил их на лодке через озеро и доставлял до шалаша. Сначала они не очень плохо себя чувствовали: купались, косили сено, убирали его. Владимир Ильич, по словам Емельянова, ловко подавал сено на вилах, так что в конце концов сметали большой стог сена.

Однако, и там они не были в полной безопасности. Однажды чуть не вышло беды из-за того, что Зиновьев пошел прогуляться с ружьем, поохотиться. Он напоролся на лесника, который первым делом отнял у него ружье, а потом для составления протокола стал допытываться фамилию. Когда Емельянов узнал об этом, он пошел улаживать это дело. Он рассказывает:

Я пошел сначала вообще узнать, какое впечатление произвел на Аксенова мой охотник. Прихожу, спрашиваю:

— Михалыч, это ты отнял ружье у моего работника?

— Да, я,—говорит.

— Эх, Михалыч, разве так относятся к товарищам по службе? Кажется, вместе четыре года отслужили солдатчины, а ты еще мое ружье отбирать вздумал.

— Да как же, откуда я знал, что ружье твое? Ведь он, чухонская лайба, ни слова по-русски не говорит. Я спрашивал—что, кто,—ничего не отвечает. Удостоверившись, что серьезного ничего нет и что Аксенов просто принял Зиновьева за финна, работавшего у меня, мы все успокоились.

Владимир Ильич здесь ежедневно получал все газеты, какие выходили в это время. В газетах в это время, конечно, всякое вранье писали, как и куда скрылись Ленин и Зиновьев: то их видели на подводной лодке, то на аэроплане. Владимир Ильич от души смеялся над этими выдумками, называя издателей буржуазных газет гороховыми шутами. Владимир Ильич каждый день почти принимался за писание своих статей. Оттуда, из своего шалаша, он руководил революцией так же, как руководил из тюрьмы, как руководил из-за рубежа, как руководил потом из Смольного и Кремля.

Не переставая, звал он к подготовке восстания. Если в июле месяце он говорил, что брать власть сейчас нельзя, то после

корниловских дней он стал поторапливать рабочих, как бы не опоздали. Меньшевики и эс-эры потом, когда мы сбросили их никуда негодную власть, очень на нас обижались, что мы не хотели делать революции вместе с ними. Ильич им предлагал после июльских дней составить, как бы сказать, по договору не то что союз, а соглашение, но у них на это ума не хватило. Вернее сказать: они гораздо больше боялись пролетарской революции, чем победы буржуазии. Поэтому они и тянули эту канитель с буржуазией, покуда их не сбросил рабочий класс.

Тов. Каюров рассказывает, как, под влиянием письма Ильича, они еще в первой половине октября получили указания от Владимира Ильича, как захватить власть:

В первой половине октября,—рассказывает он,—в одно из заседаний районного комитета партии с ответственными работниками района Надежда Константиновна, позвав меня в другую комнату, передала под строгим секретом лист бумаги от Ильича, отпечатанный на машинке. После собрания, ознакомившись с содержанием этого письма, я решил на другой же день пригласить известных району и преданнейших революции товарищей рабочих, для ознакомления с письмом. Пришли следующие товарищи: Куклин, А. С. (завод «Старый Лесснер»), Гордиенко, И. М. («Нобель), Чугурин, И. Д. («Айваз»), Скороходов, А. К. («Дюфлон»), Ильин-Содман («Русский Рено»), остальных не помню.

В этом историческом документе (к сожалению, у меня не сохранившемся) Владимир Ильич писал, что момент захвата власти большевиками наступил и что захват может совершиться почти без кровопролития, так как керенщина настолько себя скомпрометировала (опозорила), что 99% шансов за успех. Дальше излагался план захвата. По прочтении письма водворилось продолжительное молчание, сопровождавшееся удивленным посматриванием друг на друга.

Надо сказать, что поставленный Ильичем в порядок дня вопрос о захвате власти не был для нас неожиданным, но тем не менее перед нами встал вопрос другого характера, конкретный: если ранее рабочие и стремились к захвату власти, то большинство из нас не вдавалось глубоко в содержание и последствия захвата.

Теперь же для всех стало ясно, что власть может оказаться завтра в наших руках, и у каждого стал в голове вопрос: что мы будем делать с властью при весьма сложной мировой и тяжелой внутренней обстановке— война, революция, голод в городах, деморализация десятимиллионной армии, контр-революция и прочее? («Пролетарская Революция», № 3, 1924 г., «Мои встречи и работа с В. И. Лениным в годы революции» тов. Каюрова.)

ОКТЯБРЬ 1917 ГОДА.

Когда после корниловских дней в Питере собралось так называемое демократическое совещание, Ленин, зная, что меньшевики и эс-эры неспособны на революционную деятельность, послал письмо Центральному Комитету нашей партии и в этом письме говорил: «Довольно тянуть канитель, надо окружить Александринку (демократическое совещание заседало в Алексан-

дринском театре), разогнать всю эту шваль и взять власть в свои руки».

Центральный Комитет нашей партии тогда не согласился с тов. Лениным. Большинству членов тогдашнего Центрального Комитета казалось тогда, что время еще не наступило, что меньшевики и эс-эры сумеют справиться с революцией. Ленин в это время жил уже в Финляндии, потому что сидеть в осенние холода и дожди на болоте было уже невозможно. И так не раз его там помочили осенние дождички, и, может быть, не один день жизни отняло у него это сидение на разливном болоте.

Когда он увидел, что Центральный Комитет нашей партии колеблется, что дело может быть проиграно, он, не обращая внимания ни на какие опасности, приехал в Питер и поставил вопрос о немедленном восстании. В сентябре Владимир Ильич еще считал возможным более мирный исход революции. В статье «Задачи революции» он излагает программу: «*Никаких соглашений с капиталистами, власть Советам, мир народу, земля трудящимся, борьба с голодом и разрухой, борьба с контр-революцией помещиков и капиталистов, мирное развитие революции*».

В этой статье он еще раз определяет, какие силы должны совершить революцию, это — пролетариат и мелкобуржуазная масса нашей страны, главным образом, крестьянство.

Россия — мелкобуржуазная страна. Гигантское большинство населения принадлежит к этому классу. Его колебания между буржуазией и пролетариатом неизбежны. Только при его присоединении к пролетариату победа дела революции, дела мира, свободы, получения земли трудящимися — обеспечена легко, мирно, быстро, спокойно.

Ход революции нашей показывает нам эти колебания на практике. Не будем же делать себе иллюзий (самообмана) насчет партий эс-эров и меньшевиков, будем твердо стоять на своем классовом пролетарском пути. *Нищета беднейших крестьян, ужасы войны, ужасы голода, — все это показывает массам все нагляднее и нагляднее правильность пролетарского пути, необходимость поддержки пролетарской революции.*

Он считал еще тогда возможным, что если Советы возьмут власть в свои руки, тогда у нас останутся еще шансы (возможность) обеспечить мирное развитие революции, мирную борьбу партий внутри Советов, исправление практикой программы разных партий, мирный переход власти из рук одной партии в руки другой.

Но в то же самое время он предвидел, что этого не будет, что скорее революция пойдет по более трудной дороге. Поэтому он нарисовал дальнейшую картину нашей борьбы:

Если эта возможность будет упущена, то весь ход развития революции, начиная от движения 20 апреля и кончая корниловщиной, указывает *на неизбежность самой острой гражданской войны между буржуазией и пролетариатом.* Неминуемая катастрофа приблизит эту войну. *Она должна будет кончиться, как показывают все доступные уму человека данные и соображения, полной победой рабочего класса, поддержкой его беднейшим*

крестьянством для осуществления изложенной программы, но она может оказаться весьма тяжелой, кровопролитной, стоящей жизни десяткам тысяч помещиков-капиталистов и сочувствующих им офицеров. Пролетариат не остановится ни перед какими жертвами для спасения революции, невозможного вне изложенной программы. Но пролетариат всемерно поддерживал бы Советы, если бы они осуществили последний их шанс на мирное развитие революции.

В это время ведь была большая опасность. Чтобы спасти свое положение, правительство Керенского готово было сдать Петроград немцам, и о том, что сдача столицы немцам готовится, знали хорошо все. Ленин торопил своими письмами в Центральный Комитет, в Питерский Комитет партии и в Московский Комитет. Он писал:

Почему должны власть взять именно теперь большевики? Потому, что предстоящая сдача Питера сделает наши шансы в сто раз хуже.

Народ устал от колебаний меньшевиков и эс-эров. *Только наша победа в столицах увлечет крестьян за нами.*

Вопрос идет не о «дне» восстания, не о «моменте» его в узком смысле. Это решит лишь общий голос тех, кто соприкасается с рабочими и солдатами, с массами.

Вопрос в том, чтобы задачу сделать ясной для партии, на очередь дня поставить вооруженное восстание в Питере и Москве (с областью), *завоевание власти, свержение правительства.* Обдумать, как агитировать за это, не выражаясь так в печати.

Вспомнить, продумать слова Маркса о восстании: «восстание есть искусство» и т. д.

Взять власть сразу и в Москве, и в Питере (не важно, кто начнет), может быть, даже Москва может начать; *мы победим безусловно и несомненно.*

Еще после июльских дней Ильич кратко давал как бы тезисы для агитации среди крестьянства. Критикуя временное правительство, он писал с горькой усмешкой:

С землей подожди до учредительного собрания; с учредительным собранием подожди до конца войны, с концом войны подожди до полной победы. Вот что выходит. Над крестьянами прямо издеваются капиталисты и помещики, имея свое большинство в правительстве.

Ленин видит, как нарастает крестьянское движение, как выше и выше надвигаются его волны; как все тесней и тесней вокруг нас вырастают ряды сторонников в армии и особенно во флоте. Ленин боится, как бы мы не прозевали момента.

Ленин пишет в октябре, в начале октября месяца: «Кризис назрел». Он перебирает все, что говорит о кануне революции, и все больше обращает внимание на то, что крестьяне вынуждены восстать против временного правительства Керенского, а Керенский вынужден подавить это крестьянское восстание. В армии идет передвижка в нашу сторону. Мелкая буржуазия в городах отходит от эс-эров и меньшевиков. Во время голосования в районные думы в Москве количество голосов, поданных за эс-эров

и меньшевиков в июне, было 70%, в сентябре упало с 70 до 18%. И Ленин подтверждает:

«Кризис назрел, все будущее русской революции поставлено на карту, все будущее международной рабочей революции за социализм поставлено на карту. Кризис назрел».

И когда видит, что в Центральном Комитете партии все еще происходят колебания, Ленин обращается к двум крупнейшим нашим организациям: Питерскому Комитету и Московскому Комитету с особым письмом, в котором пишет:

Медлить—преступление. Ждать съезда Советов — ребячья игра в формальность, позорная игра в формальность, предательство революции. Если нельзя взять власть без восстания, надо итти на восстание тотчас. Лозунги—власть Советам, земля—крестьянам, мир—народам, хлеб — голодным. Победа обеспечена, и на девять десятых шансы, что бескровно. Ждать — преступление перед революцией.

И, несмотря на то, что многие члены Центрального Комитета были против немедленного захвата власти, против восстания, Ленин сумел убедить, покорить, подчинить тех, кто колебался, сумел собрать вокруг себя людей на все готовых, решительных, смелых, не боящихся самых трудных препятствий, готовых и способных их преодолеть. Он, как опытный полководец, рассчитывает, какие силы у него есть, долго ли продержится. Он не шел тогда вслепую; наоборот, думал серьезно, упорно над теми трудностями, которые встанут на другой день после переворота. Специально думал над вопросом о том, удержат ли большевики государственную власть, и написал работу об этом, где с цифрами в руках доказал, что мы сумеем удержать власть в своих руках. Еще задолго до 25 октября он в основном наметил план всей нашей дальнейшей работы, всех наших преобразований в этой, невиданной еще в мире, революции, впервые совершаемой пролетариатом такой отсталой страны, как Россия, с таким огромным преобладанием крестьянского населения. Ленин твердой рукой повел пролетариат по пути захвата власти, по пути создания первого в мире рабочего государства. Мысль об этом государстве он продумал в особой работе «Государство и революция», которую мы советуем прочитать каждому рабочему, каждому сознательному крестьянину. Когда Ленин уехал из своего логова на болоте, из своего шалаша, где прятался после июльских дней, он скрывался в Финляндии. Там он, среди других дел, закончил эту работу. Учение о государстве является научным (теоретическим) определением и объяснением той революции, которую совершил пролетариат в нашей стране.

Нет никакого сомнения в том, что если бы партия наша поколебалась в то время, мы пережили бы невероятно тяжелое положение, понесли бы тягчайшие жертвы. Гениальная прозорливость, дальновидность тов. Ленина определила точно момент, когда нам нельзя было дальше медлить. Или сейчас мы возьмем

власть в руки, или мы будем раздавлены. Ленин умел покорить колеблющихся своей железной воле, сумел сосредоточить вокруг одной главной задачи все остальные. Он видел еще тогда, когда только что приехал в начале апреля в столицу, как надо собирать силы: сначала завоевать большинство в рабочих советах, завоевать солдатскую массу на фронтах и в столице, привлечь на свою сторону колеблющееся крестьянство. Он увидел в октябре, что вся эта масса рвалась на улицу, что если пролетариат в это время не выступит вперед в бой, не возьмет руководство движением в свои руки — движение перейдет через голову пролетариата и, может быть, будет раздавлено. А тогда мы имели бы то, что получила Германия, что получила недавно Болгария, что получила Венгрия, что получила Финляндия после разгрома революции: месть рабочим, потоки крови, разгром пролетариата.

Всякий знает теперь, что большевиков готовились вырезать господа генералы, действовавшие заодно с эс-эрами, да только сил не хватило на это. Мы не таились в октябре, мы открыто звали к восстанию — все помнят это.

25 октября (7 ноября) власть в столице перешла в руки Совета Рабочих Депутатов.

Конечно, не один тов. Ленин руководил октябрьским переворотом, но никто так ясно и отчетливо не представлял себе революцию. Никто так твердо не вел массы по пути революции, как Ленин в октябрьские дни. В сборнике «Ленин» вы можете прочитать разговор Ленина с Кронштадтом по прямому проводу, Ленин вызывает воинские части армии и флота на подкрепление столицы. Он разговаривает с товарищем из Балтфлота. Ленин сообщает ему состояние в столице и спрашивает, не может ли он немедленно двинуть в Петроград большое число миноносцев и других вооруженных судов, а тов. из Балтийского флота спрашивает: «И еще что?» Ленин отвечает: «Вместо вопроса: еще что? — я ожидал заявления о готовности двинуться и сражаться». И когда тов. Михайлов, представитель Областного Комитета Военного Отдела Финляндии, сообщает ему, сколько он может и к какому пункту выслать вооруженных и готовых сражаться людей, Ленин спрашивает: «*А можете ли вы обеспечить их доставку и продовольствие?*». Ленин был в этот момент не только руководителем, не только командиром, а думал с тревогой о судьбе тех солдат, которые пойдут защищать революцию, будут ли они накормлены, есть ли у них продовольствие.

В такой момент не всякий об этом подумает.

Если восстание в октябре 1917 г. победило, то оно победило потому, что Ленин сумел выбрать момент и собрать воедино силы, нужные для революции.

И первым же делом новой власти были декреты о земле и о мире.

Пройдут десятилетия; пройдут столетия; жизнь на земле изменится; исчезнут остатки капиталистического строя; преобразуется советское государство; отомрут, станут ненужными многие из существующих сейчас органов, многие из существующих сейчас законов. Народы научатся управлять собою, управлять народным хозяйством без того множества государственных учреждений, без государства, как учил тов. Ленин. Начнет отмирать, то-есть станет ненужной, как таковая, государственная власть. Но и через века нельзя будет читать без волнения повесть о тех великих героических днях, нельзя будет читать без глубокого волнения эти декреты о земле и о мире. Веками длилась борьба крестьян с помещиками, веками дворянство сидело на шее миллионов своих рабов. Взмах Октябрьской революции—и не стало дворянского сословия. Империалистическая война сковала кровавым договором огромную массу людей. Казалось, нет силы бороться у народа с этой кровавой властью фронтов. Надо было сделать попытку. Каким радостным отзвуком прозвучали слова о мире в дни октября 1917 г., когда кровь и мозг человеческий мешались с грязью на равнинах Европы! Нам не удалось тогда остановить это кровавое безумие, но нам удалось спасти от смерти сотни тысяч людей, умиравших во славу капитала. Это была первая пролетарская революция, и ее организатором, ее вдохновителем, ее вождем был Владимир Ильич Ленин.

РОСПУСК УЧРЕДИТЕЛЬНОГО СОБРАНИЯ.

Теперь многим молодым товарищам непонятно, почему мы допустили выборы Учредительного Собрания, а потом распустили его. Вы помните те слова Ленина, которые мы приводили об Учредительном Собрании, когда он горько говорил об эс-эрах, сваливающих все на Учредительное Собрание. Но еще до выборов в Учредительное Собрание была создана власть Советов. Что же выше для коммунистов — Советы или Учредительное Собрание? Ведь и Учредительное Собрание выбирали все, даже и те, кто занимался эксплоататорским «ремеслом», жил за счет чужого труда, а в Советы выбирали только трудящиеся, рабочие, крестьяне, красноармейцы. Советы провели закон о земле, Советы провели закон о мире. Ко времени выборов в Учредительное Собрание всюду на местах создалась уже Советская власть.

Но часть народа — в том числе и крестьяне — еще возлагали какие-то надежды на Учредительное Собрание. Списки в Учредительное Собрание кандидатов были составлены тогда, когда еще эс-эры были в силе, когда в правительстве Керенского эс-эры

стояли у власти. Понятно, что они и на местах использовали эту власть и создали такие организации, в руках которых во многих местах было дело выборов в Учредительное Собрание. Ко времени выборов от них откололись левые эс-эры, они вошли уже в правительство Советское, работали первое время вместе с большевиками-коммунистами. Но во многих местах народ не разбирал, правые или левые эс-эры, он только знал, что эс-эры тоже находятся в Советах, и поэтому рассуждал так: стало быть, эс-эры за Советы. А между тем в списках эс-эров левых-то почти что и не было, а были все друзья Керенского — другими словами, друзья буржуазии. В городах рабочий класс, более сознательный, голосовал за большевиков-коммунистов, давал большее число голосов большевикам, более сознательная беднота крестьянская голосовала также за коммунистов-большевиков, а вот темное крестьянство и более зажиточные да буржуазия голосовали за эс-эров, и получилось их большинство в Учредительном Собрании, в то время когда они уже шли против Советской власти. Когда собралось Учредительное Собрание, тов. Свердлов от имени Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов поставил требование перед Учредительным Собранием, чтобы оно признало высшей властью в стране Советскую власть и чтобы утвердило принятые Советской властью и выработанные тов. Лениным декреты о земле и о мире и другие. Этого большинство Учредительного Собрания не сделало. Тогда для нас ясно стало, что эс-эры хотят превратить Учредительное Собрание в центр, который бы руководил борьбой против Советской власти, а этого мы допустить не могли. Вот почему Учредительное Собрание было распущено.

С этого момента сторонники Учредительного Собрания начинают еще более бешеную войну против Советской власти. Они сговариваются с чехо-словаками, сговариваются с разными иностранными посланниками, которые у нас были еще, в роде Бьюкенена — английского, француза Нуланса и другими, через которых сговариваются с правительствами так называемых «союзных» государств — Англии, Франции, Америки и Японии, сговариваются с генералами Красновым, Калединым, Деникиным, Алексеевым, Колчаком, и начинают страшный поход против Советской власти в то время, когда немцы все ближе и ближе подступают к сердцу России.

И после того много раз перед нами ставили вопрос наши враги: признайте власть Учредительного Собрания. Кое-где крестьяне испытали, что значит эта власть: в Самаре, потом в Уфе собирали эс-эры свое Учредительное Собрание. История показала, что во время гражданской войны действительно нет выбора: либо — диктатура (власть) буржуазии, либо — диктатура пролетариата. Громадное большинство трудящихся — не поднятием рук, не

голосованием, а геройской борьбою с оружием в руках в рядах Красной армии, борьбою с разрухою и голодом, бесчисленными жертвами — показало, что оно на стороне пролетарской, рабоче-крестьянской власти. Но для того, чтобы эту власть сохранить, отстоять, надо было временно отступить.

Тогда перед нами неотступно встал вопрос о мире. А при тех условиях или, как говорят по-ученому, при том *соотношении сил*, никакого другого мира нельзя было добиться, кроме *Брестского мира*.

За этот мир больше всех, упорней всех, последовательней всех бился тов. Ленин.

БРЕСТ. СОЗДАНИЕ КРАСНОЙ АРМИИ.

Владимир Ильич правильно предвидел, что главные трудности начнутся после захвата власти, и эти трудности стали сказываться с первых же дней.

Когда сейчас оглянешься назад и вспомнишь, что пережили за эти годы трудящиеся массы нашей страны, рабочие и крестьяне, то с трудом верится, что это можно было выдержать.

И теперь совершенно ясно, что эти величайшие жертвы рабочие и крестьяне могли нести, потому что они в конце концов сознавали и понимали, что они отстаивают *свое* дело. Как бы ни было тяжело, они не отказались от того, что было завоевано в октябре с такими огромными жертвами прошлого времени. К этим жертвам присоединились новые, понесенные за эти годы борьбы за Советскую республику, и в этом проявилась та настоящая сила, о которой Ленин говорил на Втором Всероссийском Съезде Советов. Когда он объяснял декрет о мире, он объяснил, как понимает он силу народа. Он сказал:

> Наши понятия о силе иные. По нашему представлению *государство сильно сознательностью масс; оно сильно тогда, когда массы все знают, обо всем могут судить и идут на все сознательно. Нам нечего бояться сказать правду об усталости, ибо какое государство сейчас не устало, какой народ не говорит открыто об этом?*
>
> Возьмите Италию, где на почве этой усталости было длительное революционное движение, требовавшее прекращения войны. Разве в Германии не происходит массовых демонстраций рабочих, на которых выбрасываются лозунги о прекращении войны? Разве не усталостью вызвано то восстание германского флота, которое так беспощадно подавлено палачом Вильгельмом и его прислужниками? Если возможны такие явления в такой дисциплинированной стране, как Германия, где начинают говорить об усталости, о прекращении войны, то нам нечего бояться, если мы скажем открыто о том же, ибо это правда, одинаково верная как для нас, так и для всех воюющих и даже невоюющих стран.

На наш призыв о мире, однако же, правительства Антанты не откликнулись. Они продолжали войну «до победного конца». Должны ли мы были также продолжать эту войну «до победного

конца»? Теперь совершенно ясно, что если бы мы на это пошли, мы не могли бы удержать Советское государство, мы втянуты были бы неизбежно в дело помощи капиталистам одной страны против другой. Победила бы, может быть, Россия, но уже не Советская Россия, а какая-нибудь генеральская, деникинская, корниловская. Надо было выйти из этой империалистической войны. И вот назначаются переговоры с немцами в Бресте.

В нашей партии по этому поводу были большие разногласия. Когда немцы к нам предъявили грабительские требования, это вызвало общее возмущение; но вместе с тем усталость народа, усталость крестьян от этой войны были так громадны, что крестьяне во многих местах и слышать не хотели о продолжении войны. С фронтов непрерывно шли и шли воинские части, так сказать, «самотеком», уходя с фронтов, разбрасывая огромное, миллиардное военное имущество, обнажая фронт. Никакая смертная казнь, хотя бы многотысячная, не могла бы удержать этого страшного потока с фронтов. Крестьянство не могло, не хотело воевать дальше. Конечно, и в крестьянстве, и среди фронтовиков была часть, которая считала невозможным сдаться на милость правительства Вильгельма, но проповедь революционной войны тоже была не совсем им понятна.

Часть коммунистов — их тогда называли *«левыми коммунистами»*, — а в числе их были даже члены Ц. К. нашей партии, вначале в довольно большом даже числе, — думали, что подписание Брестского мира будет означать предательство революции; дескать, этим мы облегчим положение германского правительства и оттянем революционный взрыв в Германии. С другой стороны, считали, что такой мир, какой предлагали немцы, для России является позорным, *«похабным»* миром, как его тогда называли. Поэтому левые коммунисты высказывались против Брестского мира и проповедывали революционную войну; а так как против Брестского мира были и правые эс-эры, и левые эс-эры, и меньшевики, и кадеты, то и получилось то, что левые коммунисты, как говорится, шли в одну дверь, а попали в другую.

А самая главная ошибка левых коммунистов была та, что они не понимали и не видели усталости крестьянства, не принимали в расчет этой усталости, недооценивали значения крестьянства в революции.

Тов. Троцкий в то время тоже занимал особую позицию: дескать, *«мира не заключать и войны не вести»*. Он вел тогда переговоры в Бресте от имени Советского правительства. Он считал, что те условия мира, которые предлагали немцы, принимать нельзя, и поэтому говорил: такой мир мы не подпишем. Но в то же самое время войска наши разлагались, и старая армия теряла способность сопротивления. От имени правительства тов. Троцкий заявлял: войны мы также вести не будем.

Не так смотрел на дело Владимир Ильич. Он считал, что мы зря теряем время и даем возможность немцам требовать с нас еще больше; что надо во что бы то ни стало получить передышку, мир подписать во что бы то ни стало. Разве мы шляхтичи, паны какие-нибудь, что для нас это — похабный мир? Мы, рабочие и крестьяне, должны обсудить дело с такой стороны: в силах ли мы, можем ли мы дальше продолжать эту борьбу при этой невероятной усталости народа, при разоренности нашего крестьянского хозяйства.

Вся дальнейшая история показала, что прав был в этом вопросе Ленин. В том особенно он был прав, что он лучше всех нас видел, понимал и чувствовал настроение крестьянства, настроение армии, и что он лучше всех нас видел дальнейший ход революции и в других странах. Вот почему он убедил остальных членов партии пойти на демобилизацию армии.

На седьмом съезде нашей партии, 6 марта 1918 г., Владимир Ильич говорил:

> Армия—теперь больная часть русского государственного организма, которая не может вынести тягот этой войны. Чем скорее мы ее демобилизуем, тем скорее она рассосется среди частей, еще не настолько больных, тем скорее страна может быть готовой для новых тяжелых испытаний. Вот, что мы чувствовали, когда единогласно, без малейшего протеста, принимали решение, с точки зрения внешних событий нелепое,—демобилизовать армию. Это был шаг правильный. Мы говорили, что надежда удержать армию—легкомысленная иллюзия (самообман). Чем скорее демобилизовать ее, тем скорее начнется оздоровление всего организма в целом. Вот почему такой глубокой ошибкой, такой горькой переоценкой событий была революционная фраза: «немец не может наступать», из которой вытекала другая: «мы можем объявить состояние войны прекращенным. Ни война, ни подписание мира». «Но если немец наступит?» «Нет, он не может наступать». «А вы имеете право ставить на карту даже не судьбу международной революции, а конкретный (ясный) вопрос о том, не окажетесь ли вы пособниками немецкого империализма, когда этот момент наступит?»

Мы были в то время уверены в том, что социалистическая революция на Западе — дело ближайших дней. Вот почему нам было так тяжело отступать, а Ленин учил нас:

> *Надо уметь отступать.* Невероятно горькой действительности фразой не закрыть. Надо сказать: «дай бог отступить в полупорядке». *Мы в порядке отступить не можем*; дай бог отступить в полупорядке, выиграть малейший промежуток времени, чтобы больная часть нашего организма хоть сколько-нибудь рассосалась. Организм в целом здоров, он преодолеет болезнь. Нельзя требовать, чтобы он преодолел ее моментально, чтобы остановил бегущую армию.

Никто не умел сказать нам всем в лицо тогда жестокую правду так, как сказал ее тов. Ленин. Но это была жестокая правда не отчаявшегося в революции человека: это была жестокая и горькая правда человека, который сквозь поражение, сквозь временное и тяжкое отступление, видел наступление новых дней, провидел победу революции. Он нас не убаюкивал,

а рисовал перед нами тяжелый путь, по которому мы пойдем, и звал нас на этот путь:

Нас ждут самые тяжелые поражения, потому что у нас нет армии, потому что у нас нет организации, потому что этих двух задач решить нельзя сразу. Если ты не сумеешь приспособиться, не расположен ползать на брюхе в грязи, тогда ты не революционер, а болтун, потому что другой дороги нет, потому что история сложилась так неприятно, что революция должна созреть в обеих странах одновременно.

Гражданская война началась, как попытка столкновения с империализмом, доказавшая, что империализм гнил совершенно и что подымаются пролетарские элементы внутри каждой армии. *Да, мы увидим международную мировую революцию, но пока это очень хорошая сказка, очень красивая сказка.*

Хорошо, если немецкий пролетариат будет в состоянии выступить, а вы измерили, вы нашли такой инструмент, чтобы определить, что немецкая революция родится в такой-то день? Вы этого не знаете, мы тоже не знаем. Вы все ставите на карту. Если революция родилась, так все спасено. Но если она не выступит так, как мы желаем, возьмет да не победит завтра,—тогда что? Тогда масса скажет нам: «Вы поступили, как эгоисты, вы поставили карту на счастливый ход событий, который не наступил, вы оказались непригодными в том положении, которое оказалось вместо ожидаемой международной революции, которая придет незаметно, но которая еще не дозрела.

Ленин рассматривал это отступление, как передышку. Он говорил: как бы ни было тяжело наше положение, но раз мы не будем продолжать эту войну с немцами, мы сможем уделить силы на борьбу с внутренней контр-революцией, которая поднимала в то время голову в разных концах. Мы сможем уделить часть сил на поднятие нашего хозяйства. Без этого мы погибнем.

Не всем понятно было, как это мы получим передышку. А впоследствии оказалось, что Ленин был прав. Надо было строить новую армию. Я помню, какие трудности приходилось преодолевать. Старый военный аппарат был разрушен мгновенно. Я работал в то время в Московском Военном Округе вместе с Николаем Ивановичем Мураловым, Васильевым, Берзиным, Штродахом, Полянским и др. Трудное это было время. Надо было собирать и сберегать от расхищения растаскиваемое, разбрасываемое, кидаемое в пути громадное военное имущество; среди развала старой армии строить новую. Помню, когда я написал маленькую книжечку «Новая армия», над нею смеялись военные профессора, старые царские генералы и доказывали в выходивших тогда еще у нас буржуазных газетах, что никакой новой армии мы не создадим, что армии создаются десятилетиями, а не годами. А между тем *перед нами стояла задача — теперь же, немедленно начать строить новую армию,* такую, которая способна была бы отстаивать Советское государство, бороться за рабоче-крестьянскую власть против помещиков, против капиталистов, вести гражданскую войну. Мы создали части Красной

гвардии, сливали их постепенно с более стойкими частями, уцелевшими от старой армии. Потом начали мобилизацию первых рабочих полков и дивизий в Москве. Потом, когда белогвардейщина, чехо-словаки, казаки перевешали, перепороли, перестреляли, перерезали десятки и сотни тысяч крестьян в тех местах, где белые захватили власть, крестьяне стали вливаться в нашу Красную армию. И тогда Ленин сказал нам: *«Мы должны построить трехмиллионную Красную армию»*. Я помню, что некоторые даже из наших товарищей сомневались в том, сможем ли мы, при нашей бедности, при нашей усталости, выполнить эту трудную задачу. Однако, все теперь знают, что мы эту задачу выполнили с честью и что армия рабочих и крестьян, Красная армия, стала не только грозой белогвардейщины всего мира, но и гордостью трудящихся всего мира, сумела отстоять Советское государство от нападений со всех сторон.

ВОССТАНИЕ ЛЕВЫХ ЭС-ЭРОВ.

Партия левых эс-эров после Октябрьской революции вошла в правительство, в Совет Народных Комиссаров. Правда, многие из них колебались с самого начала. С одной стороны, хотелось принять участие в революции, а с другой стороны, белоснежные свои лево-эс-эровские одежды запачкать не хотелось. Такова уж судьба всякой мелкобуржуазной партии, когда она болтается между революцией и контр-революцией.

И вот в октябрьские дни одни левые эс-эры, как Саблин, принимали участие в восстании, а другие хотели уговаривать нас, чтобы мы не стреляли из пушек и сдались бы рудневскому комитету, который заседал в городской думе в Москве. Одни, как покойный красный командир Рачицкий, были с солдатами на фронтах на стороне революции, а другие, как левый эс-эр Черепанов, метался по комнате наверху в Московском Совете, ломал, как интеллигент, руки и говорил, что он не может уйти из Совета, но не может также принять участия в кровопролитии. И этот же самый левый эс-эр Черепанов в 1919 г. принимал участие во взрыве собрания коммунистов в Московском Комитете нашей партии в Леонтьевском пер. Такова судьба всякой мелкобуржуазной партии, колеблющейся между молотом революции и наковальней контр-революции: в конце концов изменить революции, стать на сторону ее врагов. Левые эс-эры целиком оправдали это положение: на устах — революционная фраза, на деле — предательство революции.

У нас нет никакого сомнения в том, что большинство эс-эров действовали искренно, уверенные в том, что все это они делают на благо революции, а на деле получался один вред для победы рабочих и крестьян.

Левые эс-эры были против Брестского мира. На V Съезде Советов, где присутствовали 1.164 депутата и из них 66% большевиков-коммунистов, левые эс-эры имели около 1/3. Мы им еще в то время очень доверяли. Я сам помню, как накануне лево-эс-эровского восстания я выдал, будучи военным комиссаром, большое число винтовок для лево-эс-эровских боевых дружин где-то не то в Вологде, не то в другом месте, по записке Саблина. Левый эс-эр Муравьев командовал у нас чехо-словацким фронтом на Волге. В самой Москве, в Трехсвятительском пер., стоял отряд В.Ч.К., который находился под командой левого эс-эра Попова. Значит, настолько мы им доверяли, что даже В.Ч.К. — и та охранялась левым эс-єром.

И вот левые эс-эры потребовали от нас, чтобы мы сорвали Брестский мир. Мария Спиридонова выступала на пятом Съезде Советов от имени крестьянской секции В.Ц.И.К. и приводила в своей двухчасовой речи бесчисленные белогвардейские басни о том, будто Совет Народных Комиссаров тайно от народа отправляет золото, хлеб и мануфактуру в Германию. Когда Ленин выступил с ответом на эту провокацию, левые эс-эры не давали ему. говорить, шумом и криками заглушая его речь. Но это им не удалось.

7 июля левые эс-эры Блюмкин и Андреев бомбою убили германского посла графа Мирбаха. Этим они хотели нас поставить перед неизбежностью, необходимостью войны с Германией. С помощью отряда Попова левым эс-эрам удалось арестовать тогда тов. Дзержинского, председателя В.Ч.К., председателя Московского Совета тов. П. Г. Смидовича, народного комиссара почт и телеграфов Подбельского; им удалось захватить почту и телеграф и разослать повсюду лживые телеграммы о том, что власть Совета Народных Комиссаров перешла к ним в руки. В этой телеграмме они призывали к войне с Германией.

В отряде Попова было до двух тысяч человек пехоты, восемь орудий и броневик. Эс-эры открыли стрельбу из орудий по Кремлю.

Несколько снарядов упало даже во двор Кремля. Но они плохо рассчитали. Ни одна воинская часть к ним не присоединилась; ни один рабочий не поднялся в защиту левых эс-эров. 8 июля это восстание было кончено. Отряд Попова должен был бежать, рассыпаться по Владимирскому шоссе.

В то же самое время из Петербурга, с западного фронта, были задержаны человек триста с оружием в руках, которые шли на помощь левым эс-эрам. В Питере пришлось разоружить организованные левыми эс-эрами боевые дружины. Главнокомандующий на чехо-словацком фронте на Волге, левый эс-эр Муравьев, получивши телеграмму Ц.К. левых эс-эров о том, что в Москве восстание, отдал приказ войскам двигаться на Москву

и приказ о войне с Германией. Этим он совершенно расстроил фронт и открыл чехо-словакам дорогу. Его, однако же, мало кто поддерживал. Видя, что фронт его не поддерживает, Муравьев застрелился.

Ленин и раньше предупреждал левых эс-эров о том, что они плохо кончат, если не сумеют понять необходимости этого отступления — Брестского мира. 5 июля 1918 г. Ленин в своей речи, которая все время прерывалась левыми эс-эрами, мешавшими ему говорить, предупреждал их:

Если найдутся из партии левых эс-эров люди, которые скажут, как предыдущий оратор, один из наиболее искренних и поэтому часто увлекающихся, часто меняющих свои мнения,—если они скажут: «Мы с большевиками работать не можем, мы уходим»,—мы не пожалеем об этом ни на одну минуту. *Те социалисты, которые уходят в такую минуту, когда десятки и тысячи людей гибнут от холода, в то время, как другие имеют такие большие излишки хлеба, что не продали их до августа прошлого года, когда удвоили твердые цены на хлеб, против чего вся демократия восставала, кто знает, что народ терпит несказанные муки голода, но не хочет продавать хлеб по ценам, по которым продают средние крестьяне, те — враги народа, губят революцию и поддерживают насилие, те—друзья капиталистов. Война им и война беспощадная.* И тысячу раз будет неправ тот, тысячу раз ошибается тот, кто позволит себе хоть на минуту увлечься чужими словами и сказать, что это—борьба с крестьянством, как говорят иногда неосторожные или невдумчивые из левых эс-эров. Нет, *это борьба за то, чтобы спасти социализм и разделить хлеб в России правильно.*

Предсказания Ленина в этом вопросе целиком оправдались. Лучшее, что было в этой партии, вошло в наши ряды. От партии левых эс-эров остались обломки, которые никакой решительно роли в нашей жизни не играют и годны лишь на то, чтобы, в случае нового похода против Советской России, оказаться в рядах наших врагов вольными или невольными пособниками. Они распространяли между тем сказки о том, как Ленин впускает в страну немцев, батальоны немецких солдат. Они говорили о том, что мы готовы итти на всякие уступки и продать немцам Россию.

Тов. Ларин рассказывает, как Ленин ни на одну минуту не колебался в самом резком отпоре немцам, когда чувствовал, что мы можем отстоять ту или иную позицию, и что сдача этой позиции принесла бы ущерб основам нашей революции, как Ленин умел маневрировать, т.-е. так вести нашу всю пролетарскую армию, чтобы выступление ее было только маневром, рассчитанным на укрепление наших сил.

После Брестского мира,—рассказывает тов. Ларин,—Россия должна была заключить с Германией (тогдашней могущественной Германией Вильгельма II) договор об экономических взаимоотношениях. Нашим послом в Берлине был Иоффе, и для участия в переговорах были, летом 1918 года, дополнительно посланы из Москвы Бухарин, Ларин и Сокольников. Когда мы заявили немцам о намерении национализировать всю промышленность, в том числе и принадлежащую иностранным подданным, германское пра-

вительство поставило категорическое требование не делать этого, угрожая разрывом и желая иметь ответ до 1 июля. Дело происходило уже в 20-х числах июня, и всякому понятно было, что вильгельмовская Германия может подкрепить свой протест военным вмешательством—все стояло на карте.

Владимир Ильич не колебался ни минуты. Он отдал распоряжение немедленно составить и издать, вопреки немцам, декрет о национализации всей промышленности. Так и появился на свет декрет 28 июня 1918 г. о конфискации всех фабрик, заводов, горных промыслов, железных дорог и т. д. Правительство Вильгельма II получило ответ до 1 июля, но обратный тому, какого хотело. Мы могли в Бресте подписать мир с уступкой нескольких губерний—тут был маневр, уступка территории без уступки души, для выигрыша времени и накопления сил. Но мы не могли отказаться от программы национализации промышленности, ибо это подрывало бы принципиальный (основной) смысл пролетарской диктатуры, и тут все должно было быть поставлено на карту. Позже, из воспоминаний Людендорфа (начальника германского штаба), стало известно, что военачальники Вильгельма II действительно приступили затем к формированию особой армии против Советской России, и только изменение положения самой Германии избавило нас от новой войны с нею.

А что касается введения батальона немцами в Москву, то в этом отношении все эти сказки опровергаются речью тов. Ленина во В.Ц.И.К. 15 июля 1918 г. и тем предложением, которое было им внесено на этом заседании и было принято. Ленин говорил на этом заседании:

Когда нам было сообщено желание германского правительства, не носящее еще характера безусловного требования, чтобы мы пропустили в Москву батальон вооруженных немецких войск в форме, то мы ответили, и повторяем теперь этот ответ перед лицом высшего органа Советской власти рабочих и крестьян, перед лицом Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета, что *подобного желания мы ни в коем случае и ни при каких условиях удовлетворить не можем, ибо это было бы объективно началом оккупации России иноземными войсками.*

На такой шаг мы вынуждены были бы ответить, как отвечаем на мятеж чехо-словаков, на военные действия англичан на севере, именно: усиленной мобилизацией, призывом поголовно всех взрослых рабочих и крестьян к вооруженному сопротивлению и к уничтожению, в случае временной необходимости отступления, всех и всяческих, без всяких изъятий, путем сожжения складов и, в особенности, продовольственных продуктов, чтобы они не могли достаться в руки неприятеля. Война стала бы для нас тогда роковой, но безусловной и безоговорочной необходимостью, но эту революционную войну рабочие и крестьяне России поведут рука об руку с Советской властью до последнего издыхания.

И в этом вопросе Ленин был прав. Когда война стала для нас «роковой, безусловной необходимостью», то эту революционную войну рабочие и крестьяне России и повели рука об руку с Советской властью и победили тех, кто пытался разрушить власть Советов.

РАНЕНЫЙ.

Ненависть буржуазии к пролетарской революции особенно проявилась в ненависти к Ленину со стороны наиболее обанкро-

тившейся в революции мелкобуржуазной партии — партии правых эс-эров. Теперь точно известно, что правые эс-эры собирались с помощью царских генералов просто-напросто перерезать всех большевиков-коммунистов, но руки у них для этого оказались коротки. Когда правый эс-эр Маслов крикнул клич ко всей партии собрать боевые дружины, то вместо тысяч явились какие-нибудь десятки и сотни людей, которые бессильны были сделать что бы то ни было против Советской власти, против коммунистической партии. Тогда начались у них переговоры с представителями иностранных государств против Советской России. Уговорились они вместе с чехо-словаками, что те займут Поволжье, захватят Сибирскую ж. д., отрежут Сибирь; посадили на сибирский трон Колчака, помогли разным царским генералам отхватить от нас хлебородные, нефтяные и каменноугольные области; устраивали взрывы и поджоги наших складов и думали, что можно истребить нашу партию тем, что они будут охотиться на наиболее видных наших работников. Так, правыми эс-эрами был убит талантливый молодой коммунист Володарский, который своим пламенным словом умел зажигать сердца тысяч и тысяч рабочих. Эс-эры подкараулили его, когда он ехал с рабочего собрания, и убили его. Устроили покушение на тов. Троцкого, хотели взорвать его поезд, да не удалось, — плохо выследили. Убили старого нашего товарища Урицкого, которого считали виновником роспуска Учредительного Собрания и виновником преследования белогвардейских заговорщиков. Устроили ряд восстаний в Ярославле, в Муроме, Владимирской губ. и в других местах. С помощью генералов отрезали Украину, Кубань, Дон, Сибирь, Поволжье. Закрыли нас тогда со всех сторон — и с моря, и с суши — и думали, что этим погубят нашу страну. Но больше всего их тревожил Ленин. На нем они сосредоточили всю свою ненависть, начали за ним охотиться, выслеживать его.

Лето 1918 г. было для нас необычайно тяжелое. Голод тесным кольцом охватывал рабочие районы. Капиталист Рябушинский хвалился: «Мы их задушим костлявой рукой голода». Мы не скрывали нашего тяжелого положения, да и к чему было скрывать его? Наоборот, всегда, во все трудные моменты мы обращались к рабочим массам, и Ленин в этом отношении был для нас примером. Он не мог жить без того, чтобы не показываться на многолюдных собраниях, чтобы не говорить с рабочими, с крестьянами. Он считал, что надо выйти и самую суровую правду рассказать рабочим.

В то время в Москве были устроены так называемые пятничные митинги. По пятницам (а иногда и по другим дням) устраивались во всех районах Москвы, везде, где только имелись большие помещения, — в театрах, в клубах, — огромные рабочие

собрания. Вход на них был всем открытый, — мы не таились, никого не боялись. Да и кого нам было бояться? Ведь мы сами — плоть от плоти этого народа и творим волю этого народа.

В день 30 августа были назначены повсюду такие митинги. Я помню, в этот день мне пришлось также выступать с речью в Баумановском районе в помещении бывшей так называемой «хлебной биржи». Я пришел туда часов в шесть. Ильич уже кончил свой доклад, ответил на записки и направлялся к выходу. Перед ним расступались рабочие, провожая его добрыми, ласковыми взглядами. Мы встретились с ним, перекинулись двумя-тремя словами, пожали друг другу руки. Разве можно было подумать о том, что вот через полтора часа он будет лежать раненый, распростертый на земле?

С этого собрания Ленин поехал в Замоскворецкий район на завод, бывший Михельсона. Там подстерегала его член партии правых эс-эров Фанни Каплан с злобной мыслью убить того, чье сердце билось великой любовью ко всем трудящимся и еще более великой ненавистью ко всем врагам рабочих и крестьян. Она стояла с браунингом в руке, заряженным отравленными сильнейшим ядом (кураре) пулями, с распиленными головками, чтобы сильнее ранить, чтобы разорвать тело вождя рабочих и крестьян. В этом маленьком ничтожном мозгу члена этой выродившейся, обанкротившейся, целиком перешедшей на сторону контр-революции партии уместилась эта чудовищная мысль — вычеркнуть из жизни Ленина. Что было на этом собрании, об этом пусть расскажут те, кто на нем был. О том, как ранили Ильича, рассказывает подробно тов. Иванов, рабочий завода Михельсона, которому удалось арестовать стрелявшую в Ленина Фанни Каплан.

В гранатном корпусе был назначен митинг. Народ стал прибывать. В это время пришла Каплан. Внимание я на нее обратил потому, что когда она вошла, в корпусе было всего триста-четыреста человек, большую часть которых я знал. Она подошла к нашей группе (старые партийцы и свои беспартийные рабочие), облокотилась на стол и стала слушать, что мы говорим. Одну за другой курила папиросы, будто взволнована, но мы не придали тогда этому никакого значения. Из себя вид— потрепанные грязные ботинки, черная юбка, с открытой головой, черная, лет 28—30, осеннее полупальто. Один из товарищей сделал предположение, что она из подпольных пропагандисток. После этого она потерялась из виду.

Никто не знал, что Ильич будет. Мы его не ждали. Открылся митинг. Не помню, кто выступал первый. Когда он говорил, раздались возгласы всей массы: «Приехал Ильич». Когда он появился на трибуне, ему сейчас же предоставили слово, потому что когда Ильич приезжал, уже не хотели слушать никого другого. Вся речь Ильича сводилась к тому, что на нас наступает сейчас чехо-словацкая армия, и в последних словах Ильичем было сказано: «Мы все, как один, должны дать отпор чехо-словацкому фронту»...

Ильич говорил минут пятьдесят. Когда он кончил свою речь, рабочие все крикнули: «Мы пойдем на фронт все, как один». Посыпался гром аплодисментов. Не было даже ни одной записки подано Ильичу.

Когда Ильич кончил, он, по обыкновению, схватил пальто и стал спускаться с трибуны, по дороге одевая свою кепку и пальто. В это время, когда он шел по корпусу к выходу, а шел он, как обыкновенно, прямо сквозь толпу, и часть рабочих шла с ним и сзади, и с боков, и спереди, подошел к нему один гимназист лет пятнадцати-шестнадцати с какой-то запиской. Ильич несколько слов ему ответил, и гимназист отошел и затерялся в толпе.

Когда Ильич стал подходить к выходу, впереди него шло несколько рабочих, а сзади громадная толпа. Когда он стал подниматься по лестнице,—у нас там есть лестница наружу, ступенек двадцать,—в это время сзади него шел матрос черноморского флота. Он споткнулся и упал, чтобы масса не успела выйти сразу за Ильичем. Сделался затор. Ильич вышел и с ним только человек пятнадцать-двадцать рабочих. Когда он вышел во двор завода, где стоял автомобиль,—от корпуса в трех саженях,—то у самых дверей к нему обратились две женщины с вопросом дать им объяснения по поводу отобрания у них на железной дороге муки. Ильич им стал что-то объяснять на ходу, и они его сопровождали до самого автомобиля. Подойдя к автомобилю, Ильич повернулся к ним лицом и одну ногу уже поставил на ступеньку автомобиля. В это время, когда он говорил, Каплан, которая стояла у автомобиля (она оказалась впереди Ильича) в четырех шагах от него, произвела четыре выстрела. Произошла паника. Народ, который шел из корпуса, бросился весь назад. Произошла давка. В корпусе были слышны выстрелы. Я сразу выскочил из корпуса, пробрался сквозь толпу к выходу. У автомобиля двое или трое рабочих поднимали Ильича. Крови не было видно. Но Ильич был без чувств, без движения. Положили в автомобиль и сказали, чтобы везли в Кремль. И здесь уже увидели раненую женщину, которая раньше подходила к Ильичу за разъяснением насчет хлеба. Нельзя было узнать, кто стрелял в Ильича, потому что все разбежались. Но благодаря тому, что здесь были дети,—они за время революции уже привыкли к выстрелам и не боялись их,—удалось это выяснить. Они закричали: «Иванов, которая стреляла, она побежала на стрелку к трамваю». Я бросился из ворот и увидел женщину, бегущую к Серпуховке. Я побежал ее догонять, и за мной побежало еще много рабочих. Догнал, схватил и признал ту самую, которая подходила к нам до открытия митинга. Подбежали остальные рабочие и хотели сейчас же произвести самосуд—прямо разорвать на куски. С большим усилием я и другие коммунисты не допустили самосуда. Организовали мы цепь тесным кольцом вокруг нее и повели в штаб большевиков.

Другой участник этого собрания, Яков Блинков, передает также некоторые интересные подробности об этом митинге:

Посещаемость рабочими митингов была большая, и как ни велика она была раньше, я, будучи почти на каждом митинге, никогда не наблюдал такого большого стечения народа, как в этот день,—день 30 августа. Преобладающее большинство было рабочие. Тут были не только рабочие завода Михельсона и близко проживающие от него, но также и пришедшие с окраин Москвы—из Даниловской и Симоновской слободы и из других отдаленных районов.

Здесь были и мужчины, и женщины, даже и дети. В районе уже знали, что на сегодняшний митинг придет Ленин.

Всем хотелось его услышать.

В то тяжелое, голодное время забота всех была о хлебе, но для честного пролетария услышать слово от своего вождя, «Ильича», была бо̀льшая потребность, чем хлеб.

(Трудящиеся сознавали, что слова Ильича есть их жизнь, все светлое будущее.)

В шесть с половиной часов вечера, когда я только пришел на митинг, у помещения уже было много народа. Разделившись на группы, многие обсуждали между собою злободневные вопросы дня.

Народ все прибывал, и когда пустили в помещение и открыли митинг, то огромное помещение было совершенно полно.

Я не помню, кто говорил и что говорилось по открытии митинга до приезда Ильича, и я думаю, вряд ли кто из присутствовавших в то время помнит что-либо, так как мне кажется, что все как-то бессознательно слушали речи ораторов: настолько были поглощены мыслью, приедет ли Ленин?

И вдруг раздался взрыв аплодисментов вначале у входа, а потом раздался по всей аудитории. Пронесся гул по помещению: «*Приехал*». И, наконец, революционный замоскворецкий пролетариат увидел своего вождя на трибуне.

Аплодисменты долго еще не смолкали. Энтузиазм был огромный, и чтобы описать его, я не имею слов для выражения.

Ленину сейчас же было дано слово, и достаточно ему было сказать: «Товарищи», как наступила тишина, и внимание и слух были направлены на его речь.

Нельзя представить, с какой жадностью все слушали его. Мне приходилось слышать Ленина и раньше, и в этот день, как и всегда, он говорил простым, понятным для всех языком, открывая перед рабочей массой все махинации и козни Антанты. Он не закрывал рабочим глаза на переживаемое тяжелое время и просил только немного выдержки, и тогда же предсказал скорую победу над разрухой и голодом; трудящиеся понимали и верили ему.

Когда кончилась речь Ленина, энтузиазм массы пришел в неописываемое состояние. Стоял шум от аплодисментов и приветствий. Неслось могучее пение «Интернационала».

Когда Ленин сошел с трибуны, сейчас же образовался живой коридор, по которому он проходил к выходу, а за ним шла вся аудитория с пением «Интернационала». Идущие рядом с Лениным разговаривали с ним, задавая какие-то вопросы, на которые он отвечал. И в то время, когда Ленин вышел из помещения на небольшой дворик перед выходом и подходил к автомобилю, в то время, когда из помещения неслось могучее: «Мы наш, мы новый мир построим»... раздался выстрел.

Тов. Иванов только в одном ошибается. Ленин не был без чувств и без движения. Когда его усаживали в автомобиль и отвозили в Кремль, шофер тов. Гиль, который отвозил Ленина, а с ним также ехала и тов. Д. К. Гончарова, отвозившая раненого Ленина в автомобиле, рассказывает подробно о том, в каком состоянии Ленин доехал до Кремля:

Кто-то настаивал, чтобы я вез Владимира Ильича в ближайшую больницу. Я решительно ответил: «Ни в какую больницу не повезу. Везу домой».

Владимир Ильич, услышав наш разговор, сказал: «Домой, домой»... И я вместе с товарищами из комитета,—а один оказался из военного комиссариата,—помогли Владимиру Ильичу подняться на ноги, *и он сам с нашей помощью прошел несколько шагов до машины.* Мы помогли ему подняться на подножку мотора, и он сел на заднее сиденье в купе автомобиля, на обыкновенное свое место. Двое товарищей сели в машину—один со мной, другой внутри автомобиля. Я поехал очень быстро, из всех сил, как позволяла только дорога, прямо в Кремль. Я несколько раз оглядывался на

Владимира Ильича. Он с половины дороги откинулся всем туловищем на сиденье, полулежал, не стонал и не издавал ни одного звука. Лицо его было бледно. Товарищ, сидевший внутри, немного поддерживал его. В Троицких воротах я не остановился, а только крикнул часовым: «Ленин», и проехал прямо к квартире Владимира Ильича. Здесь мы все трое помогли выйти Владимиру Ильичу из автомобиля. Он вышел тяжело, при нашей поддержке, видимо страдая от боли, но не издавая ни одного звука. Мы сказали ему:

— Мы вас понесем...

Он наотрез отказался.

Мы стали просить и умолять его, чтобы он разрешил нам внести его, но никакие уговоры не помогли, и он твердо сказал: «Я пойду сам...— и, обращаясь ко мне, прибавил:—Снимите пиджак, мне так будет легче итти».

Я осторожно снял пиджак, и он, опираясь на нас, пошел по крутой лестнице в третий этаж. Поднимался он совершенно молча. Придя к двери, мы позвонили, и нам открыли. Я прямо повел его в спальню и положил на кровать. Хотел снять рубашку, но этого сделать было нельзя, и я разрезал ее. В этот момент пришла Мария Ильинишна. С криком: «Что случилось?» она бросилась сначала к нему, а потом ко мне и сказала:

— Звоните скорей, скорей.

Я тогда позвонил к Владимиру Дмитриевичу Бонч-Бруевичу и все объяснил. В это время вбежала Анна Петровна и сейчас же выбежала в Совнарком, и с ней пришел товарищ А. Н. Винокуров.

После того, как я позвонил к Владимиру Дмитриевичу, Мария Ильинишна просила меня предупредить Надежду Константиновну, и как можно осторожней. Надежда Константиновна была в комиссариате. Когда я спустился во двор, меня кто-то догнал из Совнаркома, чтобы вместе итти предупредить Надежду Константиновну. Мы стали ждать ее на дворе. Спустя очень скорое время она подъехала. Когда я стал к ней подходить, она, видимо догадавшись по моему взволнованному лицу, что что-то случилось, остановилась и сказала, смотря в упор в мои глаза:

— Ничего не говорите, только скажите—жив или убит...

— Даю честное слово,—ответил я ей,—Владимир Ильич легко ранен.

Она постояла с минуту и пошла наверх, и мы молча пошли ее провожать. Вошли в квартиру. Я побыл здесь и ушел домой.

Каково было в то время состояние Владимира Ильича, лучше всего свидетельствуют слова доктора Мамонова:

— Только отмеченные судьбой,—сказал он,—могут избежать смерти после такого ранения.

Тов. Д. К. Гончарова, которая принимала участие в оказании первой помощи тов. Ленину, также отмечает необычайную выдержку тов. Ленина, стойкость его и железное упорство.

В эту минуту он даже нашел силы, чтобы немножко пошутить.

Быстрыми шагами тов. Ленин поднялся на трибуну. Он говорил недолго. Во время речи некоторые из наших товарищей заволновались, что нет охраны, и старались ближе подвинуться к нему. Когда он кончил, к нему вплотную подошли две женщины и какой-то гимназист. Я близко от них стояла и слышала, как они задавали тов. Ленину вопросы относительно только что выданных продовольственных карточек, пайков и т. д. Продвигаясь от трибуны к выходу, тов. Ленин отвечал на задаваемые ему вопросы. В дверях была давка, и я оказалась оттертой назад. Когда я вышла, на дворе я увидела себя на сравнительно большом расстоянии от тов. Ленина. Я пыталась обойти или, вернее, обогнать рабочих, чтобы быть поближе к тов. Ленину. Но тут я услышала выстрел, и когда я подбежала к автомобилю, я увидела человека с револьвером в руках и подумала, что это и есть

убийца. Но оказалось, что это шофер, привезший тов. Ленина на завод Михельсона. Тов. Ленин лежал на земле, не подавая признаков жизни. Тут же оказался и какой-то рабочий. Мы втроем помогли Владимиру Ильичу войти в автомобиль. Он пришел в себя, не издавая ни единого стона или вздоха, почти без нашей помощи скинул пальто.

Я его спросила, куда он ранен. Он указал на руку выше ранения. Я перевязала рану своим носовым платком. Мы поехали. Я спросила: «Куда вас везти?» Но, посоветовавшись между собою,—все же отвезли его в Кремль. Хотя Владимир Ильич за всю дорогу от Михельсона до Кремля не издавал ни одного стона или вздоха, ему было тяжело дышать. Я развязала галстух и раскрыла ворот рубашки. Все время следила за пульсом. Внешне он держал себя так, как будто рана была самая пустяковая.

В Кремле он просил подъехать к квартире, где он жил. Мы ему помогли выйти из автомобиля и по его настойчивому требованию не перенесли его, а лишь помогли подняться на третий этаж. Он быстрыми шагами поднялся по лестнице, поддерживаемый нами. Тут уже было совершенно заметно, что он напрягал свои силы, чтобы держаться на ногах. Мы его повели в комнату, положили на постель и начали раздевать. Рубашку пришлось разрезать ножницами, и тут мы обнаружили вторую рану на спине. Под рукой не было ничего для перевязки—ни бинта, ни иода. Рабочий, приехавший с нами с завода Михельсона, спросил: «А нет ли у Владимира Ильича «индивидуального пакета»? Владимир Ильич со своим обычным выражением, немного насмешливо ответил: *«Я ведь не на фронт собрался, а на митинг»*.

Успел зайти тов. Винокуров, и я с шофером побежали в кремлевскую аптеку доставать необходимый для перевязки материал. По лестнице поднимались Рыков, Я. М. Свердлов и другие товарищи, спешившие в квартиру Владимира Ильича.

Первое время положение было чрезвычайно опасное. У Ленина было прострелено легкое, одна пуля застряла в ключице, одна прошла через шею и чуть не задела спинной хребет. Пули были отравлены, напилены. Всякий другой человек, не с таким железным здоровьем, какое было у Владимира Ильича, погиб бы от этих выстрелов.

Несколько дней положение Ленина было необычайно тяжелое. Бюллетени о состоянии здоровья, которые каждый день печатались, вызывали величайшую тревогу среди трудящихся. Выживет ли Ленин? Операцию было трудно делать, чтобы вынуть пули, — было опасно. Пули остались в теле. Ленин носил их до самой смерти в теле своем.

Но Ленин победил. Он справился с тяжелым ранением, снова вернулся к работе, проявил величайшую выдержку за время своей болезни, и как только опасность миновала, он сейчас же потребовал, чтобы его знакомили с делами, чтобы ему сообщили все самое важное, и вскоре вернулся вновь к работе.

Ленин был не из тех людей, которые теряются, которые впадают в уныние даже в самые страшные и тяжелые минуты. Ленин видел в этом выстреле не доказательство своей виновности, а, наоборот, величайшее доказательство своей правоты. Если правые эс-эры его ненавидят, если ненавидят его эти прислуж-

ники буржуазии, значит он прав. Ленин очень любил повторять, — это он повторял и накануне Октябрьской революции, слова поэта:

Мы слышим звуки одобренья
Не в сладком ропоте хвалы,
А в диких криках озлобленья...

и дикие крики озлобления буржуазии и их прихвостней, правых эс-эров, были похвалой для Ленина.

Когда теперь врачи описывают историю его болезни, когда устанавливают, с какого времени началась его болезнь, очень часто забывают об этом смертельном ранении. Сколько месяцев, сколько лет жизни отняло это ранение? Быть может, мы еще годы и годы слышали бы его мощные призывы; он обогатил бы мир еще более глубокими и блестящими сокровищами мысли, своих дел, если бы не это ранение.

Кремль, эта прежняя твердыня московских царей, — который веками был воплощением царского самодержавия, — Кремль стал колыбелью нового человечества. Дорога к Кремлю полита обильно кровью павших, — павших в октябрьские дни. Камни мостовой Кремля обагрены кровью тех солдат, которые защищались против юнкеров и предательски были ими расстреляны в октябре 1917 г.

Но от рабочих кварталов к Кремлю ведет другой кровавый след, — кровь Ленина, пролитая им в борьбе за освобождение рабочего класса. Раненый, истекающий кровью, он не позволил себя нести, он сам взошел, чтобы показать всем, как мужественно надо переносить боль и страдание во время пролетарской революции. Мужественно перенес он болезнь, и снова стал у руля — такой же крепкий, такой же стальной, такой же зоркий.

Напрасно подумает кто-нибудь, что после этого Ленин стал как-нибудь особенно оберегаться, как-нибудь особенно прятаться. И после этого он так же свободно и охотно бывал на рабочих собраниях, на всякого рода съездах и конференциях, рабочих и крестьянских. Я помню уже значительно позже, как он с одного собрания отправился пешком в Кремль. Это собрание было во втором доме Советов, в Свердловском зале. Я пошел с ним, увидевши, что никто его не охраняет, не оберегает. Сначала я шел на некотором расстоянии, чтобы Ильич не видел меня, — может быть, ему хотелось остаться одному, думал я; но потом как-то невольно догнал его и заговорил с ним. Мы прошли через Александровский сквер до Кремля. Я все-таки сказал ему: напрасно вы ходите так, один. Он ответил мне веселой шуткой. Этот человек не мог бояться. В центре революции он чувствовал себя в родном городе.

Какой радостью было для нас для всех первое известие о выздоровлении Ленина. Ленин снова с нами. Мы победим!

ГОЛОД И ПРОДРАЗВЕРСТКА.

Когда сейчас многие рабочие вспоминают о голодовках, о том, как они жили в 1918—1919—1920 г.г., многое кажется им, как страшный сон, когда стояли в очередях из-за осьмушки, четвертки хлеба, когда из-за пуда картошки мучились в поездах на крышах вагонов, висели на буферах, калечились, продавали последнюю одежонку с себя, когда на заводы у нас не работать шли, а растаскивать государственное добро, когда вместо работы производственной шла выделка зажигалок, сковородок, молотков на частный товарообмен, когда многие поневоле сделались спекулянтами, когда рабочие должны были уходить с фабрик и заводов и рассасываться по деревням, чтобы только не умереть с голода. Сибирь, Волга, Украина, Кубань, все хлебородные места были отрезаны; нужна была железная рука Советской власти, чтобы в этих условиях не допустить до полного развала, до гибели Советского государства. Сейчас с ужасом вспоминают многие те законы, те порядки, которые были тогда, — разверстку, сдачу всяких излишков, пайки голодные, заградительные отряды. Кто может добром вспомнить все это? А если сказать жесткую, суровую правду, то надо сказать: «*Все это и спасло рабочую и крестьянскую Россию, без этого погибли бы*».

В мае 1918 г. к тов. Ленину обратилась делегация от рабочих Путиловского завода, которая нарисовала ему подробную картину голода в Питере. Да и без этой делегации разве Ленин не знал, как тяжело жилось в это время рабочему люду? И Ленин писал в ответ питерским рабочим письмо, в котором доказывал им, что сейчас без пайкового распределения, без самого точного учета всего имеющегося хлеба — гибель. Он писал:

Рядом мы наблюдаем разгул спекуляции хлебом и другими продовольственными продуктами. *Голод не оттого, что хлеба нет в России, а оттого, что буржуазия и все богатые дают последний, решительный бой господству трудящихся, государству рабочих, Советской власти на самом верном и остром вопросе,—на вопросе о хлебе.* Буржуазия и все богатые, в том числе деревенские богатеи, кулаки срывают хлебную монополию, разрушают государственное распределение хлеба в пользу и в интересах снабжения хлебом всего населения, и в первую голову рабочих, трудящихся, нуждающихся. Буржуазия срывает твердые цены, спекулирует хлебом, наживает по сто, по двести и больше рублей [1]) на пуд хлеба, разрушает хлебную монополию и правильное распределение хлеба, разрушает взяткой, подкупом, злостной поддержкой всего, что губит власть рабочих, добивающуюся осуществить первое, основное, коренное начало социализма: «Кто не работает, тот да не ест.

---

[1]) Тогда это была большая сумма денег, рубля 4 золотом, не меньше.

«Кто не работает, тот да не ест»—это понятно всякому трудящемуся. Девять десятых населения России согласны с этой истиной. В этой простой, простейшей и очевиднейшей истине—основа социализма, неискоренимый источник его силы, неистребимый залог его окончательной победы.

Но в этом-то и суть, что одно дело—расписаться в согласии с этой истиной, побожиться, что разделяешь ее, губами признать ее, другое дело—уметь провести ее в жизнь. Когда сотни тысяч и миллионы мучаются от голода (в Питере, в неземледельческих губерниях, в Москве)—в стране, в которой миллионы и миллионы пудов хлеба прячутся богачами, кулаками и спекулянтами,—в стране, которая зовет себя Социалистической Советской Республикой, тогда есть над чем серьезно и глубоко пораздумать всякому сознательному рабочему и крестьянину.

«Кто не работает, да не ест»,—как провести это в жизнь? Ясно, как божий ясный день, что для проведения этого в жизнь необходима, во-первых, государственная хлебная монополия, т.-е. безусловное запрещение всякой частной торговли хлебом, обязательная сдача всего излишка хлеба государству по твердой цене, безусловное запрещение удерживания и утайки излишков хлеба кем бы то ни было. Во-вторых, для этого необходим строжайший учет всех излишков хлеба и безукоризненно правильный подвоз хлеба из мест избытка в места недостатка хлеба с заготовкой запасов на потребление, на обработку, на посев. В-третьих, для этого необходимо правильное, справедливое, не дающее никаких привилегий и преимуществ богатому распределение хлеба между всеми гражданами государства под контролем рабочего пролетарского государства.

Романов и Керенский оставили рабочему классу в наследство страну, разоренную до-нельзя их грабительской преступной и тягчайшей войной,—страну, ограбленную русскими и иностранными империалистами до-чиста. Хлеба хватит на всех только при строжайшем учете каждого пуда, только при безусловно равномерном распределении каждого фунта. Хлеба для машин, т.-е. топлива, тоже крайний недостаток, встанут железные дороги и фабрики, безработица и голод погубят весь народ, если не напрячь всех сил для беспощадно строгой экономии потребления, правильности распределения. Катастрофа (т.-е. гибель) перед нами, она придвинулась совсем, совсем близко; за непомерно тяжелым маем идут еще более тяжелые июнь, июль, август.

Либо сознательные передовики-рабочие победят, объединив вокруг себя массу бедноты, установив железный порядок, беспощадно строгую власть, настоящую диктатуру пролетариата, заставят кулака подчиниться, водворят правильное распределение хлеба и топлива в обще-государственном масштабе, либо буржуазия при помощи кулаков, при косвенной поддержке бесхарактерных и пустых людей (анархистов и левых эс-эров) сбросит Советскую власть и водворит русско-немецкого или русско-японского Корнилова, который несет народу шестнадцатичасовой рабочий день, восьмушку хлеба в неделю, массовые расстрелы рабочих, пытки в застенках, как в Финляндии, как в Украине.

Либо—либо.

Середины—нет.

И Владимир Ильич обращался тогда к рабочим с призывом, чтобы они поднялись, массами пошли на эту работу по продовольствию, проповедовал, что надо организовать великий «крестовый поход» против спекулянтов хлебом, кулаков, мироедов, нарушителей порядка, взяточников,—великий крестовый поход против нарушителей строжайшего государственного порядка в деле сбора, подвоза и распределения хлеба для людей и хлеба для машин.

Он понимал, что «когда народ голодает, когда безработица становится все более грозной, каждый, кто крадет лишний пуд хлеба, кто лишает государство пуда топлива, является величайшим преступником».

В такое время—а для истинно-коммунистического общества это всегда верно—каждый пуд хлеба и топлива есть настоящая святыня, повыше тех святынь, которыми морочат голову дуракам попы, обещающие царствие небесное в награду за рабство земное. А чтобы сбросить всякий остаток поповской «святости» с этой настоящей святыни, надо овладеть ею практически, надо добиться на деле правильного распределения ее, надо собрать все без изъятия, все до конца излишки хлеба в общегосударственные запасы, надо очистить всю страну от спрятанных или не собранных излишков хлеба, надо твердой рабочей рукой добиться крайнего напряжения сил для увеличения добычи топлива и величайшей экономии его, величайшего порядка в его подвозе и потреблении.

Сейчас уже многим из нашей молодежи это не совсем понятно. А между тем, если бы Ленин, и если бы наша партия тогда в 1918 — 1919 — 1920 г.г. не сумели на этой задаче собрать свои силы, мы не выдержали бы страшной борьбы. В то время свободная торговля означала бы голод для миллионов людей и сытость для небольшой кучки.

Как ни тяжелы были эти меры, но они спасли в конце концов и крестьян, потому что без этих мер рабочие не в состоянии были бы поддерживать даже в том состоянии транспорт, в котором он находился за эти годы.

4 июня 1918 г. на соединенном заседании В.Ц.И.К. и Московского Совета тов. Ленин опять бьет в набат на всю страну: *борьба за хлеб* — вот основной смысл содержания его речи. Он сам сидит у прямого провода и настойчиво проверяет каждого работника на местах, все ли они сделали, чтобы подвезти достаточное количество хлеба для Красной армии, для рабочих городов, потому что без этого погибла бы наша страна.

И в июле он вынужден указать, что

перед нами сейчас стоит самая основная задача всего человеческого общежития—победить голод, уменьшить по крайней мере немедленно непосредственный, мучительный голод, которым охвачены обе столицы и десятки уездов в земледельческой России, и приходится решать эту задачу в обстановке гражданской войны, самого бешеного, отчаянного сопротивления эксплоататоров всех рангов, всех мастей, всех цветов и ориентаций (направлений) и всего политического союза против революции. Эти элементы эксплоататоров политических партий, которые не могут порвать со старым и поверить в новое, оказываются в положении участников мировой войны, использованной для одной цели: для цели восстановления эксплоататоров.

Голодом пользовались в это время контр-революционеры. Они поднимали восстания в крестьянских местностях и обещали им: «Прогоните Советскую власть, и тогда никто у вас хлеба вашего не тронет». А когда находились зажиточные крестьяне, которые шли на это, — они через короткое время на своей собственной

спине убеждались, как они обмануты, и жестоко платились за это доверие к эс-эрам и белогвардейцам. А в городах также вспыхивало голодное недовольство из-за того, что не было хлеба, и для нас было ясно, что победить голод—это значит победить контр-революцию. Ленин придавал тогда огромное значение всей продовольственной работе, сам за ней следил, сам назначал уполномоченных, высчитывал каждый пуд хлеба. Надо было распределить так, чтобы при нашей бедности, скудости — хлеба хватило бы тем, кто иначе хлеба достать не мог. Ленин выступал на собраниях рабочих, отправляющихся на продовольственный фронт. Ленин учил их, что им нужно говорить в деревне, с чем они должны туда итти.

На том же собрании В.Ц.И.К. он также отмечает нашу задачу:

Нам нужны отряды агитаторов из рабочих. Нам нужны рабочие из различных уездов непроизводящих губерний. *Нам нужно, чтобы они шли туда, как сознательные проповедники Советской власти, и чтобы нашу продовольственную войну, нашу войну с кулаками, нашу войну с беспорядками они освящали, они узаконяли и делали возможным проведение социалистической пропаганды, чтобы они несли в деревню то различие между беднотой и богатыми, которое каждому крестьянину понятно и в котором глубочайший источник нашей силы,—источник, который поднять и заставить бить, бить полной струей—вещь трудная, потому что мы имеем эксплоататоров многочисленных, мы имеем подчинение себе этими эксплоататорами массы приемами разнообразнейшими, начиная с подкупа бедноты, чтобы они, представители бедноты, нажились на самогонке или продали хлеб путем спекуляции, нажив на рубль по нескольку рублей.* Вот какими средствами действуют кулаки и буржуазия в деревне на массы.

Когда наступали на нас со всех сторон враги, когда нас давила контр-революция фронтов, и нам пришлось биться на этих фронтах, истекая кровью,—эс-эры злорадно спрашивали на митингах и собраниях: «Вы обещали мир, а где же мир?». Когда рабочие падали от истощения, когда без сил падающих шахтеров, забойщиков выносили из шахты, когда женщины стояли в длинных очередях для того, чтобы получить жалкий, голодный паек,— эс-эры и буржуазия спрашивали: «Вам обещали хлеб, а где же хлеб?». И когда наталкивались на заградительные отряды, которые не пропускали мешечников, тогда этих измученных в долгих поездках людей спрашивали: «Вам обещали свободу, — это ли свобода?» На слабых людей это действовало, и нам не так легко было тогда убедить всю рабочую массу и крестьянскую массу, что иначе нельзя. Многие заградительные отряды распадались, спивались, безобразничали. Как смотрел Ленин на это? Он говорил: «Каждым таким примером мы будем доказывать не то, что рабочий класс негоден, а то, что рабочий класс не избавился пока от недостатков старого грабительского общества и избавится от них не сразу. Давайте, соединим наши усилия, создадим десятки отрядов, соединим действия их и покончим с этими недостатками».

Ленин за работой.
(На X Съезде Р. К. П.)

На IV конференции профсоюзов и фабрично-заводских комитетов в Москве в конце июля 1918 г. он опять возвращается к тому же вопросу — к голоду. И здесь он к профсоюзам также обращается, чтобы они дали надежнейших, самых стойких людей: «Объедините их, создайте сотни, тысячи отрядов людей, боритесь за продовольственное дело, за обыски всего богатого населения, и вы добьетесь всего, что вам нужно».

И в вопросе о голоде, как и в других вопросах, для Ленина главное было обеспечить торжество революции, а для этого при сборе хлеба, при продразверстке, при посылке продотрядов Ленин имел в виду не только количество собранного хлеба, но и то, *как он будет собираться, кем будет собираться, у кого будет собираться.* Правило: «помоги бедняку, не обидь середняка, хотя бы тебе пришлось ограбить кулака» — это ведь целая программа для классовой политики, рассчитанной на борьбу рабочего класса в союзе с деревенской беднотой против буржуазии. И как бы ни оказались в конце концов тяжелы, разорительны эти меры, которые мы вынуждены были проводить в обстановке гражданской борьбы, в обстановке блокады и в обстановке бесчисленных фронтов, отрезывавших у нас хлебные области, этими мерами спасена была революция.

А для Ленина благо революции всегда было высшим законом.

НОВАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА (НЭП).

В конце 1920 г. с полной неизбежностью наметилась необходимость перехода к новой экономической политике. В сущности говоря, это был переход от войны к миру. Этот переход был необычайно труден.

На X съезде нашей партии Ленин, 8 марта 1921 г., признавал, что *«этот переход потребовал таких потрясений, которые далеко и далеко не были нами учтены».*

Я должен сказать,—говорил Ленин,—что размер этих трудностей мы тогда (т.-е. в декабре 1920 года) едва ли себе представляли; мы не видели тогда еще, до какой степени здесь будут не только технические трудности, но до какой степени все бедствия, обрушившиеся на Советскую Республику, измученную и прежней империалистической и новой гражданской войной, обострятся именно при демобилизации.

Страна несколько лет напрягалась исключительно для военных задач, поддерживала эти задачи всем, не жалела ничего из последних своих остатков, скудных резервов и рессурсов на эту цель,—и *только по окончании войны мы увидели всю ту степень разорения и нищеты, которые надолго осуждают на простое только излечение ран. Но мы не можем перейти целиком даже к излечению этих ран.*

Ленин никогда не боялся сознаваться в ошибках. Он считал, что признание нами своих ошибок является первым необхо-

димым условием для победы. Это он подчеркивал неоднократно в своих речах, в своих статьях повсюду, где ему приходилось подводить итоги пережитому. На каждом съезде партии, подводя черту под нашу работу, он отмечал, какие ошибки мы сделали; и здесь, обозревая военный период нашей работы, он отмечал, что мы, во-первых, не учли размеров трудности, которые связаны были с окончанием военного периода нашей революции — трудностей демобилизации. Во-вторых, неправильно оценили *«соотношение между силами нашего класса и тех классов, с которыми он в сотрудничестве, а иногда и в борьбе должен решать судьбы республики»*.

Точно так же Ленин считал ошибкой наше слишком быстрое продвижение в Варшаве. Ошибкой он считал это потому, что мы в этом случае «переоценивали перевес наших сил». Отсюда ряд других ошибок, как ошибка наша в расчете продовольствия. Эта ошибка привела к продовольственному кризису. Затем ошибка в расчете топлива. Все эти ошибки, как Ленин отмечал, *связаны с неправильным представлением о положении вещей и с быстротой перехода от войны к миру.*

Но тут же Ленин ставит вопрос и о том, *были ли неизбежны эти ошибки*, и *отвечает на этот вопрос утвердительно.* В тех условиях, в которых мы боролись, эти ошибки были безусловно неизбежны. *«С другой стороны*, — говорит он, — *мы были в таком стесненном положении, что у нас не было никакого выбора»* . . . *«Конечно, будучи разорена, страна не могла иначе поступать, как брать продовольственные излишки с крестьянства, хотя бы даже не возмещая их никакими другими средствами.* Это необходимо, чтобы спасти страну, армию и рабоче-крестьянскую власть».

Но откуда эта основная ошибка? На VII Московской губернской конференции 29 октября 1921 г. Ленин произносит речь, которая затем появилась в печати под заглавием: «От штурма к осаде». Он здесь сравнивает нашу борьбу, первое время нашей революции, с осадой крепости Порт-Артура японским главнокомандующим Ноги. Тот сначала хотел взять крепость Порт-Артур прямым штурмом. Несколько ожесточенных штурмов кончились неудачей и стоили знаменитому японскому полководцу необычайного количества жертв. Тогда японская армия перешла к длительной осаде крепости.

И вот Ленин спрашивает: *«в каком смысле можно оценить, как ошибку, первый способ действия японского генерала против крепости Порт-Артура?* Ошибочны ли были штурмовые атаки на крепость, если они были ошибкой, то при каких условиях японской армии нужно будет для правильного выполнения своей задачи об этой ошибочности говорить и в какой мере нужна была эта ошибочность?».

На это Ленин отвечает, что в начале операции этот штурм был не только геройством, но единственно возможным в тогдашних условиях действием, без которого нельзя было ни испытать силы противника, ни свои собственные. Но когда выяснилась невозможность взять штурмом эту крепость, пришлось приступить к медленной, длительной осаде.

Важно было, чтобы все сознали, что штурмом эту крепость взять нельзя, что продолжение этой тактики было бы ошибкой.

И дальше, сравнивая наше положение с этим примером, Ленин указывает на то, что, начиная с конца 1917 г. и в особенности до начала 1918 г., мы понимали развитие революции, развитие борьбы таким образом, что большинство товарищей считало тогда возможным непосредственный переход к социалистическому строительству. Отсюда происходила наша уверенность в том, что мы сумеем все национализированные предприятия пустить в ход на социалистических началах, что мы сумеем обмен продуктов городской промышленности и сельского хозяйства поставить также на социалистических началах товарообмена, продуктообмена. Мы исходили тогда из близости пролетарской революции в других странах. В этом большинство из нас было уверено. Все шаги наши были рассчитаны, главным образом, на этот ход истории. Разве это не так? Пусть каждый вспомнит, как в эти годы была велика у нас уверенность в краткости этого срока, этого перехода к новому социалистическому строю.

Но вскоре для многих работников, в особенности для тех, кто работал в области переустройства хозяйства, кто работал над созданием коллективного сельского хозяйства, коммун, артелей, кто работал в кооперации, кто работал над восстановлением наших фабрик и заводов,—для этих работников выяснилась невозможность в короткое время перейти к социалистическим формам хозяйства. Ясно стало, что путь этот—длительный.

А, вместе с тем, когда кончился военный период, когда на нашей земле не осталось ни одного иностранного солдата, когда белогвардейские генералы были разбиты, и крестьяне почувствовали, что опасности ближайшей уже нет, они дальше не захотели и не могли мириться с тем положением, когда они все отдавали, не получая почти ничего. Отсюда была необходимость резкого поворота к новой экономической политике, который был рассчитан на отступление на новые позиции, рассчитан был на более длительную медленную осаду капиталистических твердынь. Отступление для нас — необычайно трудная вещь. Об этом переходе Ленин говорил в той же самой речи «От штурма к осаде» и подчеркнул, насколько нам в этот момент необходимо признать поражение, которое мы потерпели, и необходимость новой тактики. Он говорил тогда:

К весне 1921 года выяснилось, что мы потерпели поражение в попытке «штурмовым способом», т.-е. самым сокращенным, быстрым, непосредственным, перейти к социалистическим основам производства и распределения. Политическая обстановка весны 1921 года показала нам, что неизбежно в ряде хозяйственных вопросов отступить на позиции государственного капитализма, перейти от «штурма» к «осаде».

Если такой переход вызывает кое у кого жалобы, плач, уныние, негодование, то надо сказать: *не так опасно поражение, как опасна боязнь признать свое поражение, боязнь сделать отсюда все выводы.* Борьба военная гораздо проще, чем борьба социализма с капитализмом, *и мы побеждали Колчаков и К⁰ потому, что не боялись признать своих поражений, не боялись учиться из их уроков, переделать по многу раз недоделанное, или сделанное плохо.*

Так же надо поступать в области гораздо более сложной и трудной борьбы социалистической экономики против капиталистической, не бояться признать поражение, учиться на опыте поражения, переделать тщательнее, осторожнее, систематичнее то, что сделано плохо. Если бы мы допустили взгляд, что признание поражения вызывает, как сдача позиций, уныние и ослабление энергии в борьбе, то надо было бы сказать, что такие революционеры ни-черта не стоят.

Ленин так определил наши задачи в конце 1921 г.:

Не непосредственное социалистическое строительство, а отступление в целом ряде областей экономики к государственному капитализму. Не штурмовая атака, а очень тяжелая, трудная и неприятная задача длительной осады, связанной с целым рядом отступлений. Вот что необходимо для того, чтобы подойти к решению экономических вопросов, т.-е. обеспечения экономического перехода к основам социализма.

Ленин доказывал трудности отступления в особенности для нашей партии. Многие тогда помнят, как находились в нашей партии люди, которые говорили о том, что мы изменяем революции, отступая от тех позиций, которые мы заняли в первые годы, что НЭП — это есть измена пролетарской революции. Ленин говорил на XI съезде нашей партии о трудностях этого отступления.

Отступление — штука трудная, особенно для тех революционеров, которые привыкли наступать, особенно когда они привыкли наступать несколько лет с гигантским успехом, особенно если они окружены в других странах революционерами, которые только и мечтают о том, чтобы начать наступление. Мы не могли удержать всех позиций, которые с налету захватили, а с другой стороны, только благодаря тому, что мы с налету, на гребне энтузиазма рабочих и крестьян, захватили необъятно много, только поэтому у нас было много места, что мы могли очень далеко отступать, и сейчас еще можно далеко отступать, *нисколько не теряя главного и основного.*

В чем состояла задача этого перехода? Коротко Ленин ее так определил:

Мы должны понять те экономические формы возмущения мелкой сельско-хозяйственной стихии против пролетариата, которые обнаружили себя и которые обостряются при настоящем кризисе.

В чем были эти экономические формы? В том прежде всего, что крестьянство сокращало площадь посевов до потребительской, «самоедской» нормы — только себе, — не желая отдавать

излишка государству, которое ему, по его расчету, ничего взамен не отдавало. С другой стороны, это выражалось в том, что крестьяне там, где они имели малейшую возможность, пользовались голодом в городах для того, чтобы в обмен на свои продукты брать возможно больше с нуждающихся в продуктах рабочих.

И Ленин ставил задачу:

> Максимум уступок, чтобы доставить мелкому производителю наилучшие условия для проявления своих сил.
>
> До сих пор,—говорил он,—мы приноравливались к условиям войны. Теперь мы должны приноравливаться к условиям мирного времени.

Конечно, тут нельзя было смотреть *только* с такой точки зрения: нужна помощь крестьянину. Главный вопрос здесь был более сложный и более трудный. Ленин говорил на XI съезде партии:

> Этот переход связан с такими трудностями, так ясно обрисовывал эту мелкобуржуазную стихию, что нужно смотреть на нее трезво. Мы смотрим на этот ряд явлений *с точки зрения классовой борьбы, и мы никогда не заблуждались насчет того, что отношения пролетариата к мелкой буржуазии—вопрос трудный, требующий для победы пролетарской власти сложных мер или, вернее сказать, целую систему сложных переходных мер*.

В чем же должны заключаться эти меры в первую очередь? В первую очередь, конечно, нужно было устранить ту форму отношения между пролетариатом и крестьянством, которая сложилась в военный период, и заменить ее другой, более приемлемой для крестьянства формой отношений. Надо было укрепить соглашение с крестьянством.

> Мы знаем,—говорил Ленин,—что только соглашение с крестьянством может спасти социалистическую революцию в России, пока не наступила революция в других странах. И так прямиком на всех собраниях, во всей прессе и нужно говорить. *Мы не должны стараться прятать что-либо, а должны говорить прямиком, что крестьянство формой отношений, которая у нас установилась, недовольно, что оно этой формы отношений не хочет и дальше так существовать не будет.* Это—бесспорно. Эта воля его выразилась определенно. Это—воля громадных масс трудящегося населения. Мы с этим должны считаться, и мы достаточно трезвые политики, чтобы говорить прямо: давайте нашу политику по отношению к крестьянству пересматривать.

В чем же заключался пересмотр отношений с крестьянством? Он заключался прежде всего в том, чтобы крестьянину дать свободу оборота своими излишками. Вначале многие представляли себе это в виде непосредственного товарообмена между крестьянином, который сдает свои излишки государству, — и государством, которое дает крестьянину в обмен на это продукты фабрично-заводской промышленности. И первые шаги наши в сторону НЭП, и первые декреты наши были как раз к этому приспособлены. Но оказалось, что они плохо были рассчитаны и что мы не смогли поставить в течение года — между X и XI съездами, между 1921 и 1922 г.г. — товарообмена, который удовле-

творил бы крестьянина. Оказалось на деле то, что предвидел и предсказывал Ленин уже на X съезде. Он тогда ставил вопрос о том, что такое свобода оборота?

Что такое свобода оборота? Свобода оборота—это есть свобода торговли, а *свобода торговли значит—назад к капитализму.* Свобода оборота и свобода торговли—это значит товарный обмен между отдельными хозяевами. Мы все, кто учился хотя бы азбуке марксизма, знаем, что *из этого оборота и свободы торговли неизбежно вытекает деление товаропроизводителя на владельца капитала и на владельца рабочих рук, разделение на капиталиста и на наемного рабочего, которое не с неба сваливается, а вырастает во всем мире именно из товарного земледельческого хозяйства.* Это мы прекрасно знаем теоретически, и в России всякий, кто присматривался к жизни и к условиям хозяйства мелкого земледельца, не может не наблюдать этого.

Из этого нового положения для нашей республики, для коммунистической партии, для всего рабочего класса в целом вставали необычайные трудности и огромные опасности. Трудности заключались в том, чтобы мы, не умея торговать, еще плохо умея хозяйничать, сумели поставить наше производство, нашу государственную торговлю, нашу кооперацию на такую высоту, чтобы они могли конкурировать с частной торговлей, с частной промышленностью, чтобы мы лучше могли производить, дешевле могли производить и продавать, чем частный промышленник и капиталист.

Опасность заключалась в том, что крестьянство в массе своей привыкло к капиталисту, видело в нем большое уменье удовлетворить потребностям товарооборота. Опасности заключались в том, что свобода торговли вела неизбежно к восстановлению класса капиталистов, сначала в области торгового капитала. Самым опасным было бы закрывать глаза на эти трудности.

Никто не сделал больше Ленина для того, чтобы нам указать на эти трудности, на эти опасности, предостеречь рабочий класс по поводу их и указать правильные пути преодоления этих трудностей и опасностей. Мы имели и имеем громадные преимущества. В руках наших была и остается вся политическая власть, вся полнота власти. В наших руках остаются транспортные средства — железные дороги, пароходы. В наших руках вся крупная промышленность, все крупнейшие фабрики и заводы, каменноугольные шахты, нефтяные источники. Нефть, уголь, металл, земля, леса, воды — в руках Советского государства. Чего же нам не хватало в этих условиях? — «*Умения, культурности,* — отвечает Ленин, — *не хватает нам.* Надо учиться у капиталистов, как торговать. Надо учиться у капиталистов, как хозяйничать. *Не надо стыдиться того, что не знаешь. Не надо стыдиться учиться у простого приказчика.*»

На XI съезде партии Ленин во весь рост поставил перед нами задачу *смычки с крестьянством.*

Отступление сейчас кончилось. Мы год отступали. Мы должны теперь сказать от имени партии: довольно. Та цель, которая отступлением преследовалась, она достигнута. Этот период кончается или кончился. Теперь цель выдвинута другая—перегруппировка сил. Мы пришли на новое место. Отступление в общем и целом мы все-таки произвели в сравнительном порядке.

На какие же позиции мы отступили? Мы отступили на позицию длительной, медленной, правильной осады нашего мелкобуржуазного хозяйства. Что же можем предвидеть в результате этой осады? Во-первых, поднятие всей нашей промышленности и прежде всего крупной промышленности. Во-вторых, правильной постановки нашей торговли. Эту нашу задачу — научиться торговать, задачу смычки с крестьянством—он, Ленин, считал самой важной. Он говорил:

Нас интересует наше непосредственное дело. Сумеем ли мы его доделать или нет? Что этот НЭП пригодится на что-нибудь, или нет? Если окажется правильным отступление, то *сомкнуться, отступивши вместе с крестьянской массой, и вместе с ней во сто раз медленнее, но твердо и неуклонно итти вперед*; *тогда наше дело будет абсолютно непобедимо, и никакие силы в мире нас не победят.*

Сомкнуться с крестьянской массой, с рядовым трудовым крестьянством и начать двигаться вперед неизмеримо, бесконечно медленнее, чем мы мечтали, но зато так, что действительно будет двигаться вся масса с нами. А тогда и ускорение этого движения в свое время наступит такое, о котором мы сейчас и мечтать не можем. Это, по-моему, первый, основной политический урок НЭП'а.

Но для того, чтобы эта смычка была возможной, нам нужно доказать крестьянину, что мы лучше, чем капиталисты, будем его снабжать.

Капиталист умел снабжать. Он это делал плохо, он это делал грабительски, он нас оскорблял, он нас грабил. Мы это знаем, мы, простые рабочие и крестьяне, которые не рассуждаем о коммунизме, которые не знаем, что это за штука такая.

Но капиталисты, те сумели же снабжать, а вы умеете? А вы не умеете. Ведь вот какие голоса в прошлом году весною — не всегда ясно, — слышались, но подпочву всего кризиса, прошлогоднего весеннего кризиса, составляли. *Люди-то вы превосходные, но то дело, экономическое дело, за которое вы взялись, вы делать не умеете. Вот самая простая и самая убийственная критика, которую крестьянство в прошлом году, а через крестьянство целый ряд слоев рабочих, направляли против коммунистической партии.* И вот почему тут этот второй пункт в вопросе о НЭП'е приобретает такое значение. *Проверка настоящая.* Рядом действует капиталист, действует грабительски, берет прибыли, но он умеет. А вы—вы по-новому пробуете, прибылей у вас нет, принципы коммунистические, идеалы хорошие, ну, расписаны так, что святые люди. В рай живыми проситесь, а дело делать умеете? Вот в проверку, в настоящую проверку, да проверку не такую, что Ц.К.К. исследует и вынесет порицание, а В.Ц.И.К. назначит взыскание,—нет, а проверку настоящую, с точки зрения народной экономики.

Ленин видел, как это трудно. В самом деле, мы, коммунисты, в течение двадцати-тридцати лет боролись с царским самодержавием, боролись с капиталистами, с помещиками. Как мы боролись? Мы строили нашу партийную организацию, организовывали

стачки, демонстрации, участвовали в вооруженной борьбе, били белогвардейцев на фронтах, переносили тюрьмы, каторгу, ссылку, — стойко, твердо, не поддаваясь.

Революционное искусство, искусство революции мы изучали до тонкостей. Но никогда у нас не было ни опыта, ни необходимости бороться с капиталистами посредством лучшей постановки торговли, посредством лучшей постановки фабрик и заводов. Это для всех для нас совершенно новая задача. Многие из коммунистов к ней совершенно неподготовлены и даже как будто не своим это делом считают. Вдруг от этой баррикадной борьбы, от работы в революционных комитетах, от боевой обстановки фронтов, — становись за прилавок с аршином в руках, за конторку, меряй, считай, подсчитывай, экономь на грошах. Это некоторым в первое время было совершенно недоступно. Да и сейчас эта наука, это искусство далеко еще не усвоены всеми. И Ленин говорил в марте 1922 г.:

Этого мы не сознаем, тут осталось *коммунистическое чванство,—комчванство.* Вопрос в том, что ответственный, выражаясь великим русским языком, коммунист—и лучший, и заведомо честный, и преданный,—каторгу выносил и смерти не боялся, но торговли вынести не умеет, потому что не делец, этому не учился и не хочет учиться, и не понимает, что с азов должен учиться. Он—коммунист, революционер, сделавший величайшую в мире революцию,—он, на которого смотрят, если не сорок пирамид, то сорок европейских стран с надеждой на избавление от капитализма,—он должен учиться от рядового приказчика, который бегал в лабаз десять лет, который это дело знает, а ты, ответственный коммунист и преданный революционер, не только не знаешь этого, но даже не знаешь того, что этого не знаешь...

У нас,—говорил Ленин,—государственная власть, у нас масса экономических средств; *если мы капитализм побьем и смычку с крестьянской экономикой сделаем, тогда мы будем абсолютно непобедимой силой, и тогда строительство социализма не будет делом капли в море, называющейся коммунистической партией, а всей трудящейся массы; тогда рядовой крестьянин будет видеть: они мне помогают; и он тогда пойдет за нами, так что если эта поступь и будет в сто раз медленнее, зато будет в миллион раз прочнее и крепче.*

Таким образом, одной из задач новой экономической политики, серьезнейших задач, которую выдвинул перед нами Ленин, является умение глубоко осознать, что нам предстоит не прямой штурм сегодня-завтра капиталистической твердыни (мы должны быть на всякий случай готовы и к этому штурму, если бы понадобилось, если бы в Западной Европе события сложились так, что этот штурм был бы возможен). Мы должны быть готовы к длительному, медленному завоеванию мелкобуржуазного хозяйства.

Вторая задача заключается в том, чтобы мы установили смычку между нашим социалистическим хозяйством, нашей государственной промышленностью, нашей советской экономикой и экономикой крестьянской, крестьянским единоличным мелким хозяйством, чтобы мы помогли этому крестьянскому хозяйству

Ленин на трибуне на площади Свердлова в Москве.

стать на ноги, улучшить его, повысить производительность, сделать его для самого крестьянства и для государства более выгодным, чтобы крестьянство почувствовало, что пролетариат действительно способен вести его к лучшему будущему.

Третья наша задача в новой экономической политике заключается в том, чтобы мы поняли, что построить коммунистическое общество мы можем только тогда, когда мы к этой постройке привлечем все способные на это силы. Эта задача заключается, главным образом, в умении подбирать людей, привлекать побольше беспартийных крестьян и рабочих к нашему коммунистическому строительству, к советскому хозяйству, выдвигать этих новых и новых рабочих и крестьян из беспартийной массы. В марте 1922 г. еще Ленин ставил перед нами такую большую задачу, которую мы до сих пор еще окончательно не преодолели:

Построить коммунистическое общество руками коммунистов—это ребячья, совершенно ребячья идея. Коммунисты—это капля в море, капля в народном море. Они только в том случае сумеют повести народ по своему пути, если правильно определят путь не только в смысле всемирного исторического направления. В этом смысле мы наш путь определили совершенно правильно. Он определяется не только этим, а и тем, что не будет интервенции, тем, что мы сумеем крестьянину давать товар за хлеб. Крестьянин скажет: «Ты прекрасный человек, ты защищал нашу родину, мы тебя за это слушались, но если ты хозяйничать не умеешь, то поди вон». Да, крестьянин это скажет...

Управлять хозяйством мы сможем тогда, если коммунисты сумеют построить это хозяйство чужими руками, а сами будут учиться у буржуазии и направлять ее по тому пути, по которому они хотят.

И только тогда, когда мы эти задачи усвоим, мы сможем выполнить самую основную задачу перехода от мелкого собственнического хозяйства к хозяйству коммунистическому. Основная политическая задача заключается в том, чтобы в этот переходный период, который может оказаться очень продолжительным, когда в Западной Европе совершится пролетарская революция, нам удержать власть в руках пролетариата. Эту власть нам надо удержать не как цель. Пролетариат вовсе не стремится к господству, как к таковому. Наоборот, пролетариат заинтересован в уничтожении всякого господства, в том числе и своего собственного. Пролетариат заинтересован в такой перестройке общества, когда не будет классов, когда все будут в одинаковой степени трудящимися. Пролетариату власть нужна, как средство для преобразования общества. Пролетарская власть в настоящее время нам нужна для развития нашей крупной машинной промышленности, «для развития электрификации, гидроторфа, для постройки Волховстроя и проч.».

В этом и только в этом будет наша надежда. Только тогда мы в состоянии будем пересесть, выражаясь фигурально, с одной лошади на другую: именно с лошади крестьянской, мужицкой, обнищалой, с лошади экономий, рассчитанных на разоренную крестьянскую страну,—на лошадь,

которую ищет и не может не искать себе пролетариат, на лошадь крупной машинной индустрии, электрификации, Волховстроя и т. д.

Таково завещание Ленина. Эти последние строки Ленин писал, будучи уже опасно больным, уходя от работы. Эти строки он писал 2 марта 1923 г. Первая и последняя его мысль была о том, как утвердить союз пролетариата с крестьянством для того, чтобы довести это дело до конца. Он считал, что для этого нам необходимо будет пережить продолжительное время новой экономической политики, преодолеть огромные и трудные опасности.

Сейчас, когда мы подводим итоги этой новой экономической политики, мы видим, как прав был Ленин, предвидя эти опасности. Так называемые «ножницы», которые так больно своими раздвигающимися концами резали и рабочий класс, и крестьянство, дали нам почувствовать с особенной силой эти затруднения. Но наша партия за эти годы глубоко прониклась сознанием необходимости приспособиться к этому самому трудному переходному времени. Уже нет сейчас в нашей партии хныкающих людей по поводу НЭП'а, нет людей, которые не понимали бы необходимости поставить как следует нашу государственную торговлю, кооперацию, потому что только этим путем мы сможем выдержать эту длительную осаду.

Ленин указывал нам на необходимость привлечения частного капитала в форме смешанных обществ, в форме концессий. И эту работу партия наша проделала за эти годы с величайшей осторожностью, каждый раз тот или иной договор рассчитывая с точки зрения интересов нашего государственного и крестьянского хозяйства.

Решения нашей партии, которые мы принимали после болезни Ленина, решения Съездов Советов, — также были направлены к укреплению этой новой экономической политики. Основы этих решений: 1) соразмерность развития нашей фабрично-заводской промышленности с развитием сельского хозяйства; 2) устойчивый денежный знак (мы добились твердого червонного рубля и выпускаем серебряную монету); 3) осторожное, расчетливое привлечение к поднятию нашего хозяйства частного капитала; 4) правильная постановка государственной торговли, всемерная помощь всем видам кооперации, — потребительской, рабочей, сельско-хозяйственной, промысловой, кредитной; установление помощи крестьянству (кредит, сельско-хозяйственный банк); поддержка беднейших крестьян, артелей, товариществ, коллективных хозяйств (работников земли и леса, на Украине комитетов незаможных селян — беднейших крестьян).

Ленин сумел поставить вопрос о новой экономической политике не только перед нами, но и перед западно-европейскими

коммунистическими партиями, перед всем Коммунистическим Интернационалом. На IV Всемирном конгрессе Коммунистического Интернационала Ленин 13 ноября 1922 г. делал доклад на тему: «5 лет русской революции и перспективы (виды на будущее) мировой революции». Он указывал тогда западно-европейским товарищам на то, что те готовятся в ближайшее время переходить на прямое наступление против капитализма. Они должны предвидеть при этом, что им, может быть, придется отступать. Поэтому они должны сейчас же обеспечить себе это отступление:

Я полагаю,—говорил он,—что этот вопрос заслуживает внимания не только с точки зрения России, которая и до сих пор остается отсталой, но и с точки зрения Коммунистического Интернационала и западно-европейских передовых стран. Теперь, например, мы заняты выработкой программы. Я лично полагаю, что правильнее было бы, если бы мы обсуждали все программы лишь предварительно, так сказать, в первом чтении, дали бы их отпечатать, но окончательно решение вынесли бы не сейчас, не в настоящем году. Почему? Прежде всего, конечно, потому, что мы едва ли могли хорошо их продумать. А затем еще и потому, что *мы почти совершенно не продумали вопрос о возможном отступлении и об обеспечении этого отступления. А между тем с этим вопросом необходимо считаться в деле переустройства мира, уничтожения капитализма и связанного с такими трудностями создания социалистического строя. Рассчитать, как мы будем действовать, если прямо перейдем в нападение и при этом одержим победу,—этого мало.* В революционное время это уже не так трудно, но и не так важно, по крайней мере это не есть самое главное. Во время революции бывают такие моменты, когда противник теряется, и если мы на него тогда обрушимся, то можем его легко победить. Но это еще ничего не означает, так как наш противник, если он имеет достаточную выдержку, может заранее собрать силы и пр. Он легко может спровоцировать (вызвать) нас на нападение и затем отбросить на многие годы назад. *Вот почему я полагаю, что мысль о том, что мы должны подготовить себе возможность отступления, имеет очень важное значение, и не только с теоретической точки зрения, но также и практически важно, чтобы этот вопрос продумали все партии, которые в ближайшем будущем готовятся перейти в прямое наступление против капитализма, чтобы они предвидели, как обеспечить себе отступление.* Если мы учтем этот урок, наряду со всеми другими уроками из опыта нашей революции, то это нам, конечно, не только не принесет никакого вреда, но, вероятно, принесет нам большую пользу.

Мы убеждены в том, что глубочайшее изучение вопросов, связанных с новой экономической политикой, образцы которого дал нам Ленин, обеспечит не только нам, но и западно-европейским товарищам, победу над капитализмом. Уже сейчас для нас совершенно ясно, что мы в нашем хозяйстве за последние два года достигли громадных успехов, на которые многие из нас не надеялись тогда, когда мы только что переходили к НЭП'у. С другой стороны, и сейчас имеется еще много тяжелых сторон НЭП'а. Мы не можем закрывать глаза на то, что у нас народился довольно большой слой нэпманов, нэпачей, в худшем смысле слова паразитов, эксплоататоров. Мы не можем закрывать глаза на то, что НЭП обволакивает часть наших товарищей коммунистов, развра-

щает их, соблазняет и губит неустойчивых. Мы видим, как нэпманы еще пользуются часто нашей неопытностью и грабят нашу страну. Мы не подняли еще на должную высоту кооперацию. Мы не достигли еще той высокой производительности труда, которая нам нужна для того, чтобы товары были дешевле. Мы не достигли еще необходимого сокращения всяких накладных расходов, — словом, мы еще не сделали социалистическое хозяйство выгоднее, дешевле капиталистического; но мы к этому идем. Только слепой не видит огромного подъема в нашем социалистическом хозяйстве. Вот почему мы можем закончить эту главу о НЭП'е так, как закончил свою речь на пленуме Московского Совета 20 ноября 1922 г. Владимир Ильич Ленин, — выражением уверенности, что *«как эта задача ни трудна, как она ни нова, по сравнению с прежней нашей задачей, и как много трудностей она нам ни причиняет — все мы вместе, не завтра, а в несколько лет, все мы вместе решим эту задачу во что бы то ни стало так, что из России нэповской будет Россия социалистическая»*.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ЛЕНИН — ОРГАНИЗАТОР Р. К. П.

Вся история нашей партии, партии большевиков коммунистов, связана с именем тов. Ленина, и правильно поэтому теперь говорят, что наша партия — партия ленинцев. Конечно, не один Ленин создал нашу партию. Никакой человек, как бы он ни был велик, один не в силах создать такую партию. Заслуга Ленина, его достоинство заключается в том, что он сумел собрать наиболее стойких людей из рабочего класса под одним знаменем, что он сумел в чрезвычайно трудных условиях наметить правильные пути к победе рабочего класса и привести партию нашу к победе, что он сумел дать наиболее полное, наиболее ясное и правильное выражение требованиям, интересам рабочего класса. Вот почему ему принадлежит заслуга называться вождем и организатором нашей партии. Это он еще в девяностых годах собирает передовых рабочих Питера, вместе с ними разрабатывает план борьбы, закладывает начало «Союзу борьбы за освобождение рабочего класса»; это он борется с народниками, отвлекающими силы рабочих от правильного пути. Это он ведет борьбу с так называемым *легальным марксизмом*, т.-е. с теми лжеучениками Маркса, которые пытаются исказить учение Маркса, приспособить его к нуждам буржуазного государства. Это он борется со всякого рода вредными течениями в нашей партии, начиная с экономистов, кончая террористами; это он, еще будучи в ссылке, закладывает начало той первой группы «Искры», которая затем создает целое поколение большевиков-искровцев: в каждом городе, в каждом фабрично-заводском центре, маленькими группками зарождаются группы «Искры», из которых затем вырастают повсюду комитеты нашей партии. Это он дает правильные указания, как нужно работать, что нужно делать, сначала в книжечке «Задачи русских социал-демократов», затем в статьях «С чего начать?», «Что делать?»; это он борется на II съезде нашей партии за то, чтобы организация наша не состояла из расплыв-

чатых интеллигентов-попутчиков, которые нас покинут при первой же опасности, а из крепких, верных пролетарской революции революционеров, отдающих себя целиком революционному делу, рабочих, крепко связанных с рабочей массой, организаторов, пропагандистов и агитаторов, для которых партия — все.

Ленин никогда не гнался за тем, чтобы за ним лично было больше сторонников, а он всегда думал о том, *каковы эти сторонники*, и если видел, что большинство не способно к борьбе, он рвал с этим большинством, покидал его, отметал всех колеблющихся, снова собирал людей, на которых можно было положиться, что они не изменят, и с этими строил партию. И когда он увидел после II съезда нашей партии, что часть товарищей (меньшевики) толкают рабочий класс к союзу с буржуазией, хотят его на деле подчинить этой буржуазии, не понимают роли пролетариата и задач его, он не остановился перед разрывом с этими людьми и пошел вперед,—с огромными трудностями, почти без гроша денег, организует маленькую газету «Вперед». Ленин зовет преданных делу революции большевиков вперед. И Ленин с беспощадной ясностью ставит в 1904 — 1905 г.г. вопрос о тактике пролетариата в буржуазной революции, указывает пролетариату пути к победе — союз пролетариата и беднейшего крестьянства, диктатуру пролетариата и беднейшего крестьянства; Ленин ставит и разрабатывает вопросы вооруженного восстания. Никто в нашей партии так много не занимался этими вопросами, не изучал их, как Ленин. Сейчас, пересматривая эти записи, сохранившиеся от того времени, сделанные Лениным на клочках бумаги, планы вооруженной борьбы и восстаний, которые он разрабатывал, видишь, какое огромное внимание он уделял каждому мельчайшему факту, каждому мельчайшему проявлению вооруженной борьбы рабочих с капиталистами, с царским правительством. Ленин ставит вопрос о том, чтобы мы изучали искусство восстания, передавая нам в этом отношении лучшие советы нашего учителя Маркса. Это Ленин берет под защиту вооруженное восстание рабочих, когда оно подавлено.

Для Ленина нет мертвых законов борьбы, для него нет застывших мертвых порядков, от которых нельзя отступать. Все зависит от времени и места, все должно быть учтено в интересах пролетариата. Нарастает громадная волна рабочего и крестьянского движения. Рабочие переходят от экономических стачек к политическим, от политических стачек ко всеобщим забастовкам, от всеобщих забастовок к вооруженному восстанию. Вооруженное восстание рабочих соединяется с вооруженными восстаниями солдат и матросов. Вооруженное восстание соединяется со всеобщей стачкой. Ленин изучает все формы борьбы. Для него это не случайные, не разрозненные формы и явления. Нет, для него это показатель все нарастающего, все углубляющегося развития

революционной борьбы пролетариата, восходящая линия пролетарской революции.

Восстание подавлено, движение разбито. Его оплевывают, от него открещиваются, его хоронят. Наступает тяжелое время. Партия обязывает Ленина уехать снова заграницу. Ленин является хранителем нашей партии в это время, он собирает разбросанные силы, руководит ими, не дает угаснуть революционной борьбе, защищает от нападок первую революцию рабочих.

Когда нарастало восстание, когда была надежда на то, что рабочий класс опрокинет созданную царским правительством и буржуазией ублюдочную, уродливую Государственную Думу, Ленин проповедует бойкот; и он же первый умеет во-время повернуть от бойкота к участию в этой Думе: не для болтовни, не для стряпанья там законов и поправок, а для революционной работы надо итти в эту Думу. Ленин руководит рабочей фракцией в Государственной Думе; Ленин превращает маленькую группку рабочих в Государственной Думе в могучее орудие пропаганды и агитации наших взглядов, наших задач на всю страну. Ленин подготовляет десятки рабочих к революционной работе в России, учит их, читает им лекции, дает указания, советы, инструкции, руководит ими, поддерживает в них бодрость, уверенность в победе. В моменты почти всеобщей растерянности, распада Ленин ведет твердую линию, беспощадно разоблачая всякую непоследовательность, всякие колебания, всякие уклоны от правильной коммунистической линии.

Враги считают его сектантом: он рвет с Мартовым, с которым работал когда-то в «Союзе борьбы»; рвет с Плехановым, с которым работал в редакции «Искры»; беспощадно высмеивает Богданова, Луначарского, Троцкого, когда те ведут неправильную линию, а в момент величайшего разброда созывает конференцию (совещание) одних большевиков и восстанавливает распавшийся, бездействующий, безмолвствующий Центральный Комитет нашей партии; воодушевляет товарищей на борьбу и руководит этой борьбой, при начавшемся оживлении рабочего движения. «Звезда», «Правда», «Просвещение», это — не слова только, рожденные в 1911, 1912, 1913 г.г.: это действительно—звезда рабочего движения, взошедшая после нескольких лет тьмы, упадка, отчаяния многих и многих. Смеялись над Лениным, когда он говорил: «это только временный упадок, грядет новая великая революция». А Ленин тысячи и тысячи раз оказался прав. И его «Правда», большевистская правда, прозвучала в десятках тысяч «Правд», которые распространялись по всей стране и звали на новую борьбу. И он вкладывал в журнал «Просвещение» свои лучшие мысли об этой новой волне революции. Это Ленин говорил, что нам не надо урезывать нашу программу, не надо

тушить огонь борьбы. Надо смело и решительно ставить революционные задачи перед рабочим классом.

И вот — война 1914 — 1918 г.г. В несколько дней сметены создававшиеся с огромным трудом организации, вихрем войны подхвачены сотни миллионов рабочих и крестьян, брошены в бой. Второй Интернационал распадается. Социалисты-вожди оказываются только придатками буржуазного государства, буржуазного правительства. Растоптаны все священные обещания, все великие решения, принимавшиеся на конференциях (на съездах) II Интернационала. Ленин, отрезанный от России, Ленин, высмеиваемый врагами, ненавидимый ими, непонимаемый, идет своей дорогой. Он знает, что его дорога, это в конце концов — дорога трудящихся всего мира. В этом он уверен. Его день придет. Что до того, что сейчас так мало сил, на которые он может опереться? Он знает — история работает за нас. Партия возродится, партия окрепнет, она соберет миллионы истерзанных, замученных войной. Словно весть из другого мира, надеждой на избавление прозвучал манифест, составленный Лениным во время войны. Он собирает бойцов, снова сплачивает, соединяет передовые группы рабочих. Они работают в подполье, работают на фронте, и жизнь работает за них. Каждый взорванный снаряд, каждый погибший полк солдат, каждый разрушенный город, сожженная деревня, каждый день войны прибавляют сил нашей партии. И слепые прозревают и видят нашу правду.

Ленин строит нашу партию во время войны. Ленин строит ее сейчас же после революции и вносит ясность в сложнейшие вопросы пролетарской революции, вставшие после февраля 1917 г. Он своими тезисами оформляет нашу партию, укрепляет ее, как партию большевиков, партию ленинцев. Сквозь июльское поражение, сквозь клевету и преследование, сквозь бешеный гром войны ведет он нашу партию уверенно к победе. Руководит ею из шалаша около «Разлива», разыскиваемый ищейками Керенского, когда голова его оценена, руководит ею из Финляндии, подготовляет ее к великому октябрьскому восстанию. Это он ведет нашу партию после октября, сквозь Брест, сквозь голод, блокаду, бесчисленные фронты, разруху, к победе. Это он, раненый, истекающий кровью, превозмогает себя, переживает великие страдания и снова становится у руля, — такую же решительность и такую же твердость с неизменной волей, с бесконечной уверенностью в победе он умел внушить всем вокруг себя.

Это он помогает нам разработать новую программу нашей партии. Это он во-время замечает главнейшие изменения в среде рабочих и крестьян и умеет на X съезде нашей партии во-время повернуть и решительно повернуть руль к НЭП'у всерьез и надолго. Это он борется с уклонами в нашей партии, бывшей тогда у нас «Рабочей оппозиции», осуждает этот уклон как анар-

хистский, синдикалистский. Это Ленин дает нам правильные указания, как строить профессиональные союзы, как установить взаимоотношения с крестьянством; это Ленин на XI съезде нашей партии дает нам указания, как строить нам союз рабочих и крестьян, как организовать, создать смычку с крестьянством. Это Ленин, больной, думает о нашей партии, заботится о ней, и перед XII съездом партии дает нам свое завещание, свой совет, как улучшить наш государственный аппарат, как построить Рабоче-Крестьянскую Инспекцию и Центральную Контрольную Комиссию. Это Ленин, больной, пишет о кооперации...

А о чем не писал Ленин? А о чем он нам не дал указаний? А что упустил Ленин? Когда сейчас перебираешь всю огромную сумму вопросов, затронутых в многочисленных трудах тов. Ленина, в этих тысячах статей, десятках книг и брошюр, которые он написал, в сотнях речей, которые он перед нами произнес,—чувствуешь, какое это громадное, богатое наследство оставил он нам. Мы — его ученики. Мы чувствуем огромную ответственность, лежащую на нас,— сохранить партию не только такой, как она создана Лениным, но улучшить ее, укрепить ее. Ленин считал, что главной крепостью, главной основой нашей партии являются рабочие, связанные с производством, и мы, еще незадолго до смерти тов. Ленина, когда надеялись на его возвращение, постановили пополнить нашу партию, по крайней мере, сотней тысяч рабочих от станка. Я пишу эти строки через две недели, как умер тов. Ленин, а уже сотня тысяч рабочих от станка подала заявление о желании вступить в нашу партию. Это—лучшее, чем могли рабочие ответить на смерть вождя пролетарской революции.

Мне хотелось здесь кратко хотя бы отметить, что давало силы Ленину быть организатором, быть создателем и руководителем нашей партии.

Первое, это — глубокое понимание хода исторического развития общества, знание законов этого развития, знание учения Маркса и Энгельса, и не только знание, но уменье применять его к нашей действительности. Никто, как тов. Ленин, не умел проверять правильность учения на практике.

Второе, это — то, что у Ленина была глубокая внутренняя убежденность. Когда он шел на какое-нибудь рабочее собрание, на какой-нибудь съезд, он не просто изрекал те или иные истины, он убеждал и побеждал,—не приказывал, а именно убеждал.

Третье — Ленин умел сохранять и проводить величайшую, строжайшую дисциплину в партии; если принято решение,—не уклоняясь проводить решение в жизнь, выполнять то, что решено партией, что она признала правильным.

Четвертое, это — то, что Ленин умел, не упуская главную цель, уступать в мелочах, частностях (тактика: лавировать, отступать, вновь наступать).

Пятое — Ленин умел подбирать людей в партию, а это очень большое искусство. Он умел внимательно приглядываться к людям, выслушивать их, подмечать их достоинства и недостатки.

Шестое — Ленин умел подготовлять новых работников, воспитывал целые кадры новых работников, учил их, а это — безусловно важное качество для организатора партии.

Седьмое — Ленин умел решительно отмежевываться от каких-нибудь неправильных, вредных влияний, вредных течений, возникающих в нашей партии, во-время вскрыть их и во-время их пресечь, не давать им разрастаться, развиваться. Так, каждый раз, когда возникали какие-нибудь разногласия, он во-время умел определить их, изучить, закрепить их значение в сознании партии (зафиксировать), чтобы потом уметь показать, во что эти разногласия превратились, в какое препятствие выросли они для нашей партии.

Восьмое — будучи лучшим товарищем, Ленин не знал соглашательства (компромиссов). Там, где речь шла об основах нашей партии, нашей тактики, об основных интересах нашего движения, он не знал *уступчивости*, *мягкости*, *терпимости*, *бесстрастности*.

Девятое — Ленин, строя нашу партию, никогда не забывал о разных условиях развития отдельных слоев трудящихся, отдельных национальностей и учитывал всегда эти особенности, требуя от нас учета этих особенностей в работе.

Десятое — Ленин никогда не забывал об основных общих задачах нашего движения, никогда не переставал быть самым глубоким интернационалистом, всегда связывал пролетарскую революцию нашей страны с задачами революции в других странах. Международная революция, международное объединение рабочих для него было выше всего, главнее всего. Пролетарская революция в нашей стране — только средство к этой главной задаче нашей главной цели. Это-то обстоятельство и делало его вождем и организатором не только Р.К.П., но и вождем, и организатором Коммунистического Интернационала.

ЛЕНИН — ОРГАНИЗАТОР КОММУНИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА.

Много писали, особенно в последнее время, о том, что Ленин является не только вождем Коммунистического Интернационала, не только признанным вождем Интернационала, международного братства, но что Ленин является *национальным*, народным типом, т.-е. человеком, который лучше всего, полнее всего выражает черты своего народа, т.-е. того народа, на языке которого он говорит, среди которого он вырос. Ленин решительно поставил вопрос о национальной гордости как раз в тот самый момент, когда мысли и чувства социалистов всех стран разодрались между чувствами международного братства и чувством национальной розни, национальной ненависти, которое разжигалось во время последней империалистической войны, так же как и во время других империалистических войн, и тогда Ленин, 12 декабря 1914 г., написал замечательную статью «О национальной гордости великороссов», которую следует знать каждому интернационалисту.

Сначала в этой статье он говорит о том, как много сейчас все кричат о национальности, — кричат не только отъявленные мошенники, заклятые враги рабочего класса, но и те, кого рабочий класс привык видеть в своих рядах, — и те очутились в стане националистов. Попробуем, — говорит Ленин, — и мы определить свое отношение к вопросу о национальности, о защите своего народа, о сознании принадлежности к своему народу...

Нам, представителям великодержавной нации крайнего Востока Европы и доброй доли Азии, неприлично было бы забывать о громадном значении национального вопроса; особенно в такой стране, которую справедливо называют «тюрьмой народов», в такое время, когда именно на дальнем Востоке Европы и в Азии капитализм будит к жизни и к сознанию целый ряд «новых», больших и малых наций; в такой момент, когда царская монархия поставила под ружье миллионы великороссов и «инородцев», чтобы «решить» целый ряд национальных вопросов сообразно

интересам совета объединенного дворянства и Гучковых с Крестовниковыми, Долгоруковыми, Кутлерами, Родичевыми [1]).

В этот момент чрезвычайно важно было определить свое отношение к этому вопросу. Ленин показал образец того, как всякий из нас должен выступать с открытым лицом перед этими вопросами, не прятаться от них.

Чуждо ли нам, великорусским сознательным пролетариям, чувство национальной гордости? Конечно, нет. Мы любим свой язык и свою родину, мы больше всего работаем над тем, чтобы *ее* трудящиеся массы (т.-е. девять десятых *ее* населения) поднять до сознательной жизни демократов и социалистов. Нам больнее всего видеть и чувствовать, каким насилиям, гнету и издевательствам подвергают нашу прекрасную родину царские палачи, дворяне и капиталисты. Мы гордимся тем, что эти насилия вызывали отпор из нашей среды, из среды великороссов, что *эта* среда выдвинула Радищева, декабристов, революционеров-разночинцев 70-х годов, что великорусский рабочий класс создал в 1905 г. могучую революционную партию масс, что великорусский мужик начал в то же время становиться демократом, начал отвергать попа и помещика.

Мы помним, как полвека тому назад великорусский демократ Чернышевский, отдавая свою жизнь делу революции, сказал: «жалкая нация, нация рабов, сверху донизу—все рабы». Откровенные и прикровенные рабы-великороссы (рабы по отношению к царской монархии) не любят вспоминать об этих словах. А, по-нашему, это были слова настоящей любви к родине, любви, тоскующей вследствие отсутствия революционности в массах великорусского населения. Тогда ее не было. Теперь ее мало, но она уже есть. Мы полны чувства национальной гордости, ибо великорусская нация *тоже* создала революционный класс, *тоже* доказала, что она способна дать человечеству великие образы борьбы за свободу и за социализм, а не только великие погромы, ряды виселиц, застенки, великие голодовки и великое раболепство перед попами, царями, помещиками и капиталистами.

Мы полны чувства национальной гордости, и именно поэтому мы *особенно* ненавидим *свое* рабское прошлое (когда помещики, дворяне вели на войну мужиков, чтобы душить свободу Венгрии, Польши, Персии, Китая) и свое рабское настоящее, когда те же помещики, споспешествуемые капиталистами, ведут нас на войну, чтобы душить Польшу и Украину, чтобы давить демократическое движение в Персии и в Китае, чтобы усилить позорящую наше великорусское национальное достоинство шайку Романовых, Бобринских, Пуришкевичей. Никто не повинен в том, если он родился рабом; но раб, который не только чуждается стремлений к своей свободе, но оправдывает и прикрашивает свое рабство (например, называет удушение Польши, Украины и т. д. «защитой отечества» великороссов), такой раб, вызывающий законное чувство негодования, презрения и омерзения, есть холуй и хам.

Вот почему тогда, в разгар войны, Ленин поставил вопрос о том, должны ли мы защищать такое отечество, буржуазное отечество, в котором господствует дворянство, в котором страна угнетается Николаем Романовым. Оборонцы говорили: да, мы должны защищать и такое отечество. А Ленин выступил с проповедью борьбы с таким отечеством и отвечал оборонцам:

---

[1]) Тогдашние министры и заправилы помещиков и капиталистов.

«Не может быть свободен народ, который угнетает чужие народы», так говорили величайшие представители последовательной демократии XIX века, Маркс и Энгельс, ставшие учителями революционного пролетариата. И мы, великорусские рабочие, полные чувства национальной гордости, хотим во что бы то ни стало свободной и независимой, самостоятельной демократической, республиканской гордой Великороссии, строящей свои отношения к соседям на человеческом принципе равенства, а не на унижающем великую нацию крепостническом принципе привилегий. Именно потому, что мы хотим ее, мы говорим: нельзя в XX веке в Европе, хотя бы и дальневосточной Европе, «защищать отечество» иначе, как борясь всеми революционными средствами против монархии, помещиков и капиталистов *своего* отечества, т.-е. *худших* врагов нашей родины; нельзя великороссам «защищать» отечество иначе, как желая поражения во всякой войне царизма, как наименьшего зла для девяти десятых населения Великороссии, ибо царизм не только угнетает эти девять десятых населения экономически и политически, но и деморализует, угнетает, обесчещивает, проституирует его, приучая к угнетению чужих народов, приучая прикрывать свой позор лицемерными, якобы патриотическими фразами.

Так ставил вопрос Ленин в 1914 г. К этому привела его вся прежняя борьба в рядах II Интернационала. Во II Интернационале Ленин занимал левое крыло, боролся со всякими попытками превратить международное братство рабочих в такую организацию, которая неспособна была бы бороться с буржуазией в решительные моменты. Именно Ленин отстаивал во II Интернационале все лучшее, что заложено было еще Марксом и Энгельсом при организации I Интернационала, первого международного братства рабочих. А II Интернационал заключал в себе людей самых разнообразных направлений. Многие из них только назывались социалистами, на самом деле социалистического в них ничего не было, и это показала война 1914 г. Еще до того на съездах и конференциях II Интернационала были приняты решения, обязывающие социалистов бороться против войны самыми решительными средствами. Мы уже упоминали, что в 1907 г. на Штуттгартском международном съезде Ленин и Роза Люксембург внесли предложение, которое обязывало всех социалистов, чтобы они стремились превратить возникшую войну в гражданскую войну против капиталистов. То же самое было позднее подтверждено на Базельском съезде, на Копенгагенском съезде, и во время последней Балканской войны 1912 г. социалистический международный съезд II Интернационала постановил, что социалисты обязаны бороться против войны всякими средствами. А когда в 1914 г. была объявлена война, вожди социалистов предали Социалистический Интернационал. Ленин тогда, 1 ноября 1914 г., писал:

II Интернационал умер. II Интернационал выполнил свою долю полезной подготовительной работы по предварительной организации пролетарских масс в долгую «мирную» эпоху самого жестокого капиталистического рабства и самого быстрого капиталистического прогресса [1]) послед-

[1]) Движения вперед, развития.

ней трети XIX и начала XX века. *III Интернационалу предстоит задача организации сил пролетариата для революционного натиска на капиталистические правительства, для гражданской войны против буржуазии всех стран за политическую власть, за победу социализма.*

И Ленин с небольшой группой товарищей — ближайшим помощником ему в этом был тов. Григорий Зиновьев, теперешний председатель Исполкома Коминтерна, Коммунистического Интернационала, — принимается за организацию нового — Коммунистического Интернационала. В 1915 г. в Циммервальде, небольшом городке Швейцарии, созывается немногочисленная конференция (совещание) социалистов, изъявивших готовность бороться против войны, и эта конференция, в которой Ленин играет огромную роль, обращается к рабочим всего мира с воззванием, с призывом бороться против войны. Многие из западноевропейских социалистов тогда по-мещански смотрели на дело Ленина и Зиновьева. Хорошо, дескать, вам, сидя заграницей, говорить о гражданской войне, о борьбе против войны. А вот если бы вы сами стали у власти, что бы вы сделали?!

Ленин на это отвечал:

На вопрос, что бы сделала партия пролетариата, если бы революция поставила ее у власти в теперешней войне, мы отвечаем: мы предложили бы мир *всем* воюющим на условии освобождения колоний и *всех* зависимых, угнетенных и неполноправных народов. Ни Германия, ни Англия с Францией не приняли бы при теперешних правительствах их этого условия. Тогда мы должны были бы подготовить повести революционную войну, т.-е. не только полностью провели бы самыми решительными мерами всю нашу программу минимум, но и систематически стали бы подымать на восстание все ныне угнетенные великороссами народы, все колонии и зависимые страны Азии (Индия, Китай, Персия и проч.), а также—и в первую голову—поднимали бы на восстание социалистический пролетариат Европы против его правительств и вопреки его социал-шовинистам. Не подлежит никакому сомнению, что победа пролетариата в России дала бы необыкновенно благоприятные условия для развития революции в Азии и Европе. Это доказал даже 1905 год.

Вот теперь, когда с этого времени прошло 9 лет, каждый может проверить, были ли это пустые слова тов. Ленина, или это была глубокая убежденность, глубокая уверенность в том, что так должен поступить революционный пролетариат, стоящий у власти. Не было ни одного дня колебаний у Ленина, в этом вопросе, — в вопросе о задачах международной революции. Но тогда, в 1915 г., это был лишь первый шаг. На этой конференции создалась небольшая группа во главе с тов. Лениным, которая называлась «*Циммервальдской левой*»; она требовала не только *борьбы за мир*, но требовала *призыва пролетариата во всех странах к гражданской войне, призыва к организации уличных демонстраций против буржуазных правительств, призыва к пропаганде международного братства в окопах, к братанию в окопах.*

Но группа эта была меньшинством; против нее поднялась страшная война во всех буржуазных и социалистических партиях, Ленина называли изменником отечеству, предателем революции. Особенно отличался в этом покойный Плеханов. Эти крики не смущали Ленина. «В диких криках озлобленья» буржуазии он видел лучшую похвалу себе.

В 1916 г. удалось созвать второе совещание — *конференцию в Кинтале*, тоже в Швейцарии. Это совещание показало, что мысль т.т. Ленина, Либкнехта и других в это время укрепилась, собрала вокруг себя гораздо более широкие слои. Это были уже зачатки III Коммунистического Интернационала, который организован был в Москве позднее, в 1919 г. После победы пролетарской революции в нашей стране Москва стала центром, где могли свободно собираться коммунисты всего мира. Победа пролетариата дала огромную, небывалую еще силу всему пролетарскому движению. Никогда еще в истории пролетариат не имел государственной власти в своих руках. В отдельных городах, в отдельных областях, на время, на недолгие дни или месяцы удавалось пролетариату стать у власти. А здесь пролетариат получил в свои руки огромный государственный аппарат, — правда, расшатанный, разрушенный войной. Он очутился среди великих затруднений, но в то же время он мог, опираясь на этот государственный аппарат, повести в небывалых до сих пор размерах пропаганду, проповедь идей коммунизма во всех странах. Десятки, сотни печатных станков, радио, телеграф, почта, железные дороги,—все, что было нужно для связи пролетарского центра с остальным миром, все это очутилось в руках пролетариата. Вот почему Коммунистический Интернационал, основанный в Москве, оказался на первых же порах таким могучим орудием международного объединения рабочих.

Ленин, будучи председателем Совнаркома, т.-е. главой правительства, не мог быть председателем Коммунистического Интернационала, но все сознавали при жизни тов. Ленина, что он является главным руководителем, главным вдохновителем Коминтерна. Когда сейчас пересматриваешь его речи, его письма к рабочим всех стран, видишь, какую огромную роль он сыграл в создании этого международного объединения рабочих. Главная заслуга его в создании Коминтерна, в руководстве им заключается в целом ряде важнейших, действенных вопросов, выдвинутых им перед рабочими всех стран. Именно Ленин поставил вопрос о диктатуре пролетариата перед рабочими всех стран не как какую-то отдаленную цель, а как задачу завтрашнего дня. Надо было видеть, с какой детской непосредственной радостью встречал он всякие успехи и победы в той или другой стране. Как он радовался победе венгерского пролетариата,

надеясь на то, что венгерскому пролетариату удастся избежать ряда ошибок, которых не удалось избежать нам! Всеми мерами поддерживал он революцию в Германии, потому что сознавал огромное значение захвата власти германским пролетариатом. Но и в тех странах, где захват власти и диктатура пролетариата были еще более или менее отдаленным будущим, он указывал рабочим этих стран, какими путями легче, ближе, безболезненнее прийти к разрешению этой огромной и трудной задачи. Он именно, Ленин, указывал международному пролетариату, что в отсталых странах, там, где имеет еще громадное значение крестьянство, надо поставить вопрос о создании народных советов, о диктатуре пролетариата и крестьянства, о рабоче-крестьянском правительстве. Ленин поставил перед международным пролетариатом вопрос о НЭП'е, это он на четвертом конгрессе, на IV съезде Коминтерна показал, как и в других странах передовому рабочему классу надо будет учесть наши ошибки, наш опыт и там пойти путем НЭП'а,—конечно, в каждой стране по особому. Ленин помог в Коминтерне в каждой стране создать хотя бы небольшую крепко сколоченную группу, партию коммунистов. Ленин помог собирать из среды рабочих, примкнувших к анархистам и синдикалистам, преданных пролетарской революции товарищей, которые в самом ходе борьбы сумели бы изжить свои ошибки. Ленин поставил наиболее широко и наиболее полно перед рабочими всех стран вопрос национальный, вопрос о колониальной политике, т.-е. вопрос об отношении к угнетенным народам — неграм, индусам, китайцам, корейцам и другим, о которых молчал II Интернационал, угнетение которых освящал и освящает II Интернационал.

Это Ленин сумел привлечь к Коммунистическому Интернационалу симпатию, сочувствие, любовь всех угнетенных национальностей и сделать Коминтерн не только объединением передовых рабочих Западной Европы и Америки, но и тех многомиллионных пластов крестьянской, рабочей и ремесленной бедноты отсталых стран Африки, Азии и Америки, которые только что пробуждаются к жизни и борьбе.

Вот почему так велико значение Ленина в этом международном объединении, вот почему во всем решительно мире смерть тов. Ленина вызывает такую неподдельную скорбь и исторгает слезы у рабочих всех стран, вот почему единодушен был отзыв о тов. Ленине решительно всех коммунистических партий. Вот почему воззвание Исполкома Коминтерна, выпущенное после смерти Ленина, называет его бессмертным вождем Коммунистического Интернационала.

Тов. Сталин, генеральный секретарь нашей коммунистической партии, имел право сказать от имени нас всех в посмертном своем слове:

Ленин никогда не смотрел на Республику Советов, как на самоцель. Он всегда рассматривал ее, как необходимое звено для усиления революционного движения в странах Запада и Востока, как необходимое звено для облегчения победы трудящихся всего мира над капиталом.

Ленин знал, что только такое понимание является правильным не только с точки зрения международной, но и с точки зрения сохранения самой Республики Советов. Ленин знал, что только таким путем можно воспламенить сердца трудящихся всего мира к решительным боям за освобождение. Вот почему он, гениальнейший из гениальных вождей пролетариата, на другой же день после пролетарской диктатуры, заложил фундамент Интернационала рабочих. Вот почему он не уставал расширять и укреплять союз трудящихся всего мира—Коммунистический Интернационал.

Мы видели за эти дни паломничество к гробу тов. Ленина десятков и сотен тысяч трудящихся. Через некоторое время вы увидите паломничество представителей миллионов трудящихся к могиле тов. Ленина. Можете не сомневаться в том, что за представителями миллионов потянутся потом представители десятков и сотен миллионов со всех концов света для того, чтобы засвидетельствовать, что Ленин был вождем не только российского пролетариата, не только европейских рабочих, не только колониального Востока, но и всего трудящегося мира земного шара.

Уходя от нас, тов. Ленин завещал нам верность принципам Коммунистического Интернационала. Клянемся тебе, тов. Ленин, что мы не пощадим своей жизни для того, чтобы укреплять и расширять союз трудящихся всего мира—Коммунистический Интернационал.

ЛЕНИН—ВОЖДЬ УГНЕТЕННЫХ НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ.

У кремлевской стены, солнцем озарены
    Миллионы, миллионы...
Это мир с головою склоненной
Красный гроб несет на плечах—
    Ильича,
Это негр скорбит в тростниках,
Под бичом насильника стеная,
Это в желтых песках Китая
О вожде окровавленный крик
    И тоска.
Это солнце гасит свет
    У Кремля.
Это шепчет земля:
— Ленина нет! Ленина нет!

А. Поморский.

В ту далекую пору, когда только что складывалась наша партия, Ленин уже ставил вопрос национальный во всю широту, и никто, пожалуй, не проделал в нашей партии такой большой работы по изучению этого вопроса, как это сделал тов. Ленин и наиболее близко с ним работавший в этой области тов. Сталин, который и во взглядах своих на национальный вопрос ближе всех всегда стоял к тов. Ленину. У тов. Ленина по национальному вопросу было чрезвычайно много споров и с польскими социал-демократами (одно время с Розой Люксембург и Лео Тышко, убитыми в Германии белогвардейщиной и социал-демократами). Спорил он и с украинскими националистами, и с русскими националистами-великодержавниками.

Кроме того, надо отметить, что никто не был так чуток к малейшей фальши в национальном вопросе в наших собственных рядах среди коммунистов, как именно тов. Ленин.

Еще во время Русско-Китайской войны, в декабре 1900 г., Ленин писал в № 1 «Искры» статью «Китайская война», в которой доказывал, что русское дворянство ищет только удобного предлога для того, чтобы превратить Манчжурию в «Желтороссию».

Тогда это были первые попытки поставить вопрос о колониальной политике, т.-е. вопрос о политике в чужой стране, которую хотят превратить в подчиненные колонии. И Ленин говорил: «Давайте, попробуем разобраться в вопросе, как должны относиться социалисты к этой войне».

Как должны относиться социалисты к этой войне, в чьих интересах она ведется, каково настоящее значение той политики, которой следует русское правительство?

Правительство наше уверяет прежде всего, что оно даже не ведет войну с Китаем: оно только подавляет восстание, усмиряет мятежников, помогает законному китайскому правительству восстановить законный порядок. Война не объявлена, но суть дела от этого нимало не меняется, так как война все равно ведется. Чем же вызвано нападение китайцев на европейцев, этот мятеж, усмиряемый с таким рвением англичанами, французами, немцами, русскими, японцами и проч.? «Враждой желтой расы к белой расе», «ненавистью китайцев к европейской культуре и цивилизации»,—уверяют сторонники войны. Да, китайцы, действительно, ненавидят европейцев, только каких европейцев они ненавидят и за что? *Не европейские народы ненавидят китайцы,—с ними у них не было столкновений,—а европейских капиталистов и покорные капиталистам европейские правительства.* Могли ли китайцы не возненавидеть людей, которые приезжали в Китай только ради наживы, которые пользовались своей хваленой цивилизацией только для обмана, грабежа и насилия, которые вели с Китаем войны только для того, чтобы получить право торговать одурманивающим народ опиумом (война Англии и Франции с Китаем в 1856 году), которые лицемерно прикрывали политику грабежа распространением христианства? Эту политику грабежа давно уже ведут по отношению к Китаю буржуазные правительства Европы, а теперь к ней присоединилось и русское самодержавное правительство. Принято называть эту политику грабежа колониальной политикой. Всякая страна с быстро развивающейся капиталистической промышленностью очень скоро приходит к поискам колоний, т.-е. таких стран, в которых слабо развита промышленность, которые отличаются более или менее патриархальным бытом, куда можно сбывать продукты промышленности и наживать на этом хорошие деньги. И ради наживы кучки капиталистов буржуазные правительства вели бесконечные войны, морили полки солдат в нездоровых тропических странах, бросали миллионы собранных с народа денег, доводили население до отчаянных восстаний и до голодной смерти. Вспомните восстание индийских туземцев против Англии и голода в Индии или теперешнюю войну англичан с бурами.

И вот теперь жадные лапы европейских капиталистов протянулись к Китаю.

С этой поры Ленин не пропускал ни одного случая, когда какое-нибудь государство нападало на угнетенные народы с целью грабежа и насилия, чтобы он не разоблачал истинную суть и истинный смысл этих нападений. Во время империалистской войны 1914 — 1918 г.г. Ленин выдвигал, как одно из требований, которые должны отстаивать социалисты во всех странах, — мир без аннексий, т.-е. мир без присоединения к себе земель других государств со стороны победителя. И в декрете о мире также было выдвинуто это справедливое требование. Когда Ленин вернулся в Россию после февральской революции,

он видел, как старая Россия, насильственно скованная царским самодержавием, состоящая из многочисленных национальностей, насильственно соединенных под пятой самодержавия, когда-то кровью и железом покоренных, стремится к самоопределению, т.-е. к тому, чтобы самим решать, как им жить, какое у них должно быть государственное устройство.

И Ленин отстаивал, чтобы в нашей программе мы ясно написали, как относится коммунистическая партия к национальному вопросу. Ему пришлось в этом вопросе поспорить со многими товарищами, которые еще колебались, но в конце концов наша партия приняла его предложения, которые сводятся к следующему:

1) Во главу угла ставится *политика сближения пролетариев и полупролетариев разных национальностей для совместной революционной борьбы за свержение помещиков и буржуазии.*

2) В целях преодоления недоверия со стороны трудящихся масс угнетенных стран к пролетариату государств, угнетавших эти страны, необходимо *уничтожение всех и всяких привилегий какой бы то ни было национальной группы, полное равноправие наций, признание за колониями и неравноправными нациями права на государственное отделение.*

3) В тех же целях, как одну из переходных форм на пути к полному единству, партия выставляет *федеративное объединение государств, организованных по советскому типу.*

4) *В вопросе о том, кто является носителем воли нации к отделению, Р.К.П. стоит на исторически-классовой точке зрения*, считаясь с тем, на какой ступени исторического развития стоит данная нация: на пути от средневековья к буржуазной демократии, к советской или пролетарской демократии и т. п.

Во всяком случае, со стороны пролетариата тех наций, которые явились нациями угнетающими, необходима особая осторожность и особое внимание к пережиткам национальных чувств у трудящихся масс наций угнетенных или неполноправных. Только при такой политике возможно создание условий для действительно прочного, добровольного единства национально-разнородных элементов международного пролетариата, как то показал опыт объединения ряда национальных советских республик вокруг Советской России.

Эта программа была принята уже тогда, когда нам пришлось не на словах, а на деле осуществлять ее. Мы писали программу в то время, когда становились правящей партией. Не для других писали мы ее, не для того, чтобы предъявлять эти требования к другим, а для того, чтобы поставить перед собою план, — ясную задачу. Мы признали не только уничтожение всех и всяких привилегий каких бы то ни было национальных групп по отношению к другим: мы признали полное равноправие национальностей, признали за колониями и неравноправными национальностями право на государственное отделение. А когда Финляндия потребовала, чтобы мы это право за нею признали, то Ленин не поколебался: как председатель Совнаркома и как вождь нашей партии он заявил, что мы от своих слов не отступим. Он сам как-то рассказывал, что ему было чрезвычайно неприятно

вручать грамоту буржуазному президенту Финляндской республики Свинхувуду (фамилия эта в русском переводе означает Свиноголовый). В тысячу раз радостнее Ленин вручил бы эту грамоту представителю пролетариата. Но мы должны были это сделать для того, чтобы никто не мог нас упрекнуть, что мы насильственно навязываем Финляндии такой порядок, какой нам нравится, а не такой, который признает большинство финляндского народа. Также мы признали право на самоопределение за бывшими частями Российской империи — за Латвией, Эстонией, Литвой, Польшей, вплоть до отделения; остальные народности, населяющие прежнюю Российскую империю, также получили свое право национального самоопределения, и они создали у себя такое устройство, которое более соответствует их экономическому и культурному развитию. Они входят сейчас в союз советских социалистических республик или как самостоятельные автономные республики, или как автономные самостоятельные области, имеют свое советское правление, свои съезды советов, ведут делопроизводство и народное образование на своем родном языке и никто не неволит их в делах их внутреннего устройства, внутренней их жизни. Сами они решают для себя эти вопросы. Добровольно соединились они в Союз Советских Социалистических Республик — С.С.С.Р.

Ленин нам всегда говорил, что если мы правильно пойдем по этому пути, то на нашей стороне будут угнетенные народы всего мира. На II Всероссийском съезде коммунистических организаций народов Востока, 27 ноября 1919 г., тов. Ленин нарисовал нам такую картину будущего всего пробуждающегося Востока:

Если русским большевикам пришлось пробить брешь в старом империализме, взять на себя необычайно трудную, но и необычайно благородную задачу создания новых путей революции, то вам, представителям трудящихся масс Востока, предстоит еще более великая и еще более новая задача. *Выясняется вполне, что социалистическая революция, которая надвигается для всего мира, никоим образом не будет состоять только в победе пролетариата в каждой стране над своей буржуазией.* Это было бы возможно, если бы революции происходили легко и быстро. Мы знаем, что империалисты этого не допустят, что все страны вооружены до зубов против своего внутреннего большевизма и все страны думают только о том, как победить большевизм у себя дома. Поэтому *в каждой стране нарождается гражданская война*, к участию в которой на стороне буржуазии приглашены старые социалисты-соглашатели. Таким образом социалистическая революция не будет только и главным образом борьбой революционных пролетариев в каждой стране против своей буржуазии; нет, она будет борьбой всех угнетенных империализмом колоний и стран, всех зависимых стран против международного империализма. В программе нашей партии, которая была принята в марте прошлого года, мы, характеризуя приближение всемирной социальной революции, говорили, что гражданская война трудящихся против империалистов и эксплоататоров во всех передовых странах начинает соединяться с национальной войной против международного империализма. Это подтверждается ходом революции. Это будет и уделом Востока. Мы

знаем, что здесь поднимется, как самостоятельные участники, как творцы новой жизни, большинство населения Востока, потому что сотни миллионов этого населения принадлежат к зависимым, неполноправным нациям, которые до сих пор были объектом (т.-е. предметом воздействия) международной политики империализма, которые для капиталистической культуры и цивилизации существовали только, как материал для удобрения. Когда говорят о раздаче мандатов [1]) на колонии, мы прекрасно знаем, что это — раздача мандатов на расхищение, грабеж, что это право ничтожной части населения земли на эксплоатацию большинства населения земного шара. Это большинство, которое до сих пор стояло совершенно вне исторического прогресса, потому что самостоятельной революционной силы представлять не могло, начало, мы знаем, в начале XX столетия меняться. Мы знаем, что с 1905 года последовали революции в Турции, Персии, Китае, мы знаем, что в Индии развилось революционное движение. Империалистическая война также способствовала росту революционного движения, потому что пришлось втягивать целые полки колониальных отрядов в борьбу империалистов в Европе. *Империалистическая война разбудила Восток, втянула его народы в международную политику. Англия и Франция вооружили колониальные народы и помогли тому, чтобы научить их пользоваться военной техникой и усовершенствованными машинами, но этой наукой они воспользуются против господ капиталистов. За периодом пробуждения Востока в современной революции наступает период прямого участия народов Востока в решении судеб мира всего, чтобы не быть только объектом обогащения. Народы Востока просыпаются, чтобы практически действовать и чтобы каждый народ решал вопрос о судьбе всего человечества.*

Вот почему я думаю, что вам предстоит в истории развития мировой революции, которая будет, судя по началу, продолжаться много лет и стоить много трудов, сыграть большую роль и соединиться в своей борьбе с нашей борьбой против международного империализма. Ваше участие в международной революции поставит вас перед сложной и трудной задачей, разрешение которой будет служить основанием общего успеха, потому что здесь впервые большинство населения приходит в самостоятельное движение и будет активным фактором в борьбе за свержение международного империализма.

Национальному и колониальному вопросам Ленин уделял очень много внимания до самого последнего момента. Уже будучи больным 2 марта 1923 г., он диктует статью о рабоче-крестьянской инспекции и в ней опять излагает свои думы о судьбах нашей революции. Он опять напоминает нам, что мы стоим перед громадным развитием революционного движения на Востоке и что нам во что бы то ни стало надо до прихода этого движения удержаться, как советской стране, все время улучшая наш аппарат, улучшая наши отношения с входящими в наш союз национальностями, улучшая наши отношения с крестьянством, и этим давать опору национальному движению в угнетенных странах Востока. Он писал 2 марта 1923 г.:

Система международных отношений сложилась теперь такая, что в Европе одно из государств порабощено государствами-победителями:

---

[1]) Империалистические державы раздают мандаты, т.-е. полномочия, на право распоряжаться в тех или иных колониях, извлекать из них прибыли своим сподручным, или делят их между собою. *Е. Я.*

это—Германия. Затем, ряд государств, и притом самых старых государств Запада, оказались в силу победы в условиях, когда они могут пользоваться этой победой для ряда неважных уступок своим угнетенным классам,— уступок, которые все же оттягивают революционное движение в них и создают некоторое подобие «социального мира».

В то же время целый ряд стран: *Восток, Индия, Китай и т. п., в силу именно последней империалистической войны, оказались окончательно выбитыми из своей колеи. Их развитие направилось окончательно по общеевропейскому капиталистическому масштабу. В них началось общеевропейское брожение. И для всего мира ясно теперь, что они втянулись в такое развитие, которое не может не привести к кризису всего всемирного капитализма.*

И вот это отношение к угнетенным национальностям всего мира создало тов. Ленину славу всемирную; во всех уголках земного шара имя Ленина на устах, как имя спасителя и освободителя. Тов. Захария, член Индийской коммунистической партии, для создания которой тов. Ленин так много сделал при жизни и за которой он с таким огромным интересом и вниманием следил, рассказывает о том, как относятся в Индии к тов. Ленину:

Молодая коммунистическая партия Индии создана, можно сказать, под непосредственным влиянием учения тов. Ленина. Вожди Индийской коммунистической партии, например тов. Рой, много раз лично беседовали с тов. Лениным о революционном движении в английских колониях и таким образом черпали из главной сокровищницы революционной мысли.

Английские империалисты, правящие Индией, слишком боятся коммунистических идей, чтобы пропаганда идей ленинизма могла быть поставлена у нас широко. Но не преувеличу, если скажу, что образ Ленина, как вождя и пророка национального освобождения, живет и господствует над индийскими массами так же всецело, как он господствует в сердцах революционных рабочих масс Западной Европы.

Для подтверждения этого мнения я приведу такой пример: в одном из журналов индийских националистов как-то появился плакат с изображением семи пророков и гениев мира. Среди этих пророков, наряду с Буддой, Иисусом Христом, вождем индийского национального движения Ганди, был помещен портрет Ленина. Этот плакат был немедленно перепечатан различными изданиями и разошелся по Индии в массе экземпляров.

Лучше всего я выражу отношение широких масс Индии к Ленину, если приведу слова нескольких индийцев, с которыми мне пришлось как-то разговаривать о Ленине. Свое понятие о нем они вложили в такие слова:

— *Ленин за бедных! Ленин хочет, чтобы всем было хорошо!*

Какая правда в этих немногих простых словах! Но важнее всего, что эту правду чувствуют, сознают миллионы. Оттого эта правда становится силой.

«Ленин умер». Подобно молнии с безоблачного неба пронесется эта весть над плодоносными равнинами Африки и зеленеющими полями Азии. Да, чернокожие и желтолицые не знают точно, кто такой Ленин, не знают и того, где находится Россия. Ведь колониальный империализм заинтересован в том, чтобы они этого не знали. Невежество—один из главных столпов капиталистического строя, но все они—аннамитский селянин, как и охотник Дагомеи, внимали шопоту, говорившему, что там, там, далеко, на другом конце земного шара, есть народ, прогнавший своих самодержавцев-эксплоататоров и управляющий сам собой, без самодержца, без верховного резидента. Слыхали они и то, что страна эта именуется Россией

и руководят ей люди крайне мужественные, а самый мужественный из них зовется *Лениным*. Этого уже достаточно, чтобы возбудить глубокое, восторженное преклонение перед этой страной и ее вождем.

Но это еще не все. Дошла до них весть и о том, что этот великий человек, освободив своих соотечественников, стремится освободить и другие народы. Он даже звал белых помочь угнетенным желтолицым и чернокожим освободиться из-под ига «руми», всех руми, резидентов, губернаторов и прочих. И в этих целях он начертал определенную программу.

Сначала им казалось невозможным, чтобы существовал такой человек и такие вещи, но впоследствии до них стали доноситься туманные слухи о коммунистической партии, об организации, именуемой Интернационалом, ставящей себе целью борьбу за эксплоатируемых, за всех эксплоатируемых, в том числе и их; говорили, что во главе этой организации как раз он, Ленин.

Этого уже было достаточно, чтобы эти народы—невежественные, но добрые и признательные в глубине своего сердца—стали испытывать благоговение перед Лениным, подобное религиозному. Они видели в нем освободителя.

Если в Индии такое отношение к Ленину, в особенности солдат, рабочих и крестьян, то такое же отношение распространено на всем колониальном Востоке.

Тов. Нгуэн-Айквак из Индо-Китая пишет по поводу смерти тов. Ленина:

Что же станется с ними теперь, когда он ушел? Найдутся ли люди столь же мужественные и великодушные, чтобы уделять время и силы им, их освобождению? Вот о чем мучительно спрашивают себя угнетенные колониальные массы.

Что же касается нас, коммунистов, уроженцев колоний, мы вместе с нашими братьями оплакиваем незаменимую утрату и делим с ними глубокую международную скорбь. Но мы уверены, что Интернационал и его Секции, в том числе и колониальные, станут претворять в жизнь уроки и указания, оставленные нам сошедшим в могилу вождем. Разве не лучший способ доказать нашу любовь к нему—делать то, чего он от нас хотел?

При жизни он был нашим отцом, учителем, товарищем, советчиком. Теперь он—наша путеводная звезда, ведущая к социальной революции.

Ленин живет в нас, он бессмертен.

Тов. Ахмет-Джевад, член Турецкой коммунистической партии подчеркивает, какое громадное значение имел тов. Ленин для турецких крестьянских и рабочих масс:

Для нас, турецких коммунистов, точно так же, как и для широчайших масс турецкого отсталого крестьянства, турецких рабочих и турецкой интеллигенции, имя Ленина воплощает в себе русскую революцию, Советскую власть, открыто защищающую самую дорогую для турецких масс идею национального освобождения Турции.

Когда мне случилось разговаривать с крестьянами самых глухих уголков Турции о русской революции, то первым делом мне задавался вопрос о Ленине, о его здоровье и жизни. Портрет Ленина всем известен, он часто появлялся во всех, даже буржуазных газетах. Особую роль в необычайной известности Ленина среди турецких масс сыграло его воззвание к народам Востока в конце 1918 года.

С учением Ленина достаточно хорошо знакомы, конечно, только представители турецкой интеллигенции. Но то, что Ленин—друг восточных

народов, известно массам так же хорошо, как то, что западно-европейский империализм является их врагом.

Главным организатором компартии Турции является Мустафа-Супье, гражданский пленный царского правительства. После Октябрьской революции Мустафа-Супье примкнул к русским большевикам и, благодаря личному знакомству с Лениным, сумел стать теоретическим и практическим создателем турецкого коммунизма. В 1921 году, когда Мустафа-Супье отправился в Турцию, он был вместе с другими четырнадцатью турецкими коммунистами утоплен турецкими реакционерами в море.

Тов. Маринг, член компартии о. Ява, говорит о далеких островах Тихого океана:

С момента Октябрьской революции имя Ленина приобретает широкую популярность на острове Ява в массах рабочих сахарной промышленности, среди железнодорожников и среди рабочих других отраслей. Имя Ленина глубоко почитается даже исламитским «Союзом города и деревни». Имя Ленина является лозунгом грядущего освобождения колониальных масс, и эти массы начинают сознавать это: у индусов и китайцев, живущих на острове Ява, полицией несколько раз были обнаружены портреты Ленина, его брошюры, переведенные на малайский язык, и т. д. Вообще портреты Владимира Ильича очень распространены среди яванцев. Часто показывается запрещенная картина в кинематографе, показывающая жизнь и деятельность Ленина. Большую роль в распространении ленинизма сыграли труды тов. Ленина, переведенные на малайский язык.

В настоящее время Ц. К. яванской партии переводит на малайский и яванский языки важнейшие сочинения Ленина.

Американские негры прислали трогательное приветствие от многих миллионов негров, живущих по всему земному шару. В Ленине они видят также вождя угнетенных национальностей. Рабочие Японии, рабочие Китая, так же как и много миллионов крестьян Японии и Китая, в Ленине видят своего духовного вождя, своего освободителя. Вот почему даже мусульманское духовенство вынуждено было в память Ленина созывать собрания. Так, 1 февраля этого года в Баку по призыву бакинского мусульманского духовенства в мечети Таза-Пир состоялся траурный митинг, посвященный памяти Ленина. Бакинский корреспондент «Правды» так описывает этот митинг:

Тов. Ага-Заде, открыв собрание, вкратце ознакомил присутствующих с биографией Ленина и его общественной и революционной деятельностью и подчеркнул великую роль Ленина в истории мировой пролетарской революции. Взявший затем слово представитель мусульманского духовенства Шейх-Гамид в большой речи отметил великие заслуги Ленина в деле национального раскрепощения угнетенных народов Востока. В своей речи он, между прочим, сказал: «Ленин не был нашим единомышленником, это знает каждый из нас, но не следует забывать одного обстоятельства: только Ленин и его детище—коммунистическая партия—сумели ликвидировать в Закавказье дикий кошмар межнациональной вражды и резни. Твердо и прямолинейно Ленин преследовал одну великую идею: раскрепощение трудящегося человечества от ига капиталистов. Печальное известие о смерти Ленина должно взволновать в числе всех трудящихся и угнетенных также и всех мусульман. Над могилой Ленина мы все должны сказать: *великие вожди на земном шаре, в особенности в западном мире, не мало говорили о гуманности и освобождении угнетенных народов, но никто никогда не*

заботился о сотнях миллионов угнетенных народов Востока. Лишь ты своей лучезарной мыслью пробудил в них искру национального сознания и зажег факел национального освободительного движения. Твое имя будет всегда живо среди нас. Мы всегда будем чтить твое великое дело и беспощадно бороться с твоими противниками».

Пройдут года тяжелой суровой борьбы угнетенных национальностей всего мира. Борясь, освобождаясь от гнета капитала, народы всего мира будут помнить это великое имя Ленина, который звал их на борьбу, побудил их к этой борьбе и указал им правильный путь. Сложатся сказания, как уже теперь складываются.

Так, англичанин-путешественник передавал не так давно, в 1918 г., тов. Бонч-Бруевичу сказание, которое сложилось далеко, среди народов африканского побережья, «где свищет кнут просвещенных англичан и французов и иных угнетателей обездоленных народов, среди полей, обагренных кровью мучеников несчастных племен, порабощенных европейцами, там, где угнетение человека человеком достигло высших, непереносимых пределов, где чернокожий уничтожен, почти вырван из жизни человечества»:

Далеко-далеко на севере, где горы, поля и долины почти всегда белы от ниспадающего снега, где холод сковывает моря и реки и останавливает жизнь, опустошая луга и леса, заставляя поющих птиц улетать в далекие края, а зверей убегать на юг; там, где человек не тушит своего очага ни днем, ни ночью, дабы спасти себя от леденящего дыхания ветра, где люди гибли от работы, труда и насилия,—родился новый человек. Душа его скорбела целую жизнь о горе и несчастии не только его народа, но и всех людей, которых всех одинаково он считал за братьев.

Всю жизнь положил он на то, чтобы разгадать причину горя людей, и, наконец, все стало ему ясно, и он поднял скорбное лицо свое к солнцу, и солнце улыбнулось ему... И он пошел... Пошел в мир, в глубину народов, с севера на юг, и там, где идет он, все одухотворяется новой жизнью: зима сменяется весной, ледяные покровы тают, снег орошает землю и под его ногами вырастают, расцветают прекрасные благоуханные цветы, и путь его обрамляется цветущими, широколистными лилиями... Все поверженные, все измученные, все обреченные на смерть, все обездоленные, все угнетенные поднимаются за ним, чувствуя новое дыхание новой наступающей радостной жизни, чувствуя новую свободу, неутолимую жажду к новой борьбе со всеми, кто угнетает человека... И измученные народы Востока и дальнего Юга ждут пришествия нового избавителя в их родные страны из страны далекого Севера, откуда уже дошел до них луч надежды, растопивший их трепещущие сердца.

Тов. Сталин накануне похорон тов. Ленина говорил от имени нашей партии:

Второй основой Республики Советов является союз трудящихся национальностей нашей страны. Русские и украинцы, башкиры и белоруссы, грузины и азербейджанцы, армяне и дагестанцы, татары и киргизы, узбеки и туркмены—все они одинаково заинтересованы в укреплении диктатуры пролетариата. Не только диктатура пролетариата избавляет эти народы от цепей и угнетения, но и эти народы избавляют нашу Республику Советов от козней и вылазок врагов рабочего класса своей беззаветной преданностью Республике Советов, своей готовностью жертвовать за нее. Вот почему

тов. Ленин неустанно говорил нам о необходимости добровольного союза народов нашей страны, о необходимости братского их сотрудничества в рамках Союза Республик.

Уходя от нас, тов. Ленин завещал нам укреплять и расширять Союз Республик. Клянемся тебе, тов. Ленин, что мы выполним с честью и эту твою заповедь.

Тов. Ленин еще при жизни воздвиг себе вечный памятник в сердцах не только трудящихся всех национальностей нашей страны: такой же вечный памятник воздвиг он себе в сердцах угнетенных народов всего мира, трудящихся всех стран, всех рас, всех цветов кожи. На всех языках славят имя Ленина, вождя трудящихся всего мира.

ЛЕНИН—ОРГАНИЗАТОР ДИКТАТУРЫ ПРОЛЕТАРИАТА.

Вопрос о диктатуре поставлен был, конечно, не Лениным. Учители социализма, Маркс и Энгельс, в своем «Коммунистическом Манифесте» ясно этот вопрос поставили еще в 1847 г. Еще тогда они говорили, что «*пролетариат в борьбе против буржуазии необходимо объединяется как класс, путем революции становится господствующим классом, и как господствующий класс насильственно уничтожает старые условия производства*». А это и есть — диктатура пролетариата.

Владимир Ильич был верным учеником Маркса. Для него вопрос, после того как он ознакомился с учением Маркса, состоял не в том, правильно ли это учение: в этом он был убежден крепко; для него вопрос стоял в том, *какими путями осуществить диктатуру пролетариата.*

Маркс является теоретиком диктатуры пролетариата, а Ленин — практиком. Маркс изучал главным образом законы развития общества, законы, по которым общество капиталистическое развивается, как в этом обществе возникают силы, способные перестроить это общество. Ему пришлось собирать силы пролетариата во всем мире, строить первое международное братство рабочих, I Интернационал, когда рабочее движение не имело еще ни таких громадных размеров, ни той глубины, какую мы переживали.

Величайшая заслуга Ленина заключается в том, что он это учение Маркса сумел на практике приложить не только в России, но и указать путь приложения этого учения Маркса рабочим всех стран. Для России это дело было особенно трудное по тем причинам, которые излагались уже выше: пролетариат в России был мал, незначителен численно, связан с деревней по крайней мере в половине своей. В России были не изжиты еще остатки крепостничества, в России отсутствовали условия для открытого объединения рабочих, не было политической свободы, — того,

что в других странах было завоевано буржуазными революциями.

Громадное большинство революционеров, современников первых революционных шагов Ленина, не верили в творческие силы и историческую роль и значение пролетариата. Все свои надежды возлагали они главным образом на крестьянство.

С первых же дней, с первых же шагов своей работы Владимир Ильич изучает нашу страну главным образом с этой стороны, — *какие у нас силы для того, чтобы привести к победе рабочий класс и как эти силы организовать, соединить для борьбы.* Все его первые работы направлены к тому, чтобы доказать, что у нас пролетариат является такой силой, которая способна будет привести к победе революции. Старый народнический путь Владимир Ильич еще на школьной, гимназической скамье признал неправильным.

Марья Ильинична Ульянова, его сестра, рассказывает в своей речи на пленуме Московского Совета 8 февраля 1924 г.:

> Особенно памятно мне осталось время после окончания им гимназии, годы, когда он жил с нами в Казани и Самаре, до отъезда Владимира Ильича в Петербург. Весной, в 1887 году, мы получили известие о казни старшего брата. Особенно запечатлелось мне выражение лица Владимира Ильича в эту минуту, когда он сказал: «*Нет, мы пойдем не таким путем, не таким путем надо итти*».
>
> И вот,—добавляет Мария Ильинична,—*с тех пор он стал подготовлять себя к тому пути, который он считал единственно правильным для освобождения России от ига царя и капитала.*

Какой же это путь? Об этом Владимир Ильич ясно высказался 30 лет тому назад в своей работе «Что такое друзья народа?». Тогда он писал:

> На класс рабочих обращают социал-демократы все свое внимание и всю свою деятельность. Когда передовые представители его усвоят идею научного социализма, идею об исторической роли русского рабочего, когда эти идеи получат широкое распространение, и среди рабочих создадутся прочные организации, преобразующие теперешнюю разрозненную экономическую войну рабочих в сознательную классовую борьбу, тогда русский рабочий, поднявшись во главе всех демократических элементов, свалит абсолютизм и поведет русский пролетариат с пролетариатом всех стран прямой дорогой открытой политической борьбы за победоносную коммунистическую революцию.

Здесь, в этих словах, целая программа:

1) Основой работы для коммунистов, для социалистов должен явиться рабочий класс. Надо добиться, чтобы передовые представители его усвоили учение научного социализма. («С чего начать?»)

2) Надо, чтобы передовые рабочие поняли роль рабочего класса, как руководителя революции. Надо, чтобы это понимание распространялось широко. («Задача агитации и пропаганды».)

3) Надо создать среди рабочих прочные организации, которые преобразовали бы теперешнюю разрозненную экономическую войну рабочих отдельных фабрик и заводов за свои отдельные требования в сознательную классовую борьбу всего рабочего класса, за требования всего рабочего класса, за политические требования. («Задача организации рабочей партии».)

4) Тогда русский рабочий и в глазах других демократических (народных) элементов (крестьянства—в первую голову) явится вождем, станет во главе их движения. («Тактика рабочего класса».)

5) Задачей его тогда будет — свалить абсолютизм, т.-е. уничтожить самодержавный царский строй. («Ближайшая цель».)

6) На этом не останавливаться, а вести дальше русский пролетариат прямой дорогой открытой политической борьбы к победоносной коммунистической революции. («Конечная цель».)

7) Эту свою борьбу пролетариат нашей страны ведет рядом с пролетариатом всех стран. («Задача создания Интернационала».)

С самого начала построения нашей партии Ленину пришлось выдержать борьбу с теми товарищами, которые на деле не верили в силы рабочего класса нашей страны, думали, что он способен быть только придатком в буржуазной революции, а не вождем. Учение о пролетариате, как о вожде революции, развито наиболее полно и наиболее основательно именно Лениным. Особенно в этом отношении должен был заняться этим вопросом тов. Ленин в 1905 — 1906 г.г. в книге: «Две тактики социал-демократии в демократической революции».

Правда, в то время, в период буржуазной революции, Ленин ставил вопрос о революционно-демократической диктатуре пролетариата и беднейшего крестьянства. Но он никогда не думал о том, что пролетариат себе в этом случае свяжет руки. Все зависело от обстоятельств, от соотношения сил. Ведь тогда и разговор шел только о буржуазно-демократической революции.

Ленин писал тогда:

> Силой, способной одержать решительную победу, может быть только *народ*, т.-е. пролетариат и крестьянство, если брать основные крупные силы. Решительная победа революции над царизмом есть революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства.

И дальше он объясняет, чем будет власть, созданная в результате победы над царизмом:

> Такая победа будет именно *диктатурой*, *т.-е. она неизбежно должна будет опираться на военную силу, на вооруженные массы, на восстание, а не на те или иные, «легальным», «мирным путем» созданные учреждения. Это может быть только диктатура, потому что осуществление преобразований, немедленно и непременно нужных для пролетариата и крестьянства, вызовет отчаянное сопротивление и помещиков, и крупных буржуа, и царизма.* Без диктатуры сломить это сопротивление, отразить контр-революцион-

ные попытки невозможно. Но это будет, разумеется, не социалистическая, а демократическая диктатура. Она не сможет затронуть (без целого ряда промежуточных ступеней революционного развития) основ капитализма. Она сможет в лучшем случае внести коренное перераспределение земельной собственности в пользу крестьянства; провести последовательный и полный демократизм вплоть до республики; вырвать с корнем все азиатские, кабальные черты не только из деревенского, но и фабричного быта; положить начало серьезному улучшению положения рабочих и повышению их жизненного уровня; наконец, перенести революционный пожар в Европу. Такая победа нисколько еще не сделает из нашей буржуазной революции революцию социалистическую; демократический переворот не выйдет непосредственно из рамок буржуазных общественно-экономических отношений; но тем не менее значение такой победы будет гигантское для будущего развития и России и всего мира. Ничто не поднимет до такой степени революционной энергии всемирного пролетариата, ничто не сократит так сильно пути, ведущего к его полной победе, как эта решительная победа начавшейся в России революции.

А были ли налицо в то время такие силы? Имели ли мы сами в 1905 г. силу для того, чтобы создать такое правительство? Ленин предвидел все трудности этой борьбы, он рассчитывал, и правильно рассчитывал на организующую силу самой революции.

Правда,—писал он,—наше влияние на массу пролетариата еще очень и очень недостаточно; революционное воздействие на массу крестьянства совсем ничтожно; разбросанность, неразвитость, темнота пролетариата и особенно крестьянства еще страшно велики. Но *революция быстро сплачивает и быстро просвещает. Каждый шаг в ее развитии пробуждает массу и с неудержимой силой привлекает ее именно на сторону революционной программы, как единственной, выражающей последовательно и цельно ее настоящие, кровные интересы.*

В 1905 г. разрозненные восстания — сначала в виде почти всеобщей забастовки после январского кровавого воскресенья, затем разросшихся по всей стране рабочих массовых стачек и крестьянских отдельных восстаний, восстания в Черноморском флоте, восстания кронштадтских моряков, всеобщей забастовки в октябре, всеобщей забастовки в декабре и московского вооруженного восстания, вооруженного восстания моряков и солдат в Финляндии, в Свеаборге,—все эти разрозненные восстания не привели еще к победе пролетариата. Крестьянство оказалось неорганизованным, неподготовленным. Буржуазия, — как только она увидела опасность победы пролетариата и крестьянства, — укрылась под царскую мантию. Движение пролетариата было раздавлено. Кто оплевывал это движение, кто ставил новые вехи подальше от пролетариата. Про это подлое время можно сказать стихами поэта:

«Как радостно на битве погибать»,
Сказал один, от битвы убегая.
«Как хорошо за родину страдать»,
Сказал другой, его перегоняя.

Нужна была непоколебимая уверенность, какая была в Ленине, в то, что пролетариат победит, чтобы при этом не расте-

ряться, начать снова собирать силы; и он это делает упорно, настойчиво, *убеждая всех колеблющихся, или отбрасывая их, если он видит, что они будут мешать. Ленин в этой своей работе не останавливался перед разрывом с лучшими своими друзьями, если только он видел, что они в этот момент будут только мешать пролетарскому делу.* Дело пролетариата было для него выше всего.

Ликвидаторы (меньшевики) после поражения революции 1905 — 1906 г.г. ставили вопрос так: совершенно ясно, что революция раздавлена, новой революции в сколько-нибудь близком будущем и ждать нельзя; Россия пойдет вперед не революционным путем, а путем реформ, мелких поправок к существующему строю, путем улучшения существующей романовской конституции, и нам, дескать, надо постараться работать как-нибудь так, чтобы мы могли (петушком, петушком), держась за хвостик тетеньки буржуазии, время от времени вносить те или другие поправочки.

Ленин решительно ополчился против того, чтобы мы в это тяжелое время выступали перед рабочими с урезанными требованиями, т.-е. против того, чтобы мы *скрывали* часть нашей программы. И тогда, в эти года требование диктатуры пролетариата должно было стоять отчетливо, как требование нашей партии.

Кто же оказался прав? Оказались правы большевики во главе с тов. Лениным, собравшим массы рабочих именно под нашей программой, вокруг требования диктатуры пролетариата.

Наступает война, и во время этой войны Ленин вместе со своим ближайшим соратником в то время, с Г. Зиновьевым, и вместе со всей нашей партией отстаивает ту мысль, что рабочие не должны бросать оружие, не должны отказываться от солдатчины. Они должны взять это оружие с тем, чтобы повернуть его против буржуазии; войну, империалистическую войну за интересы капитала превратить в войну гражданскую, направленную против власти буржуазии.

В 1905 г. Владимир Ильич должен был жестоко высмеивать меньшевиков, когда они советовали пролетариату не входить во временное революционное правительство. Он рисовал такую картину: восстание рабочих побеждает; образуется временное революционное правительство. Рабочие ликуют, выходят на улицу. Да здравствует временное революционное правительство! Чьим должно быть это революционное правительство? Ленин говорит: конечно, это должно быть правительство, которое проводит волю рабочих. А меньшевики, которые были тогда против участия во временном революционном правительстве, стоят в сторонке, сложивши руки и говорят: благодарим тебя, господи,

что ты не сотворил нас такими грешниками, как эти мытари большевики, зовущие пролетариат к участию во власти.

А вот, когда в феврале месяце 1917 г. рабочий класс сбросил власть царскую, то первыми устремились в это самое временное революционное правительство меньшевики, — как раз те самые меньшевики, как Церетели, которые с пеной у рта в 1905 г. доказывали, что рабочему классу не надо участвовать во временном революционном правительстве.

Но какая разница: Ильич считал, что рабочий класс должен принять участие во временном правительстве *для вооружения рабочих,—для того, чтобы отстаивать требования рабочих, для того, чтобы продолжать революцию.* А меньшевики тащили в это правительство рабочих для того, чтобы помогать буржуазии вести империалистическую войну, уговаривали их работать в военно-промышленных комитетах и т. д., а сами *разоружали* рабочие дружины Красной гвардии.

Еще тогда, в 1905 г., Ленин указывал, что задачи руководителей революционных партий должны быть в момент революции шире и смелее. А что мы видим в 1917 г. со стороны меньшевиков? — Как раз обратное: суживание задач рабочего класса. Они тянули рабочих назад, в болото союза с буржуазией, в то время как рабочий класс рвался вперед, выступал против министров-капиталистов и помещиков, рвал с ними и стремился к организации диктатуры пролетариата.

Ленин в той же книжке «Две тактики» в 1905 г. писал о задачах революционных партий во время революции:

> Революции—локомотивы истории,—говорил Маркс. Революции—праздник угнетенных и эксплоатируемых. Никогда масса народа не способна выступать таким активным творцом новых общественных порядков, как во время революции. В такие времена народ способен на чудеса,—с точки зрения узкой, мещанской мерки постепеновского прогресса. Но *надо, чтобы и руководители революционных партий шире и смелее ставили свои задачи в такое время, чтобы их лозунги шли всегда впереди революционной самодеятельности массы, служа маяком для нее, показывая во всем его величии и во всей его прелести наш демократический и социалистический идеал, показывая самый близкий, самый прямой путь к полной, безусловной, решительной победе.*

Как только Ленин узнал о февральской революции, он тогда же отчетливо поставил вопрос о завоевании власти пролетариатом. В этом у него не было ни малейших сомнений. Вопрос для него заключался только в том, *какими путями к этому итти.*

Еще будучи заграницей, Ленин написал статью через восемь дней после свержения царизма, и в этой статье он определенно ставит вопрос о том, что

> Совет рабочих и солдатских депутатов,—зародыш рабочего правительства, представитель интересов всех беднейших масс населения, т.-е. девяти десятых населения, добивающихся мира, хлеба, свободы.

Для действительной борьбы против царской монархии, для действительного обеспечения свободы, не на словах только, не в посулах краснобаев либерализма, *не рабочие должны поддержать новое правительство, а это правительство должно «поддержать» рабочих.* Ибо единственная гарантия свободы и разрушения царизма до конца *есть вооружение пролетариата, укрепление, расширение, развитие роли, значения, силы Совета рабочих и солдатских депутатов.*

Все остальное—фраза и ложь, самообман политиканов либерального и радикального лагеря.

Помогите вооружению рабочих или хоть не мешайте этому делу— и свобода в России будет непобедима, монархия невосстановима, республика обеспечена.

Иначе народ будет обманут. Обещания дешевы, обещания ничего не стоят. Обещаниями «кормили» народ и одурачивали рабочих все буржуазные политиканы во всех буржуазных революциях.

Наша революция буржуазная, поэтому рабочие должны поддерживать буржуазию,—говорят никуда не годные политики из лагеря ликвидаторов.

Наша революция буржуазная,—говорим мы, марксисты,—*почему рабочие должны раскрыть глаза народу на обман буржуазных политиканов, учить его не верить словам, полагаться только на свои силы, на свою организацию, на свое объединение, на свое вооружение.*

... Рабочие, вы проявили чудеса пролетарского, народного героизма в гражданской войне против царизма,—вы должны проявить чудеса пролетарской и общенародной организации, чтоб подготовить свою победу во втором этапе революции. Мы должны еще поставить вопрос: каковы союзники пролетариата в данной революции?

У него два союзника: во-первых, широкая, много десятков миллионов насчитывающая, громадное большинство населения составляющая масса полупролетарского и, частью, мелкокрестьянского населения в России. Этой массе необходим мир, хлеб, свобода, земля. Эта масса неизбежно будет находиться под известным влиянием буржуазии и особенно мелкой буржуазии, к которой она всего ближе подходит по своим жизненным условиям, колеблясь между буржуазией и пролетариатом. Эту массу мы должны теперь, пользуясь свободой нового порядка и Советами рабочих и солдатских депутатов, стараться просветить и организовать прежде всего и больше всего. Советы крестьянских депутатов, Советы сельско-хозяйственных рабочих—вот одна из насущнейших задач. Наши стремления будут состоять при этом не только в том, чтобы сельско-хозяйственные рабочие выделяли свои особые Советы, но *чтобы неимущие и беднейшие крестьяне организовались отдельно от зажиточных крестьян.*

Во-вторых, союзник русского пролетариата есть пролетариат всех воюющих и всех вообще стран.

Февральскую революцию 1917 г. Ленин считал целиком буржуазной. Когда кто-то предлагал ему в статье назвать ее «великой» революцией, он сказал: какая же это великая революция, если власть захватили капиталисты и помещики? Вот если власть возьмет в руки пролетариат, тогда назовите ее хоть величайшей, — и это будет правильно. И тогда, в самом начале 1917 г., он считал эту революцию только переходной к социализму.

С этими двумя союзниками,—писал он,—пролетариат России может пойти и пойдет, используя особенности теперешнего переходного момента, к завоеванию сначала демократической республики и полной победы кре-

ства над помещиками, а затем к социализму, который один даст измученным войной народам *мир, хлеб и свободу*.

Как видите, лозунги «*мир, хлеб и свобода*» родились не в октябре, а еще тогда, когда Владимир Ильич собирался только ехать в нашу страну.

В октябре 1917 г. власть переходит в руки рабочего класса. «Удержат ли большевики власть?» Этот вопрос ставили тогда все, поставил его и Ленин. Но он поставил его не как вопрос книжной науки (теории), а как вопрос живого дела, живой практики, борьбы за диктатуру пролетариата — прежде всего.

Проявление этой диктатуры — в беспощадном подавлении всякой контр-революции: создается Красная гвардия, вооружение рабочих — без этого немыслима диктатура; а затем и Красная армия — в ее создании Ленин принял самое значительное руководящее участие. Буржуазия, контр-революционные элементы населения должны быть лишены политических прав: очень скоро происходит столкновение между буржуазной учредиловской «демократией» и демократией пролетарской — диктатурой пролетариата. Во имя торжества, во имя победы диктатуры пролетариата Ленин стоит за роспуск учредилки. Диктатура пролетариата не мирится с свободой буржуазии отравлять сознание народа буржуазной ложью: Ленин подписывает декрет о закрытии буржуазных, несоветских газет.

Ленин знает, что диктатуре пролетариата — грош цена, если не будет вырвана основа господства у буржуазии: земля у помещиков, дома, фабрики и заводы, банки и капиталы у капиталистов. Следует один за другим ряд декретов, вырывающих экономическую власть у капиталистов, обессиливающих буржуазию. Создается карательный орган революционной пролетарской диктатуры — В. Ч. К., потом перестроенный в Г. П. У.: без этого органа также немыслима была бы победа рабочего класса. На белый террор буржуазии диктатура пролетариата отвечает красным террором Советского государства. Сначала Советская власть расценивается как кратковременная,—с нею борются прямыми нападениями, блокадой, восстаниями внутри, яростно борются, уверенные, что общими силами удастся уничтожить это гнездо большевизма. Но все атаки врагов отбиты. Хозяйство восстанавливается. Блокада прорвана. Начинают восстанавливаться «нормальные» правильные сношения с другими государствами. Вводится НЭП.

Ослабела ли теперь диктатура пролетариата, как об этом мечтали так называемые «сменовеховцы»? Нет, она окрепла, она получила признание, как прочная сила. Диктатура пролетариата, организованная рабочим классом нашего Союза С.С.Р. под руководством тов. Ленина, оказалась самой прочной, самой устойчивой государственной формой.

Другие государства распадаются, идут к разрушению. Советское государство крепнет, ширится, собирает под свое знамя все новые и новые силы. Диктатура пролетариата побеждает, становится силой, преобразующей мир. И во главе этой все растущей силы—вождь и организатор диктатуры пролетариата — Ленин.

Ленин на прогулке.

ЛЕНИН, КРЕСТЬЯНСТВО и Р.К.П.

То не мать родная о сыне плачется,
Не о дочери убивается,
Плачет вся Москва, Москва красная
О Владимире Ильиче, нашем Ленине.

(«Изв. ЦИК», № 31, 7 февраля 1924 г.)

Уже из первых глав этой книги товарищи знают, что Ленин не мыслил себе революции в России без крестьянства. Он понимал всегда, что пролетариат является вождем в этой революции, руководителем, самым передовым классом; но без миллионов крестьянства, бедноты, трудящегося крестьянства, пролетариат не может добиться своей цели; социализм во всей стране нельзя построить одному только пролетариату, если против социализма, против коммунизма будут крестьяне, если мы не сможем их убедить в том, что коммунизм лучше, чем возня на маленьких клочках земли, что только коммунизм обеспечит полное всестороннее развитие человека и более высокую ступень его жизни. Без всего этого мы к коммунизму не придем.

Ленин начал работать в ту пору, когда еще не было широкого крестьянского движения. В крестьянстве притаилось глухое недовольство, гнев против помещиков; но крестьянство было страшно забито. А жизнь тем временем все более и более наталкивала крестьянство на то, что надо бороться.

Ленин стал организатором рабочей партии, коммунистической партии в то время, когда громадное большинство крестьянства никакого понятия о коммунизме и о социализме не имело, вернее сказать, даже не слыхало об этом. И где же ему было об этом слышать, когда оно было в эту пору почти поголовно безграмотно? Да и среди рабочих-то было тогда социалистов наперечет, когда Владимир Ильич начал работу.

Прежнее поколение революционеров—землевольцев, народовольцев—уходило из жизни, сходило со сцены борьбы, а небольшое число людей, которые знали, что такое социализм, и понимали, какими путями за него можно бороться, еще не нащупали твердой земли. После неудачных попыток поднять крестьянство в 70-х годах прошлого века, после не совсем удачных попыток «хождения в народ», когда интеллигентов-революционеров, шедших в народ, правительство разослало по каторгам, рассадило по крепостям и тюрьмам, многие впали в отчаяние и думали, что уже и никакой работы нельзя вести в крестьянстве.

А с другой стороны были и такие, которые преувеличивали силу крестьянства, не понимая значения пролетариата.

Владимир Ильич вопрос о крестьянстве поставил с первых же дней своей работы. О чем шел у него спор с самого начала с так называемыми народниками? О чем писал он в своей книге «Развитие капитализма в России»? Спор шел о том, как развивается у нас крестьянство, в какую сторону; выделяет ли оно внутри себя разные классы, как кулацкий, буржуазный, с одной стороны, батрацкий, бедняцкий — с другой, и середнячков посредине. Идет ли среди крестьянства, так же как и в других странах, образование сельской буржуазии, с одной стороны, сельского пролетариата и полупролетариата—с другой? Ленин в первых же своих трудах доказал уже, что именно так обстоит дело в нашей крестьянской России. А когда Ленин с другими товарищами приступил к созданию партии и к выработке программы, т.-е. к изложению всего того, чего добивается рабочая партия, то он тогда уже считал необходимым наметить, как надо правильно относиться к крестьянству. И в третьем же номере газеты «Искры» в *апреле 1901 г.* Владимир Ильич так описывает положение крестьянства:

«Освобожденный» от барщины крестьянин вышел из рук реформатора таким забитым, обобранным, приниженным, привязанным к своему наделу, что ему ничего не оставалось, как «добровольно» итти на барщину. И мужик стал обрабатывать землю своего прежнего барина, «арендуя» у него свои же отрезные земли, подряжаясь зимой—за ссуду хлеба голодающей семье—на тот «свободный труд», призвать на который «божье благословение» приглашал крестьянина манифест, составленный попом-иезуитом.

А к этому помещичьему гнету, сохраненному благодаря великодушию создававших и осуществлявших реформу чиновников, прибавился еще гнет капитала. Власть денег, придавившая даже, например, французского крестьянина, освобожденного от помещичьей власти не жалкой, половинчатой реформой, а могучей народной революцией, —эта власть денег всей своей тяжестью обрушилась на нашего полукрепостного мужика. Доставать деньги нужно было во что бы то ни стало: и на уплату податей, увеличенных благодетельной реформой, и на наем земли, и на покупку тех нищенских продуктов фабричной промышленности, которые стали вытеснять домашние продукты крестьянина, и на покупку хлеба, и проч. Власть денег не только придавила, но и расколола крестьянство: громадная масса неуклонно разорялась и превращалась в пролетариев, меньшинство выделяло

кучки немногочисленных, но цепких кулаков и хозяйственных мужиков, прибиравших к рукам крестьянское хозяйство и крестьянские земли, составляющих кадры нарождающейся сельской буржуазии. Все пореформенное сорокалетие есть один сплошной процесс этого раскрестьянивания, процесс медленного мучительного вымирания. Крестьянин был доведен до нищенского уровня жизни: он помещался вместе со скотиной, одевался в рубище, кормился лебедой, крестьянин бежал от своего надела, платежи с которого превышали его доходность. Крестьяне голодали хронически и десятками тысяч умирали от голода и эпидемии во время неурожаев, которые возвращались все чаще и чаще.

Верно ли нарисовал эту картину тов. Ленин? На это можно сказать, что не только тов. Ленин, но и другие могли нарисовать такую верную картину, и действительно положение крестьянства изображалось нашими писателями как очень тяжелое. Но чем отличается учение Маркса, марксизм, чем отличается учение Ленина от всех других учений? Марксизм и ленинизм отличаются от всех других учений тем, что *это учение не только описывает то, что есть, то, что существует, а оно учит, как надо изменить то, что есть, в хорошую сторону*. В этом его сила.

Вот недавно, уже после смерти тов. Ленина, собрались в день похорон тов. Ленина крестьяне-мусульмане из окрестных деревень около Нахичевани. Выступил седой старик, мусульманский крестьянин (шейх), рассказал о деятельности Ленина и сказал, что работа Ленина принесла большую пользу народам Востока. После речи этого старика все собравшиеся крестьяне-мусульмане плакали. Но один верующий мусульманин задал ему вопрос: как же он мог высказаться так о Ленине, разве Ленин выше Магомета? Тогда старик ответил: «*Магомет говорил и ничего не делал. А Ленин говорил, писал и делал. Он пробудил народы Востока, он спас нас. Вот почему я ставлю его выше всех*».

В этом глубокая правда, и в этом сила учения Маркса и Ленина, что оно не только сумело объяснить положение крестьянства, но поставило перед нами ясно задачу, как это положение изменить, как вести борьбу за эти требования; и хотя еще мы не добились своего, — чтобы все крестьянство почувствовало улучшение жизни, — но к этому мы идем, это ясно для всякого. А тогда, 23 года тому назад, когда Ильич выступал по вопросам о крестьянстве, он не только объяснял, в каком оно положении, а прямо поставил вопрос: «*В чем искать выхода и какими средствами добиваться улучшения участи крестьянства?*» и отвечал:

От гнета капитала мелкое крестьянство может избавиться, только примкнув к рабочему движению, помогая ему в его борьбе за социалистический строй, за превращение земли, как и других средств производства (фабрики, заводы, машины и проч.), в общественную собственность.

Значит, больше 20 лет тому назад Ленин наметил правильный путь борьбы — *союз рабочих и крестьян*. И после того он неоднократно возвращается к тому же самому вопросу.

В 1902 г. Владимир Ильич составляет *аграрную программу* для нашей партии. Эта программа, правда, рассчитана была на недостаточное еще развитие крестьянского движения, поэтому она ставила вопрос не так широко, как впоследствии поставил его Владимир Ильич. А в 1903 г. Владимир Ильич написал уже книжку «*К деревенской бедноте*». В этой книжке он объясняет самым простым языком, каким до него никто еще не обращался к крестьянам, чем хороша наша партия, чего она добивается, какими путями.

В этой книжке, написанной для крестьян, Ленин объясняет, что покуда существует капитализм, у крестьянина нет уверенности, что он не разорится, не попадет в кабалу к богатому мужику или к помещику, и что поэтому деревенской бедноте надо соединиться с городскими рабочими и действовать заодно. Он тогда уже указывал, что крестьяне должны отобрать всю землю, не только помещичью, но и церковные, монастырские, удельные: кабинетские земли. Он не проповедовал дележки всей земли поровну, потому что хорошо понимал, что никакого равенства от этого еще не получится, что дело не только в земле, а при капитализме — дело также и в капитале, и в том, какие средства есть для обработки земли, орудия и проч.

В это время оживляется крестьянское движение. Ленин видит, что многие рабочие поняли правильно, какие надо установить отношения к крестьянству. В то же самое время часть товарищей, которые были с нами в партии (меньшевики), гнули в другую сторону: дескать, рабочий класс должен искать опору в движении той части буржуазии, которая заявляла, что хочет уничтожить самодержавие и устроить нечто вроде республики; рабочий класс, дескать, брать власть не должен, опасно, дескать, взять власть в руки, не справится он с нею, да и слишком много возьмет на себя обязательств. Владимир Ильич не так понимал дело. Он тогда же поставил вопрос о «*революционной*» *диктатуре пролетариата и беднейшего крестьянства.*

В марте 1905 г. Владимир Ильич пишет статью в газете «Вперед» (в № 11) «Пролетариат и крестьянство». В это время мы имели налицо большое движение крестьянства. Ильич пишет в этой статье:

> Начинаются крестьянские восстания. Из различных губерний приходят известия о нападениях крестьян на помещичьи усадьбы, о конфискации крестьянами помещичьего хлеба, скота. Царское войско, на-голову разбитое японцами в Манчжурии, берет реванш (расплачивается за поражение) над безоружным народом, предпринимая экспедицию (посылает карателей) против внутреннего врага—против деревенской бедноты. *Городское рабочее движение приобретает нового союзника в революционном крестьянстве.* Вопрос об отношении сознательного авангарда пролетариата, социал-демократии [1]), к крестьянскому движению приобретает непосред-

[1]) Так назывались мы тогда.

ственное практическое значение и должен быть поставлен на ближайшую очередь дня во всех наших партийных организациях, при всяком выступлении пропагандистов и агитаторов.

Вы видите из этой выписки, что далеко не все еще тогда понимали, как должны действовать сознательные передовые отряды пролетарской рабочей партии, как она должна относиться к рабочему движению. Должна ли она его поддерживать, до какой поры.

И Владимир Ильич отвечает:

Решение этой задачи может быть только одно: вместе с крестьянской буржуазией против всякого крепостничества и против крепостников-помещиков, вместе с городским пролетариатом против крестьянской и всякой другой буржуазии,—такова «линия» сельского пролетария.

Заметим, что и здесь он выделяет сельский пролетариат, т.-е. деревенскую бедноту, которой он и впоследствии советовал организоваться отдельно.

В 1905 г. должен был собраться III съезд нашей партии. И вот этому съезду Владимир Ильич предлагает принять такое решение, которое дало бы нам возможность поставить как следует работу среди крестьян. Что же он предлагает?

Росс. Соц.-Дем. Рабочая Партия, как партия сознательного пролетариата, стремится к полному избавлению всех трудящихся от всякой эксплоатации и поддерживает всякое революционное движение против современного общественного и политического строя. Поэтому Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия самым энергичным образом поддерживает и современное крестьянское движение, отстаивая все революционные меры, способные улучшить положение крестьянства и не останавливаясь в этих целях перед экспроприацией (т.-е. насильственным отнятием) помещичьей земли... При этом Р. С.-Д. Р. П., будучи классовой партией пролетариата, неуклонно стремится к самостоятельной классовой организации сельского пролетариата, ни на минуту не забывая о задаче разъяснять ему враждебную противоположность его интересов и интересов крестьянской буржуазии, *разъяснять ему, что только совместная борьба сельского и городского пролетариата против всего буржуазного общества может привести к социалистической революции, которая одна способна действительно избавить от нищеты и эксплоатации всю массу деревенской бедноты.*

Как практический лозунг агитации среди крестьянства и как средство внесения наибольшей сознательности в это движение, Р. С.-Д. Р. П. выставляет *немедленное образование революционных крестьянских комитетов для всесторонней поддержки всех демократических преобразований и осуществления их в частностях.* И в таких комитетах Р. С.-Д. Р. П. будет стремиться к самостоятельной организации сельских пролетариев в целях, с одной стороны, поддержки всего крестьянства во всех его революционно-демократических выступлениях, а с другой стороны—в целях охраны истинных интересов сельского пролетариата в его борьбе с крестьянской буржуазией.

Что говорится в этой резолюции? Во-первых, то, что партия пролетариата должна поддержать всякое революционное крестьянское движение, должна поддерживать все меры, которыми можно добиться улучшения положения крестьян. Если для этого надо отнимать помещичью землю, то рабочая партия не должна

останавливаться перед этим, должна итти в бой за это. Что должна делать партия в деревне? Сельский пролетариат, т.-е. деревенскую бедноту, партия должна организовать отдельно. Среди крестьян в это время была распространена мысль, что стоит только немножко земли прибавить, как уже дело крестьян изменится самым коренным образом. Ленин предупреждал тогда, что только социалистическая революция есть такой переворот, который устранил бы власть капиталистов и помещиков и открыл бы дорогу для постановки общественного хозяйства; что только такой переворот, такая революция способна действительно избавить от нищеты и от гибели деревенскую бедноту. Чтобы такую революцию в деревне можно было выполнить, Ленин и предлагал организовать в то время революционные крестьянские комитеты (ревкомы), которые бы удерживали от бессмысленных разгромов, направляли бы в наилучшее русло движение и помогали бы крестьянам победить помещиков, а деревенской бедноте победить деревенскую буржуазию.

В конце марта 1905 г. Владимир Ильич снова возвращается к этому вопросу и пишет в газете «Вперед» (№ 14) статью под названием «Революционная диктатура пролетариата и крестьянства». Ему приходится серьезно бороться в это время против той части нашей партии (меньшевиков), которые тянули пролетариат в другую сторону,—в сторону буржуазии. В это время вопрос о свержении царской власти стоял очень остро, и меньшевики больше всего боялись, как бы это рабочий класс не оказался участником в революционном правительстве, которое могло создаться после победоносного восстания.

Владимир Ильич высмеивает их, как жалких трусов и болтунов:

> Представьте себе,—пишет он,—такую картину: петербургское рабочее восстание победило; самодержавие свергнуто; провозглашено временное революционное правительство; вооруженные рабочие ликуют при возгласах: да здравствует временное революционное правительство; в стороне стоят новоискровцы (меньшевики) и, вознося горе свои целомудренные очи, бия себя в свои морально-чуткие сердца, изрекают: благодарим тебя, господи, что мы не похожи на этих мытарей, что мы не осквернили себе уста такими сочетаниями слов.

И Ленин убеждает нас в том, что

> месяцы революционной диктатуры пролетариата и крестьянства сделают больше, чем десятилетия мирной, отупляющей атмосферы политического застоя. Если русский рабочий класс после 9-го января сумел в условиях политического рабства мобилизовать более миллиона пролетариев для коллективного, стойкого и выдержанного выступления, то при условиях революционно-демократической диктатуры мы мобилизуем десятки миллионов городской и деревенской нищеты, мы сделаем из русской политической революции пролог европейского социалистического переворота.

Это было написано 30 марта 1905 г. Через $12^1/_2$ лет эта мысль Владимиром Ильичом была проведена в жизнь. На деле

создался союз рабочих и крестьян, и все видят, как неправы были те, кто сомневался в правильности намеченного Лениным пути. Ведь теперь совершенно ясно, что если в 1905 г. рабочее движение было раздавлено, хотя оно поднялось до такой высоты, как вооруженное восстание в Москве и в некоторых других городах, то оно было раздавлено именно потому, что крестьянство еще не было достаточно втянуто в эту революцию, что еще не создался тот самый союз рабочих и крестьян, который один только мог свалить и царские троны, и власть помещиков и капиталистов, а без этого, конечно, ни о какой победе рабочего класса и мечтать нельзя было.

Но вот собирается Государственная Дума. Выбраны были туда и рабочие депутаты, хотя и немного их было числом. Владимир Ильич постоянно напоминал, писал, говорил в это время: рабочие депутаты должны выступать *вместе* с депутатами от беднейших крестьян, с ними там в Думе во всякого рода соглашения вступать, вместе выступать против кадетов и октябристов [1]), соединяться для этого с крестьянами и трудовиками, и даже эс-эрами и так называемыми народными социалистами, хотя последние, т.-е. эс-эры и народные социалисты, и вихлялись все время, как косое веретено, то в ту, то в другую сторону.

Когда партия наша была разгромлена после движения 1905 — 1906 г.г., когда задавлено было крестьянское движение и наступил могильный покой, силы наши, естественно, были направлены на фабрики и заводы. Ведь тут была наша основная крепость. Но мы знали, что придут еще дни, когда опять заговорит деревня, и тогда она с большим пониманием отнесется к тому, что мы проповедовали в 1905 — 1906 г.г., мы знали, что деревня придет к необходимости такого союза крестьян и рабочих.

Но вот объявляется в 1914 г. война. Кто поднял голос против войны? Только наша партия, руководимая Лениным. Об этом я подробно рассказывал в главе «Война 1914 — 1918 г.г.». Кто же, значит, в самую черную годину оказался другом крестьян?—Ленин, которого тогда еще не понимало это малосознательное крестьянство, говорило про него: он—предатель, изменник. Среди крестьян про Ленина рассказывали всякие небылицы, чернили его в глазах крестьян, чуть не шпионом немецким выставляли. А ведь этому верили в первое время крестьяне! И надо было, чтобы целых $3^1/_2$ года грохотали пушки на всех фронтах; и надо было, чтобы загублено было несколько миллионов крестьян и чтобы сотни тысяч их вернулись калеками к родным семьям,

---

[1]) В это время была партия 17-го октября, «партия октябристов», т.-е. партия, которая не хотела ни шага вперед после манифеста, вырванного у царя Николая Романова 17-го октября 1905 года всеобщей забастовкой рабочих, а, наоборот, тянула назад.

надо было пережить страшную разруху этой мировой войны, голод, чтобы крестьяне стали задумываться об этом человеке и приглядываться к нему — правду ли говорят о нем его враги?

А что было летом 1917 г.? Вот послушайте, что об этом рассказывает тов. Львов из Нижнего-Новгорода [1]):

Теперь каждый крестьянин в самой глухой деревне твердо знает, чем он обязан Ленину.

Каждый крестьянин знает, что Ильич много сделал, много работал, много боролся для того, чтобы освободить землю, свергнуть власть помещиков и капиталистов.

Но мне вспоминается то время, когда Ленину в первый раз пришлось лично говорить перед крестьянами, когда крестьяне еще почти не знали Ильича.

Это было 22 мая 1917 года в Таврическом дворце в Петрограде. Шло заседание первого всероссийского съезда крестьянских депутатов. По правде сказать, конечно, это был не настоящий крестьянский съезд, потому что, под видом крестьян, пользуясь народной темнотой, на съезд явилось и много кулаков, приспешников помещиков и торговцев. Настоящих крестьян-бедняков было немного.

Министры-капиталисты и приспешники богачей—Чернов, Керенский, Пешехонов—путали голову крестьянам, уговаривая их подождать, повременить, не обижать помещиков, не отбирать самовольно землю.

Ильич все это ясно видел и обличал их.

Очень боялись Ленина политические мошенники: Керенский, Чернов, Милюков и компания.

Они боялись, что Ленин, наконец, раскроет глаза крестьянам, и придет помещикам капут.

Они распространяли про Ильича разные нелепые слухи, пугали народ, смущали крестьян.

Но не так легко сбить мужика с толку. Подозрительно стало крестьянам: собрались во время перерыва заседания съезда и стали обсуждать, как бы послушать Ленина и посмотреть, что он за человек.

Многих мы слушали—хотим и его послушать.

И дали нам поручение пригласить Ленина.

Мы поехали его разыскивать, разыскали, и вот вечером 22 мая 1917 года Ильич приехал на крестьянский съезд.

На дворе шел дождь. Ильич вошел в зал в мокром пальто, в мокрых штиблетах и скромно присел на стул в углу огромного Таврического зала. Его прихода никто и не заметил.

Когда один из ораторов кончил, мы объявили:

— Ленин здесь. Если депутаты желают слушать, он выступит.

Наши враги попытались было помешать, но все крестьяне дружно крикнули:

— Просим, просим, хотим слушать Ленина.

Слово предоставили Ильичу.

Ленин взошел на кафедру и начал...

Ясно, просто стал объяснять он крестьянам задачи революции:

— Вся земля должна принадлежать всему народу...

— Вся земля помещиков должна перейти бесплатно в руки крестьян, по решению местных крестьянских комитетов...

— Помещики поняли, что больше господствовать палкой нельзя, что народом надо править обманом, лестью, надо приспособляться, прицепить к пиджакам красный значок и, хотя бы это были мироеды, говорить:

---

[1]) «Беднота», № 1727, 31 января 1924 года.

«мы—революционная демократия; пожалуйста, только подождите, и мы за вас все сделаем».

Вот отрывки из речи Ленина. Крестьяне его напряженно слушали. Так им еще никто не говорил.

В зале наступила полная тишина...

А Ленин все дальше и дальше разоблачает плутни богачей и их прихлебателей. Ясно и просто развивает план большевиков—перехода земли в руки всего народа.

Наши враги видят—дело плохо: Ленин выводит их на свежую воду. Начали шуметь, свистать, хотели заглушить слова правды и справедливости.

Рассердились мужики: тише, молчать, не мешайте слушать.

А Ильич прибавляет голосу, так и отчеканивает каждое слово: правда гремит и приводит в ужас наших врагов...

Крестьяне теснятся у кафедры, пристально всматриваются в этого удивительного человека,—впервые пришлось им его увидать...

И чувствуют крестьяне, что здесь—правда, здесь—настоящий и верный путь к победе, к свободной земле, к свободному труду...

И маленький незаметный человек в стареньком мокром пальто растет в грозную силу... содрогаются своды Таврического дворца, гремит правда... правда мужика и рабочего...

Притихли хитрые враги, прислужники помещиков...

Ленин кончил речь.

Наши враги снова со злости засвистали, зашипели, а крестьяне захлопали и стали задавать вопросы о земле, о мире, о войне...

Ильич дал короткие, ясные, понятные ответы и сошел с кафедры; мы, окружив, проводили его из дворца...

Так помню я первую встречу крестьян с Ильичом, которая привела к дружной великой работе Ленина, коммунистической партии и крестьян по созданию величайшей в мире трудовой республики, где единственным хозяином являются рабочий и крестьянин.

С этого времени уже не так относились бессознательно к разговорам о большевиках и не так уже верили этим крикам наших врагов о Ленине крестьяне. Наоборот, все чаще, возвращаясь с фронтов, солдаты заявляли себя большевиками, и все чаще и чаще крестьяне думали про себя, что они большевики. Некоторые крестьяне наслушаются у себя в деревне про большевиков разных ужасов, приедут в город проверить на собрании, послушают большевиков, а потом и думают: что же это — и я, должно быть, большевик, потому что мысли у нас одинаковые насчет помещиков, насчет капиталистов, насчет войны? Вот почему, когда в октябре месяце собрался в столицу съезд Советов рабочих и солдатских депутатов и съезд крестьянских Советов и когда постановлено было взять власть в руки, то большевики отправились к крестьянам, и крестьяне пошли вместе с большевиками. Что же? Поколебались мы в октябрьские дни хоть на одну минуту? Первым делом — и это была мысль тов. Ленина — мы провели декрет о земле. Покуда еще не было настоящего, подробно разработанного закона о земле (мы разработали его впоследствии), Ленин сказал: «Надо взять, покуда что, те наказы крестьянским депутатам крестьянских земельных комитетов, которые заключают в себе мысли и желания крестьян». Революция в октябре была

победоносной, потому что был заложен прочный союз пролетариата и крестьянства.

Ленин не изменил своей мысли, которую он проводил в 1905 г. Покуда на местах еще Советская власть была некрепкой, покуда еще кулаки имели большую силу и надо было сломить эту силу, Ленин поддерживал создание комитетов бедноты. Эти комитеты бедноты свое дело сделали: деревню значительно поравняли. Поменьше стало богачей деревенских, но зато и бедняков стало поменьше и побольше всего стало середняков.

Как это могло быть,—спросят некоторые,—чтобы такой человек, как Ленин, был в то же самое время вождем рабочего пролетариата и вождем крестьянства? В этом-то и главная сила была, что он был пролетарским вождем крестьянства. Вот как во всей нашей революции пролетариат является вождем всей революции, так и Владимир Ильич был вождем пролетариата и крестьянства в этой революции. Одинаково ценят его и уважают и пролетариат, и крестьянство. Может быть, из-за этого какое-нибудь колебание было у Владимира Ильича когда-нибудь, чью сторону больше всего поддерживать? Этого у Владимира Ильича не было и не могло быть. Наша партия есть партия рабочего класса, а Владимир Ильич так и строил эту партию, и понимал, что в конце концов только рабочий класс способен уничтожить всякое неравенство, всякую эксплоатацию, а в этой его борьбе значительные слои крестьянства будут этому пролетариату помогать до конца. И вся задача наша была в том,— это трудная задача, — чтобы обеспечить эту поддержку и помощь крестьянства в трудных моментах. Правильно поется в песне: «не в шумном весельи друзья познаются — друзья познаются в беде». Вот, когда в эти годы тяжело было и рабочему классу, и крестьянству, — кто же был на их стороне? Сквозь самые трудные испытания прошли рука об руку рабочие и крестьяне, и больше всего заботился Владимир Ильич об этом союзе.

О деревне Ленин думал очень много. Когда узнал, что один американский писатель написал новую книжку о земледелии, о лучших способах земледелия, он немедленно просил достать себе эту книжку — это уже за самое последнее время.

Ленин считался глубоким знатоком крестьянского вопроса не только у нас в России, но и заграницей. Им написано много серьезных трудов по крестьянскому (аграрному) вопросу, и всю работу по перестройке государства он всегда рассматривал так: а как к этому отнесется крестьянство, поддержит ли крестьянство? Особенно же думал он о том, как помочь крестьянству перейти к лучшим формам хозяйства, или, как он говорил: как помочь крестьянству пересесть с этой замученной крестьянской клячи на лошадь железную, стальную, на трактор? Это сделать может, конечно, только рабочий класс, если его поддер-

жит крестьянство. Когда он обсуждал вместе с тов. Кржижановским план электрификации, постройки громадных электрических станций, он думал о том времени, когда электричество проникнет в деревню и там облегчит каторжный труд крестьянина, осветит его темную жизнь, поможет ему своим светом. Ленин думал о том, чтобы издавать понятные и простые газеты для крестьян, такие же полезные книжки для крестьян, и вникал на всех съездах, на всех совещаниях в то, как думали крестьяне. Вот что тов. В. Карпинский, редактор газеты «Беднота», пишет про Владимира Ильича, про его внимание к крестьянству:

Ленин во время сверхчеловеческой загруженности важнейшей государственной работой, подточившей его силы, всегда находил минуточку внимательно побеседовать с простым крестьянином, с деревенским работником, с редактором деревенской газеты. Ленин высоко ценил письма крестьян:

— Ведь это же—подлинные человеческие документы. Ведь этого я не услышу ни в одном докладе,—говаривал Владимир Ильич, когда я ему показывал крестьянские письма. И, беспрестанно бросая новые вопросы, долго, внимательно слушал, чем живет, чем болеет деревня.

— Ну, что показывает наш «крестьянский барометр»?..—так обыкновенно начиналась наша беседа: «крестьянским барометром» Владимир Ильич называл «Бедноту».

Мне особенно хорошо помнится одна беседа зимой, в 1920—21 году. Время было самое тяжелое—конец длинной гражданской войны, когда жертвы и лишения трудящихся достигли высшей меры. Крестьянское хозяйство пришло в неслыханный упадок. Крестьянские массы были охвачены тревогой и глухим брожением. Самые стойкие передовые крестьяне впадали в сомнения. Крестьяне заваливали «Бедноту» письмами с жалобами и протестами. Редакция напечатала одно из самых яростных писем с обвинением против Советской власти. Открылась горячая дискуссия (спор, обсуждение). Я пошел побеседовать с Владимиром Ильичом.

На этот раз беседа особенно затянулась. По каждому пункту Владимир Ильич буквально засыпал вопросами. И про каждое письмо непременно спросит:

— А кто пишет—кулак, середняк, бедняк?

— Вот, говорю, пишут, что Советская власть хуже царской.

— Хуже царской?—переспрашивает Ильич и смеется прищуренным глазом.—А кто пишет?

Беседа кончилась требованием представить подробный доклад с выдержками из крестьянских писем. Более сотни таких писем о продразверстке и положении крестьян было изучено и вошло в обширный доклад Владимиру Ильичу. Слушая его речи на VIII съезде, я в некоторых местах, в резкости формулировок (выражений), ясно чувствовал следы влияния этого доклада.

С тех пор Владимир Ильич требовал регулярных (постоянных, правильных) докладов «Бедноты» по крестьянским письмам. У меня сохранился клочок бумажки, унизанный мелким, бисерным почерком Ильича. Вот оно дословно:

«26/I—1922 г.

Т. Карпинский.

Не напишете ли мне кратко (2-3 странички), сколько писем от крестьян в «Бедноту»?

Что важного (особенно важного) и нового в этих письмах?

Настроения?

Злобы дня?

Нельзя ли *раз в два месяца* получать также письма (следующее к 15/III 1922 г.)?

Среднее число писем?

Настроения?

Важнейшие злобы дня.

С к. пр. *Ленин*» [1]).

Будучи уже болен, 23 марта 1922 г. Владимир Ильич пишет статью для «Бедноты». На клочке бумажки, сопровождающей статью, он, говоря о своей болезни, прибавляет следующие строки, ярко характеризующие огромную скромность этого великого человека:

«Поэтому написать что-либо *путное* к четырехлетнему юбилею «Бедноты» не могу. Если подойдет прилагаемое—поместите; не подойдет—бросьте в корзину, это будет лучше. Ваш *Ленин*».

А о чем он писал в этой самой статье, которую он сам считал плохой, можно судить по отрывку из этого письма, которое мы здесь печатаем в виде снимка, чтобы все крестьяне и рабочие видели, как писал тов. Ленин. Сколько раз, бывало, крестьяне приходили ходоками в Москву, думая, что до Ленина и не добраться, а через его приемную прошли сотни, если не тысячи крестьян, с ними он запросто беседовал, как со своими товарищами; и на съездах Советов, как и в беседах, самым простым, самым доступным для крестьян человеком был Владимир Ильич.

Конечно, тут надо сказать так, что в нашем советском государстве так и должно быть. Что же было бы, если бы, например, председатель В.Ц.И.К. тов. М. И. Калинин был недоступным для крестьян? Поэтому и любят тов. Калинина крестьяне, что чувствуют в нем своего родного человека. Вот таким же и, пожалуй, еще более родным человеком чувствовали крестьяне Ленина. Вот отчего так больно ударила по крестьянским сердцам смерть тов. Ленина; вот отчего неподдельны были горячие слезы крестьянские, когда услышали о смерти тов. Ленина; вот отчего такая тревога охватила в первые минуты крестьянство: не будет ли изменения какого в другую сторону?

Но разве это может быть? Ведь Ленин всегда вел свою работу вместе с Р.К.П.; нашу партию он построил вместе с нами, мы вместе с ним прошли через все испытания, мы — его верные ученики. В вопросе о крестьянстве мы никогда не расходились с тов. Лениным.

Он писал 2 марта 1923 г. и думал о крестьянстве — совсем больной уже, — сам он не мог писать, а мог только диктовать. Он думал и писал о том, что мы должны довести экономию в расходовании государственных средств до самой высшей точки, что нам во что бы то ни стало надо сохранить доверие крестьян по отношению к себе и что мы должны с величайшей энергией

[1]) Т.-е. с коммунистическим приветом. Так подписываются обычно коммунисты, когда пишут друг другу.

изгонять из своих общественных отношений всякие следы каких бы то ни было излишеств. Только тогда,—писал он:

Мы в состоянии будем пересесть, выражаясь фигурально, с одной лошади на другую,—именно, с лошади крестьянской, мужицкой, отощалой, с лошади экономии, рассчитанной на разоренную крестьянскую страну, на лошадь, которую ищет и не может не искать для себя пролетариат,— на лошадь крупной машинной индустрии (промышленности) и электрификации, Волховстроя и т. п..

Когда мы отбились от врагов на военных фронтах, и можно было вздохнуть свободнее, Ленин поставил вопрос на X съезде партии в 1921 г. о том, что надо разверстку заменить продналогом. К этому времени, конечно, не один тов. Ленин пришел к этой мысли, но никто не сумел так ясно поставить этот вопрос, как Владимир Ильич, и партия поняла, что с этим медлить никак нельзя, что разверстку надо заменить продналогом. Вот почему никто против этой меры тогда и не спорил. Это была только одна мера в ряду других мер, которые должны были облегчить положение крестьян, дать толчок хозяйственному подъему крестьянства, повысить интерес крестьян к засеву полей. В выработке закона о продналоге Ленин принимал самое живое участие. Я помню, как он торопил меня с составлением просто, крестьянским языком, написанной книжки о продналоге; в спешке я тогда даже немного ошибся в вычислениях, и один из товарищей считал, что книжку даже нельзя напечатать и пускать в оборот. А книжка уже была напечатана, и Владимир Ильич на одном собрании советовал эту книжку распространять среди крестьян. Я тогда к нему обратился с просьбой просмотреть внимательно, нет ли какой серьезной ошибки. Ильич прочитал и сказал: «книжку надо распространять: я вот сам очень хорошо считаю, а и то не заметил при чтении».

На XII съезде партии, когда прошел год НЭП'а, Ленин нам говорил о смычке с крестьянством и напоминал нам, что нам надо поторапливаться.

Крестьянин, — говорил он, — нам кредит оказывает и, конечно, после пережитого не может не оказывать. Крестьянин в своей массе живет, соглашаясь—«ну, коли вы не умеете, мы подождем: может быть, вы научитесь». Но этот кредит не может быть неисчерпаемым.

Это надо знать и, получивши кредит, все-таки поторапливаться. Надо знать, что приближается момент, когда крестьянская страна нам дальнейшего кредита не окажет, когда она, если можно употребить коммерческий термин (т.-е. купеческое выражение), спросит наличными. Но сейчас, все-таки, вы, любезнейшие правители, приобрели самый верный, надежный способ помочь нам выйти из нужды, нищеты, голода, разорения. Вы умеете,—вы это доказали. Вот какой экзамен (проверка) на нас надвигается неминуемо, и он, этот экзамен, все решит в последнем счете: и судьбу НЭП'а, и судьбу коммунистической власти России.

И задача, которую он перед нами тогда выдвигал, и выдвигал все время, это — всемерная помощь крестьянству. Уже

будучи больным, он вернулся к вопросу о кооперации, и по вопросу о кооперации он дал нам самые ценные указания. Ленин ставил задачу: построить кооперацию, как один из переходных мостов к социализму для крестьянства. Если бы, — говорит он, — кооперация (потребительская, сельско-хозяйственная, промысловая и так далее) сейчас охватила все население, тогда мы уже стояли бы обеими ногами на социалистической почве. И что особенно важно в этом, это то, что кооперация в деревне дает нам возможность поднять на более высокую культурную степень крестьянство, а без этой культуры (т.-е. — науки), образования, — крестьяне никакими социалистами быть не могут. К этой же мысли о культуре среди крестьянства он возвращается неоднократно. Опять-таки, уже будучи больным, он вспоминает о том тяжелом положении, в котором находятся у нас сельские школы и сельские учителя, читает статьи об этом, напоминает нам о том, что надо улучшить положение сельского учителя, улучшить положение школы.

2 января 1923 г. в своем дневнике Владимир Ильич уже больной записал:

Но мы не делаем главного. Мы не заботимся или далеко недостаточно заботимся о том, чтобы поставить народного учителя на ту высоту, без которой и речи быть не может ни о какой культуре: ни о пролетарской, ни даже о буржуазной. Речь должна итти о той полуазиатской бескультурности, из которой мы не выбрались до сих пор и не можем выбраться без серьезных усилий, хотя имеем возможность выбраться, потому что нигде народные массы не заинтересованы так настоящей культурой, как у нас; нигде вопрос этой культуры не ставится так глубоко и так последовательно, как у нас; нигде, ни в одной стране, государственная власть не находится в руках рабочего класса, который в массе своей прекрасно понимает недостатки своей, не скажу — культурности, а скажу — грамотности; нигде он не готов приносить и не приносит таких жертв для улучшения своего положения в этом отношении, как у нас.

И дальше он обращается к положению народного учителя и указывает нам на наши задачи по отношению к нему, видя в народном учителе ту силу, которая, наряду с другими, поможет нам укрепить союз с крестьянством.

Народный учитель должен у нас быть поставлен на такую высоту, на какой он никогда не стоял и не стоит и не может стоять в буржуазном обществе. Это — истина, не требующая доказательства. К этому положению дел мы должны итти систематической, неуклонной, настойчивой работой и над его духовным подъемом, и над его всесторонней подготовкой к его действительно высокому званию, и — главное, главное и главное — над поднятием его материального положения.

Надо систематически усилить работу по организации народных учителей, чтобы сделать их из опоры буржуазного строя, которой они являются до сих пор во всех, без исключения, капиталистических странах, — опорой советского строя, чтобы отвлечь через них крестьянство от союза с буржуазией и привлечь их к союзу с пролетариатом.

Коммунистическая партия ни на одну минуту не забывает об этих задачах Ленина. Не пустые слова говорил секретарь

необходимые сельскохозяйственные орудия, машины и другие предметы для восстановления разоренного крестьянского хозяйства.

Мы переживаем теперь самую тяжелую весну после голодного года. Но не будем падать духом. Как ни велики бедствия рабочих и крестьян, они завоевали теперь себе право и возможность работать на себя, а не на помещика. И мы восстановим и улучшим разоренное хозяйство.

Н. Ленин.

23.III.1922

Автограф Ленина.

Центрального Комитета нашей партии тов. Сталин на Всероссийском съезде Советов от имени нашей партии:

Диктатура пролетариата создалась в нашей стране на основе союза рабочих и крестьян. Это—первая и коренная основа Республики Советов. Рабочие и крестьяне не могли бы победить капиталистов и помещиков без наличия такого союза. Рабочие не могли бы разбить капиталистов без поддержки крестьян. Крестьяне не могли бы разбить помещиков без руководства со стороны рабочих. Об этом говорит вся история гражданской войны в нашей стране. Но борьба за укрепление Республики Советов далеко еще не закончена—она приняла лишь новую форму. *Раньше союз рабочих и крестьян имел форму военного союза, ибо он был направлен против Колчака и Деникина. Теперь союз рабочих и крестьян должен принять форму хозяйственного сотрудничества между городом и деревней, между рабочими и крестьянами, ибо он направлен против купца и кулака, ибо он имеет своей целью взаимное снабжение крестьян и рабочих всем необходимым.* Вы знаете, что никто так настойчиво не проводил эту задачу, как тов. Ленин.

Уходя от нас, тов. Ленин завещал нам укреплять всеми силами союз рабочих и крестьян. *Клянемся тебе, тов. Ленин, что мы с честью выполним и эту твою заповедь.*

Уже в то время, когда Ленина не было на нашем партийном съезде, на XII съезде партии, мы вопрос о крестьянстве поставили в первую голову. Мы сказали: надо развивать нашу промышленность в меру того, как развивается сельское хозяйство. Правда, не все у нас в стране поняли это, да это и не так просто сделать. И от этого у нас получились так называемые «ножницы». Но именно наша партия, Центральный Комитет нашей партии и вся наша организация, изо всех сил принялась за то, чтобы это расхождение и раздвижение ножниц прекратить, повысить цены на сельско-хозяйственные продукты, понизить цены на товары, сблизить город с деревней, сделать действительной смычку между фабрикой и пашней. И мы убедились, что общими силами мы добьемся этого, как уже сейчас добились многого.

Также, памятуя заветы Ильича, наша партия на своей всесоюзной конференции, состоявшейся незадолго до смерти Ильича, приняла постановление относительно создания сельско-хозяйственного банка и провела в этом духе решение на всероссийском и всесоюзном съездах Советов. Также приняла наша партия решение, чтобы доступный кредит устроить крестьянам, чтобы понизить цены на сельско-хозяйственные машины и пустить их в рассрочку крестьянам, и чтобы вместо продналога и всяких других налогов ввести единый сельско-хозяйственный налог, который облегчил бы положение крестьян. Наша партия сознает, какая на ней лежит великая ответственность. Мы идем по дороге, которой прошли десятки и сотни тысяч революционеров из нашей семьи, павших в борьбе за наше общее дело. Так же, как Ленин, мы, ученики его, понимаем, что без крестьян мы дело коммунизма до конца не доведем.

Ленин не дожил до того, чтобы самому принять участие в организации «Международного Крестьянского Совета». Летом 1923 г. во время сельско-хозяйственной выставки, когда Ленин был болен и медленно выздоравливал, в Москве собрался международный крестьянский съезд, и он заложил начало новому международному объединению трудовых крестьян, крестьян-бедняков и полупролетариата всего мира. Ленин только читать мог кое-что об этом съезде, так же как и о сельско-хозяйственной выставке, которой он так много внимания уделял, когда она была только задумана; устраивалась она уже без тов. Ленина, он мог на нее взглянуть только мельком. Ленин был, конечно, больше городским человеком, но он не был человеком, чуждым деревне. Наоборот, он любил деревню и знал ее, как немногие из нас. Тысячи крестьян прошли перед ним в приемной Совнаркома в виде ходоков, и у него на квартире; сам он выступал на десятках крестьянских собраний, ездил, когда можно было, даже в дальние поездки на крестьянские съезды и конференции (совещания с крестьянами), чувствовал себя запросто и нам заповедал также относиться к крестьянам, как он относился.

Вот почему президиум Международного Крестьянского Совета обратился к крестьянам всего мира с воззванием, в котором говорит:

Братья и товарищи!

Сомкните свои ряды, ряды сотен миллионов крестьян, с миллионной армией рабочих, и тогда совместным трудом крестьянин и рабочий станут властелинами земного шара, откроют новую эру в истории человечества.

Через борьбу и труд к этому счастливому будущему вести их будет бессмертный гений Ленина.

Пусть же тем сильнее, тем могущественней среди крестьянских масс всего мира раздастся громкий призыв:

— Крестьяне и рабочие всех стран, соединяйтесь!

А теперь послушаем, что говорят крестьяне, которые сталкивались близко, лицом к лицу, с Лениным, разговаривали с ним, обращались к нему с просьбами, с жалобами.

Тов. Гольдебаев рассказывает (в «Крестьянской Газете»):

Деревни и села были оповещены (о смерти Ленина) делегатами в эту же ночь. В волости же всего тысяч до девяти населения. С утра на другой день пошли и поехали в село Ям крестьяне-старики, дети малые,—тысяч до пяти собралось народу. Изготовили крестьянки за ночь знамена с надписями, ленты. По дороге в Ям ломали еловые ветки, венки плели и украшали их лентами. Проститься с Ильичом, уходящим от соседей, пошла из Ям к Горкам, побежала, поехала вся огромная толпа. Не чужие ее вели, не организации,—вела привязанность от чистого сердца к Ильичу. Не было у крестьян со стариками и старухами, с ребятами иного руководителя, кроме живого горя об утрате, кроме живой любви к умершему соседу.

— Мы выставим людей, если понадобится, тысячи, сотни лошадей пригоним на работу,—говорила опечаленная волость осиротелым родным и товарищам Ильича в Горках.

И действительно, горы сугробов были снесены, четыре версты дороги от Горок до станции расчищены за эти сутки крестьянами, от души поработавшими в последний и печальный раз для милого соседа. А у его неподвижного тела, мимо которого двигались, прощаясь, мужики, бабы, дети, весь день и всю ночь, плакали старики. Старухи в простоте сердечной молились и заливались слезами.

— Он был прост с нами,—говорят крестьяне-соседи,—проще иного из нас самих. Подойдет, бывало, к мужику в поле, разговор заведет, обо всем расспросит. Пожурит ино, что копаемся по-старинке, агрономов не слушаем... И так было радостно, что самый набольший в России человек побалакал с тобой, как свой брат мужик.

Крестьянский сосед—Ильич.

В селе Ям, верстах в сорока от Москвы, происходил съезд.

Работа шла дружно, живо; оставалось уже немного вопросов вырешить. Вдруг из соседнего, верстах в двух, имения «Горки»—неожиданная, по сердцу бьющая весть:

— Ильич помер.

Окаменели. Не могли говорить.

— Как так?

— Да ему лучше стало!..

— Еще на охоту собирался, на волков, заготовили двух лошадей палых... Быть не может...

— Скончался,—подтверждают пришедшие.—Вчера часов в семь вечера. Днем чувствовал себя хорошо, ходил, шутил, смеялся. В обед стало с ним худо, а к семи—помер Ильич.

Съезд работать не мог. Все вопросы застенил собой образ дорогого соседа. Приговорили: выразить неутешную скорбь об утрате, назначить двадцать третье число днем траура, чтобы не было никаких увеселений по волости, ни занятий, ни работ,—и разошлись.

На рыбной ловле.

Чувинин Иван Тимофеевич рассказывает:

— Сижу это я раз на плотине на речушке Туре, ужу. Подходит сзади Ильич, поздоровался, смотрит. Клюнуло у меня. Подсек, вытащил,—во-о рыбища... «Ловко»,—говорит, смеется.—«Да и там клюет»—говорит, на другую удочку кивает.—«Дай, говорит, я выну».—Ну, так что ж, с полным, говорю, удовольствием, Владимир Ильич, валяй. И пошла у нас работа в двое рук: чалит мой дружок рыбицы, червяков наживляет—приходи смотреть, ей-богу... Натешился, развлекся.—«Будет,—говорит,— еще на доброе здоровье»... Вот до чего прост был, сердечный наш.

Обложил.

— А у меня какой случай был,—рассказывает другой из соседей.—Подымаюсь как-то вечерком, уж затемнело, бором. Слышу—треск: кто-то сучья ломает. Парнишки какие-то,—разглядел,—наутек, а с другой стороны один кто-то ко мне. Я, не будь дурень: «Ах, вы так вашу, раз-эдак»,—матом покрыл. Всмотрелся, а передо мной он,—Владимир Ильич, сам товарищ Ленин. Ну, думаю, пропала моя голова. Всю ночь ворочался. «Что теперь будет»... И, действительно, на утро шлют: «Такой-то, по ремеслу печник, в совхоз, как можно скорее». Иду,—ног не чую. Пришел. «Вы будете печник?»—там спрашивают.—Так точно, говорю, печник будем, между прочим.—«Так вот, эта вот печь не годится,—чинить ее надо». Ладно,—работаю, ничего пока. А сам про себя: «Мож, так пройдет, ежели постараюсь, на совесть починю». Разошелся, орудую. Вдруг—он. Сам. Посмотрел, как я работаю, о том, о сем спрашивает. Дал ответ, а он обернулся, глянул на меня и... «Мг-мг...—говорит,—это ты вчера меня в лесу обло-

жил?» Затрясся я.—Извините, говорю, ваше превосходительство, нечаянно, не разглядевши, сдуру.—Смеется. «Ну, говорит, чини хорошенько. Да запомни,—не превосходительство я, а товарищ Ленин, и все тут». И хоть бы тебе слово, что обругал я его, милого, в обмишулках.

«Наш милый», «наш добрый», «наш сердечный»—такой оставил по себе образ в памяти соседей-крестьян величайший из людей, творец нового человеческого мира. Очаровывал их простотой, безграничной добротой, беспредельной доступностью Ильич.—«Как свой»,—этот теплый и светлый облик близости великого Ленина, грозного для капиталистов целой земли и, как голубь, безобидного для соседей-крестьян, сохранится навеки.

Крестьянин И. Чекунов рассказывает:

В данную тяжелую и скорбную минуту жизни, как живого, вижу я перед собою Владимира Ильича, беседующего с нами. Таких личных бесед у меня было три.

На последнюю беседу в 1921 году я был принят в девять часов вечера.

Беседа длилась ровно два часа.

Когда меня пропускали, то строго наказывали, чтобы я не затягивал беседы.

Памятуя этот наказ, я три раза пытался закончить беседу, но Владимир Ильич сам останавливал меня и говорил, что он еще желает потолковать.

Вспоминается: как только переступил порог приемной комнаты, а уже Владимир Ильич стоит у самой двери, ласково, с улыбкой здоровается, отведет к стулу, усадит и тогда только сядет сам и начнет расспрашивать, как живут крестьяне, чем недовольны они, не обижают ли их, и только после такого испытания переходит к разговору деловому.

В то время он ознакомил нас с уставом натурального продналога взамен разверстки и спрашивал, как его лучше сделать, чтобы не обременить крестьян и главным образом бедняков, и вообще, что нужно сделать для улучшения крестьянского земледельческого хозяйства.

Последняя беседа происходила как раз в то время, когда Колчак взял Самару, а Деникин подходил к Тамбову. По этому поводу Владимир Ильич заверял нас, что не более, как в месяц, Колчака мы загоним в Сибирь, а Деникина отбросим к Черному морю.

Драгоценные очки.

Заканчивая беседу, Владимир Ильич предложил мне все, о чем говорилось, подробно описать в газете. На это я в шутливом тоне ответил, что такого поручения исполнить не могу, так как в дороге потерял очки, а достать их в данное время очень трудно. Владимир Ильич тотчас же нажал кнопку и вошедшему секретарю приказал передать товарищу Семашко, чтобы тот завтра же выдал мне очки, и я эти драгоценные очки ношу и посейчас.

На этом наша беседа и закончилась. Владимир Ильич проводил меня до двери и, любезно прощаясь, просил, когда я буду в Москве, не уезжать, не доложивши ему. А уж он назначит время для свидания.

Вот какого внимательного, какого ласкового и доброго человека и друга отняла у нас смерть. («Крестьянская Газета», № 10).

Крестьянин П. Львов (Нижний Новгород) пишет в «Бедноте» (№ 1727, 31 января 1924 г.):

Это было в 1920 году, в половине ноября, в селе Ярополье, Московской губернии. В три часа дня было уже известно, что тов. Ленин приедет в Рополец из деревни Кашино (в пяти верстах от Ярополица), куда

он прибыл на открытие электрической станции. Крестьяне, узнав об этом, все, как один человек—старики, женщины и дети—все собрались на середину села, к дому Юрьева, куда должен был прибыть тов. Ленин. Ждать пришлось часа два; граждан собралось очень много; были граждане и из окрестных селений.

К шести часам вечера показались вдалеке огоньки автомобиля. Шумевшая толпа вдруг притихла. У всех сорвалось с уст: «Едет, едет». Подкатывает автомобиль. Раздалось громовое «ура», несмолкавшее все время, пока Ленин, Крупская и Дзержинский не вошли в чайную Юрьева.

Я, пишущий эти строки, был в то время сельским председателем. Помнится, как тов. Ленин тихо спросил делопроизводителя и начальника милиции: «а что, председатель здесь?» Тот ему ответил: «здесь». Поздоровались.

Тов. Ленин начал говорить о внутреннем положении страны и коснулся Красной армии, ее доблести, вытянул правую руку и, показывая вдаль, говорил, что на-днях мы услышим, как наши красные войска окончательно добьют Врангеля. Остается взять перешеек.

По окончании доклада о внутреннем положении, тов. Ленину был задан вопрос, почему у нас нет мануфактуры. На это он ответил, что на-днях говорил с товарищем Ногиным; тот сказал, что очень скоро вместо сорока тысяч веретен заработают двести тысяч веретен, и тогда мануфактуры будет больше. Тов. Ленину был задан вопрос об электрификации Ярропольского района с четырнадцатью селами, которые должны осветиться, но вот, мол, «негде достать арматуры». Тогда тов. Ленин велел приехать к нему в Москву, и он обещал устроить. Действительно, впоследствии он нам много помог. Много и много было еще задано вопросов об электрификации; он охотно отвечал. Потом извинился, что больше не может беседовать с нами, в виду того, что спешит на собрание в Москву. Под звуки громовых рукоплесканий тов. Ленин стал выходить, садясь в автомобиль. Тов. Ленин простился со всеми, и снова загудело «ура», не смолкавшее, пока автомобиль не скрылся из глаз.

В память посещения Лениным Ярополъца клуб при селе был назван именем Ленина, а в настоящее время этот клуб вырос в двухъэтажное здание, в котором помещается театр с отдельной большой сценой, чайная и читальня.

Память о тов. Ленине никогда не забудется.

Тов. И. Ринго описывает в «Рабочей Москве», как Ильич помогал электричество устроить в селе:

Известно, что с 1920 года в Московской губернии началась сильная тяга крестьян и мелких уездных городов к электрификации.

В.С.Н.Х. утверждало проекты на такие маленькие установки, но в отпуске материалов или совсем отказывало, или удовлетворяло лишь незначительную часть заявок.

Крестьянам стало известно, что тов. Ленин не обставлен ни церемонным окружением царя, ни претензиями великого человека, что он крайне прост в обращении и вникает в самые даже маленькие дела.

И вот крестьяне стали паломничать к тов. Ленину с тем, чтобы излить свои нужды и просить его содействия в их маленьких электрификационных затеях.

Тов. Ленин, в таких случаях быстро ориентируясь, делал то или иное распоряжение.

Так, например, гор. Волоколамск, обладавший двигателем и удовлетворительной электрической сетью, находился без света за неимением динамомашины. Волоколамск хлопотал об этом тщетно целый год и, наконец, обратился к тов. Ленину. Тов. Ленин, рассмотрев длинную переписку, испещренную разными резолюциями, распорядился выдать машину.

Другой пример. Деревня Обояново, находясь поблизости к электростанции, решила электрифицироваться. Утвердила на это проект и получила кое-какие материалы. Не хватало лишь мелочи, но этой мелочи никак получить не могла.

Ознакомившись с делом, тов. Ленин распорядился выдать нехватающие материалы и предложил электроотделу М.С.Н.Х. представлять ему еженедельно отчеты о ходе работ. Электроотдел М.С.Н.Х., полагая, что тов. Ленин об этом пустяке помнить не будет, затянул отчет. Оказалось, что тов. Ленин хорошо помнил свое распоряжение и исполнения его потребовал через десять дней.

У В. И. Ленина не только хватало времени и внимания принять у себя крестьян, но он находил время лично побывать в деревнях за сотню и более верст.

В деревне Кашине тов. Ленин провел часа четыре, окруженный многочисленной вопрошающей и говорящей толпой крестьян. Один из сидевших рядом с тов. Лениным крестьянин, тов. Курков, мне восторженно сказал: «у Ильича видно голова большая,—все в нее вмещается».

Сибирский крестьянин тов. Чернов поместил в «Бедноте» (№ 1729) рассказ:

Как я, беспартийный крестьянин из Сибири, был у Владимира Ильича, и что из этого получилось.

Я добрался до него из Сибири. Добраться из Сибири простому крестьянину—не простая штука. Два месяца прошло, как я тронулся из дома, и два месяца я все искал пути добраться до Ленина. Помогли мне в этом пути Абрамов, А. Г., и Смирнов, И. Н.,—это до Москвы, а в Москве мне окончательно помогли т.т. Серебряков и Теодорович, И. А.

Вот пропуск в Кремль, а потом в здание, а там еще и еще. Летаю везде, как помешанный, в большой длинной шубе, но мои документы везде заставляют обращать на себя внимание, и я, наконец, на третьем этаже.

Встречает меня дама и спрашивает: «Не вы ли Чернов?». «Да, я».

— Садитесь.

Наконец, я немного успокоился, пришел в себя, собрался с мыслями. Сидел около пятнадцати минут, которые мне очень помогли.

Наконец, выходит еще девица, велит следовать за ней, и я очутился, очевидно, совсем недалеко от Ленина. Но вот, наконец, кто-то выходит от Владимира Ильича,—кажется, Рыков; предлагается заходить мне. Тут я был совсем спокоен и как теперь помню: Владимир Ильич встал и пошел ко мне навстречу, как к посетителю высокой важности. Приветливо поздоровался, спросил: «что из Сибири привезли новенького?»

Я ему говорю:

— Изложил свои мысли на бумаге и позвольте зачитать.

— Давайте, читайте, садитесь.

И мы с ним уселись,—он направо, а я на конце стола, в полуоборот он на меня глядел. Когда я начал читать, то невольно наблюдал за ним, взглядывая на его лицо. Сперва оно как бы выдавало скуку, усталость,— надоели, мол, вы мне с докладами; но по мере чтения его лицо стало весьма заметно меняться, левый глаз стал часто прищуриваться, и несколько порывисто он оборачивался на меня; поглядит, прищурит глаза и опять,— к концу чтения я видел, что в этой голове решается вопрос величайшей важности, решается в несколько минут, я видел, как много было охвачено в эти минуты Владимиром Ильичом и отрезано недрожащей рукой.

Мой доклад был о замене разверстки налогом у нас в Сибири.

Когда кончил читать, то он мне задает вопрос: «кто вы такой?»

Я рассказываю, что из ссыльных каторжан, на каторгу попал за принадлежность к соц.-рев. партии, но теперь себя считаю беспартийным, имею свое хозяйство в Сибири.

— Как вы понимаете прогрессивное обложение?

Я рассказываю. Немного как будто задумывается, молчит, потом, обратясь ко мне: «Согласны ли вы напечатать ваше письмо в «Правде»?» Я говорю: «Согласен». Еще спросил, где меня можно найти, чтобы вызвать; я сказал, что через Серебрякова.

— Напишите на своей докладной добавление, как вы понимаете прогрессивное обложение и кто вы такой.

И мы встали, он меня проводил в канцелярию и заставил дать мне перо, чернил. Я сказал, что пером писать не умею, тогда он, смеясь, велел мне дать химический карандаш, и мы расстались.

Чем велик Ленин?

А вот чем. Он *не меня, конечно, слушал, как персону необыкновенную, а через меня он слушал все крестьянство, и через меня он учел всю сложность обстановки на низах.*

Перед тем, как к нему попасть, я со многими говорил, и мне многие говорили вот что: хоть и прав ты, а по-твоему все-таки не будет. И потом, до меня у Владимира Ильича были с такими доводами, кроме меня, как, например, В. Н. Соколов из Сибири (мы с ним оказались удивительно единомышленниками). Но все как бы говорило за то, что повернуться колесу— не время. Но Владимир Ильич не похож был на многих. Его не сковывала теория (книжная мысль), он хватал жизнь, события, революцию, направлял ее роды, как смелый, опытный акушер, не насилуя без надобности природы.

Он творил волю массы, как старший, он есть душа массы, богатая всеми изгибами.

Вот почему так велика утрата народа в лице Владимира Ильича, вот почему не перестает болеть душа об этой утрате не только партийных, но и нас, беспартийных.

Но его умелый опыт не прошел для нас даром.

Проведем в жизнь заветы коллективного труда, без порабощения человека человеком.

Воспоминания крестьянина И. Гаврилова.

(«Беднота», № 1722, 24 января 1924 г.)

В первые годы революции, когда крестьянство стонало от продразверстки,—деревня всю вину в этом валила на Владимира Ильича. После же перехода на новую экономическую политику отношение к имени Ильича сразу переменилось в его пользу.

Мне лично посчастливилось не только близко видеть Владимира Ильича, но и иметь с ним довольно продолжительный разговор.

Дело было в самом конце 1921 года. Я только-что приехал в Москву, как делегат девятого Всероссийского Съезда Советов от Костромской губернии. Приехали мы несколькими днями ранее открытия съезда. Это пришлось сделать потому, что после губернского Съезда Советов делегатам ехать по домам было некогда,—решили ехать прямо в Москву.

Нас, беспартийных делегатов, собралось в Москве 109 человек. Скучали. Не помню, которого числа декабря, бывший член В.Ц.И.К. восьмого созыва крестьянин Петрушкин предложил беспартийным делегатам в семь часов вечера собраться в Кремле в здании В.Ц.И.К., в комнате № 51, для обсуждения вопроса о том, кого из беспартийных делегатов наметить в президиум съезда. Как люди, собравшиеся со всех концов России, совершенно неизвестные друг другу, мы долго не могли избрать даже президиума на время этого совещания. Каждый называл кого-нибудь известного ему одному.

В это время в комнату вошел М. И. Калинин—и дело сразу же наладилось.

Председателем совещания сразу же упросили быть Михаила Ивановича, а также сейчас же были избраны и остальные члены президиума.

Через две-три минуты в комнату вошел Владимир Ильич. Сразу-то мы все как-то растерялись, но простой, ласковый привет Ильича скоро нас всех ободрил.

Владимир Ильич сел к столу, лицом к президиуму, а спиной к «публике», и сразу начал записывать в свою записную книжку.

Я сидел в переднем ряду, почти вплоть от Ильича, чуть-чуть поправее его.

М. И. Калинин сразу сказал маленькую речь о цели нашего совещания и о тех вопросах, которые будут обсуждаться на Всероссийском Съезде. Потом Михаил Иванович сказал, что центральной власти очень хорошо известно о тяжелом положении крестьян, и эта власть делает все, что при настоящих тяжелых условиях возможно для облегчения быта деревни.

На вас, беспартийные делегаты, как приехавших сюда из самой гущи населения, лежит обязанность чутко прислушиваться ко всему, что будет делаться на съезде, и правдиво передать виденное и слышанное вашим избирателям.

Я передаю это вкратце.

В ответ на речь М. И. Калинина послышались бесконечные жалобы на действия местных властей. Каждый говорил о своем уезде, чуть не о своей деревне. Очередь не соблюдалась—уж очень наболело у всех на душе, получился шум, как на волостном сходе.

Владимир Ильич, не говоря ни слова, быстро писал. Казалось, что из всего беспорядочного говора он улавливал что-то для него очень важное.

Пользуясь сравнительным затишьем, я, обращаясь к М. И. Калинину, сказал:

— Уж больно ласково вы с нами обращаетесь,—не думаете ли и нас сделать коммунистами?

Михаил Иванович ничего не ответил, думаю, что не расслышал моих слов.

Но Владимир Ильич, быстро повернувшись в мою сторону, дотронулся правой рукой до моей головы и, очень пристально посмотрев на меня, сказал:

— Не делайся, отец, не делайся коммунистом. Мы все время чистим партию от деланных коммунистов. И я не знаю, насколько нам удастся добиться полной чистоты. Довольно и того, что вы являетесь все понимающими нас честными гражданами, и этого вполне достаточно для того, чтобы нам строить новую жизнь. Я называю вас всех честными гражданами, потому что знаю, что при иных условиях вы бы в этом зале не сидели,—при этом мой знаменитый собеседник обвел взглядом ряды делегатов.

Я сказал:—У нас в деревнях еще долго не освоятся с новым укладом жизни, и крестьяне ждут впереди чего-то еще худшего.

— Все обойдется, отец. Вы, наверно, сами-то уже понимаете, что мы значительно спустились к вам со своих высот, именно в этом году. Теперь очередь за вами подтянуться к нам—смотришь, через пяток годов все и наладится.

В это время подошли из рядов два делегата, но Владимир Ильич, быстро отвернувшись к столу, опять что-то писал в своей записной книжке.

Несмотря на то, что Владимир Ильич говорил ровным и довольно тихим голосом и в зале стоял шум,—я не проронил ни одного слова Ильича и запомнил их так, что, кажется, не забуду до конца своей жизни.

Признаюсь, что в те минуты, когда Владимир Ильич смотрел на меня в упор, мне было очень жутко: так и казалось, что великий собеседник пронизывает меня насквозь, видит все мои потроха.

Через некоторое время Ильич снова обернулся в мою сторону и сказал:

— Вот и тут шумят, видно, что очень изболело на душе, и я в последнее время принялся изучать постановления волостных и уездных съездов, надеясь в них найти разгадку той задачи, которую не нахожу возможности решить ни по какой политической экономии.

И быстро отвернулся снова к своей записной книжке.

Так как мне показалось, что Владимир Ильич говорил, не обращаясь собственно ко мне, а как бы вслух думая, то я не посмел отозваться на его слова ни единым звуком.

М. И. Калинин объявляет, что решено в состав В.Ц.И.К. ввести до тридцати членов беспартийных.

— Так вы уж, товарищи, постарайтесь дать нам кандидатов с бородами.

В зале—веселый шум, волнение.

— Почему с бородами? Или опять время семибоярщины?

— Не волнуйтесь, товарищи,—сказал Михаил Иванович,—приходится признаться, что опыт гораздо ближе к бороде, чем к безбородой губе. Вон тов. Ленин, наверно, строит новый декрет о том, чтобы на местах сожгли все молитвенники,—улыбаясь, продолжал М. И. Калинин.—Нам нужно посоветоваться. Спроси вот тов. Петрушкина, как поступить, он только рукой махнет,—жгите, мол. А если спросишь вот его,—указал Михаил Иванович на делегата, тов. Бояринова, с большой красивой бородой,—так он, пожалуй, еще и нас сначала спросит: а что же вы нам прислали вместо молитвенников-то? Мы не найдемся что ответить, и тов. Ленин декрет-то и не подпишет.

После этих слов Владимир Ильич встал с кресла.

— На этот раз тов. Калинин, кажется, пересолил,—сказал он.— Я никогда не собирался и не собираюсь сжигать молитвенника, ибо верю, что придет время, молитвенники исчезнут сами собой,—сказал он, опускаясь снова в кресло.

Второй раз я увидел Владимира Ильича уже на трибуне Всероссийского Съезда. Здесь он мне показался уже совершенно другим человеком. Насколько он на нашем беспартийном совещании был нашим «мужицким батькой», настолько на трибуне он оказался вождем всех. Меня тогда поражало его знание не только мировой обстановки, но и знание тех путей, по которым Россия должна итти, чтобы легче выйти из очень трудного тогда положения.

В третий раз мне удалось видеть Владимира Ильича только через девять месяцев, во время четвертой сессии В.Ц.И.К.

Здесь он был уже не похож на того Ильича, каким был в декабре 1921 года. Насколько тогда он казался человеком богатырски сложенным, полным несокрушимой, казалось, энергии, настолько через девять месяцев он имел вид сильно измучившегося человека. Его короткая речь прерывалась кашлем. Но самая речь была речью здорового, мыслящего человека.

В тот же день Владимир Ильич снялся вместе с членами В.Ц.И.К. Мне пришлось занять место очень близко от Ильича. Когда Владимир Ильич несколько подвинулся в сторону, где сидели мы, крестьяне, то кто-то, кажется, тов. Евдокимов, заметил:

— Ильич и здесь старается быть поближе к мужикам.

Более мне видеть Владимира Ильича уже не удалось.

Но и те немногие встречи, которые здесь описаны, произвели на меня такое впечатление, что Владимир Ильич был не только вождем мировой революции, но и великим другом крестьянства, вполне понимающим его нужды.

«Ненаглядные вещи».

(«Правда».)

Надежда Константиновна Крупская, такая задушевно простая, рассказывала мне 26 января вечером, как к ней подошел в Колонном зале Дома

Союзов старичок из Тульской губернии, которого они прозвали с Ильичом «Ненаглядные вещи».

Как-то этот старичок в годы разрухи приехал из Тульской губ. хлопотать насчет школы. Пришел в Наркомпрос, попал на прием к А. В. Луначарскому, а потом, обедая в столовой Главполитпросвета, внизу, рассказывал:

— Хороший человек тов. Луначарский. Меня-то посадил на стул, и сам все ходит да разговаривает. Да денег дал на школу 50.000 рублей, да книг пудов шесть дал; спасибо ему. Да вот дал еще записочку: сходи, говорит, в магазин, там тебе по этой записке дадут «ненаглядные вещи». Боязно только вот, боюсь я брать эти ненаглядные вещи: как потом-то за них обложат, да взыщут, вот как взыскали с Семена.

Надежда Константиновна устроила ему свидание с Ильичом, который любил поговорить с такими крестьянами. И не раз они вспоминали его, как он боялся взять в магазине наглядные пособия для школы.

И вот теперь, когда Ильич умер, этот человек разыскал в Доме Союзов Надежду Константиновну и обратился к ней не со словами утешения, а просто рассказал, как им, крестьянам, легче стало. Без всяких вступлений сказал:

— Клевер-то во какой теперь снимаем (и показал высоко от пола, какой высокий клевер они сняли). Скота было 150, а теперь стало 400 голов. Ходили оборванные, раздетые,—помнишь, какой я рваный-то приходил,— а теперь, смотри, приоделись. Да, помог нам тов. Ленин немало.

И вдруг совершенно неожиданно:

— А нельзя ли пропуск от вас достать на Красную площадь, хочу на похоронах быть.

Наконец, приведем письмо крестьян деревни Кокушкино, где Ленин проводил свое детство и куда он был сослан, будучи студентом:

Нашему бывшему односельчанину В. И. Ленину (Ульянову).

Письмо от граждан дер. Кокушкино.

Дорогой наш товарищ, Владимир Ильич!

Первым долгом шлем тебе привет от старожилов, хорошо помнящих и знающих тебя по играм с нами в бабки, горелки и ночевкам в лесу с лошадьми. Сорок пять лет прошло с тех пор. Произошло много перемен за эти годы. По первому зову Советской власти, в октябре 1917 года, мы дали по шапке всем нашим помещикам, в том числе и нашему кулаку— Николаю Фаддееву, сидевшему двадцать пять лет в имении, бывшем Бланк. В 1918 году все, как один, ходили в Красную армию и защищали Советскую Россию от нападавших на нее врагов ее: помещиков, генералов и капиталистов. Далее, в наших краях случился неурожай и голод. Народ и скот вымирал и падал больше, чем при чуме. От всего этого хозяйство наше пришло в такое великое разорение, что только всем миром можно сдвинуть его с мертвого пути. Нет живой, здоровой силы.

Нет ни одной крепкой хаты. По всему мазнуло помело голода. Мы бы с радостью тебе что-нибудь послали в подарок, как нашему избавителю от помещиков и кулаков, но ничего не имеем. Аккуратно выполнили натурналог и два общегражданских налога. У нас две беды: нет лошадей и нет при деревне школы. Мы знаем, что Советская власть дает безлошадникам лошадей в кредит. Просим тебя, как бывшего нашего односельчанина, походатайствовать перед Советским правительством об оказании нам кредита в лошадях. Без них мы—работники без рук.

Земля теперь есть, а работать нечем. Еще нужным находим уведомить тебя, что мы просим правительство Татарской республики построить

в нашей деревне школу ремесла и грамоты имени твоей покойной матери — Марии Александровны. В заключение просим тебя поберегать свое здоровье, так как ты единственный на всю Россию. Когда построим школу, то просим тебя пожаловать к нам в гости вспомнить старинку. Отныне деревня Кокушкино зовется твоим, тов. Ленин, именем.

За сим до свидания.

С братским приветом

Общество деревни Ленина (Кокушкино).
Черемышевской волости.

22 декабря 1922 года.

ЛЕНИН — ОРГАНИЗАТОР ПЕРВОГО СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА.

Перед Октябрьской революцией в рядах коммунистической партии были кое-какие колебания. Часть товарищей сомневалась, сумеем ли мы удержать власть в необычайно трудных условиях. Ленин в этом не сомневался. Он предвидел громадные трудности, которые стоят перед нами. Трудности оказались больше, чем мы все думали перед Октябрем 1917 г. Противники наши говорили нам: рабочий класс совершенно не подготовлен к управлению таким громадным государством; рабочий класс в России составляет меньшинство, а ему придется управлять громадной крестьянской страной после страшной империалистической войны, после всех ее разрушений; в то же самое время рабочему классу надо будет вести борьбу с империалистами, никакого социалистического государства,—говорили они,—вы не построите; власть ваша продолжится несколько дней, самое большее — несколько недель.

Кости пророков, которые об этом говорили и об этом пророчили, гниют уже давно в земле, а Советское государство окрепло и развивается, и рабочий класс всего мира справедливо видит в нем очаг и оплот пролетарской революции во всем мире.

Организатором этого первого Советского государства является, по справедливости, Ленин. Еще до захвата власти пролетариатом, в книге, написанной в обстановке борьбы с временным правительством, «Государство и революция» [1]), он расчистил дорогу от всякого мусора, которым засорили учение о государстве наши противники. Еще до революции он задавался вопросом о том, удержат ли большевики власть. Первое время, когда нам приходилось отчаянно бороться на фронтах, когда блокада лишала нас возможности сноситься с Западной Европой

[1]) Учение марксизма о государстве и задачи пролетариата в революции.

В. И. Ленин.

и другими странами, когда все средства государства уходили на оборону, когда транспорт был разрушен, когда голод гулял по стране, когда на глазах падало сельское хозяйство и сокращались размеры посевов, многие приходили в отчаяние: сумеем ли построить Советское государство, не будем ли мы разгромлены.

Тогда про нашу страну противники говорили: разве это социализм? Это у вас, говорили меньшевики Каутский, Мартов и другие такие же горе-социалисты, — это у вас азиатчина, азиатский социализм, потребительский. Социализм означает более высокий уровень существования рабочих, более высокое материальное благополучие, — а у вас разве это есть? *У вас—голод, грязь, разруха, тиф, вошь, неграмотность, гражданская война. Разве это социализм?*

Нам приходилось отчаянно бороться со всеми этими явлениями первого периода нашей революции. Мы далеко еще не все это зло победили. Но разве посмеет кто-нибудь сказать то, что он говорил в 1918 г. про Советское государство? *Тогда* рабочих Западной Европы пугали: вы хотите совершить революцию—посмотрите, что делается в России; вы хотите, должно быть, иметь у себя такую же разруху, такой же голод, такую же нищету, как в России; а если бы теперь с такими речами обратились к германскому или итальянскому, или даже английскому рабочему,—он только посмеется, он только скажет: *да, мы хотим, чтобы у нас были такие порядки, как в Советском государстве.*

Это правда, что мы не умели управлять государством, да и откуда нам было усвоить эту науку? Ведь никто из нас до этого не управлял государством. А задача наша была именно в том, чтобы овладеть этой наукой управления, и Ленин как раз эту задачу выдвинул перед всеми рабочими и работницами, крестьянами и крестьянками. Он придавал громадное значение именно тому, что советский строй дает возможность научить управлять государством всех трудящихся: через Советы, через многочисленные организации, создаваемые самими трудящимися в целях взаимопомощи, через кооперацию—рабочие и крестьянские массы овладеют наукой управления государством.

Это Ленин выдвинул лозунг, что каждая кухарка должна научиться управлять государством. Над этим много зубоскалили наши враги в первое время, а теперь они должны признать, что Советское правительство оказалось самым способным правительством, что Ленин, как председатель Совета Народных Комиссаров, как глава правительства, управляющего одной шестой частью земного шара, является единственным из государственных людей нашего времени, который мог организовать такое государство, как Союз Советских Социалистических Республик, и что именно в нашей стране тысячи и тысячи рабочих и работниц, крестьян и крестьянок, *научились* управлять государством.

Первой и основной силой, на которую опирается наше государство, является участие самих рабочих и крестьян, — массовое участие. Это Ленин всегда подчеркивал. Второе — это союз рабочих и крестьян в этом Советском государстве. Третье — это добровольный союз различных национальностей. Четвертое — это планомерное государственное хозяйство, которое должно стать на такую высоту, чтобы для массы населения, в особенности для нашего стомиллионного крестьянства, это хозяйство оказалось более выгодным, чем старое буржуазное капиталистическое хозяйство. Пятое — это то, чтобы Советское правительство было самым дешевым правительством, — значит — устранение всего ненужного, лишнего, всякой роскоши. Шестое — это то, чтобы Советское правительство было самым простым правительством, доступным (уничтожение всякого бюрократизма, волокиты). Седьмое — экономически самое важное — это то, чтобы наше Советское государственное хозяйство (социалистическое хозяйство) стояло по своей технике, по своей постановке, выше буржуазных капиталистических хозяйств. Восьмое—политически необходимое условие: наличие стойкой, выдержанной, единой, дисциплинированной, революционной, самоотверженной, готовой на самые трудные испытания и жертвы — коммунистической партии, руководящей всей работой Советского государства, всей борьбой пролетариата.

В смысле приемов работы Ленин был враг таких планов, которые считались бы на веки веков непогрешимыми. Он считал, что Советское государство построить, это — дело чрезвычайно трудное, это—дело не одного года, и даже не одного десятка лет, но что строить его надо таким образом, чтобы каждый шаг проверять опытом, исправлять, не бояться сознаваться в своих ошибках, а, наоборот, в этих ошибках откровенно сознаваться.

Чтобы описать деятельность товарища Ленина, как организатора Советского государства, нужно было бы написать несколько томов книг, и это впоследствии будет сделано, а сейчас можно лишь бегло отметить самое главное.

Национализация земли. Эту мысль Ленин отстаивал еще в 1905 — 1906 г.г., на IV (Стокгольмском) съезде партии, в 1906 г. Ленин был сторонником того, чтобы именно не сверху только, а силами самого крестьянства провести в жизнь преобразование сельского хозяйства.

Он учил нас не командовать, а убеждать. Не столько принуждение, — говорил он, — нужно здесь, сколько убеждение.

Некоторые товарищи думали, что переход к коллективному социалистическому хозяйству в земледелии можно провести гораздо быстрее. Ленин считал, что необходимо поддерживать коллективное хозяйство в деревне, всякого рода артели, коммуны, совхозы, но надо, чтобы эти хозяйства были примерными,

чтобы они служили образцом, чтобы они учили, чтобы крестьянство на них видело выгоду, преимущество коммунистических форм хозяйства.

Враги наши распускали слухи, что крестьян хотят загонять «в коммунию». Ленин особенно осторожно всегда относился ко всякой такой мере, которая дала бы крестьянину повод поверить этим сказкам наших врагов. Ленин считал, что крестьянское хозяйство особенно пойдет вперед только тогда, когда мы сами поднимем наше государственное хозяйство на более высокую ступень, т.-е. подведем под него новое основание, электрификацию. В этом вопросе он нашел себе хорошего помощника, с которым он еще работал в 90-х годах прошлого столетия в «Союзе борьбы за освобождение рабочего класса», с которым вместе он был в ссылке, — тов. Г. М. Кржижановского, по образованию инженера и хорошо знающего постановку электричества.

В то время, в 1920 — 1921 г.г., положение наше было чрезвычайно тяжелое — как говорится: «не до жиру, быть бы живу». Но Ленин был из тех людей, которые умели видеть не только сегодняшний день и не только вчерашний день, но умели заглядывать на десятки и сотни лет вперед. И вот, в этой-то тяжелой обстановке, в борьбе, в разрухе зарождается план покрыть страну сетью огромных электрических станций, которые использовали бы силу течения воды (Волховстрой, станция на Днепре, станция на реке Куре около Тифлиса и другие); использовали бы каменный уголь и торф, чтобы его на месте прямо сжигать, не возя его по железным дорогам, а оттуда же, с этих станций, на сотни верст рассылать электрическую силу, свет, тепло и движение по проволокам, проводам (Кизеловская станция, Каширская, Шатурская и др.).

Ленин потребовал, чтобы ему представили план таких работ, и провел его через Съезд Советов, как план на десять лет. Многие враги наши тогда говорили: это Ильич очки втирает крестьянам и рабочим. Разве Россия может выполнить такой план? такая нищая страна! А эта нищая страна под руководством тов. Ленина показала, что она может и что она этот план выполнит. Уже и теперь значительная часть этих работ выполнена. Может быть, нам помешают, может быть, мы запоздаем на один, на два года с выполнением этого плана, а все же своего добьемся: сократим громадные расходы на топливо, сократим человеческий труд, облегчим государство, улучшим хозяйство фабрик и заводов и дадим на сотни и тысячи деревень свет и двигатели от электрических станций.

Ленин был организатором не только Совета Народных Комиссаров, но и каждого народного комиссариата в отдельности. Надо было подобрать людей, и все знают, как Ленин старательно

разыскивал рабочих, которых можно было бы поставить и во главе комиссариатов, и в члены коллегии этих комиссариатов, так же как и крестьян для тех наших комиссариатов, которые наиболее соприкасаются с крестьянами.

Когда умер Я. М. Свердлов, человек железной воли, железного характера, великолепный организатор, надо было найти человека на место председателя В. Ц. И. К., который сумел бы заменить в глазах крестьян и рабочих Я. М. Свердлова. И Ленин остановился на тов. Калинине, как на человеке, который связан и с рабочими своей прежней работой в партии и на заводах, и с крестьянами, как сам вышедший из крестьянской массы.

И разве ошибся Ленин в этом выборе? Разве тов. Калинин не на своем оказался месте?

Ленин разыскал в Сибири тов. Яковенко на пост народного комиссара земледелия. Я помню, как во время Съезда Советов тов. Ленин прислал записку к нам, сибирякам, и опрашивал всех, что мы знаем о Яковенко, годится ли он.

Во всяком случае он считал необходимым вовлечь возможно большее число рабочих и крестьян в дело непосредственного управления государством.

Очень часто нам говорили: посмотрите, вот у вас в армии старые царские генералы, царские офицеры. В других государственных учреждениях сидят царские чиновники.

Ленин говорил:

— Учитесь у них работать и замените их.

И поэтому именно эту учебу Ленина надо умело проводить на практике, втягивать массы новых работников, выдвигать их из беспартийной и партийной массы, проверять этих работников.

На XI съезде партии он нам прямо говорил, что задача наша сейчас заключается в подборе людей. *Никто так не умел подбирать людей, как Ленин.* Для постройки Советского государства это имело громаднейшее значение. Конечно, и Ленин ошибался в подборе людей, но он редко ошибался, он умел человека видеть.

Ленин организует Совет Труда и Обороны. Туда переносит он наиболее важные вопросы. Он составляет наказ для Совета Труда и Обороны, где подробно предусматривает, как должен работать Совет Труда и Обороны. Этот наказ является, даже по признанию врагов, замечательнейшим памятником, образцом искусства государственного управления. Всякий, кто действительно интересуется тем, как должна быть построена наша работа, должен взять себе этот наказ за образец.

Вначале Совет Труда и Обороны мыслился как комиссия при Совете Народных Комиссаров, но с течением времени СТО (так называется этот совет сокращенно) играет все бóльшую

и бо́льшую роль. Теперь трудно даже представить себе работу Совнаркома без работы СТО.

Ленин организовал в помощь СТО так называемый Госплан — государственную плановую комиссию, имея в виду, что советское хозяйство не может существовать без такой организации, которая бы отдельные части этого хозяйства связывала в одно целое, которая бы изучала отдельные части этого хозяйства с точки зрения и интересов всего государства. Капиталистическое хозяйство могло обойтись кое-как и без такого аппарата, потому что там — борьба между отдельными предприятиями; здесь, наоборот, надо было возможно полнее устранить эту борьбу между отдельными ведомствами, между отдельными учреждениями, согласовать их работу в области хозяйства, финансов.

Конечно, у нас еще не было ни в 1919 г., ни в 1920 г., ни в 1921 г. какого-нибудь единого государственного плана хозяйства. Первый период, первое время «власти на местах» было временем, когда каждая отдельная губерния стремилась своими силами сначала национализировать решительно все, а потом своими силами поднять хозяйство и тоже стремилась поднять решительно все, даже и то, что было не под силу. Ленин видел недостатки этой работы. Поэтому в мае 1921 г. он пишет письмо Госплану, в котором дает указание, как и в какой форме можно составить план в наших условиях. В этом письме он говорит:

Единого государственного плана хозяйства у нас пока почти еще не чувствуется. Преобладает стремление «поднять» все и вся, все отрасли хозяйства, даже все предприятия, оставшиеся по наследству от капитализма.

Госплану следует так поставить работу, чтобы выработать хотя ко времени сбора урожая основы общего хозяйственного плана на ближайший период—год или два.

За исходный пункт следует взять продовольствие, ибо именно в этом корень всей массы затруднений. Надо попытаться рассчитать общегосударственный хозяйственный план на три случая: 1) 200, 2) 250 и 3) 300 миллионов пудов хлеба в руки государства на год (1 сентября 1921 г.—1 сентября 1922 г.). Может быть, если трудности провести до конца, все расчеты на три случая окажутся велики, рациональнее будет ограничиться одним подробным расчетом на случай получения 250 милл. пудов с тем, чтобы излишек (300—250) считать запасом на черный день, а на случай полной недохватки хлеба (200 милл. пуд.) разработать лишь приблизительно (столько-то прикупить из-за границы, так-то в общем «сократиться» по части промышленности, транспорта, армии и т. д.).

Допустим, государственный хлебный фонд такой-то; вычет—запас на случай войны, перерывов ж.-д. сношений и т. д.

Дальше становится топливо. Виды такие-то: от — до. Минимум и максимум потребного продовольствия. Возможность довести до такой-то величины при увеличении запасов хлеба на столько-то. Возможность экономии топлива путем концентрации производства в немногих лучших предприятиях такая-то. Это рассчитать необходимо.

В связи с этим рассчитать возможность экономии продовольствия путем закрытия ненужных предприятий или не безусловно необходимых

и перевода рабочих (куда, осуществим ли перевод; если нет—поставить задачей минимальное выделение таких рабочих на уменьшенный паек).

Экономия топлива путем выдачи премии за снабжение им и путем усиления надзора за его расходом. Примерный расчет такой экономии— если есть к тому те или иные опорные пункты.

Армия (отдельно флот, относительно коего нужен особый расчет максимального сокращения). Расчет—1,6 милл. к 1 сентября 1921 г., затем условный расчет наполовину этой величины.

Совслужащие. Наличность. Возможное уменьшение на 25%, изменять. Но хотя бы основной, хотя бы самый грубый план на год, или, может быть, отдельно на четыре четверти года, или на три трети (1 сентября 1921 г.— 1 января 1922 г., 1 января—1 мая, 1 мая—1 ноября 1922 г.) иметь в указанный кратчайший срок необходимо.

Обязательно постоянное сравнение с 1920 г. Может быть, ряд счетов можно и должно сделать именно в смысле сравнительно статистического и экономического изучения данных за 1920 г. и «видов» на 1921—1922 г.г..

Вчитайтесь в этот план, вдумайтесь в него, и вы увидите, как Ильич сидел и высчитывал все и всякие возможные случаи, как он должен был предусмотреть всякую мелочь в нашем государственном хозяйстве, во всей совокупности нашей государственной жизни, как он *учил* работать, экономить, строить.

В Госплане работали люди с большим образованием, с большими знаниями. Ленин считал, однако, что эти люди могут зарыться в каких-нибудь больших всеобъемлющих планах и не заметить самого главного, нужного, без чего наша жизнь может остановиться.

Ленин является составителем первых наших декретов о социализации всего нашего народного хозяйства, о национализации фабрик и заводов, банков и всякого рода национальных имуществ. Ленин являлся зачинщиком всеобщей трудовой повинности, которая для первого момента нашей революции была безусловно необходимой, чтобы сломить сопротивление буржуазии, для того, чтобы уничтожить массу паразитических элементов. Это ничего, что нам от этой меры пришлось на время отказаться; это ничего, что нам пришлось отступить на линию НЭП'а. Придет время, когда мы подведем более прочную основу, более широкую основу для широкой трудовой повинности и когда действительностью станет наше требование: «нетрудящийся да не ест».

Еще до того, как был издан и подписан декрет о национализации фабрик и заводов, германское правительство, с которым мы тогда только что подписали Брестский мир, пыталось нас запугать войной. Ленин, не колеблясь, сейчас же подписал этот самый декрет и говорил: в этом мы не уступим; без этого нет пролетарской революции, если мы фабрики и заводы отдадим их прежним хозяевам; и хотя была опасность и угроза войны, Ленин на этом стоял очень твердо.

Ленин особенно близко интересовался продовольственной работой. Ведь это была самая тяжелая и неблагодарная работа.

И никто столько не пострадал за эти годы гражданской войны, как продовольственники. Крестьянство их ненавидело. Они приходили в деревню главным образом за тем, чтобы брать. Давать они почти что ничего не давали, да и нечего было почти давать деревне, а между тем без этой работы погибли бы не только рабочие в городах, — погибли бы и крестьяне, раздавленные капиталистами всех стран. Ленин следил за работой продовольственников. Вместе с ними обо всем советовался, давал указания, требовал постоянных отчетов, следил чуть не за каждым вагоном хлеба, который продвигался к голодным местностям. Особенно в голодные годы, когда крестьяне Поволжья и других местностей голодали, Ленин сидел постоянно над депешами, над телеграммами, во все стороны тормошил, тревожил, требовал помощи голодным местностям. Так же глубоко интересовался он и всеми мероприятиями по сельскому хозяйству; вот почему он поддерживал и сельско-хозяйственную выставку. Он считал, что надо не только сейчас вот накормить голодных, а надо сделать так, чтобы больше у нас в будущем голодных не было.

Мы национализировали фабрики и заводы. Ленин видел, что в этом наша сила; но в этом и наша опасность, когда мы, еще неумелые, еще новички в этом деле, не сумеем поднять эти фабрики и заводы. Поэтому он требовал от всех, работавших в Высшем Совете Народного Хозяйства, постоянной отчетности в том, как работает то или другое предприятие, что сделано, выгодно ли оно, убыточно ли оно, какова выработка. Он хотел знать, кто назначен управляющим на то или иное предприятие, есть ли у него какой опыт в этом деле.

Одним из больных и самых слабых наших мест был транспорт. Сейчас жутко вспомнить о том, в каком состоянии был этот транспорт в первые годы революции, когда в вагоны садились не через двери, а через окна, когда хорошим местом считалось место в уборной или даже на буфере. Ленин непосредственно сам сделил за этим транспортом, сам поддерживал всякую меру, которая способна оживить, поднять этот транспорт, чувствовал, что без этого мы не справимся с громадными трудными задачами. На железных дорогах так крепки были старые порядки. Железнодорожная администрация, железнодорожные управленцы имели долгое время большое влияние на весь ход дела.

Во время Октябрьской революции во главе железных дорог стоял так называемый Викжель (Всероссийский исполнительный комитет железных дорог) во главе с Плансоном и другими буржуазными вождями верхушки железнодорожников — эс-эрами и меньшевиками. Ленин способствовал созданию того железнодорожного союза, который помог нашему транспорту подняться на ноги. А между тем именно среди железнодорожников трудно было выступать на первых порах товарищу Ленину. Там очень

сильно было враждебное пролетариату влияние. Тов. Амосов вспоминает первое выступление Ильича на съезде мастеровых и рабочих железнодорожников в декабре 1917 г.:

Я помню первое выступление Ильича на съезде мастеровых и рабочих в декабре 1917 года.

Матерые меньшевики, эс-эры яростно нападали на него.

Ильич делал доклад на тему «Учредилка или власть Советов?»

Из всех докладчиков он произвел наибольшее впечатление. Многие делегаты, качавшиеся в этом вопросе, определенно стали на сторону Советов после его речи.

При выборах на чрезвычайный железнодорожный съезд члены других партий и примыкавшие к ним уже не возражали, чтобы на общем съезде голосовать за власть Советов. Такое сплоченное отношение к этому вопросу было целиком делом Ильича.

Сильное впечатление произвел Ильич и на меня. *Как будто стоит человек на эстраде и гремит... Говорит и как железом вбивает в головы свою мысль. И чувствуешь, что именно то, что он говорит,—совершенно неизбежно, что иначе быть и не может...*

Ленин сыграл огромную роль в закладке фундамента нашего союза. Он был велик во всем...

Потом удалось нам укрепиться на железной дороге, но состояние транспорта все еще было ужасающее. В 1920 г. Ленин кликнул клич: «Все на транспорт». И хотя далеко не все было сделано, как думал Ленин, но все-таки транспорт нам удалось в конце концов восстановить, как мы восстанавливаем и другие важнейшие стороны нашего хозяйства. И недаром железнодорожники своей гордостью считали отремонтировать паровоз имени Ильича, отремонтировать поезд имени Ильича. Много таких паровозов и вагонов, носящих имя Ленина, сейчас совершают громадную работу по оживлению сношений и оздоровлению нашей огромной страны.

Ленин живет в каждой национализированной фабрике, в мастерской. Ленин живет почти в каждом оживленном паровозе, в каждом отремонтированном вагоне нашего транспорта. Во всем есть частичка его энергии, его усилий, его мысли.

При переходе к НЭП'у Ленин поддерживает создание ряда учреждений, вроде государственного банка и других наших финансовых и кредитных учреждений, самым близким и живым образом участвует в обсуждении всех проектов. Я думаю, не найдется ни одного сколько-нибудь серьезного решения, до его болезни, до его последнего ухода от работы, в котором бы Ленин не принимал не только просто участие, но которое он не направлял бы в должную сторону.

Но особенно большое значение Владимир Ильич придавал нашей внешней торговле. Наладить нашу внешнюю торговлю, даже после того как была прорвана блокада, было чрезвычайно трудно. Все эти маленькие пограничные республики, как Латвийская, Эстонская и другие, через которые мы могли прежде всего начать сношения с западно-европейским миром, смотрели на нас,

как на дойную корову, смотрели, как спекулянты. Они видели наше трудное положение, видели, как мы нуждаемся в очень многом, что до сих пор получали из-за границы, и поэтому не стеснялись сорвать с нас возможно дороже, прямо как ростовщики. Мы немало золота переплатили в первое время этим спекулянтам. Первое время, когда блокада была сломлена, наше положение было еще тем затруднено, что заграницей не хотели принимать за заказы наше золото («золотая», «финансовая» блокада), — и для того, чтобы продвинуть это золото, мы в то время переплатили около 45 милл. разного рода посредникам. Может быть, тут были сделаны те или иные ошибки (без ошибок в таком большом деле нельзя, конечно), но в конце концов мы добились первого торгового соглашения с Англией в марте 1921 г., тогда уже сношения стали легче.

Капиталисты всех стран стремились к другому. Они хотели бы, чтобы мы разрешили им ввозить товары, чтобы не было пошлины на их товары, чтобы они могли у нас свободно торговать и т. д. Правда, первое время они немножко боялись, все думали, что у них сейчас же отнимут все, что они привезут, ограбят их. Потом, когда они убедились, что у нас вовсе не такие порядки, они стали нажимать со всех сторон на наше правительство, чтобы добиться открытия наших таможен для них, открытия свободных портов и т. д.

Ленин считал, что *государственная монополия внешней торговли является одним из сильнейших орудий в наших руках для укрепления советского хозяйства, для борьбы с иностранным капиталом.* Поэтому Ленин боролся против всяких попыток сорвать эту государственную монополию внешней торговли. Он очень волновался осенью 1922 г., когда заметил некоторое колебание по этому поводу, но это были недолгие колебания, и XII съезд нашей партии подтвердил, что мы государственную монополию внешней торговли считаем одним из необходимых условий существования Советского государства, и это мы доказали уже в то время, когда Ленин был болен: эту крепость мы защищаем и будем ее защищать, пока не изменятся коренным образом условия.

За последнее время были неоднократные попытки пробить брешь в этом вопросе. Ленин завещал нам охранять государственную монополию внешней торговли, и это одна из наших трудных и больших задач на ближайшие годы. Может быть, потом обстоятельства как-нибудь изменятся так, что это не будет страшно; в особенности этот вопрос отпадет, если в других государствах установится диктатура пролетариата. Тогда, конечно, у нас будет свободный обмен с этими государствами.

Точно так же Ленин считал, что, сохраняя государственную монополию внешней торговли, мы должны привлечь к поднятию

нашего хозяйства иностранный капитал. Капиталисты Западной Европы и Америки ставили перед нами много раз вопрос о том, что мы должны признать старые царские долги. Тогда они готовы были оказать нам помощь. А теперь они должны признать нашу величайшую стойкость; и теперь, как вы видите, они наперерыв спешат заявить, что они признают Советскую Россию: вчера Англия, сегодня Италия, а за ними, несомненно, последуют и другие. Ленин это предвидел еще тогда, когда он делал доклад по поводу Генуэзской конференции на XI съезде нашей партии. Ленин говорил тогда:

Через Геную—если наши тамошние собеседники будут достаточно сообразительны и не слишком упрямы, мимо Генуи—если им вздумается упрямиться! Но цели своей мы достигнем!

Ленин оказался прав. Наши собеседники в Генуе оказались и недостаточно сообразительны, и слишком упрямы. Теперь они готовы приглашать нас даже в «Лигу Наций», в которой мы так же нуждаемся, как собака в пятой ноге. Тогда они надеялись вырвать у нас основные уступки, отказ от национализации, признание царских долгов и так далее. Летом 1923 г. лорд Керзон поставил нам ультиматум, угрожал войною. Победителями оказались мы. Цели своей мы достигли.

Ленин оказался прав, и действительность даже превзошла ожидания тов. Ленина. Англия и Италия признали наше Советское правительство не только с целью вести торговые сношения, но признали его, как говорится по ученому, «де-юре», т.-е. полноправным государством, с которым можно вести не только торговые, но и политические сношения, как с полноправным. А еще недавно все эти господа говорили: «разве можно иметь дело с такими разбойниками?».

Что касается концессий, то враги наши из породы меньшевиков и эс-эров очень много распространялись о том, что мы распродаем Россию, что мы готовы отдать ее иностранным капиталистам. Но так ли это? Один из крупнейших английских капиталистов Уркварт хотел у нас получить концессию на те золотые прииски, медные, цинковые, свинцовые рудники, которые он разрабатывал при царском правительстве на Урале, в Кыштым-Уфалейском округе и в Сибири, — так называемые Риддеровские прииски, серебряно-свинцовые, медные, цинковые и золотые. Именно Ленин настоял на том, чтобы не сдавать эту концессию на невыгодных нашему государству условиях. И он нам советовал не торопиться с этим, быть чрезвычайно осторожными, выгадывать, выжидать, в то же самое время сознавая, что нам необходимо во что бы то ни стало в кратчайший срок поднять наше хозяйство и для этого использовать и помощь иностранного капитала.

ЛЕНИН И КОМСОМОЛ.

Мне вспоминается сейчас яркий солнечный день 1 мая 1919 г. Ленин на трибуне на Красной площади. Вокруг море голов — детей, подростков, юношей, девушек. Это пришли школы, это пришли отряды комсомольцев на Красную площадь в день 1 мая. Они окружили площадь вокруг трибуны, сверкающей на солнце сосновыми перилами. Ленин перекинулся через перила, весь — устремление, порыв, весь — горячее, убежденное слово. Ленин обращается к молодежи и говорит о том, что именно эта молодежь достроит и доведет до конца дело, начатое поколением, к которому принадлежит Ленин. Мы не увидим уже расцвета коммунизма, вы его увидите, вы его достроите. Нам суждено было пойти невероятно суровым, трудным путем, путем кровавой борьбы. Мы должны были пробивать дорогу. Многие из вас, из детей, счастливы тем, что вам не придется итти этой трудной, жестокой дорогой.

Это звучит пророчески, вдохновенно, это запоминается на всю жизнь.

Ту же самую мысль он выразил впоследствии в своей речи на съезде Р.К.С.М.:

Тому поколению, представителям которого теперь около пятидесяти лет, нельзя рассчитывать, что оно увидит коммунистическое общество. До тех пор это поколение перемрет.

А то поколение, которому сейчас пятнадцать лет, оно и увидит коммунистическое общество, и само будет строить это общество.

И оно должно знать, что вся задача его жизни есть строительство этого общества.

Мне вспоминается Ленин на съезде Коммунистического Союза Молодежи, где он говорил серьезным тоном с подростками, с юношами так, как говорят только со взрослыми. У Ленина не было и тени того высокомерия старого работника, который смотрит сверху вниз на молодежь. Он видел в молодежи настоящих борцов, и в решительные моменты, как в Октябрьские дни,

на молодежь возлагал ответственнейшие задачи. Ленин никогда не отделял молодежь, в особенности рабочую молодежь, от всей остальной рабочей массы. Он считал только, что по отношению к молодежи необходимы особые способы работы и что эти способы работы среди молодежи надо тщательно вырабатывать, тщательно проверять. Лучше, если эта работа будет проделана самой молодежью. Он никогда, за исключением, может быть, своих юношеских годов, не вел специально работы среди молодежи, но придавал ей огромное значение, радовался каждый раз, когда, еще в изгнании, заграницей, ему удавалось завербовать в кружок кого-либо из молодежи.

Конечно, первую свою революционную работу начал Ленин среди учащихся, на которых он оказывал огромное влияние, с которыми он вел беседы. Конечно, Ленин оказывал влияние на студенческую молодежь. В ту пору борьбы при царском самодержавии, когда студенческая молодежь иногда бывала застрельщиком демонстраций, Ленин провел на II съезде партии в 1903 г. резолюцию, в которой приветствовал это оживление революционной самодеятельности среди учащейся молодежи и предлагал «всем организациям партии оказывать всяческое содействие этой молодежи в ее стремлениях организоваться», при чем всем кружкам и группам учащихся съезд, по его предложению, рекомендовал: *«во-первых — поставить на первый план своей деятельности выработку среди своих членов цельного и последовательного социалистического мировоззрения, серьезное ознакомление, с одной стороны, с марксизмом, а с другой стороны—с русским народничеством и западно-европейским оппортунизмом, как главными течениями среди современных борющихся передовых направлений; во-вторых — остерегаться тех ложных друзей молодежи, которые отвлекают ее от серьезного революционного воспитания»* [1]).

Кого же Ленин считает ложными друзьями молодежи? Ложными друзьями молодежи он считает тех пустозвонов, которые прикрывают непонимание действительной революционной борьбы пышными фразами, а с другой стороны—тех, кто прикрывает свою пустоту разговорами о вреде споров среди революционеров по поводу важнейших вопросов движения, которых они не понимают.

Конечно, без споров — и без резких иногда споров — молодежь и не могла бы выяснить правильного пути. Ленина тогда упрекали, что он чересчур резко выступает против народников, против эс-эров и против меньшевиков. Таких людей он и называл

[1]) Оппортунизмом мы называли и называем такое искажение нашего революционного учения, которое пытается приспособить его к условиям буржуазного общества, поступаясь главным революционным значением нашего учения.

ложными друзьями и говорил, что эти люди на деле распространяют легкомысленное отношение к революционной работе.

В-третьих, Ленин тогда уже рекомендовал этим кружкам учащихся связаться с рабочими организациями, чтобы «воспользоваться их указаниями и избегать, по возможности, крупных ошибок в самом начале работы». Тогда не было еще оформленного «Союза Молодежи», но в этой резолюции, которую Ленин составил для II съезда нашей партии, уже намечалась целая программа для такого союза, указывалось, чем должен заниматься в первую голову этот союз, каковы должны быть основы его деятельности и каким образом должен быть он связан с партией. Ленину приходилось неоднократно высказываться по разным поводам о работе среди молодежи: и в связи со студенческими волнениями, и в связи с отдачей студентов, в виде наказания за участие в студенческих демонстрациях и забастовках, в солдаты, и по другим случаям.

В то время, когда в Западной Европе движение среди молодежи было еще чрезвычайно слабо, Ленин вместе с Карлом Либкнехтом и Розой Люксембург ставил одной из серьезнейших задач — задачу агитации среди молодежи, подготовку ее в духе враждебности к капиталистическому государству и к милитаризму (военщине) капиталистического государства. Мне пришлось на Лондонском съезде нашей партии (в 1907 г.) вести разговор с Лениным о работе среди новобранцев, и он тогда придавал этой работе огромное значение.

Когда началась мировая война и огромную массу народа охватил военный угар, Ленин особенно серьезно стал приглядываться к юношескому движению. В это время в очень многих странах, в осбенности в Швеции, Норвегии, Голландии, Швейцарии и других, социалисты стали проповедывать, что необходимо разоружение. До этого социалисты выставляли требование организовать, вместо постоянной армии капиталистического государства, народную милицию или всеобщее вооружение народа. Теперь социалисты стали выдвигать требование разоружения. По поводу этого требования Ленин написал тогда во время войны (в 1916 г.) статью, в которой решительно высказывался против такого требования. Он отмечает в своей статье, что *«мы живем в классовом обществе и что из него нет и не может быть иного выхода, кроме классовой борьбы и свержения господствующего класса». «Нашим лозунгом,* — писал Ленин, — *должно быть вооружение пролетариата для того, чтобы победить, экспроприировать* (т.-е. отобрать) *средства и орудия производства и обезоружить буржуазию».*

Ленин видел, что империалистическая буржуазия ставит под ружье всю молодежь — ведь Германия поставила уже под ружье 16-летних подростков, недалеко от этого ушли и другие

капиталистические страны. В обычное время буржуазный класс был чрезвычайно недоволен, когда социалисты вовлекают молодежь в политическую борьбу. Тогда буржуазия говорит: молодежь не должна заниматься политикой. Но когда это выгодно, тогда буржуазия вооружает эту молодежь для отстаивания своих политических и экономических целей. «Завтра, — писал Ленин, — она приступит, пожалуй, к милитаризации (перевод на военное положение) женщин. Мы должны сказать по этому поводу: тем лучше. Скорее вперед. Чем скорее, тем ближе к вооруженному восстанию против капитализма.» И он вспоминает о том, как женщины и дети с 13 лет боролись во время Коммуны на ряду с мужчинами, и повторяет: «Иначе не может быть и при грядущих битвах за низвержение буржуазии».

Мы видели, что и в этом отношении Ленин оказался правым. Буржуазия, в конце концов, вооружала и женщин. Стоит вспомнить только женские батальоны времен Керенского, под руководством знаменитой мадам Бочкаревой.

Вместо того, чтобы проповедывать разоружение, Ленин проповедует всеобщее вооружение рабочих, советует им не отказываться от солдатчины, брать оружие, учиться военному делу, но для того, чтобы бороться против буржуазии своей собственной страны:

Теперь милитаризация проникает собою всю общественную жизнь. Империализм есть ожесточенная война великих держав за раздел и передел мира. Он неизбежно должен поэтому вести к дальнейшей милитаризации во всех странах, и в нейтральных, и в маленьких. Что же будут делать против этого пролетарские женщины? Только проклинать всякую войну и все военное, только требовать разоружения. Никогда женщины угнетенного класса, который действительно революционен, не помирятся с такой позорной ролью. Они будут говорить своим сыновьям:

— Ты вырастешь скоро большой. Тебе дадут ружье. Бери его и учись хорошенько военному делу. Эта наука необходима для пролетариев—не для того, чтобы стрелять против своих братьев, рабочих других стран, как это делается в теперешней войне и как советуют тебе делать изменники социализма, а для того, чтобы бороться против буржуазии своей собственной страны, чтобы положить конец эксплоатации, нищете и войнам, не путем добреньких пожеланий, а путем победы над буржуазией и обезоружением ее.

Как относится Ленин к организации Союза Молодежи? Прежде всего, он считает, что мы не можем предъявлять к организациям Союза Молодежи таких серьезных теоретических требований, т.-е. требований правильной, научной постановки вопроса, какие мы предъявляем к коммунистической партии.

Одно дело,—писал он в декабре 1916 года в сборнике «Социал-Демократ»,—сбивающие пролетариат с толку взрослые люди, которые претендуют на то, чтобы вести и учить других. С ними необходима беспощадная борьба. Другое дело—организации молодежи, которые открыто заявляют, что они еще учатся, что их основное дело готовить работников социалистических партий. Таким людям надо всячески помогать, отно-

ситься как можно терпеливее к их ошибкам, стараться исправлять их поступки и именно путем убеждения, а не борьбы.

Так же подчеркивает он здесь, в этой статье, необходимость уменья подойти к этим молодым товарищам.

Нередко бывает, что представители поколения пожилых и старых не умеют подойти, как следует, к молодежи, которая по необходимости вынуждена приближаться к социализму иначе—не тем путем, не в той форме, не в той обстановке, как ее отцы. Поэтому, между прочим, *за организационную самостоятельность Союза Молодежи мы должны стоять безусловно—и не только вследствие того, что этой самостоятельности боятся оппортунисты, а и по существу дела. Ибо без полной самостоятельности молодежь не сможет ни выработать из себя хороших социалистов, ни подготовиться к тому, чтобы вести социализм вперед.*

Вот почему и впоследствии, когда у нас организовался Коммунистический Союз Молодежи, Ленин был за то, чтобы Союз этот был самостоятельной организацией, со своим центральным комитетом, со своими губернскими, уездными комитетами и т. д. За полную самостоятельность Союза Молодежи стоял он всегда, но вместе с тем он считал необходимым *«полную свободу товарищеской критики их ошибок».*

Льстить молодежи мы не должны,—писал он в той же статье. — Об этом, к сожаленью, забывают очень часто многие наши очень уважаемые старые работники, которые говорят молодежи неправду, которые называют ее «вернейшим барометром нашей партии». Это и называется *льстить молодежи,* портить ее только.

Ленин был против этого. Ленин неоднократно выступал на собраниях молодежи, на съездах: он никогда этой молодежи не льстил, не подделывался под нее. Особенно ценные указания Ленин оставил Союзу Молодежи в своей речи на III Всероссийском съезде Р.К.С.М. 4 декабря 1920 г. Здесь он подчеркнул, что:

в известном смысле можно сказать, что *именно молодежи предстоит настоящая задача создания коммунистического общества.* Ибо ясно, что поколение работников, воспитанное в капиталистическом обществе, в лучшем случае сможет решить задачу уничтожения основ старого капиталистического быта, построенного на эксплоатации. Оно в лучшем случае сумеет решить задачи создания такого общественного устройства, которое помогло бы пролетариату и трудовым классам удержать власть в своих руках и создать прочный фундамент, на котором может строить только поколение, вступающее в работу уже при новых условиях, при такой обстановке, когда нет эксплоататорского отношения между людьми.

Такие же задачи стоят перед молодежью в нашей Советской Социалистической Республике. Эти задачи заключаются в том, чтобы учиться. Чему должна учиться молодежь? Как будто, никакого сомнения не могло быть в том, что коммунистическая молодежь должна учиться коммунизму. Но Ленин предостерегает молодежь от такого понимания этой задачи, будто дело заключается в том, чтобы «усвоить ту сумму знаний, которая изложена в коммунистических учебниках, брошюрах и трудах». Такое понимание,—говорит он,—было бы слишком грубо и недостаточно. Если бы,—говорит Ленин,—дело заключалось только в этом, «тогда

слишком легко мы могли бы получить коммунистических начетчиков или хвастунов, а это сплошь и рядом приносило бы нам вред и ущерб, так как эти люди, научившись и начитавшись того, что изложено в коммунистических книгах и брошюрах, оказались бы неумеющими соединить все эти знания и не сумели бы действовать так, как того действительно коммунизм требует».

И Ленин снова и снова повторяет молодежи, что простое книжное усвоение того, что говорится в книгах о коммунизме, было бы в высшей степени неправильно. Изучение коммунизма Ленин понимает так, что это изучение должно быть связано с работой и борьбой за коммунизм.

Ленин предостерегает молодых товарищей против того, чтобы они относились с пренебрежением к старой дореволюционной науке. «Наша культура, — говорит он, — строилась только на том, что мы использовали сумму накопленных человечеством знаний. Коммунистом стать можно лишь тогда, когда обогатишь свою память знанием всех тех богатств, которые выработаны человечеством». Конечно, это не значит, что мы должны хватать решительно все, что оставила нам прежняя наука. Ленин решительно высказывается против верхоглядства, т.-е. против того, чтобы без критики, без самостоятельной большой работы над полученным материалом пользоваться готовыми выводами. В особенности же Ленин борется против того предрассудка, который есть у многих коммунистов и который заключается в том, что эти коммунисты воображают, что нечего им учиться у старой буржуазной науки и что раз они коммунисты, то они всю мудрость постигли. «Если я знаю, что знаю мало, я добьюсь того, чтобы знать больше. Но если человек будет говорить, что он коммунист и что ему знать ничего не надо прочего, то ничего похожего на коммуниста из него не выйдет.»

Ленин обращает внимание коммунистов-комсомольцев на то, что главная задача, которая стоит перед ними, это *помочь нашей стране восстановить разрушенное хозяйство, возродить его, поднять его на более высокую ступень.*

У предыдущего поколения задача сводилась к свержению буржуазии. Тогда главная задача была критика буржуазии, развитие в массах ненависти к ней, развитие классового сознания, умение сплотить свои силы.

Перед новым поколением стоит задача более сложная. Мало того, что вы должны объединить все свои силы, чтобы поддержать рабоче-крестьянскую власть против нашествия капитализма. Это вы должны сделать. Это отчетливо представляет себе коммунист. Но этого недостаточно.

Вы должны построить коммунистическое общество. Первая половина работы во многих отношениях сделана. Старое разрушено, как его и следовало разрушить; оно представляет из себя груды развалин, как и следовало превратить его в груду развалин; расчищена почва—и на этой почве молодое коммунистическое поколение должно строить коммунистическое общество.

Перед вами задача строительства, и вы можете ее решить, только овладев всем современным знанием, умея превратить коммунизм из готовых заученных формул, советов, рецептов, предписаний, программ — в то живое, что объединяет вашу непосредственную работу, *превратить коммунизм в руководство для вашей практической работы.*

Вот задача ваша, которой вы должны руководствоваться в деле образования, воспитания, подъема всего молодого поколения. *Вы должны быть первыми строителями коммунистического общества среди миллионов строителей, которыми должны быть всякий молодой человек, всякая молодая девушка.*

Без привлечения всей массы рабочей и крестьянской молодежи к этому строительству коммунизма вы коммунистического общества не построите.

Ленин обращает внимание молодежи на то, что она свою *нравственность должна строить на интересах классовой борьбы пролетариата.* Что это означает? Это означает, что нравственным коммунистическая молодежь должна считать то, что полезно, нужно для дела пролетариата, что укрепляет дело пролетариата; и безнравственным, вредным она должна считать все то, что вредит интересам пролетариата, делу рабочего класса.

Ленин эту мысль выразил следующим образом:

Мы говорим: нравственность — это то, что служит разрушению старого эксплоататорского общества и объединению всех трудящихся вокруг пролетариата, создающего новое общество коммунистов.

Коммунистическая нравственность — это та, которая служит этой борьбе, которая объединяет трудящихся против всякой эксплоатации, против всякой мелкой собственности, ибо мелкая собственность дает в руки одного лица то, что создано трудом всего общества.

Конечно, буржуазия по этому поводу говорит, что у коммунистов нет нравственности, нет морали. Ленин объясняет, в каком смысле отрицаем мы мораль, отрицаем нравственность:

в том смысле, в каком проповедывала ее буржуазия, которая выводила эту нравственность из велений бога. Мы на этот счет, конечно, говорим, что *в бога не верим, и очень хорошо знаем, что от имени бога говорило духовенство, говорили помещики, говорила буржуазия, чтобы проводить свои эксплоататорские интересы.* Или вместо того, чтобы выводить эту мораль из велений бога, они выводили ее из идеалистических или полуидеалистических фраз, которые всегда сводились тоже к тому, что очень похоже на веления бога.

Старое общество было основано на угнетении помещиками и капиталистами всех рабочих и крестьян. Нам нужно было это разрушить, надо было их скинуть, но для этого надо создать объединение. Боженька такого объединения не создаст. Такое объединение могли дать только фабрики и заводы, только пролетариат, обученный, пробужденный от старой спячки.

Ленин поставил перед молодежью перед рабочей и крестьянской молодежью — так же как перед всем рабочим классом и крестьянством — задачу уничтожения класса капиталистов и не только класса капиталистов, но вообще уничтожения деления на классы, — а это дело чрезвычайно трудное.

Но уничтожить классы несравненно труднее. Все еще осталось разделение на рабочих и крестьян. Если крестьянин сидит на отдельном участке земли и присваивает себе лишний хлеб, т. е. хлеб, который не нужен ни ему,

ни его скотине, а все остальные остаются без хлеба, то крестьянин превращается уже в эксплоататора. Чем больше оставляет он себе хлеба, тем ему выгоднее, а другие пусть голодают: «чем больше они голодают, тем дороже продам я этот хлеб». *Надо, чтобы все работали по одному общему плану на общей земле, на общих фабриках и заводах и по общему распорядку. Легко ли это сделать? Вы видите, что тут нельзя добиться решения так же легко, как прогнать царя, помещиков и капиталистов. Тут надо, чтобы пролетариат перевоспитал, переучил часть крестьян, перетянул тех, которые являются крестьянами трудящимися, чтобы уничтожить сопротивление тех крестьян, которые являются богачами и наживаются на счет нужды остальных.*

Значит, задача борьбы пролетариата еще не закончена тем, что мы свергли царя, прогнали помещиков и капиталистов, а в этом и состоит задача того порядка, который мы называем диктатурой пролетариата.

Основной задачей организации Коммунистического Союза Молодежи Ленин считал то, что путем воспитания в коммунистическом духе молодежи вытравливается дух собственности. Дело это чрезвычайно трудное, но без этого не может быть коммунистического общества и этого не будет до тех пор, пока дух собственности владеет массой отдельных хозяйств.

Старое общество было основано на таком принципе, что либо ты грабишь другого, либо другой грабит тебя; либо ты работаешь на другого, либо он на тебя; либо ты рабовладелец, либо ты раб. И понятно, что воспитанные в этом обществе люди, можно сказать, с молоком матери воспринимают психологию, привычку, понятия — либо рабовладелец, либо раб, либо мелкий собственник, мелкий служащий, мелкий чиновник, интеллигент, — словом, человек, который заботится только о том, чтобы иметь свое, а до другого ему дела нет. Если я хозяин на этом участке земли, мне дела нет до другого; если другой будет голодать, тем лучше: я дороже продам свой хлеб. Если я имею свое местечко, как врач, как инженер, учитель, служащий, мне дела нет до другого. Может быть, потворствуя, угождая власть имущим, я сохраню свое местечко, да еще смогу и пробиться, выйти в буржуа. Такой психологии и такого настроения у коммуниста быть не может.

В чем же должно состоять воспитание молодежи? В том ли, что мы будем заниматься проповедью хороших правил перед молодежью о том, как ей жить, как поступать, как обращаться с другими людьми, с родителями, с товарищами, со сверстниками своими молодыми, или в чем другом?

Ленин решительно высказывается против такого воспитания.

Воспитание коммунистической молодежи, — говорит он, — должно состоять не в том, что ей подносят всякие усладительные речи и правила о нравственности.

Не в этом состоит воспитание. Воспитывать коммунистическую молодежь нужно борьбой, вовлекая ее в борьбу с буржуазией, со всякими остатками буржуазного порядка. Делать их действительными участниками этой борьбы, непосредственными строителями нового коммунистического общества, заставляя их самих строить это самое общество.

Когда люди видели, — говорил Ленин, — как их отцы и матери жили под гнетом помещиков и капиталистов, когда они сами участвовали в тех

муках, которые обрушивались на тех, кто начинал борьбу против эксплоататора, когда они видели, каких жертв стоило продолжать эту борьбу, чтобы отстоять завоеванное, каким бешеным врагом являются помещики и капиталисты, — тогда эти люди воспитываются в этой обстановке коммунистами.

Коммунистический Союз Молодежи только тогда оправдает свое звание, что он есть союз коммунистического молодого поколения, если он каждый шаг своего учения, воспитания и образования будет связывать с участием в общей борьбе всех трудящихся против эксплоататоров. Ибо вы прекрасно знаете, что пока Россия останется единственной рабочей республикой, а во всем остальном мире существует старый буржуазный порядок, мы слабее их, что каждый раз нам угрожает новый натиск, что только, если мы научимся сплочению и единодушию, мы победим в дальнейшей борьбе и, окрепнув, станем действительно непобедимыми.

Отсюда Ленин выводил такое определение коммуниста:

Быть коммунистом, — говорил он, — это значит *организовывать и объединять все подрастающее поколение, давать пример воспитания и дисциплины в этой борьбе.* Тогда вы сможете начать и довести до конца постройку здания коммунистического общества.

На нескольких примерах Ленин показал, в чем должна состоять работа молодежи. Прежде всего — уничтожение безграмотности. Страна наша неграмотна. Без грамотности не может быть социализма. В неграмотной стране социализма создать нельзя, это Ленин подчеркивал много раз. Но превратить Россию из темной безграмотной страны в грамотную чрезвычайно трудно. «*Но если за это дело возьмется Союз Молодежи, если вся молодежь будет работать на пользу всех, тогда этот союз, объединяющий 400.000 юношей и девушек, имеет право называться Союзом Коммунистической Молодежи.* Задача Союза состоит еще в том, чтобы, усваивая те или иные знания, помочь той молодежи, которая сама не может высвободиться из тьмы безграмотности.»

Эту речь Ленина должен изучить каждый комсомолец, знать ее твердо. Он должен усвоить, чему учил Ленин, в чем видел он образец примерного комсомольца. *Быть членом Союза Молодежи значит — вести дело так, чтобы отдавать свою работу, свои силы на общее дело. Вот в этом состоит коммунистическое воспитание. Только в такой работе превращается молодой человек или девушка в настоящего коммуниста, только в том случае, если они этой работой сумеют достигнуть практических успехов, они становятся коммунистами.*

И он подчеркивает неоднократно ту мысль, чтобы именно так ставился вопрос — чтобы Союз Молодежи практически помогал строить коммунистическое общество, чтобы крестьяне и рабочие видели, что в лице Коммунистического Союза Молодежи общество построило организацию, необходимую для победы коммунизма.

У нас одно время среди молодежи — в особенности среди учащейся молодежи — спорили, должна ли учащаяся молодежь

принимать участие в общественной жизни, или она в те годы, когда она учится, должна только заниматься учобой, и больше ничем (такие люди называются «академистами»). Ленин был противником этого. Он говорил: мы хотим Россию из страны нищей и убогой превратить в страну богатую; и нужно, чтобы Союз Коммунистической Молодежи дело образования своего, своего учения и своего воспитания соединял с трудом рабочих и крестьян, чтобы они не запирались в своих школах и не ограничивались лишь учеными коммунистическими книгами и брошюрами. Только в труде вместе с рабочими и крестьянами можно стать настоящим коммунистом.

Эта речь Ленина является завещанием Союзу Молодежи. В этой речи он обращает внимание на то, что Союз Молодежи должен работать не только среди взрослой молодежи, но и среди подростков, детей, что коммунистическое воспитание должно стать по крайней мере с двенадцати лет воспитанием в сознательном и дисциплинированном труде.

Надо, чтобы Союз Коммунистической Молодежи воспитывал всех с молодых лет, с двенадцати лет, в сознательном и дисциплинированном труде. Вот каким образом мы можем рассчитывать, что те задачи, которые теперь поставлены, будут разрешены.

Нам следует рассчитывать, что нужно не меньше десяти лет для электрификации страны, чтобы наша обнищавшая земля могла быть обслужена по последним достижениям техники.

И вот поколение, которому теперь пятнадцать лет и которое через десять-двадцать лет будет жить в коммунистическом обществе, должно все задачи своего учения ставить так, чтобы каждый день в любой деревне, в любом городе молодежь решала практически ту или иную задачу общего труда, — пускай самую маленькую, пускай самую простую.

По мере того как это будет происходить в каждой деревне, по мере того как будет развиваться коммунистическое соревнование, по мере того как молодежь будет доказывать, что она умеет объединить свой труд, по мере этого успех коммунистического строительства будет обеспечен.

Только смотря на каждый шаг свой с точки зрения успеха этого строительства, только спрашивая себя, все ли мы сделали, чтобы быть объединенными, сознательными трудящимися, только в этом длительном процессе Союз Коммунистической Молодежи сделает то, что он полмиллиона своих членов объединит в одну армию труда и возбудит общее уважение к себе.

И теперь, когда Коммунистический Союз Молодежи хочет превратить свой союз в Ленинский Союз, он этим налагает на себя огромные обязанности. Ленин придавал очень большое значение названию Союза Молодежи, в том смысле, что он очень боялся, как бы слово «коммунистический» не оказалось только пустым придатком. Раз Союз называется коммунистическим, надо, чтобы он и на деле таковым был. А теперь, если Союз Молодежи будет называться Ленинским, надо, чтобы он действительно оправдал это название, оправдал все те надежды, которые возлагал на него Ленин.

Коммунистический Союз Молодежи в нашей партии, в нашей революции сыграл громадную роль, сражался и сражается в пере-

довых рядах на всех фронтах. И Ленин знал, что *рабочая молодежь есть опора и надежда революции.* В Октябрьские дни в своем письме, посланном им перед восстанием некоторым организациям и написанном 8 октября 1917 г., Ленин давал такой совет:

Выделить *самые решительные* элементы (наших «ударников» *и рабочую молодежь*, а равно лучших матросов) в небольшие отряды для занятия ими всех важнейших пунктов и для участия их везде, во всех важнейших операциях.

Окружить и отрезать Питер, взять его комбинированной атакой флота, рабочих и войска — такова задача, требующая *искусства и тройной смелости.*

Составить отряды наилучших рабочих с ружьями и бомбами для наступления и окружения «центров» врага (юнкерские школы, телеграф, телефон и пр.) с лозунгом: *погибнуть всем, но не пропускать неприятеля.*

Будем надеяться, что в случае, если наступление будет решено, руководители успешно применят великие заветы Дантона[1]) и Маркса — *смелость, смелость и еще раз смелость.*

Вы видите, какие огромные надежды возлагал Ленин на рабочую молодежь. Там, где нужно было искусство и тройная смелость, где нужна была уверенность, что мы сумеем погибнуть все, но не пропустим неприятеля, где нужна была смелость, смелость и еще раз смелость, Ленин выдвигал рабочую молодежь. Рабочая молодежь оправдала эти надежды Ленина, эту его оценку, и мы убеждены в том, что рабочая молодежь, которая теперь идет с низов в отряды юных пионеров, в Комсомол, идет на смену Коммунистической Партии и будет решительным поколением ленинцев, которое воплотит в себе лучшие его черты и в жизнь проведет его заветы.

Молодые рабочие!

Ильич привел пролетариат к Октябрьской победе. В Советском государстве, руководимом Ильичем, для вас открылась дорога к знанию, к участию в борьбе и в строительстве новой жизни. Сомкнувшись вокруг Комсомола, рабочая молодежь должна вместе с ним бороться и учиться. *Молодое поколение пролетариата должно стать поколением ленинцев.*

Молодые крестьяне!

Под руководством Ильича и партии большевиков крестьянство прогнало помещиков и отобрало у них землю. В тягчайшие годы гражданской войны руководимое Ильичем Советское государство отстояло от помещиков и царских генералов крестьянскую землю.

Через неразрывный союз рабочих и крестьян, через постоянную помощь города деревне и деревни городу Ильич повел крестьянство к лучшей жизни. Вместе с рабочей молодежью вы получили доступ к знанию и культуре, вместе с рабочей молодежью вы должны побороть темноту и невежество, сомкнуться под знаменем Комсомола, *укрепить смычку рабочих и крестьян и тем самым воплотить дело Ильича в жизнь.*

Комсомольцы!

Ильич привил нам огненную ненависть к обществу насилия и порабощения; он вселил в нас свою железную волю, направленную к разрушению этого общества, к созданию коммунизма.

---

[1]) Дантон — один из вождей и организаторов Великой Французской революции.

Ильич учил нас на тернистых и извилистых путях к победе никогда не поддаваться усталости, колебаниям, унынию. Ильича не стало. Но Коммунистическая Партия, опираясь на неразрывный союз рабочих и крестьян, впитывая в себя из вашей среды новые и новые тысячи молодых ленинцев, продолжит и завершит его бессмертное дело.

Тесней ряды вокруг нашей партии!

Упорной и длительной учобой впитаем в себя опыт старой, большевистской гвардии!

Выкуем в своих рядах закаленную и непобедимую армию ленинцев!

Этими мужественными призывами встретил смерть Ленина пленум Ц.К. Р.К.С.М. И мы уверены, что это не пустые слова, что Коммунистический Союз Молодежи явится достойным наследником Ленина, впитает в себя опыт старой большевистской — ленинской — гвардии и доведет до конца дело коммунизма.

ЛЕНИН И РАСКРЕПОЩЕНИЕ ЖЕНЩИНЫ [1]).

Нельзя пройти в этой книге мимо той борозды, которую провел Ленин в вопросе о раскрепощении женщины. К этому вопросу он возвращался много раз, не только тогда, когда говорил по другим вопросам, но также и в самостоятельных речах на съездах и совещаниях по вопросу о работе среди работниц и крестьянок. Ленин не принадлежал к числу тех, кто думает, что вопрос о раскрепощении женщины есть какой-то особый вопрос, не связанный с общим решением вопроса о классовом устройстве общества.

К 4-летней годовщине Октябрьской революции Ленин написал статью в «Правде» (№ 234 от 18 октября 1921 г.). В этой статье Ленин ставит вопрос, в чем главная заслуга Октябрьской революции. На этот вопрос Ленин отвечает:

Главное, основное в большевизме и в русской Октябрьской революции есть втягивание в политику именно тех, кто был более всего угнетен при капитализме. Их давили, их обманывали, их грабили капиталисты и при монархии и в демократическо-буржуазных республиках. Этот гнет, этот обман, этот грабеж народного труда капиталистами был неизбежен, пока держалась частная собственность на землю, фабрики и заводы.

Возможно ли было бы без этого хотя бы частичное раскрепощение женщины? Ясное дело, что об этом и вопроса не могло быть.

В чем видит Ленин сущность большевизма?

Сущность большевизма, — говорит Ленин, — в том, чтобы втянуть в политику массы, которые до этого были забиты и задавлены капитализмом. А мы все знаем, что более всего при капитализме забита и задавлена женщина. На этой забитости, задавленности женщины строят всю свою политику так называемые «христианские» профессиональные союзы или католические профессиональные союзы, на этой задавленности так называемые христианские социалисты или католические социалисты строят свою поли-

[1]) Настоящая глава является переделкой статьи, помещенной в № 7 «Коммунистки» за 1923 г., посвященном юбилею этого журнала.

тику. На этом строят свою политику просто все белогвардейские организации в Западной Европе, держащие под властью религии, этого орудия капиталистического строя, угнетенную и порабощенную женщину. Поэтому уничтожить власть капиталистов и *втянуть в политику массы нельзя без того, чтобы не втянуть в политику женщин.* Ибо женская половина рода человеческого при капитализме угнетена вдвойне. Работница и крестьянка угнетены капитализмом, и сверх того они даже в самых демократических из буржуазных республик остаются, во-первых, неполноправными, ибо равенства с мужчиной закон им не дает; во-вторых, — и это самое главное, — они остаются в «домашнем рабстве», «домашними рабынями», будучи задавлены самой мелкой, самой черной, самой тяжелой, самой отупляющей человека работой кухни и вообще одиночного домашне-семейного хозяйства.

Уже из одного этого отрывка видно, о чем думал Ленин, когда он думал о женщине-работнице. Он думал о том, что ее надо во что бы то ни стало освободить от «домашнего рабства», чтобы она перестала быть «домашней рабыней», чтобы она не была задавлена самой мелкой, самой черной, самой тяжелой, самой отупляющей работой кухни и вообще одиночного домашнего семейного хозяйства. А можно ли это сделать без социалистической революции? Конечно, уничтожение бесправия, это как будто было делом буржуазной революции. Почему в самом деле в буржуазных странах нельзя уничтожить бесправие женщины? На словах все буржуазные государства порицают эксплоатацию женщин, очень много хороших слов говорится об эксплоатации женщин буржуазными политиками, в буржуазных парламентах, журналах и газетах. А на самом деле ни одно буржуазное государство не уничтожило бесправия женщин. По этому вопросу Ленин высказывался в той же самой своей статье «К 4-летней годовщине Октябрьской революции». Там он писал:

Возьмите религию, или бесправие женщины, или угнетение и неравноправие не-русских национальностей. Это всё вопросы буржуазно-демократической революции. Пошляки мелкобуржуазной демократии 8 месяцев об этом болтали. Нет ни одной из самых передовых стран мира, где бы эти вопросы были решены в буржуазно-демократическом направлении до конца. У нас они решены законодательством Октябрьской революции до конца. Мы с религией боролись и боремся по-настоящему. Мы дали всем не-русским национальностям их собственные республики или автономные области. У нас нет в России такой низости, гнусности и подлости, как бесправие или неполноправие женщины, этого возмутительного пережитка крепостничества и средневековья, подновляемого корыстной буржуазией и тупой, запуганной мелкой буржуазией во всех без единого изъятия странах земного шара.

Все это содержание буржуазно-демократической революции. Полтораста лет и двести пятьдесят лет тому назад обещали народам передовые вожди этой революции (этих революций — если говорить о каждом национальном виде одного, общего типа) освободить человечество от средневековых привилегий, от неравенства женщины, от государственных преимуществ той или иной религии (или «идеи религии», «религиозности» вообще), от неравноправия национальностей. Обещали и не выполнили. Не могли выполнить, ибо помешало «уважение» к «священной частной собственности». В нашей пролетарской революции этого проклятого «уважения» к этому

трижды проклятому средневековью и к этой «священной частной собственности» не было.

В другой статье «Международный день работницы» («Правда» № 51, 8 марта 1921 г.) Ленин писал о том же самом, о том, как Советская Республика, как пролетарская наша Октябрьская революция подрезала корни гнета и неравенства женщины, подрезала так глубоко, как не удавалось подрезать их ни одной партии и ни одной революции в мире. В чем он видит особенно важное значение Октябрьской революции, так это в том, чтобы с этого момента дело освобождения женщины двигалось вперед не отдельными, небольшими передовыми группами рабочих и работниц, а самой рабочей и крестьянской массой.

Освобождение народа, — говорит он в этой статье, которую я упоминал, — освобождение рабочих и работниц от ига капитала идет неудержимо вперед, и дело повели вперед десятки и сотни рабочих и работниц, крестьян и крестьянок, и *поэтому это дело освобождения труда от ига капитала победит во всем мире.*

От неравенства женщины с мужчиной по закону у нас в Советской Республике не осталось и следа. Особенно гнусно, подло, лицемерно неравенство в брачном и семейном праве. Неравенство по отношению к ребенку уничтожено Советской властью полностью. Это первые только шаги к освобождению женщины, но ни одна из буржуазных, хотя бы и наиболее демократических республик не осмелилась сделать и этих первых шагов. Не осмелилась из страха перед «священностью» частной собственности.

Конечно, это освобождение женщин работниц и крестьянок, произведенное Октябрьской революцией, не уничтожило еще окончательно неравенства мужчин и женщин. Осталось экономическое неравенство. И это происходит потому, что, наряду с зачатками социалистического устройства, наряду с тем, что у нас имеется государственная промышленность, у нас имеются еще миллионы частных хозяйств. До тех пор, пока существуют частные хозяйства, до тех пор будет трудно уничтожить экономическое неравенство. Оно порождается ролью, отведенной женщине в семейном хозяйстве. В социалистическом хозяйстве женщина выполняет ту же самую работу, что и мужчина; в частном, в единичном, в семейном домашнем хозяйстве роль женщины иная, чем мужчины. Там мужчина считает, что целый ряд дел не касается женщин, «это не женское дело», а от этого получается то самое неравенство, которое может уничтожить только коммунистическое общество. Ленин подчеркивает, что уничтожение неравенства женщины с мужчиной, которое по закону провела Советская власть, советский пролетариат, это только первые шаги к освобождению женщины. Но можно ли было бы что-нибудь сделать без этих первых шагов? Конечно, нет. Даже в экономической области, где трудно быстро произвести корен-

ные изменения, этот именно шаг позволил нам сделать в самое трудное время, в самых трудных условиях лишений, недостатков, разрухи, за короткое время столько, сколько нельзя было бы сделать и в самых лучших условиях в странах, где нет диктатуры пролетариата. Да и сейчас экономическое положение работниц в России еще чрезвычайно тяжело, как тяжело экономическое положение рабочего класса вообще. Но если сравнить то, что есть, с тем, что было до революции в области социального обеспечения женщины-работницы и крестьянки, в области охраны материнства и младенчества, то, конечно, за это короткое время проделана громадная работа. Незаметно она как будто подняла множество учреждений, которые своими заботами поддерживают женщину-мать, безработную работницу. Можно ли это все сделать без того, чтобы в этом строительстве, в создании этого не принимали участия сами женщины-работницы? Конечно, то, что мы по закону уничтожили правовое неравенство мужчин и женщин, это еще, может быть, и не так много, но это советское законодательство сейчас уже наложило глубокий отпечаток, внесло глубокие изменения в быт семьи, в быт женщины, в отношения между матерью и ребенком. Разве можно было думать до этого, чтобы женщина могла принимать какое-нибудь участие в политической жизни страны? Мы говорим не о женщине из буржуазного общества, — одиночки из этого общества и раньше могли принимать некоторое участие в политической жизни страны, — мы говорим о женщине-работнице, о женщине-крестьянке, которые только после Октября смогли принять участие в политической жизни страны. Это дает ей возможность самой вырабатывать новые формы жизни, создавать новое законодательство, участвовать в организациях Советского государства, — решительно всюду. Если остаются пережитки капитализма, раз наряду с социалистическим хозяйством остаются еще остатки старой патриархальной семьи (с властью старших), раз не уничтожена еще эксплоатация человека человеком, не уничтожена еще купля и продажа, а стало быть и проституция, конечно, женщина работница и крестьянка не может еще принимать участия во всей этой работе в той мере, в какой это необходимо для перестройки общества. Но если подсчитать то, что было сделано женщинами за эти шесть с половиной лет, то окажется, что за все прежние годы женщинам этого не удалось сделать. И это не только в нашей стране, которая считается некультурной и проч. Возьмем более культурные, более развитые экономически страны, и там мы увидим, что все их слова о свободе, о просвещении, культуре, цивилизации и прочее, прочее — звучат насмешкой по отношению к миллионам трудящихся женщин.

К двухлетней годовщине Советской власти Ленин написал в «Страничке работницы» в «Правде» статью: «*Советская власть*

и положение женщины». В этой статье Ленин поясняет, почему все это происходит:

Просвещение, культура, цивилизация, свобода — все эти пышные слова соединяются во всех капиталистических буржуазных республиках мира со зверски-грубыми законами о неравенстве женщины, законами о брачном праве и о разводе, о неравенстве внебрачного ребенка с «законнорожденным» — о привилегиях для мужчины, об унижении, оскорблении для женщины...

Буржуазная демократия на словах обещает равенство и свободу. На деле женской половине человеческого рода ни одна, хотя бы самая передовая буржуазная республика не дала ни полного равенства с мужчиной по закону, ни свободы от опеки и от угнетения мужчины...

Буржуазная демократия есть демократия пышных фраз, торжественных фраз, громких слов, велеречивых обещаний, громких лозунгов свободы и равенства, а на деле это прикрывает несвободу и неравенство трудящихся и эксплоатируемых...

Советская или социалистическая демократия отметает прочь пышные, но лживые слова, объявляет беспощадную борьбу лицемерию «демократов» помещиков, капиталистов или сытых крестьян, которые наживаются на спекулятивной продаже излишков хлеба голодным рабочим.

Кто говорит о политике, демократии, о свободе, о равенстве, о социализме, не ставя этих вопросов, не выдвигая их на первый план, не воюя против скрывания, затушевывания этих вопросов, тот — худший враг трудящихся, тот — волк в овечьей шкуре, тот — злейший противник рабочих и крестьян, тот — слуга помещиков, царей, капиталистов.

За два года Советская власть в одной из самых отсталых стран Европы сделала для освобождения женщины, для равенства ее с «сильным» полом столько, сколько за сто тридцать лет не сделали все вместе передовые просвещенные «демократические» республики всего мира.

Самым трудным делом, конечно, является второй и главный шаг — отмена частной собственности на землю, фабрики и заводы. Мы отменили частную собственность на землю, фабрики и заводы. Они у нас все национализированы. Но перейти сразу к социализму в условиях небывалой нищеты, в условиях страшного разорения после войны и в условиях капиталистического окружения и поражения первых попыток пролетарской революции на Западе — дело особенно трудное. Нам переход к социализму удался только в небольшой степени. Но врастание в социализм стало для нас возможно, как и вообще возможно для любой страны, только после того, как власть захвачена рабочим классом, только после того, как рабочий класс сам научается управлять государством. И эту науку в Советской Республике смогли пройти тысячи трудящихся женщин, стоящих во главе фабрик и заводов, в фабзавкомах, в правлениях предприятий, в исполкомах Советов и в целом ряде других организаций.

И это стало возможно только потому, что в политической жизни стали принимать участие не только интеллигентные женщины, но и работницы от станка, десятки тысяч делегаток, крестьянки от сохи и домашние хозяйки, избранные в Советы, уча-

ствующие в съездах и конфёренциях, решающие вопросы вместе, рука-об-руку с мужчинами.

Но уничтожить совершенно частную собственность мы не смогли. Затянувшийся переходный период дает возможность временно укрепиться торговому капиталу, а известно, что торговый капитал есть отец промышленного и дед финансового капитала. Обнищание страны, разруха промышленности, отсталость и блокада, интервенция, гражданская война, а вслед за ними голод — все это мешало и мешает нам с необходимой быстротой подвести базу под социалистическое хозяйство в деревне. В значительной части те же причины помешали нам развить достаточно и переходную организационную форму приобщения крестьян к социализму — кооперацию. Все это, конечно, так, и без этого нам трудно мечтать о том, чтобы достигнуть не только политического, не только правового раскрепощения женщины, но — что всего важнее — раскрепощения экономического. Национализация частной собственности на землю, фабрики и заводы открыла путь к этому — путь к освобождению женщины от домашнего рабства «путем перехода от мелкого одиночного домашнего хозяйства к крупному, обобществленному».

Переход этот труден, ибо дело здесь идет о переделке наиболее укоренившихся, привычных, закорузлых, окостенелых порядков (по правде сказать, безобразия и дикостей, а не порядков). Но переход этот начат, дело двинуто, на новый путь мы вступили. Все зависит от того, насколько сами женщины усвоят это, насколько они активно будут принимать участие во всей предстоящей гигантской работе.

Ленин был решительным противником того буржуазного женского движения, которое известно на Западе под именем феминистского движения, т.-е. такого движения, в котором женщины стараются отвоевать у буржуазного общества привилегии, которыми пользуются мужчины. Там это движение обычно окрашивается в такой цвет: дескать, женщины лучше мужчин, способнее их, и они должны занять их место. Такие женщины конкурируют с мужчиной, а вовсе не стремятся к тому, чтобы быть равноправным сотрудником мужчины. Есть у нас товарищи, которые смотрят так же на эту работу, которая ведется Коммунистической Партией среди работниц и крестьянок. Эти товарищи говорят, что нам не только не нужно иметь отдела работы среди работниц и крестьянок (так называемых женотделов), но что отделы эти приносят вред. Кроме того они указывают на то, что у нас очень мало женщин работниц и крестьянок, и в партии и в Советах; при этом они упускают из виду экономические условия, в которых живет женщина, большую политическую отсталость, особые условия, в которых работают женщины, а также не замечают того, что с каждым днем

и с каждым годом все больше и больше женщин работниц и крестьянок вовлекается во всякого рода организации, производственные, культурно-просветительные, участвуют в Советах, втягиваются в профессиональные союзы, фабрично-заводские комитеты, а через партию, через Советы, через профессиональные союзы и фабзавкомы втягиваются все больше и больше в партию и участвуют таким образом больше, чем прежде, в общественной жизни. Ленин прямо высказался в том духе, что «освобождение женщин-работниц должно быть делом самих женщин-работниц», в том же самом смысле, в каком мы говорим, что освобождение рабочих должно быть делом самих рабочих. Значит ли это то, что мы должны организовать самостоятельные профсоюзы, что женщина должна бороться обособленно, отдельно от мужчины, что она должна себе ставить какие-то отдельные, особые задачи? Конечно, нет.

Это значит лишь, что в работе тех учреждений, которые имеют главным образом в виду раскрепощение женщины, освобождение ее от тяжелых обязанностей, налагаемых на нее домашним хозяйством и всем бытом нашего мелкобуржуазного индивидуального домашнего хозяйства, женщина работница должна принимать наиболее активное участие, должна заботиться о развитии этих учреждений всеми силами и средствами.

Ленин предупреждает тех рабочих и работниц, которые вначале считают очень простым и легким делом дело раскрепощения работниц, а когда сталкиваются с огромными трудностями, отходят от общественного дела. Он предупреждает их, что «работа эта не может дать быстрых результатов и не производит блестящего эффекта (впечатления)».

Ленин для раскрепощения женщины сделал не меньше, чем для раскрепощения угнетенных национальностей Востока. Вот почему в длинных очередях, которые стояли при 26-градусном морозе около Дома Союзов, чтобы взглянуть в последний раз на пролетарского вождя, было так много женщин. Вот почему неподдельные слезы проливались на заводах, где были работницы.

Женщина-работница, женщина-крестьянка потеряла в лице Ленина своего лучшего друга, руководителя в освободительной борьбе. Но Ленин указал ей верный и правильный путь. Этот верный и правильный путь заключается в том, чтобы довести дело пролетарской революции, дело коммунизма, до конца. Этот путь в том, чтобы бороться в рядах Коммунистической Партии за дело коммунизма, и те работницы, которые рвут сейчас со всеми предрассудками и идут в партию, лучше всего показывают, что они поняли учение Ленина, поняли пути, на которых лежит полное их освобождение.

ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ О СЕБЕ.

(Анкета для делегатов, заполненная Владимиром Ильичем на X Всероссийском съезде Р. К. П.)

Год рождения. — *1870.*

Состояние здоровья. — *Здоров.*

Какие языки знаете. — *Английский, немецкий; французский плохо; итальянский очень плохо.*

Какие местности России знаете хорошо и сколько лет там прожили. — *Знаю Поволжье, где родился и рос до 17 лет.*

На каких Всероссийских съездах вы участвовали. — *На всех, кроме июля или августа 1917 г.*

Были ли заграницей. — *В ряде стран Западной Европы в 1895, 1900 — 1905, 1908 — 1917 г.г.*

Военная подготовка. — *Никакая.*

Образование. — *В 1891 г. окончил (сдал экстерном) Петроградский университет на юридическом факультете.*

Основные занятия до 1917 г. — *Литератор.*

Какие знаете специальности. — *Никаких.*

Чем занимались после 1917 г., кроме партийной, профессиональной, советской и т. п. — *Кроме указанных, только литературной* работой.

К какому профсоюзу принадлежите в настоящее время. — *К союзу журналистов.*

Работа с 1917 г. — *Председатель Совнаркома и СТО.*

С какого времени состоите членом Р.К.П. — *С 1894 г.*

Принадлежали ли к другим партиям, если да, то к каким. — *Нет.*

Участие в революционном движении.

Когда.	Где.	В какой организации.
1892 — 1893	*Самара.*	*Нелегальные кружки соц.-демокр., а со времени основания Р.С.-Д.Р.П. — ее член.*
1894 — 1895	*Петербург.*	
1895 — 1897	*Тюрьма.*	
1898 — 1900	*Енисейская г.*	
1900 — 1905	*Заграницей.*	
1905 — 1907	*Петербург.*	
1908 — 1917	*Заграницей.*	

Подвергались ли репрессиям за революционную деятельность. — *В 1887 г. — арест, 1895 — 1897 — арест, 1898 — 1900 — Сибирь, 1900 — арест.*

Сколько времени провели в тюрьме. — *Несколько дней плюс 14 месяцев.*

На каторге или ссылке. — *3 года.*

В эмиграции. — *9 — 10 лет.*

ТРЕТЬЯ ЧАСТЬ

ЛЕНИН — ТОВАРИЩ. ЛЕНИН — ДРУГ. ЛЕНИН — РАБОТНИК.

Впоследствии целые томы напишут и тысячи людей расскажут о Ленине, о своих встречах с ним, разговорах, о его делах. Но и те, кто никогда с Лениным не сталкивался на дороге, кто ни разу не видел Ленина, ни разу не говорил с ним, кто непосредственно ни за чем не обращался к Ленину, его силу чувствовали,— и чувствовали ее в самых отдаленных глухих углах. В чем же тайна этой силы? Тайна в том, что Ленин умел сочетать в себе то, что он был действительно великим вождем и в то же время простым, понятным, близким самому темному крестьянину, самому отсталому рабочему.

И необычайно прост он был во всем. Когда Ленин говорил перед рабочей, перед крестьянской массой, он не подлаживался своим разговором, речью своей, словами под мужицкий рабочий говор. Без всяких усилий, без всякой фальши он говорил простым языком, и рабочим и крестьянам всегда казалось, что Ленин угадывает их мысли, что он говорит то, о чем они сами думали. И удивлялись: как это у Ленина выходит все так, и как раз в точку то, что они сами думали. Ленин не любил вычурных, мудреных, красивых фраз. Он избегал их. Временами речь его, его слово поднимается до высших вершин красоты. Но это — красота какая-то особенно простая, красота понятная, близкая, без фальши, без выкрутас, без непонятных рабочему и крестьянину украшений. Такой простоты не выдумаешь, искусственно не создашь, она из нутра, из глубины натуры Ленина.

Недаром нам писатели говорят о том, что у Ленина в крови старый бунтарский дух Степана Разина и Емельяна Пугачева. И недаром с другой стороны его сравнивают многие с «другом народа» Великой Французской революции Жан-Полем Маратом. Фанни Каплан копировала французских буржуазных революционеров-жирондистов, хотела сыграть роль Шарлотты Корде,

которая убила Марата. Ленин-Марат был действительным другом народа, беспощадным бичом, беспощадным мечом всей буржуазии, которую он ненавидел каждой клеточкой своего тела, каждой каплей своей крови. Ленин-Марат был неподкупным ни для какого чувства, ни для какой дружбы там, где дело шло о пролетарской революции, об ее интересах. Он готов был пожертвовать всеми лучшими друзьями, на время оставался даже одиноким, с тем, чтобы все видели, за что он стоит, чего добивается, чтобы поняли его, ленинскую, правду.

В чем тайна этого огромного влияния на рабочих и крестьян? В том, что Ленин умел прислушиваться к голосу рабочих и крестьян. Меньшевики не однажды указывали, что Ленин умеет дать самые простые, самые понятные народу лозунги. Это была действительно одна из сил Ленина — суметь найти простой, ясный, объединяющий миллионы людей лозунг, понятный клич, ведущий к ясно намеченной цели. По разговору с отдельными работниками, по случайным разговорам с крестьянином, с крестьянкой Ленин умел угадать, почувствовать, о чем думает народ, чем он живет, чем мучается. Чтобы понять этот народ, он иногда по целым часам мог говорить с 16-летним сыном рабочего Емельянова, который считал себя левее Ленина, был анархистом. Из разговора с отдельной финской крестьянкой, которая говорила, что не надо бояться человека с ружьем, потому что этот человек с ружьем — это красногвардеец, Ленин чувствовал, как крестьяне относятся к Красной гвардии. Сколько раз крестьяне и рабочие приходили с великими нуждами в Москву! И они знали, что если «дойти до Ленина», написать ему, — Ленин сделает, Ленин выслушает, Ленин поможет. И когда Ленин говорил перед рабочими, перед крестьянами, они чувствовали, что он говорит от самого сердца, что он перед ними выкладывает свои самые задушевные мысли, самые задушевные думы, — это оттеняет в своей речи сестра его Мария Ильинична, которая так близко знала Ленина. Оттого все знали, что в словах Ильича нет обмана, что слово Ильича — крепко, что на него можно положиться.

И всех подкупала необычайная скромность Ленина. Кто знает, как он жил заграницей, тот должен признать, что и в Советской России, будучи президентом этой огромной Республики Советов, одной шестой части земного шара, будучи председателем Совнаркома, Ленин жил с тою же простотой, с какой, конечно, не жил и не живет ни один президент какой бы то ни было республики.

В его кремлевской квартире сохранялась необычайная простота. Мне всегда казалось в те несколько посещений его за эти годы в его квартире, что Ленин живет просто, как квалифицированный, сравнительно хорошо оплачиваемый рабочий. Про-

стенькая клееночка на столе, маленькая тесная столовая, с простенькими горшками цветов на окнах; строгая, без всяких украшений спальня, простое, почти солдатского сукна, одеяло... Во всем эта простота, как и в одежде и в обуви. Часто можно было видеть на Ленине заплатанные ботинки, заштопанный, потертый пиджак. Ленин не только говорил об экономии, но действительно берег каждую советскую копейку. И ни в ком эти чисто внешние качества так не были слиты с внутренней скромностью Ленина. Не с той скромностью, о которой говорится, что унижение паче гордости. У него никогда не было такого унижения. Наоборот, была своего рода гордость, всегда связанная с этой скромностью, а скромность такая же естественная, простая. Вот крестьяне вспоминают, как он приходил на первый съезд крестьянских Советов, совсем незаметный, в потертом пальто, так даже — не обратишь на него внимания.

Тов. Сталин рассказывает, как он впервые увидел Ленина на конференции большевиков в Таммерфорсе в 1905 г. Он говорит, что Ленин рисовался в его воображении в виде великана, статного, представительного. Он представлял себе, что «великий человек» обязательно должен запаздывать на собрания, с тем, чтобы все его с замиранием сердца ждали. «Каково же, — говорит тов. Сталин, — было мое разочарование, когда я узнал, что Ленин явился на собрание раньше делегатов и, забившись где-то в углу по-простецки, ведет беседу, самую обыкновенную беседу с самыми обыкновенными делегатами конференции».

В этой книге разбросано множество фактов, отмечающих эту простоту его обращения с рабочими и крестьянами на съездах, совещаниях, в приемной Совнаркома, на заседаниях Центрального Комитета, во всякого рода комиссиях, где Ленин работал и где это его качество подкупало, окрыляло многих, делало ближе к нему. Человек переставал теряться, чувствовать себя ничтожеством, а сам поднимался в своих глазах от этого простого, товарищеского его общения с Лениным.

Все отмечают внимательность к нуждам товарищей, и это внимание к нуждам товарищей тоже вытекало из необычайной простоты тов. Ленина. Всякий знает, что он не только умел слушать товарища, прислушиваться к тому, что он говорит, но никогда не забывал, что надо что-нибудь сделать для этого товарища, — и каждый, кто близко соприкасался с Лениным, испытал на себе эту его заботу. Я думаю, что по крайней мере полчаса—час в день в среднем у Ленина уходило на то, чтобы устроить того или другого товарища, позаботиться о его здоровье, о квартире, о лечении. Он требовал от нас, чтобы мы наблюдали за лечением уставших товарищей, посылал то одного, то другого товарища отдохнуть, подкормиться, требовал установления лечебного режима для особенно много работавших, для особенно уста-

вших товарищей. А сам работал за всех, работал чрезмерно, но так, что как будто работу эту он делает легко, без всякого напряжения.

А работа эта была прямо необъятная. Когда сейчас пересматриваешь все, что сделал Ленин, все, что им написано, продумано, переработано, чувствуешь, что нет уголка в нашей работе, нет такой области, где Ленин не осветил бы эту работу своей творческой мыслью, не дал бы ей верного направления, не наложил бы отпечатка своей гениальности. Трудно представить себе, как один человек мог все это делать. Это верно, что он беспощадно растратил свой мозг на эту работу, сгорел на медленном огне этой самой работы. Председатель Совнаркома, постоянный, почти бессменный, председатель Политбюро, фактический председатель Совета Труда и Обороны, главный докладчик на всех съездах партии, на всех съездах Советов, проверяющий каждый вопрос; сам продумает, сам проверит, внесет в него свою инициативу, свой творческий почин. Будет проверять исполнение принятого, дойдет до мелочей, во все вникнет. Но это бралось нечеловеческим напряжением мозга, нервов, всего организма. И Ленин растратил его в 54 года. Может быть, еще на 20 — 30 лет хватило бы этой могучей натуры, если бы не такая кипучая работа. А если бы Ленина поставить 5 — 6 лет тому назад перед вопросом о том, чего он хочет — работать ли так, как он работал, со всем напряжением своих сил, отдавая себя до последней капли крови своей для рабочего класса 5 — 6 лет, — или работать с прохладцей 15 — 20 лет, он бы выбрал первое, как в той сказке про орла, которого спросили, что он хотел бы — жить 300 лет, питаясь мертвечиной, или жить короткий век без этой мертвечины.

Что привлекало к Ленину — это его необычайная выдержанность, принципиальность, т.-е. уменье упорно отстаивать главное, основное, что заключается в учении коммунизма. Можно уступать в мелочах, можно уступать в побочном, надо уметь лавировать, отступать, но *не отступать от главного*. Вот как он ставил вопрос о Питере в моменты завоевания власти: «Чтобы непременно были заняты и *ценой каких угодно потерь* были удержаны телеграф, телефон, железнодорожные станции, мосты в первую голову: *погибнуть всем, но не пропускать неприятеля*».

Да, в такие моменты Ленин не знал отступлений. И не раз и не два эта его выдержанность, принципиальность была проверена на опыте, когда партия колебалась, когда отдельные отряды ее колебались, когда отдельные вожди колебались. Ленин не колебался никогда перед тем, порывать ли с тем или иным товарищем, если этот товарищ, по его мнению, отступал, мешал делу пролетариата. Вот почему его очень часто считали сектантом,

человеком крайне нетерпимым, фанатиком. А он знал: если тот путь, который он отстаивает, правилен, то не страшно на время остаться и одиноким, только бы он был убежден в том, что этот путь правилен. Тогда ему удастся убедить и миллионы людей, удастся убедить и всю партию и весь рабочий класс.

Сколько раз он рвал с друзьями, настаивал на исключении товарищей и еще совсем недавно настаивал на исключении отдельных членов Центрального Комитета нашей партии за неподчинение партийной дисциплине.

Партийная дисциплина! У нас в партии есть товарищи, которые очень часто забывают, как она нам нужна, больше, чем где бы то ни было, чем какой бы то ни было партии.

Тайн для Центрального Комитета, тайн для Центральной Контрольной Комиссии он не признавал. *23 января 1923 г.* он писал, что «члены Центральной Контрольной Комиссии обязаны присутствовать в известном числе на каждом заседании Политбюро, должны составить сплоченную группу, которая, «не взирая на лица», должна будет следить за тем, чтобы ничей авторитет не мог помешать им сделать запрос, проверить документы и вообще добиться безусловной осведомленности и строжайшей правильности дел. А у нас сейчас находятся товарищи, которые называют себя ленинцами и оскорбляют имя Ленина тем, что перед Центральной Контрольной Комиссией имеют тайны, о которых они не могут сказать членам Центральной Контрольной Комиссии, созданной по мысли Ленина!

Вот эта простота Ленина, соединенная с величайшей скромностью, с внимательностью к нуждам товарищей, с огромной работоспособностью и огромной работой, с принципиальной выдержанностью и с проведением в жизнь суровой партийной дисциплины, выработала из Ленина человека, который умел побеждать. В этом была тайна его огромного влияния на всех нас. Мы знали, что, если Ленин чего хочет, он будет упорно добиваться, он *сумеет добиться*, он все аргументы, все доказательства, все силы своей логики, всю сумму фактов и все наши слабости приведет в доказательство своей мысли и заставит нас признать свою правоту.

При этом Ленин никогда не терял головы. Это о нем можно сказать больше, чем о ком бы то ни было, словами Огюста Бланки, великого французского революционера: «Пусть голова ваша будет холодна, как лед, а сердце горячо, как пламя». Холодная голова, никогда не впадающая в панику, и горячее сердце — это Ленин. Как бы ни была велика опасность, Ленин ровен, спокоен, ничем не выдает своего волнения; чем больше трудностей падает на наши плечи, чем больше опасностей вырастает вокруг нас, Ленин как будто становится все спокойнее, все ровнее, все увереннее, не впадает в панику.

На XI съезде Ленин предупреждает нас, чтобы мы были беспощадны ко всем тем, кто сеет панику, особенно в моменты, когда партия отступает.

Самая опасная штука при отступлении — это паника. Ежели вся армия (тут я говорю в переносном смысле) — отступает, тут такого настроения, какое бывает, когда все идут вперед, быть не может. Тут уже на каждом шагу вы встретите настроение до известной степени подавленное.

И вот в этом громадная опасность: отступать после победоносного великого наступления страшно трудно; тут имеются совершенно иные отношения; там дисциплину если и не поддерживаешь, все сами собой прут и летят вперед; тут и дисциплина должна быть сознательней и во сто раз нужнее, потому что, когда вся армия отступает, ей не ясно, она не видит, где остановиться, а видит лишь отступление, отсутствие громадного увлечения. Тут иногда достаточно и немногих панических голосов, чтобы все побежали. Тут опасность громадная. Когда происходит такое отступление с настоящей армией, ставят пулеметы, и тогда, когда правильное отступление переходит в беспорядочное, командуют: «стреляй». И правильно.

Если люди вносят панику, хотя бы и руководствуясь лучшими побуждениями, в такой момент, когда мы ведем неслыханно трудное отступление и когда все дело в том, чтобы сохранить хороший порядок, в этот момент *необходимо малейшее нарушение дисциплины карать строго, жестоко, беспощадно, и не только по отношению к некоторым внутрипартийным нашим делам,* но это надо иметь в виду — еще больше по отношению к таким господам, как меньшевики или все господа из $2^1/_2$ Интернационала.

Наряду с этим у Ленина была присущая ему «дерзость», дерзость мысли, дерзость воли; когда многих разъедала рассудочность, когда другие переживали тысячи колебаний, Ленин учитывал все обстоятельства, ставил вопрос наиболее смело. Он при этом неоднократно ссылался на великого полководца Наполеона, который руководствовался правилом, в переводе на русский язык звучащим приблизительно так: «сначала ввяжемся в драку, а потом разберемся». Или, другими словами, — надо начать дело. Вот этого-то у многих и не было — *начать, иметь смелость вступить в бой.* Конечно, вступать в бой, когда нет никаких шансов на победу, преступно. Но Ленин умел лучше других видеть, при каких условиях даже сравнительно немного шансов на победу могут вырасти, могут превратиться в решительную победу. Что дало ему эту возможность — это *учет момента,* особенность нутром понимать массы, понимать их настроение, именно, как Ленин сам неоднократно говорил, — считать на миллионы, т.-е. учитывать настроение миллионной массы рабочих и крестьян.

Признавал ли Ленин сам себя вождем? Да, в этом была его великая гордость. Он чувствовал, что он действительно вождь пролетарской революции, он завоевал право называться вождем пролетарской революции. И когда отдельные товарищи возмущаются критикой того или другого вождя, то надо помнить, что Ленин меньше всего избегал критики его как вождя, меньше всего избегал указания на свои ошибки. Наоборот, у него было

гораздо больше, чем у кого бы то ни было из нас — чувство ответственности, огромное чувство ответственности вождя перед пролетарской массой. Именно это чувство ответственности давало ему силы сознаваться в своих ошибках. Ленин учил нас, что самое вредное для пролетарской революции, это — не уметь сознаваться в своих ошибках, эту мысль он подчеркивал неоднократно, на X съезде партии, на XI съезде партии и на конференции Коминтерна, он говорил, что партия, которая не умеет сознавать свои ошибки, погибнет, а мы не погибнем потому, что мы видим свои ошибки, можем в них сознаться и можем их исправить.

У Ленина, больше чем у кого бы то ни было из вождей пролетарской революции, было развито чувство связи с массами, вера в массы, понимание масс, близость к массам. Когда теперь читаешь глупейшие рассуждения меньшевиков о том , что Ленин стоял за заговорщицкую тактику, что Ленин — узкий сектант, что Ленин — сторонник узкой кружковщины, что Ленин — бланкист, т.-е. сторонник заговорщицких приемов Бланки, что Ленин — анархист и проч., и проч., чувствуешь, как все это фальшиво, как нагло и глупо. Пусть найдут в истории еще один пример вождя, который так близок был к массам, который так был уверен в этих массах. Но мало одной уверенности, надо уметь найти способ быть близким к этим массам, чтобы массы тебя понимали, и заслуга Ленина была в том, что он самые сложные мысли нашей партии умел влагать, облекать в формы, понятные массам.

Ленин вел огромную переписку, деловую и дружескую. Когда сейчас перечитываешь то, что написал Ленин, все эти мелкие записочки, капитальные произведения, массу всякого рода писем, чувствуешь, какое он громадное значение придавал убеждению, слову. Он не просто хотел, чтобы все признали его непогрешимость, а он действительно убеждал, доказывал, и если видел, что хоть сколько-нибудь ценный для партии человек колебался, он ничего не жалел для того, чтобы этого товарища убедить, вызывал его для разговора, поручал кому-нибудь с ним переговорить, написать этому товарищу, и в этом глубоком внимании к отдельным членам великого рабочего коллектива, — нашей партии, — заключается тайна той глубокой спайки, которую каждый чувствовал с Лениным.

Ленин был совестью нашей партии. Перед Лениным никто не мог лгать. Когда кто-нибудь совершал недопустимый для коммуниста поступок, Ленин часто вызывал такого товарища к себе, и товарищ, вызванный к Ленину, без слов чувствовал и знал, зачем он вызван, и никому не приходило в голову, чтобы Ленину можно было солгать, что перед Лениным можно быть неискренним. Ленин очень тонко чувствовал каждую фальшь, каждую

неискренность. И при всем том Ленин был, как говорится, рубаха-парень. Это чувствовал каждый, кто с ним сталкивался на работе и в часы отдыха.

Все, жившие с ним подолгу, встречавшиеся с ним не на работе, могут рассказать, какой был весельчак Ленин, как умел он заразительно смеяться. Вот Зиновьев, годами живший с Лениным вместе, рассказывает о нем:

Владимир Ильич любил природу во всех ее видах и проявлениях. Этот величайший мыслитель умел резвиться, как умеют комсомольцы. Он был первый запевала на любой прогулке, первый конькобежец в нашей компании, велосипедист, прекрасный турист (т.-е. путешественник), лучше всех лазил на снежные горы, любил охоту, был первый подстрекатель купаться в ледяных горных речках Галиции. Он смеялся с заражающим весельем, насвистывал, пел.

Таким останется Ленин в нашей памяти. Ленин — ласковый и в то же время смелый ребенок в воспоминаниях его близких, в воспоминаниях крестьян; Ленин — талантливый юноша в гимназии, с огромной выдержкой, с огромной работоспособностью, с задатками будущего революционера, крепкого, стойкого человека; любимый Володя Ульянов, каким он остался в памяти его сверстников по школе.

Ленин — серьезный марксист-студент, «дерзкий молодой человек», опрокидывающий народнические кумиры ложных понятий о народе, высмеивающий лживых «друзей народа», разоблачающий обман либералов. Организатор марксистских кружков, в душе своей сочетавший образ брата своего, народовольца Александра Ульянова, с ясностью научной социалистической мысли марксиста, — таким сохранится молодой Владимир Ульянов, студент, высылаемый, гонимый, будущий вождь рабочего класса.

Ленин — автор первых марксистских статей, написанных против народовольчества, автор книги «Что такое друзья народа», организатор рабочих кружков, организатор «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», — таким останется в нашей памяти Ленин, проповедник будущей пролетарской революции в России.

Ленин в ссылке, работающий над книгой «Развитие капитализма в России», собирающий съезд своих сосланных товарищей, работающий над задачами нашей партии в России, связанный тайно с зарубежным партийным центром, — таким в нашей памяти сохранится ссыльный Ленин.

Ленин — организатор нашей партии, редактор «Искры», бессменный член Центрального Комитета, организатор и руководитель партии большевиков, организатор левой фракции во II Интернационале, враг меньшевиков и других извратителей и развратителей рабочего движения. Враг революционной фразы; человек действия, непреклонный страж революционной

марксистской мысли; враг ликвидаторства; собиратель рассеянных отрядов нашей партии; факел в темной ночи столыпинской реакции; руководитель рабочей мысли в период нового подъема рабочего движения, — таким останется Ленин в годы первой пролетарской революции, в годы последовавшей за ними реакции и нового подъема рабочего движения.

Ленин, объявляющий войну войне, строящий новый Коммунистический Интернационал, Ленин — организатор левой группы в Циммервальде и Кинтале, беспощадно разоблачающий ложь социал-патриотов, собирающий силы коммунистов, проникающий своей правдой в окопы фронтов, заводы, в деревни; за хлеб, за мир, за свободу поднимающий миллионы рабочих и крестьян, оклеветанный, гонимый, преследуемый правительством Керенского, — таким останется в нашей памяти Ленин мировой войны, Ленин от февраля до Октября.

Ленин — вождь Октябрьской революции. Ленин — председатель первого Совнаркома первого Советского государства, организатор его и вождь. Ленин, строящий Коммунистический Интернационал. Ленин, ведущий нашу партию от одной победы к другой; Ленин, преодолевающий все трудности первого периода революции; Ленин — поддерживающий нашу бодрость в самые тяжелые минуты наших поражений. Ленин — научивший нас думать по-марксистски, бороться по-революционному, по-ленински. Этот Ленин живет в нас и дает нам силы продолжать дело коммунизма, закончить его.

ЛЕНИН БОЛЬНОЙ. СМЕРТЬ ЛЕНИНА.

Солнце померкло, звезда закатилась.

Солдаты царской армии, кто из вас был в окопах, вспомните, чем был для вас окружающий мир! Вы устремлялись с мольбами и тоской к небу, а в ответ вам сыпались снаряды. Увы, напрасны были ваши молитвы!..

Но вот среди лесов и полей, где ежеминутно взрывались ужасные бомбы, между трупов и стонов раненых пронеслось: *Ленин.*

Из-за границы пришел Ленин.

— Вам тяжело, я знаю,—сказал он,—слушайте меня, идите за мной.—Его клич был кличем вождя. Этот клич проник глубоко в каждое солдатское окровавленное сердце. За ним шли. За лозунги Ленина не было жаль жизни. Умирали с радостью, никто о себе не думал.

То, что он обещал, пришло. Зацвели красные маки. Черная тоска сменилась радостью. Голод и разруху оставили за плечами, стали вдоволь есть хлеб.

Ленину нельзя было не верить. Такому мы верили. Мы говорили ему. «Зови, веди, пойдем, не обманешь!..».

Заболел. Дорожили каждым его часом. Ленин живи! Ты один понимаешь нас как никто! Нас, мужиков, царя растоптавших!

А сегодня у каждого на сердце черные пятна. Закатилась звезда. Москва, Россия, Союз Республик облеклись в траур. Солнце померкло.

Великого Ленина между нами не стало.

Из письма шахтера Тарасова.

За всю прежнюю свою революционную деятельность, до самого последнего времени, до конца 1921 г., Ленин поражал всех своей неутомимостью, неисчерпаемой энергией, невероятным напряжением сил. Это правда, что он беспощадно растратил свой мозг, свои силы. В день его смерти ему было всего 54 года.

В. И. Ленин на смертном одре.

Еще недавно мы праздновали пятидесятилетие со дня его рождения и были уверены в том, что Ленин еще долго будет стоять у руля.

Ленин вел всегда необыкновенно простой образ жизни. Никаких излишеств. Терпеть не мог, когда на собраниях и заседаниях курили. Закалял свое тело холодными купаниями, горными прогулками за десятки верст пешком или на велосипеде. Товарищи, которые жили с ним заграницей, Зиновьев, Каменев и др., знают, как в этом отношении Ленин был неутомим, был застрельщиком, зачинщиком всякого рода далеких прогулок на высочайшие горы, Альпийские и Карпатские, поражая всех своей выносливостью, своим жизнерадостным, веселым характером. На взморье, на юге в Италии, дети итальянских рыбаков прозвали его «сеньоре дринь-дринь», «господин колокольчик», — за его веселый смех, которым он оглашал взморье, когда купался вместе с итальянскими ребятишками. Без внешнего особого утомления работал он 16 — 18 часов в сутки непрерывно, почти никогда не пользуясь отдыхом. Насильно приходилось Ленина заставлять немножко хотя бы отдохнуть, отойти от работы.

Вместе с тем, Ленин, живя заграницей, испытывал очень большие материальные лишения, жил впроголодь, питался хуже всякого рабочего, имеющего постоянный заработок, никогда не имел просторной, светлой квартиры. Эта жизнь, полная тревог и лишений, полная борьбы, подтачивала его силы незаметно. Затем, — это невероятное напряжение сердца, напряжение мозга! Сердце и мозг Ленина работали нечеловечески, изнашивались, незаметно для нас, в этой бешеной работе, которой удивлялись всегда и друзья и враги, особенно иностранцы. А к этому надо прибавить такие лишения и такие нездоровые условия жизни, как жизнь на болоте летом 1917 г., когда Ленин скрывался от ищеек эс-эровских, меньшевистских и кадетских, от Керенского и К°. Прибавьте к этому его раны, — почти смертельные, полученные им 30 августа 1918 г., — и тогда понятно будет, как организм Ленина был надломлен за все эти годы.

Но Ленин никогда не жаловался. Так только: схватится за голову во время работы, потрет себе виски, —и опять за работу. Мы все замечали в последнее время некоторую утомленность Ленина. Мы настояли на том, чтобы он хоть немного отдохнул. Ленин подчинился постановлению Ц.К. партии, но, будучи и на отдыхе, никак не мог примириться с тем, что ему нельзя совсем принимать участия в работе. Нет-нет, да и пришлет какую-нибудь записочку, какое-нибудь письмо, какой-нибудь запрос по тому или иному делу.

К лечению Владимира Ильича были приняты самые энергичные меры, были выписаны лучшие врачи по нервно-мозговым и сердечным заболеваниям, как только заметили, что он болен,

Лучшие врачи-коммунисты также принимали участие в этом лечении.

В начале мая 1922 г. нас всех охватила величайшая тревога, когда Ленина постиг первый удар, когда он утратил не надолго речь и способность двигать правой рукой и правой ногой. Ленин сам чувствовал, что это опасно, что это может кончиться скоро и плохо. Он смотрел правде в глаза и спрашивал врачей: скажите, есть ли это конец? Если это конец, тогда я должен сделать те или иные срочные распоряжения. Но врачи были уверены в том, что это не конец, что Ленина удастся спасти. И действительно, хотя эти припадки ударов повторялись в течение нескольких месяцев, однако уже в июле 1922 г. Ленин настолько быстро стал поправляться, что его трудно было уже удержать от участия в работе. Да он и не мыслил себе жизни без такой работы.

Мы все были немножко эгоистами, — в хорошем смысле этого слова, конечно. Мы все радовались тому, что Ленин снова может выступать, говорить, писать, председательствовать на наших собраниях, руководить нашей работой. Когда Ленин вернулся к работе, нам и в голову не приходило отговаривать его от участия в работе. Конечно, нами руководила в этом случае уверенность, что никто лучше не поведет Коммунистический Интернационал, Совет Народных Комиссаров, все наше Советское государство, всю нашу партию, как это делает тов. Ленин.

В октябре месяце 1922 г. Ленин вернулся к работе, и мы слышали его на 4 сессии В.Ц.И.К., на заседании 31 октября 1922 г. Это была краткая речь. Мы все видели, как волнуется Ленин, — и все-таки он хотел выступить на этом заседании. Он не хотел отказаться от борьбы, от работы.

На 4 конгрессе (съезде) Коммунистического Интернационала Ленин выступает 13 ноября 1922 г. с докладом: «Пять лет Российской революции и перспективы мировой революции». Тов. Г. Зиновьев, председатель Исполкома Коминтерна, об этом его выступлении вспоминал на заседании Ленинградского совета 7 февраля:

Владимир Ильич выступает уже больной, с надломленными силами, несмотря на отговаривание его близких. Владимир Ильич неустанно работал над делом международного сплочения рабочего класса. Мы все помним его небольшую речь на немецком языке на IV Конгрессе Коминтерна. Когда он окончил, он едва держался на ногах, — до того он устал. Он был весь мокрый от пота, и все же он не хотел отказаться от выступления на IV Конгрессе. Он хотел хоть в нескольких словах сказать рабочим всего мира, что у нас в Советской России дело идет вперед, что НЭП нас не загубит, что мы останемся коммунистической партией... Он говорил им: «Мы вас поддержим, надейтесь на нас, у нас крепкие плечи. Готовьтесь солиднее, не принимайте боя слишком рано, копите силы, бейте буржуазию наотмашь, бейте ее в грудь, тогда вы будете действительно уверены в том, что вы ее победите». («Ленинградская Правда» № 33, 10 февраля 1924 г.)

Таков был смысл его речи на IV конгрессе, которая стала его лебединой песнью.

И после этого через неделю, на пленуме Московского Совета, в заседании 19 ноября 1922 г., Ленин опять выступает с программною речью. Он не любил говорить о своей болезни ни с кем и не любил, когда ему напоминали, что он больной. Ни в его статьях, ни в его речах вы не найдете ни малейшей жалобы на нездоровье. Только на XI съезде Ленин, как бы извиняясь перед партией, говорит о том, что он не мог как следует разработать к его докладу материал, касающийся работы наших государственных трестов. «К сожалению, — говорил он, — по ряду причин, *в значительной степени по болезни*, этой части доклада я не мог разработать и только должен ограничиться выражением своего убеждения, основанного на наблюдении того, что происходит». Это было в конце марта 1922 г., когда Ленин уже чувствовал утомление. Речь свою на пленуме Московского Совета Ленин начинает опять-таки с извинения перед товарищами: видите, мол, товарищи, и я сделался неработоспособным, опаздываю на собрания:

Я очень сожалею и очень извиняюсь, что не мог прибыть на ваше заседание раньше. Вы, насколько мне известно, собирались несколько недель тому назад устроить мне возможность посетить Московский Совет. Мне не удавалось сделать это, потому что *после болезни, начиная с декабря месяца, я, выражаясь языком профессионалиста, потерял работоспособность на довольно длительный срок, и в силу уменьшения работоспособности мне пришлось откладывать с недели на неделю настоящее выступление.*

В это время у Ленина не было, повидимому, сомнения в том, что он будет продолжать работу. На этом заседании он говорит о том, как ему пришлось значительную долю работы навалить на Цюрупу, потом на Рыкова, потом на Каменева. Он, между прочим, говорит о том, что на Каменева оказались взваленными целых два воза, и что Каменев оказался исключительно способной и ретивой лошадкой.

Но все-таки тащить два воза не полагается, и я теперь с нетерпением жду времени, когда вернутся товарищи Цюрупа и Рыков [1]), и мы разделим работу хоть немножечко по справедливости. Я же *в силу уменьшения работоспособности* должен присматриваться к делам в гораздо более значительный срок, чем это хотел бы.

Вдумайтесь в эти слова. Сколько в них простоты и сознания в то же самое время некоторой своей беспомощности. Видите, мол, товарищи, не могу везти так, как раньше, воз. Но если он перед собранием в этом и сознавался, то на деле старался вести все попрежнему, брал себе работу не под силу, и уговорить его не делать этого было чрезвычайно трудно.

---

[1]) Цюрупа и Рыков были в отпуску, лечились.

В начале декабря возобновились припадки, сначала в такой форме, что он еще не утратил речи, и хотя не мог писать, но мог диктовать товарищу, который стенографически (скорописью) записывал мысли тов. Ленина. Так он вел день за днем свой дневник, в котором записано много ценных, богатых мыслей. Часть этого дневника он разрешил опубликовать еще при жизни. Таким образом появились тогда в печати «Странички из дневника», написанные по поводу политического уровня и материального положения народных учителей, где он завещает нам поднять положение народных учителей, улучшить его. Эти мысли записал он 4 января 1923 г.

В то же самое время Ленина не покидает мысль о других больших вопросах, которые стоят перед нами. Он пишет 17 января 1923 г. ответ на книгу Суханова по поводу нашей революции. 25 января 1923 г. он диктует статью: «Как нам реорганизовать Рабкрин» (Рабоче-Крестьянскую Инспекцию) и на этом вопросе он останавливается несколько раз, возвращается к этому вопросу, он волнует его, и Ленин подготовляет к предстоящему XII съезду Р.К.П. ряд предложений о том, как нам перестроить наш государственный аппарат посредством улучшенного, переустроенного Рабкрина (Рабоче-Крестьянской Инспекции) и Центральной Контрольной Комиссии (Ц.К.К.). В то же самое время думает он о кооперации, о судьбах нашей пролетарской революции, о судьбах революции во всех странах. Больной, неподвижный, покуда язык слушается еще и может высказывать жгущие мозг думы, он диктует их, передает их как бы в виде завещания.

Эти статьи о Рабкрине — последнее его завещание — поражают необычайным богатством мыслей и широчайшим охватом не только близко стоящих перед нами задач, но и общих широких задач пролетарской революции. Запретить ему эту работу нельзя было. Он волновался от мысли, что ему придется лежать неподвижно, вести чисто животную, растительную жизнь, прозябать. С этим он мириться не хотел до последней минуты, пока мог делать хоть какую-нибудь работу.

И сам Владимир Ильич, и окружавшие его врачи переходили в то время от надежды к отчаянию. Положение то ухудшалось, то улучшалось.

9 марта — снова удар, который парализовал всю правую половину тела, заставил умолкнуть язык, лишил Ленина речи. Этот припадок оказался очень длительным. До середины мая надежда на выздоровление была очень слабая. Ленин не двигался, не говорил, плохо спал, плохо питался, похудел, и только в средине мая наступило некоторое улучшение, когда Ленин был перевезен в «Горки». Однако, и после этого болезнь играла Лениным, кровеносные сосуды играли Лениным. То в одном,

Дом в «Горках», где отдыхал, лечился и умер Ленин.

то в другом месте они оказывались закупоренными, производили расстройство во всем организме.

Со второй половины июля 1923 г. наступило улучшение, которое всех нас необычайно обрадовало. Мы все готовы были преувеличивать возможность быстрого выздоровления Ленина, и эта радостная весть быстро облетела всю страну, весь земной шар: Ленин выздоравливает. Как радостно нам было слышать это! Не проходило ни одного рабочего, крестьянского, красноармейского собрания, съезда, конференции, чтобы нам не задавали тысячи вопросов о Ленине, о его здоровье, и нам радостно было отвечать, что здоровье Ленина улучшается. Хотя и медленно, но возвращалась к нему его жизнерадостность, веселость. Он стал питаться как следует, к нему вернулся сон, постепенно стало восстанавливаться движение. Сначала он передвигался в кресле, потом стал ходить с посторонней помощью, а последнее время мог передвигаться даже без посторонней помощи. В то же самое время начала восстанавливаться его речь, правда, чрезвычайно медленно. Как радовался Ленин, когда он мог свободно произнести какое-нибудь новое слово, новую фразу! Надежда Константиновна постоянно, под руководством врачей, работала над этим. Надежда Константиновна и Мария Ильинична — это были два человека, которые неразлучны были с Лениным, следя за каждым его шагом, помогая ему восстановить здоровье. Рассчитывать на быстрое восстановление здоровья почти нельзя было. Тут нужно было работать упорно, медленно, упражнять речь.

Официальное сообщение о болезни тов. Ленина говорит о том,

что в сентябре Владимир Ильич мог уже без посторонней помощи сходить с лестницы и всходить, не держась за перила, а в октябре он самостоятельно ходил по комнате, опираясь на палку. В сентябре он почти ежедневно ездил на прогулку в лес на автомобиле и оставался на воздухе 2—3 часа.

В то же самое время улучшалась его речь. Врачи нашли возможным разрешить Ленину просматривать газеты. Многим казалось, что это очень опасно. Но еще опаснее было запрещать это Ленину в то время, когда он чувствовал уже восстановление здоровья, когда он начал говорить, когда возрос его интерес ко всему окружающему. Отказать ему в этом было трудно и опасно, потому что это волновало его в очень сильной степени и могло бы ухудшить состояние его здоровья. Ленин ежедневно брал газету, просматривал ее и указывал статьи, которые должны были ему прочитываться, при чем он живо интересовался их содержанием, ясно усваивая его. Хотя медленно и с трудом, упражнялся в письме левой рукой.

С наступлением солнечных зимних дней Владимир Ильич нередко ездил в санях в сопровождении охотников. Во время этих прогулок бывал оживлен и весел. На Рождестве была устроена елка для детей, на которой

Владимир Ильич присутствовал, был в хорошем настроении и заботился, чтобы детей не стесняли в играх.

Можно было ожидать, что состояние здоровья Владимира Ильича упрочивается и улучшение, хотя и медленно, будет итти вперед. Однако, вслед за кратковременным периодом предвестников 21 января в 6 часов вечера разразилась катастрофа: почти в течение часа продолжался остро развившийся и бурно протекающий припадок, выразившийся в полной утрате сознания и в резком общем напряжении мускулатуры. В 6 часов 50 минут последовал смертельный исход вследствие паралича дыхания при явлениях гипертермии (перегревания тела) до 42,3°. Смертельный исход был установлен присутствовавшими во время припадка и оказывавшими ему помощь профессорами Ферстером, Осиповым и доктором Елистратовым.

Так говорит официальное сообщение о болезни и смерти Владимира Ильича Ленина, подписанное проф. А. И. Абрикосовым, проф. Ферстером, проф. В. Осиповым, проф. В. Бунаком, проф. А. Дешиным, Б. Вейсбродом, д-ром В. Обухом, д-ром Елистратовым, д-ром В. Розановым и Н. Семашко.

Доктор Вейсброд рассказывает о болезни Ленина:

Мы вместе с д-ром Обухом были первыми приглашены к тов. Ленину, после его ранения в 1918 г. Я пользовал его тогда в течение продолжительного времени и могу удостоверить, что тогда у него не было никаких внешних проявлений склероза. Мы поражались быстроте сращения кости и рассасывания кровоизлияния в полость плевры. Сердце Владимира Ильича работало великолепно, и рана очень быстро заживала. Интересно отметить, что и сейчас при вскрытии тела тов. Ленина не было обнаружено почти никаких следов от бывшего кровоизлияния в полость плевры, кроме маленького рубчика на поверхности легкого.

Впоследствии я несколько раз пользовал тов. Ленина, но не находил никаких признаков, по которым можно было бы судить о резком выражении склероза: лучевая артерия или височная артерия почти не изменялись.

Таким образом, весь склеротический процесс распространился у Владимира Ильича на сосуды брюшной полости и, главным образом, головного мозга, где склероз достиг невероятных размеров, как выяснилось после вскрытия тела. Так, например, левая внутренняя сонная артерия в результате этого склероза совершенно не имеет просвета, а эта артерия является главным кровеносным стволом, питающим переднюю половину мозга.

Нужно удивляться, что при таком кровообращении в области мозга тов. Ленин мог так долго жить и проявлять психическую энергию.

Такого рода изменения, в связи с склерозом, встречаются очень редко, и если встречаются, то в очень пожилом возрасте, приблизительно в возрасте 70 лет и больше.

Локализация этих поражений объясняется у тов. Ленина той колоссальной работой мозга, которую он проделывал в течение последних лет.

Указанное лишение достаточного питания мозга и вызвало у Владимира Ильича некроз, т.-е. размягчение определенных участков мозга.

Доктор Елистратов считает, что, кроме наследственного предрасположения к такому заболеванию, болезнь появилась из-за чрезмерной умственной работы и нервного напряжения Ленина:

Склероз этот явился результатом, с одной стороны, наследственного предрасположения к сосудистым заболеваниям, а с другой — результатом интенсивной, длительной мозговой работы в условиях сильного нервного напряжения. Вскрытие с очевидностью показало, что при таких изменениях со стороны сосудов и вещества мозга Владимир Ильич не мог уже более

вернуться к прежней деятельности, не могла к нему вернуться способность речи и способность к самостоятельному передвижению. Раньше или позже неизбежно должны были наступить новые фокусы размягчения в головном мозгу, что привело бы к новым страданиям как физическим, так и моральным, может быть еще более тяжелым как для самого больного, так и для его близких».

Профессор Ферстер также говорит о наследственности:

Болезнь Владимира Ильича заключалась в резком изменении сосудов головного мозга: *она была вызвана частью наследственностью (отец), но главным образом его совершенно сверхчеловеческой работой, которую ему пришлось исполнять в течение всей жизни.*

Развитие этой болезни, к сожалению, ничем нельзя было остановить. К концу процесс болезни так подвинулся вперед, что приходится удивляться духовной бодрости Владимира Ильича, особенно в последнее время; и все это можно объяснить исключительным развитием интеллекта (т.-е. сознания). Болезненные явления заключались, главным образом, в судорогах, параличе и временной потере способности речи. Приступы привели к продолжительному параличу правой половины туловища и сильному расстройству речи.

И вот в один из таких особенно сильных припадков, который на сей раз захватил обе половины туловища Владимира Ильича, наступила смерть.

Вечером, в субботу 19 января, Владимир Ильич почувствовал себя плохо и начал жаловаться на зрение. Ночь прошла спокойно. Утром, в воскресенье, он снова пожаловался, что плохо видит, но вызванный в тот день проф. Авербах констатировал полное отсутствие болезненных явлений в этой области.

В роковой понедельник 21 января, с утра и вплоть до начала самого припадка ничего предвещающего скорую катастрофу не было. Вдруг совершенно неожиданно в 6 час. вечера наступил сильный припадок, который, продолжался 50 минут, при чем сознание было утрачено в такой сильной степени, что смерть, без сомнения, была безболезненной.

Я и проф. Осипов находились все время около Владимира Ильича до самой его кончины и совместно с приехавшим д-ром Елистратовым констатировали смерть.

Роковой удар 21 января явился неожиданным не только для профессора Ферстера, но и для всех врачей. На их глазах Ленин поправлялся с каждым днем все больше и больше и подавал надежды на полное выздоровление.

С половины июля, — говорит доктор Елистратов, — осложнения эти больше не повторялись, и началось заметное улучшение и со стороны нервной системы. Улучшалось постепенно и общее состояние питания, заметно улучшалось настроение, улучшались движения в больной ноге, *явилась возможность начать более систематические занятия по упражнению речи, а потом осторожно было приступлено и к упражнениям в письме левой рукой.* И в образе жизни Владимира Ильича оказалось возможным ввести некоторые изменения и разнообразия: *он мог уже обедать за общим столом в своей семье, совершать в экипаже ежедневные и довольно продолжительные прогулки, а с наступлением санного пути совершал прогулки в лес на санях.* Такое сравнительное благополучие с полной надеждой на дальнейшие успехи продолжалось до рокового 21 января. *Катастрофический исход наступил внезапно, неожиданно, как это бывает нередко при такого рода мозговых заболеваниях.* В этот день Владимир Ильич был немного слабее обычного, апатичнее, больше лежал, чем обычно в последнее время, но не было никаких явлений, указывающих на возможность серьезного осложнения. Только около 6 часов вечера внезапно, при потере сознания,

развился быстро припадок с сильным сокращением мускулатуры, с учащенным дыханием и учащенным пульсом, с быстрым повышением температуры. К концу припадка окраска лица приняла резко синеватый оттенок (цианоз), но через минуту после этого остановилось дыхание, синева лица сменилась резкой бледностью, а скоро вслед за этим прекратилась и деятельность сердца, несмотря на все принятые меры.

Приблизительно ту же картину рисует и профессор Отфрид Ферстер, лечивший Ленина с самого начала, буквально влюбленный в Ленина:

Способность речи начала возвращаться в августе 1923 г. и беспрерывно улучшалась до самой последней минуты. В это время он начал учиться писать левой рукой, требовал, чтобы ему читали газеты, которыми весьма интересовался, указывая определенные места. Он очень интересовался кинематографией, и в Горках состоялись специальные кинематографические сеансы.

Я указываю на все это, — говорит проф. Ферстер, — для того, чтобы показать, что положение Владимира Ильича настолько улучшилось, что *последний четвертый, роковой удар, явившийся причиной катастрофы, был совершенно неожиданным.*

А как держал себя *больной* Ленин! Все врачи вспоминают об его удивительной выдержке, об огромной силе воли, которую он проявлял в самые тяжелые для него минуты. В стокгольмской газете «Нюа Даглихт Аллехонда» поместили воспоминания профессора Клемперер и Гансен, лечившие Ленина.

Профессор Клемперер, подробно останавливаясь на болезни покойного, приводит ряд трогательных примеров спартанской простоты Владимира Ильича и отказа его, несмотря на предписания врачей, от всего, что могло бы походить на роскошь. Характеризуя тов. Ленина, Клемперер подчеркивает: «Это был человек с железной волей, воодушевленный высокими идеалами».

В том же духе высказывается и шведский профессор Гансен, также лечивший тов. Ленина, отмечающий, что главная причина болезни Владимира Ильича — чрезмерное напряжение в работе.

В воспоминаниях лечившего Ленина после ранения эс-эрами, в 1918 г., д-ра Баранова отмечается, что, несмотря на тяжесть ранения, внушавшего серьезные опасения, Ленин переносил боль удивительно стойко. Во время перевязок он обычно шутил. Привыкший к напряженной работе, Ильич никак не мог помириться с вынужденным бездействием. Однажды под каким-то предлогом он услал сестру и неожиданно появился одетым в соседней комнате. Но у Ильича закружилась голова, и ему пришлось снова лечь в постель.

Доктор Вейсброд приводит чрезвычайно интересные факты, которые показывают, каким чутким человеком Ленин оставался по отношению к окружающим даже в тяжелые моменты своей болезни:

За весь последний период болезни Владимира Ильича, и даже во время лечения его от ранения в 1918 г., его очень тяготила, по его мнению, чрезмерная трата сил на него врачебного персонала

Он находил, что ему уделяется чересчур много внимания. *В самые тяжелые для него минуты он проявлял чрезвычайную чуткость и заботливость об ухаживающем за ним персонале.* Он стремился к тому, чтобы доставить окружающим его во время болезни возможно меньше труда и хлопот. Как на особенно характерный пример я укажу на один случай, когда в апреле 1923 г. Владимир Ильич был в особенно тяжелом возбужден-

Ленин в гробу.
(В траурные дни в Колонном зале Дома Союзов)

ном состоянии и, находясь в постели, естественно, не мог лежать вполне спокойно. Я сидел тогда на его постели и всячески старался его несколько успокоить. Это мне почти не удавалось. Тогда, зная особую чуткость, проявляемую тов. Лениным к врачам, я сделал вид, как будто сам от утомления задремал. Моя хитрость удалась, и больной Владимир Ильич, очевидно, еле сдерживая себя, но стараясь все-таки не потревожить мой сон, стал лежать почти спокойно.

Укажу пример яркого проявления своей воли Владимиром Ильичем во время болезни. После его ранения в 1918 г. врачи находились у постели больного. Тов. Ленин был на грани между жизнью и смертью; из раненого легкого кровь заполняла плевру, пульса почти не было. У нас, врачей, есть большой опыт с такими больными, и мы хорошо знаем, что в такие моменты мы можем ждать от них выражения только двух желаний, приблизительно, следующими словами: «оставьте меня в покое» или «спасите меня». Между тем, тов. Ленин именно в таком состоянии попросил выйти из комнаты всех, кроме меня, и, оставшись со мной наедине, спросил: *«Скоро ли конец? Если скоро, то скажите мне прямо, чтобы кое-какие делишки не оставить».* Таким образом, *тов. Ленин в такой тяжелый для него момент болезни, борясь между жизнью и смертью, силою своей колоссальной воли сумел подавить в себе инстинкт жизни, толкающий обычно всех больных к выражению совершенно иных, чисто личных желаний.*

Теперь, когда вскрытие тела и исследование мозга Ленина показало нам истинную картину его болезни, безнадежность его состояния, мы должны сознать, что затягивание болезни грозило Ленину еще более мучительными переживаниями. *Вылечить* его уже нельзя было.

В день смерти Карла Маркса (14 марта 1883 г.) друг его и товарищ Фридрих Энгельс писал своему товарищу Зорге:

Все явления, даже самые ужасные из них, совершающиеся по законам природы, чреваты утешением. Так и в данном случае. Искусство врачевания могло бы, может быть, продлить ему пару лет растительного существования, жизнь беспомощного лишь во славу искусства докторов, не сразу, а медленно умирающего существа, но такой жизни наш Маркс не перенес бы. Жить, имея перед собою ряд незаконченных работ, и испытывать муки Тантала при мысли о невозможности довести их до конца — было для него в тысячу раз тяжелее спокойной смерти... По моему мнению, после всего пережитого, другого исхода не было: это я знаю лучше всех врачей.

Мы теперь знаем, что другого исхода не было и для Ленина. И Ленин спрашивал врача: скоро ли конец? Для него было самым мучительным лежать в бездействии. Когда вновь начал работать мозг, явилась надежда на выздоровление; Ленин, вероятно, верил врачам, как и сами они верили в эту возможность. Но если б Ленин знал, что ему придется лежать без движения, без речи, без возможности высказать свои мысли, без возможности писать, говорить, действовать, звать на борьбу, бороться, — он предпочел бы быстрый конец этой агонии, этому бессмысленному существованию.

Наука оказалась, пока что, бессильной спасти Ленина. И 21 января телефонный провод из «Горок» принес нам весть, ударившую в наш мозг с неизведанной еще болью.

ПОХОРОНЫ ВОЖДЯ.

Не кипучий смерч землетрясений
Мир хлестнул неудержимым шквалом.
Это — весть о том,
Что умер Ленин!
Весть о том,
Что Ленина
Не стало!

Солнце, стой!
Эх, солнце, сделай милость,
Подожди лучом в снегах звучать!
Ты не знаешь, что остановилось
Огненное сердце Ильича!?

(*Александр Жаров.* «На смерть вождя».)

23 января — последний путь Ленина из «Горок» в Москву. Всю ночь к станциям подъезжали крестьяне, по глубокому снегу ехали проселочными дорогами; мерзли ночью, чтобы хоть взглянуть на поезд, в котором повезут Ленина; стояли на дороге, по которой должны были нести гроб их вождя; из зеленой хвои сплели простодушные незатейливые венки — последний дар Ленину.

Там, в «Горках», всю ночь провели члены Ц.К., члены Ц.К.К. — последнего детища Ленина, созданного по его мысли, делегаты Съезда Советов, старые большевики. Последнюю ночь провели они с Лениным в «Горках», где Ленин страдал, где Ленин выздоравливал, где каждый уголок хранит воспоминание о Ленине.

Еще недавно тысячи людей думали об этих «Горках», как о месте воскресения, выздоровления Ленина. Поздней осенью, помню, я поехал в «Горки». Пожелтели уже листья, в саду последние цветы отцвели. У меня была надежда хоть мельком где-нибудь увидеть Ленина. Я не увидел тогда Ленина, он отдыхал. Но осталось тогда какое-то особое радостное чувство от той

Гроб Ленина на Красной площади.

заботы, которой его окружали. Старый рабочий мне говорил шопотом: «ты знаешь, мы дорогу выровняли, чтобы ему спокойно было ехать — все равно, как языком слизнули, болота высушим, оздоровим всю местность кругом, только бы выздоровел Ильич». И, казалось, все кругом: и цветы в вазах, и вот эти кресла, в которых сидел Ленин, и эти широкие просветы в окнах, и уходящие вдаль аллеи парка — все говорило о выздоровлении Ленина. И Ленин выздоравливал, радовался, как ребенок, каждому новому успеху, каждому новому шагу. Какая это была мучительная трагедия для него думать в те минуты, когда становилось хуже, что он не вернется к работе, и как в этом железном человеке должна была подниматься неудержимая волна энергии, новых мыслей, когда он чувствовал, что он выздоравливает!

Теперь Ленин навеки уснул. Больше не соберутся вокруг него друзья, не услышат его уверенного, крепкого голоса, покоряющего слова. Ленина нет . . .

А в районах, на заводах и фабриках, рабочие, узнав о том, что встреча у Павелецкого вокзала на маленькой тесной площади доступна только части рабочих, ревниво упрашивали, чтобы всей массой районов двинуться навстречу Ленину, чтобы пройти с ним последний путь. И все улицы и переулки, прилегающие к Павелецкому вокзалу, забиты народом. У заборов, на деревьях, на крышах, несмотря на страшный мороз, массы людей, чтобы хоть последний раз взглянуть на проходящего мимо в гробе вождя. По снежной дороге, среди рядов крестьян и крестьянок, стоящих по обе стороны провожающих Ленина, среди детей, которые всего несколько дней тому назад приходили к Ленину на елку и играли вокруг него, гроб несут старые товарищи на станцию железной дороги.

Вот паровоз № 127 во главе траурного поезда. Этот паровоз беспартийные рабочие железнодорожники отремонтировали ко дню 6-летней годовщины ячейки Р.К.П. Рязано-Уральской железной дороги. На нем паровозная бригада, которая последний путь совершает с Лениным. Механик, товарищ Лучин, работающий на этой дороге с 1905 г. Он помнит первое восстание рабочих, а теперь ему приходится провожать в последний путь одного из самых великих вождей этого первого восстания рабочих. Рядом с ним помощник машиниста, товарищ Гаврюшин, тоже старый железнодорожник, а с ними товарищ Подвойский, избранный почетным кочегаром в июле 1923 г., в день 6-летней годовщины ячейки Р.К.П. на Рязано-Уральской железной дороге. Сейчас он выполняет обязанности кочегара от станции Герасимово до Павелецкого вокзала на паровозе № 127. Товарищ Лучин говорит:

— Никогда в жизни я не испытывал еще такого волнения, ведя поезд и берясь рукой за рычаг.

Вот и Павелецкий вокзал. Склоняются знамена навстречу медленно приближающемуся поезду. Траурные звуки марша встречают Ленина. Не такими бы звуками встретить вождя, не так ждали мы встретить его! . .

От Павелецкого вокзала до Красной площади, от Красной площади до Дома Союзов все прибывает людская волна, ширится, растет, и уже на Красной площади на громаднейшем расстоянии — море голов, — хотя бы взглянуть на процессию . . .

Вот проходят по Красной площади. Сколько раз здесь, под стеной коммунаров, на мостовой Красной площади, гремел пророческий голос Ленина! Эти видения проносятся быстро, неотступно: живой Ленин, ведущий, организующий, ведущий в бой, Ленин - вождь. И мысль о том, что мимо стены коммунаров проходит траурная похоронная процессия вместе с умершим уже Лениным, как-то не мирится со всем, что думаешь о Ленине, как-то не вяжутся эти слова: смерть и Ленин. Вот почему у каждого сама собою вырастает мысль: Ленин умер, но Ленин жив.

Вот Дом Союзов. Вспоминается IV Съезд Советов. Вот с этой трибуны Колонного зала Ленин говорил о тяжелом Брестском мире, который нам придется подписывать. Я помню, как вел это собрание Я. М. Свердлов, лучший друг, лучший исполнитель мыслей Ленина. Сзади, под одной из колонн, загорелся огонь не то от брошенной неосторожно спички или папиросы или еще от чего. Чтобы не встревожить огромное собрание, мы потихоньку сзади тушим огонь, а Свердлов знает про этот пожар, а ведет себя так, как будто бы ничего не случилось. И я уверен, что если бы Ленин знал, он бы так же спокойно продолжал свою речь об этом, тогда казавшемся нам таким страшным Брестском мире. И сколько раз в этом зале Ленин говорил живые слова, покоряющие силою своей несокрушимой логики, своей глубокой внутренней убежденностью, своим широчайшим охватом будущего, своим глубоким проникновением в сегодняшний и завтрашний день.

А сегодня Ленин посреди зала высится — спокойный, уснувший. И кругом тысячи огней как бы застыли, остановив свои лучи на уснувшем Ленине.

Ленин в военном френче. Ленин с орденом Красного знамени на груди. Он сложил руки с этими короткими энергичными пальцами, которые он обычно закладывал за жилет, когда говорил, или энергично, крепко сжатой рукой, словно вбивая гвозди, подчеркивал мысль свою, свое железное слово.

Я никогда не видел Ленина с орденом Красного знамени. Он был чужд того, чтобы носить какие-нибудь знаки отличия, — хотя бы и орден Красного знамени. Я помню, как на одном из

заседаний Ц.К. он подошел к одному из военных товарищей и, указывая на три ордена Красного знамени на груди его, как-то наивно, почти по-детски тыкал пальцами в грудь и спрашивал:

— Это что, так нужно, чтобы были три рядом?

Теперь Ленин безмолвно говорит на всю страну, говорит с десятками, сотнями тысяч проходящих мимо него людей, говорит на весь мир. Безмолвный, уснувший навеки, он стал достоянием миллионов людей; его мысль — их мысль, его чувства — их чувства, его гнев, его энергия стали гневом восстающего рабочего класса всех стран, энергией идущего в бой пролетариата всего мира.

Почетный караул. Здесь перебывали сотни старых большевиков, старая гвардия; здесь перебывала комсомольская молодежь рабоче-крестьянской России, крестьянки и крестьяне, рабочие и работницы всех наций, населяющие огромный наш Союз. Здесь в почетном карауле стояли представители всех коммунистических партий рабочих всех стран. Торжественно, беззвучно подходили они к гробу и стояли, охраняя вечный покой Ленина.

А кругом проходили непрерывной лентой, тянулись из самых отдаленных рабочих кварталов, тянулись из глухих деревень, ехали по железным дорогам крестьяне и рабочие и шли непрерывной лентой день и ночь, ночь и день через Колонный зал Дома Союзов, засыпанные снегом, заиндевевшие, простоявшие по 5 — 6 часов на морозе, чтобы дождаться очереди. Они проходили мимо, чтобы хоть мельком взглянуть на Ленина. Некоторые ухитрились приходить каждый день. Вот рабочий говорит женщине, пришедшей в первый раз, говорит ей шопотом, как будто делится великой тайной:

— Я уж третий раз здесь. Прихожу каждый день. Ты знаешь, — будешь проходить, слушайся меня, не иди по правой стороне, иди по левой. Как пойдешь влево, тут тебе Ленин, прямо на тебя лицом смотрит, и потом пройдешь в изголовье, обернешь голову и опять его увидишь. А на правую сторону пойдешь, только сбоку увидишь Ленина.

Этот рабочий дорожит каждой секундой, когда взгляд его запечатлевает уснувшего вождя. Да, он пойдет, вероятно, всю жизнь левой дорогой, дорогой Ленина, и перед ним будет образ того, кто всю жизнь шел этим левым путем.

На ступеньки, осторожно ступая, ощупывая палкой дорогу, идет на вид еще совсем молодой, плечистый и здоровый человек. Глаза прикрыты синими стеклами очков. Под левым глазом собраны в складки рубцы на щеке. Он слепой. Это рабочий со стекольной фабрики. В 1921 г. он на работе случайно потерял зрение. Его поддерживают двое рабочих. Кто-то спросил:

— Дружище, чего же итти тебе, ведь ничего не увидишь?

Слепой вздрогнул. Он не сразу нашелся, что ответить.

— Не беспокойтесь, я вижу тишину и почувствую Ильича. Ведь он мой, а я всех своих, хоть и слепой, но узнаю. Ильича можно узнать даже и слепому.

Слепой рабочий говорил, еле переводя дух. Тяжело было быть слепым и слышать, когда напоминают об этом, именно тогда, когда все люди прощаются с родным Ильичем зрячими глазами. Слепой уже обошел вокруг гроба. Слепой видел Ленина [1].

Люди стоят в почетном карауле, как застывшие, и думают великую думу о Ленине, в последний раз около Ленина. А кругом всей залы в венках, в красных лентах, в красных с черным полотнищах, знамена, расшитые эмблемами, образами труда. Золото и серебро смешиваются с красным и черным, и с полотнищ говорит огненными словами Ленин. С полотнищ говорит огненными словами партия, им созданная, — Р.К.П. зовет к новым битвам, к неустанному труду, к исполнению заветов Ленина. Рабочие и работницы, взрослые и дети, крестьяне и крестьянки, красноармейцы проходят непрерывной лентой, не нарушая покоя. Но разве можно каждому взять и сдавить свое сердце? Разве можно удержать боль и горечь утраты, сдержать крик боли, рыдания и слезы? То-и-дело слышатся эти рыдания, порой заглушенные, порой такие, которые ничто не в силах заглушить.

Вот работают художники, набрасывают наскоро эту незабываемую картину. Разве ее передашь в красках, разве ее передашь в линиях? Это чувство могучее, неизведанное еще, небывалое чувство людского потока, разве его передашь вот этой кинематографической лентой, которая хочет закрепить в ослепительном блеске прожекторов отдельные моменты, отдельные секунды этой, создаваемой на глазах и еще незаконченной, поэмы жизни Ленина? Разве можно в красках и линиях передать хотя бы малую долю того, чем живет эта бесконечная лента идущих людей?

Вот скульптор лепит голову Ленина, как будто любовно приглаживает глину на этом высоком непередаваемом лбу, в котором гнездились, родились и зрели великие мысли нашего века, великие мысли будущих веков. Разве может глина, мрамор, камень передать эту живую игру лица Ленина? Разве может передать даже то, что осталось сейчас на этом неподвижно застывшем лице?

А по улицам снова и снова непрерывной лентой тянутся из районов толпы, черными змеями извиваются хвосты очередей. Ночью барабаны бьют дробь, разрывают гулкими шагами ночную тишину, и ночью Москва живет, как и днем. Проходят процессии, алые знамена темной ночью вспыхивают вдруг живыми красками около горящих костров.

---

[1]) Борис Малкиель («Правда»).

И чем ближе срок похорон, тем могучее поток. Словно все торопятся пройти мимо гроба. Ведь больше этого не будет. Это последние часы, когда можно видеть Ленина.

Траурное заседание Съезда Советов. Большой театр видел много за эти годы. Большой театр впитал в себя много исторических картин революции, много великих и жалких слов. Большой театр был свидетелем Московского августовского совещания, созванного правительством Керенского, когда этот жалкий пигмей грозил железом и кровью крестьянам, которые берут землю у помещиков без согласия его, А. Ф. Керенского. Большой театр был свидетелем V Съезда Советов, когда Ленин безжалостно разбивал революционные фразы левых с.-р. и возвращал к трезвой действительности увлекшихся левых коммунистов, когда он безжалостно раскрывал глаза на то тяжелое положение, в котором находится страна, в то же самое время не падая духом, раскрывая пути будущего возрождения нашей страны. Большой театр впитал в себя истерические речи Марии Спиридоновой, пустые фразы Камковых. Большой театр видел после того много съездов Советов, торжественных заседаний Коминтерна, Московского Совета, торжественных чествований Октябрьской революции.

Сегодня собрались здесь для того, чтобы сказать слово о Ленине. Из всех речей, сказанных здесь, речь Н. К. Крупской останется навсегда, навеки-веков, не изгладится. Речь Надежды Константиновны как будто бы возродила перед нами образ Ленина, такой строгий, четкий, суровый и в то же самое время нежной и любящей рукой нарисованный.

Товарищи, представители Советских Республик, представители трудящихся. К вам обращаюсь я и прошу эту идею Владимира Ильича особенно близко принять к сердцу. Я хочу сказать, товарищи, последние несколько слов. Товарищи, умер наш Владимир Ильич, умер наш любимый, умер наш родной! Товарищи коммунисты, выше поднимайте дорогое Ленину знамя, знамя коммунизма! Товарищи рабочие и работницы, товарищи крестьяне и крестьянки, трудящиеся всего мира, смыкайтесь дружными рядами, становитесь под знамя Ленина, под знамя коммунизма!

С раннего утра в день похорон в рабочих кварталах никто не спит. Сотни тысяч людей не спят, всю ночь не могут уснуть, думают о Ленине. Страшный мороз сковал все. Никто не может сидеть в этот день дома, и словно в яркий майский день двинулись толпы людские из рабочих кварталов, так сегодня, в пасмурное зимнее утро, по хрустящему снегу, движутся закутанные фигуры, все новые и новые тысячи, все новые и новые колонны, знамена, венки. Знамена колышутся над всей этой огромной массой, идущей проводить Ленина, пройти мимо его гроба на Красной площади.

Из Колонного зала, где последний раз стоят товарищи в почетном карауле, гроб выносит на руках все та же старая гвар-

дия, политбюро Ц.К., и хотя заранее было предназначено, кто должен нести, у многих чувство ревности: почему не он понесет последний раз Ленина? Хочется поднять этот гроб на десятках рук высоко над головой толпы и нести его, как знамя.

От Дома Союзов до Красной площади вся Свердловская площадь, все прилегающие улицы — сплошная живая стена людей. И с утра по Красной площади мимо гроба идут без конца районы. Идут отряды Красной армии, рабочие всего мира несут знамена, венки, склоняют знамена перед гробом Ленина.

Знамена в надежных руках,
Плакаты на всех языках . . .
Знамена былых побед . . .
Ленина нет!
Нет!
Нет!
Идут за гробом дети
Лелеять дорогую тень . . .
И стонет ветер,
И плачет ветер,
И треплет ветер
Черный бюллетень.
А город сердца горем пашет,
Миллионы плачут похоронным маршем.
Плачет француз, итальянец, швед:
Ленина нет! Ленина нет!
Сомкнулись ряды с рядами —
Бьет барабан . . .
Бей! Бей!
Вьется революционное знамя
ЭР - КА - ПЕ.
Идут делегаты далеких стран,
Индия, Афганистан . . .
Сомкните ряды для грядущих побед!
Ленина нет! Ленина нет!
В людском океане
Ищет отрады взгляд . . .
Молчат соборы, зданья
Молчат. Молчат.
Прибои рабочих колонн
По Красной площади мимо. Мимо . . .
Там, где найдет свой вечный сон
Ленин, вождь неутомимый.

(Александр Поморский.)

В последний раз проходят мимо него, высоко стоящего сейчас на трибуне. Вот Евдокимов читает воззвание ко всем трудящимся, и кажется со стороны, что это не голос Евдокимова говорит трудящимся всего мира, это говорит Ленин. В каждом из нас говорит сейчас Ленин.

В 4 часа гроб должны опустить в склеп. В скованной морозами земле наскоро сделан этот склеп, немного мрачный, суро-

вый, простой, образ многогранности мира — куб, на котором черным виднеются пять букв *Л - Е - Н - И - Н*.

В 4 часа залп орудий и рев сотен гудков возвещают, что гроб Ленина опускается в склеп. На несколько минут остановилось движение. Сотни поездов на железных дорогах остановили свой бег. Вот проходит по шикарному вагону французской железной дороги проводник и говорит: «прошу встать — Ленин умер». И люди встают, потому что знают, что в этот миг рабочим классом владеет мысль о Ленине — лучше встать: умер вождь мировой революции. Не только в нашей стране, во всех почти странах остановилась работа, остановилась жизнь на этот миг . . .

Он был нашим горном . . .
Печаль — раскаленный свинец!
Красное с черным,
Красное с черным —
Кровь и скорбь миллионов сердец!
Идут за полками полки,
На серых зданиях белые снега!
Революционная твердость в шагах,
Знамена, знамена,
Венки, венки,
Колонны
Идут, идут . . .
Остановилось сердце на пять минут!

(Александр Поморский.)

В далекой Сибири в это время ночь, темная сибирская ночь. По улицам движутся с факелами. Факелы освещают энергичные лица людей, недавно выдержавших партизанские бои против Колчака. Лица рабочих, работниц, крестьян и крестьянок, видавших самые мрачные годы. Сейчас, в эту сибирскую ночь, освещаемые факелами, они думают о далеком городе, где хоронят их пролетарского вождя.

Под кремлевской стеной коммунаров уснул пролетарский вождь. Наука была бессильна сохранить нам его жизнь. Она оставила нам только на время тело его. Многие говорили: зачем мы, коммунисты, будем оставлять это тело? Надо похоронить его, чтобы никто не сказал про нас, что мы цепляемся за остатки этого тела, которое, все равно, должно исчезнуть, истлеть. Но если наука может нам хоть на время сохранить возможность взглянуть на это лицо, видеть эти черты, хотя бы немного измененные, мы должны быть благодарны за каждый час этой возможности сохранить ее.

Наука и техника оставили нам голос Ленина—18 граммофонных пластинок, 18 речей Ленина. Каждый рабочий клуб, каждая изба-читальня должны сохранить эти пластинки, чтобы через века услышать вновь голос Ленина. Пройдут века, вся

жизнь наша изменится, все, о чем мечтал Ленин при жизни, за что он боролся вместе с нами, что глубоко выстрадал, — все это будет воплощено в действительности. Коммунизм станет фактом, достигнутою ступенью. И тогда эти слова Ленина, этот голос давно умершего вождя будет звучать, как боевой призыв из далекого прошлого; не останавливаться, продолжать работу, совершенствовать, улучшать жизнь.

Наука и техника сохранили нам Ленина в движении на киноленте: Ленин движется, Ленин говорит, Ленин гневается, Ленин смеется, Ленин работает, Ленин задумчиво прогуливается, Ленин слушает. Мы должны быть глубоко благодарны гению человеческой мысли, который дает нам возможность сохранить хотя бы эти кусочки из жизни Ленина. И мы должны их сохранить, собрать все, чем богата была жизнь Ленина, воссоздать все это на киноленте, закрепить, чтобы на долгие века сохранить нам эти кусочки жизни — прекраснейшей поэмы о Ленине.

Под кремлевской стеной мы похоронили только частицу Ленина. Ленина мы не похоронили. Мы должны только сделать все для того, чтобы дело Ленина, мысли Ленина превратить в живое дело жизни. Каждый думает сейчас о том, какой памятник создать Ленину. Ленин сам воздвиг себе памятник, которого не превзойдет никакой зодчий, никакой художник, никакой ваятель. Этот памятник — мысль, учение, дела, вся жизнь Ленина.

Но и смерть Ленина, это — великий памятник нашей эпохи. Это тоже глубокая борозда, которая до самых глубин проникла, исторгла чувство и создала новое могучее движение к Ленину, к ленинизму.

* * *

Чувство осиротелости у рабочих и крестьян смешивается с углубленным, обостренным сейчас чувством глубочайшей связи с партией Ленина, Р.К.П. Но еще долго на фабриках, заводах, в глубокой деревенской глуши рабочие и работницы, крестьяне и крестьянки будут переживать это чувство осиротелости — без Ленина.

Мир, завод, станок мой неустанный!
Не придет садовник в буйный сад!
Слушай мир:
Рабочего титана
Нынче потеряли корпуса!

Никогда уж больше не прольются
Искры слов, взметнувшие пожар:
От горящей домны революций
Отошел
Великий кочегар!

И в полях, где голос в песне звонок
И широк лихой, просторный зык,
Видел я:
Заплакал, как ребенок,
Никогда не плакавший мужик! . .

Видно, все взметенными годами
Глубоко вросли в октябрьский клич.
Видно, крепкими, стальными проводами
С простолюдьем
Был скреплен Ильич!

И зачем под гром землетрясений,
И под всплески океанских шквалов,
Мчится весть о том,
Что умер . . . Ленин!
Весть о том,
Что Ленина
Не стало!?

(*Ал. Жаров.* «На смерть Ленина».)

КАК ОТКЛИКНУЛСЯ РАБОЧИЙ КЛАСС НА СМЕРТЬ ЛЕНИНА.

Склоним знамена! И твердым шагом,
К шагу теснее шаг!
Имя живое алым стягом —
Солнцем встало в веках.

Каждый отныне горд и бесценен.
Каждое сердце — клич.
Первое слово ребенка: Ленин.
Вздох последний: Ильич.

Горе — глубже. Стон — задушим.
Воли взведем курок.
Пламя кругом — с моря и с суши:
Скинул чадру Восток;

В полдне пустыни черный ропот;
Тундра выплеснет тост;
Не нынче — завтра встанет Европа
Во весь человеческий рост.

Слышим голос, близок и властен
(Ветер улегся нем):
«Наша ставка — всемирное счастье
До последнего всем!».

Склоним знамена! и твердым шагом,
К шагу теснее шаг!
Имя живое звонким стягом —
Солнцем встало в веках.

(Вар. Бутятина. «В. И. Ленину».)

Мне пришлось взять на себя тяжелую и в то же самое время почетную обязанность сообщить рабочим Красно-Пресненского района о смерти Ленина. В доме имени Каляева, 22 января в 12 час. дня, огромный зал битком был набит. Сегодня—19 годовщина кровавого январского воскресенья. Еще не вышли бюллетени о смерти Ленина, еще в районах только отдельные товарищи знают эту страшную весть. И я должен этим людям, пришедшим сюда вспомнить, как рабочие 19 лет тому назад шли с верой

в царя просить у царя облегчения своего положения, — принести весть о смерти их вождя. Как я скажу им это? Я сам не могу овладеть собой; чувствую, что не хватит выдержки спокойно это сообщить. И вот — занавес. Передо мной больше тысячи рабочих и работниц, которые ждут от меня слова о 9 января. Прерывающимся от слез и заглушенных рыданий голосом я говорю им о том, что сегодня история перевернула новую страницу в жизни трудящихся всего мира, что кровавое воскресенье 9 января отодвигается, заслоняется сегодня смертью Владимира Ильича Ленина. В ответ мне несутся рыдания. Из рядов рабочих и работниц крик боли из сотни грудей вырывается разом.

Трудно овладеть собой. Но когда я рассказываю им о жизни Ленина, о его борьбе, когда рисую перед ними фигуру этого великана мысли и дела, когда шаг за шагом развертываю перед ними эту прекрасную и богатую жизнь, я чувствую, как внутри поднимается какая-то горячая волна, как крепнет голос. С какой-то особенной внутренней радостью, смешанной с горечью утраты, говорю я о своем учителе, тов. Ленине. Но разве можно словами передать то, что волнует в эти первые минуты, то, что переживаешь? Рабочие слушают напряженно. Тишина. Время от времени кто-то не выдерживает, кто-то плачет. Слезы катятся по щекам молодых и старых рабочих и работниц. Зачем удерживать эти слезы?

Не хочется уходить никуда от этой рабочей массы.

Вечером я выступаю опять на рабочем собрании в бывшем ресторане «Яр». Собрались рабочие завода «Дукс». На сцене — портрет Ленина в трауре и в красном: вокруг — склоненные знамена, цветы и зелень. Около портрета и знамен — почетный караул коммунистов и беспартийных рабочих.

Рядом с ними — два комсомольца в почетном карауле. Но вот пришли юные пионеры. Они говорят: нас также послал наш отряд в почетный караул Ленина; мы также хотим стоять в почетном карауле. И вот выстраивается целое поколение ленинцев. Те, кто всю жизнь шел вместе с Лениным в рядах ленинской большевистской партии, и те, кто мыслями своими тоже жил с этой партией, кто сейчас стыдится слова «беспартийный», но еще не порвал с десятками и тысячами нитей, связывающих его с неорганизованной беспартийной массой. Сегодня он хочет быть ближе к Ленину, рядом с коммунистической партией. Завтра он войдет в коммунистическую партию. И рядом с ними — комсомольцы, это — новая смена, партийная, рожденная в буре революции, идущая на пополнение коммунистической партии. Это — молодые ленинцы; у них — меньше предрассудков, чем у их отцов: им легче из коммунистического союза молодежи завтра войти в ряды ленинцев-большевиков.

А с ними рядом—юные пионеры, детские воспоминания которых связаны с яркими праздниками революции, но детские воспоминания которых будут также хранить тяжелые годы голода, разрухи, когда пролетарское государство, созданное под руководством Ленина, отдавало последние крохи, чтобы улучшить положение детей; юные пионеры, которые впервые почувствовали себя юными строителями будущего, почувствовали, что они сами с детских лет берут свою судьбу в руки; дети пролетариата, которые в первый раз в истории услышали, что они — цветы будущего, почувствовали, что они — цветы.

Здесь, — хотя уже весть о смерти Ленина облетела Москву, облетела весь мир, проникла в рабочие кварталы Запада и Востока, Севера и Юга, — здесь эта рабочая масса ждет слова о Ленине, как будто бы ей не верится еще, что Ленин умер, как будто бы — вот: откроется занавес и им скажут, что еще есть надежда на возвращение Ленина. И хотя им уже читали бюллетень о смерти Ленина, но слова о смерти вызывают у них тот же прилив скорби и боли, и не могут они удержать слез и рыданий.

И в следующие дни на десятке проведенных мною громадных рабочих собраний: в Рогожско-Симоновском районе, в Бухаринском трамвайном парке, в Красно-Пресненском районном совете, в театре Зимина, на широкой беспартийной конференции Красно-Пресненского района, на фабрике «Оборона» и других, — на всех этих многолюдных собраниях, где битком набиты залы, я отмечал характерные черты подъема: *необычайную сосредоточенность, дисциплину этих собраний, необычайный подъем.* Доклад длится два-три часа; один докладчик сменяет другого и говорит о Ленине, и *никто не уходит* от начала до конца.

А на улице остались сотни и тысячи не поместившихся в зале собраний. Приходится наскоро организовывать собрание где-нибудь в коридоре, где-нибудь рядом.

Пять часов сидит аудитория, не трогаясь с места, и слушает о Ленине. Казалось бы, что если бы еще пять часов им рассказывали о жизни Ленина, они так же жадно впитывали бы в себя эти рассказы, вдумывались бы в мысли Ленина, вдумывались бы в его жизнь.

Как выразить коротко то, что пережил рабочий класс всей нашей страны, то, что пережили рабочие массы всего мира? *Тяжелый удар* — вот как чаще всего выражают свое настроение, свои чувства сотни тысяч рабочих и работниц, крестьян и крестьянок.

Если бы собрать сейчас все резолюции, вынесенные на рабочих и крестьянских собраниях, все письма, стихи, приветствия, посланные рабочими и работницами, крестьянами, крестьянками, красноармейцами по поводу смерти Ленина, собрались бы сотни томов, и они говорят о беспримерном в истории могучем

порыве, который овладел массами трудящихся в эти дни. Вот работница пишет:

Нашему отцу. Дорогой отец наш. Ты ушел от своих детей навеки, но твой голос, слова твои никогда не умрут в наших пролетарских сердцах. Мы великими тысячами идем проститься с дорогим нашим вождем, мы плачем у гроба твоего. Р.К.П. и В.Ц.И.К. и всем остальным мы дали свой отклик пролетарский. Отец наш своей смертью нанес нам тяжелый удар. Мы, читая газеты, думали, что вернется он скоро к нам, и мы ждали его каждую минуту, но злая болезнь отняла у нас незабвенного отца всего мира. Мы знаем, что скоро настанет тот час, когда со всех сторон мира посыплются на твою горячую могилу венки: твоя могила вечно останется в памяти каждого честного гражданина. Она вечно будет цвести, она никогда не будет сухой. Не утренняя летняя роса будет кропить ее, а слезы твоих детей, которые так горячо тебя любили и будут вечно преданы тебе. Вечная память незабвенному отцу, Владимиру Ильичу Ленину. Желаем возложить венок на могилу отца всего пролетарского населения России.

Но это был только первый момент, когда слезы и боль не давали думать, а вслед за тем тысячи и тысячи рабочих и работниц спросили себя, а как же дальше? Они видели, что вестниками смерти Ленина пришли к ним те же самые люди, которые были вестниками и жизни его, и вестниками его борьбы; пришли те самые люди, которые годами и десятками лет, рука об руку с Лениным, шли и боролись, спаянные с ним одной мыслью, одним делом, одним знаменем. Они знают эту партию Ленина, знали ее и в тяжелые времена царского режима, и в тяжелые времена господства помещиков и капиталистов, знали эту партию, когда она рядом с ними и во главе их шла на смерть на баррикадах Красной Пресни и всюду, где кипел бой рабочего класса с его вековыми врагами. Они знали эту партию во время войны, когда она — единственная из всех — подняла голос против войны и звала обратить оружие против тех, кто начал эту войну, кто ее затеял. Они знали эту партию в июльские дни, когда клевета и травля преследовали эту партию, когда Ленин скрывался в шалаше, разыскиваемый ищейками и гонимый, а его соратники оставались на своих боевых постах и продолжали его дело. Они знали эту партию в октябрьские дни, когда — выше чем где бы то ни было, и выше, чем когда бы то ни было — взвилось пролетарское красное знамя и первый раз в истории победило под руководством этой партии! Они знали эту партию за все эти годы тяжелой борьбы, годы разрухи, годы гражданской войны, голода, блокады, интервенции, заговоров и восстаний. Они знали эту партию, когда Ленин, простреленный, истекая кровью, совершал свой путь из рабочего района в Кремль. Партия не дрогнула, партия снова ринулась в бой, партия победила. Да, они помнят, что не раз и у них самих, под влиянием нужды, голода, разрухи, под влиянием сладких нашептываний врагов пролетарской диктатуры, поднималось раздражение против этих твердокаменных, суровых, упорно идущих своей дорогой людей.

Теперь они видят, что эта твердокаменность, это упорство, эта железная воля, эта незнающая пределов энергия, это неудержимое стремление вперед, к намеченной цели, это — *ленинское*, что во всех этих людях — частица Ленина. Вот и этот большевик, который говорит о Ленине, он воспринял лучшее, что было у Ленина — его мысли; он выполняет его заветы, он, получая от Ленина поручения, проводил и проводит их в жизнь. Что же, — этот беспартийный рабочий, которого считают малосознательным, неразобравшимся, — неужели он и дальше будет стоять в стороне от партии, смотреть, как она упорно бьется с бесчисленными врагами рабочего класса, как медленно движется дело рабочего класса, оттого, что, вот, он и его товарищи, соседи по станку, и тот, что сейчас сидит с ним рядом, — они стоят в стороне, как *беспартийные?*

И вот, могучий, охватывающий сотни тысяч рабочих порыв — ближе к партии, ближе к ленинской партии, в ленинскую партию, сомкнуть ряды вокруг этой партии, помочь ей и стать в ее ряды! И вот — нет уже настроения подавленности, нет уже безысходной тоски! Рядом с болью утраты растет уверенность в победе пролетарской революции. *Каждый рабочий знает, что с этого дня он обязан, он должен помочь закончить дело Ленина.* Он чувствует, как со смертью Ленина повысились его обязанности перед всем рабочим классом, перед пролетарской революцией всего мира.

Вот это знамя, которое там, возле портрета Ленина, это знамя Ильич оставил всем, кто способен продолжать его дело, борьбу за коммунизм. Неужели же он, кого называют беспартийным рабочим, будет стоять не под этим знаменем? И вот клич: «В ряды партии!» становится боевым кличем. Словно Ленин своей смертью разбудил неясно осознанные, дремавшие долго чувства и мысли рабочего класса, словно то, что накопилось годами, — бессознательная преданность этой партии, — ждало только толчка, и этим толчком была смерть Ленина.

Ленин — в Колонном зале Дома Союзов, где тысячи огней под трауром, словно блестки слез, где безмолвно проходят каждый день десятки, сотни тысяч людей, чтобы взглянуть на безмолвного вождя. Ленин в Колонном зале как будто бы шепчет проходящим: «А вы — беспартийные, или тоже ленинцы, вы тоже в рядах моей партии?» И рабочие и работницы, проходя мимо гроба, чтобы взглянуть на уснувшего навеки вождя, стоят в длинных очередях, на морозе, перед Домом Союзов, думают о Ленине, думают о его партии. И те, кто разбросан по всей великой советской стране, кто не может прийти к гробу Ленина, кто мыслью переносится в нашу столицу под своды Колонного зала Дома Союзов, — они тоже думают ту же думу, и те же мысли волнуют их и те же решения зреют в их голове.

И вот в первый же день в партию Ленина записалось около десяти тысяч рабочих и работниц. Этот поток растет по всей стране. Он почти неудержим, как сама революция. Так же буен, стремителен, как ее бег, словно хотят вернуть Ленина тем, что войдут в его партию.

И эта мысль, *мысль о смене Ленина, о замене его этими десятками, сотнями тысяч рабочих, идущих в партию, сплачивающихся вокруг нее,—эта мысль сейчас зреет в головах рабочих и работниц.*

Да, Ленин умер. Никто, ни один человек в отдельности его заменить не может. Но если мы все будем делать беззаветно дело Ленина, *мы сможем своей коллективной силой, коллективной работой, коллективной волей его заменить.*

Еще перед смертью Ленина, на 13-й Всероссийской партийной конференции, которая состоялась в средине января, когда мы все ждали возвращения Ленина к работе, мы приняли постановление:

> *Увеличить во что бы то ни стало количественно пролетарское ядро партии и удельный вес его во всей политике партии. В течение ближайшего года необходима усиленная вербовка в члены партии рабочих от станка, с тем, чтобы из числа коренных пролетариев привлечь в ряды Р.К.П. не менее чем сто тысяч новых членов.* Для этого необходимо всемерно облегчить рабочим вступление в партию. В то же самое время в этот же период должен быть окончательно закрыт прием в партию для всех непролетарских элементов. *Вне партии должна вестись систематическая пропаганда в том смысле, что вся партия должна равняться по своему основному рабочему ядру.*

Принимая это решение, партия проводила ту линию, которую всегда вел Владимир Ильич. Он именно считал, что основным ядром нашей партии должно быть пролетарское ядро — рабочие от станка. Это он ставил так вопрос еще больше двух десятков лет тому назад. Это он 30 лет тому назад пошел рассказать рабочим в кружки то, что он знал, изучая Карла Маркса. Это он поставил перед нами вопрос об увеличении числа рабочих, связанных с пролетарской массой, в Центральном Комитете нашей партии. Это он, уже будучи больным, в марте месяце прошлого года писал о том, чтобы мы в Центральную Контрольную Комиссию ввели побольше рабочих от станка. Смерть его словно толкнула сотни тысяч пролетариев, словно устыдила их: как же это мы до сих пор не вошли в партию Ленина? Я слышал, как старая работница Красно-Пресненского района говорила: «Что удерживало до сих пор от того, чтобы войти в партию? Пустые, жалкие предрассудки. Когда сейчас думаешь о том, что удерживало, стыдно становится и хочется рвать со всем этим прошлым, которое мешало войти в партию».

С чем сравнить этот живой отклик рабочих, этот огромный живой поток в Р.К.П.? Когда вспоминаешь сейчас пережитые

моменты, борьбу с Колчаком, борьбу с Врангелем, с Деникиным, с голодом, с транспортной разрухой, чувствуешь, что сейчас на наших глазах происходит в гигантских размерах то, что мы переживали во все эти годы, когда рабочие шли на наши фронты, когда в партийную неделю в 1919 г., после того как взорван был Московский Комитет в Леонтьевском переулке и погибли 13 лучших работников-коммунистов, была объявлена партийная неделя, когда Москва дала 15 тысяч человек новых членов партии; когда с беззаветным героизмом умирали, сламывая последний оплот врангелевщины — Перекоп, когда на подступах Кронштадта в 1921 г. отбивали последний штурм на Советскую Республику и возвращали в руки Советской Республики эту крепость. Чувствуешь сейчас, как все это пережито за эти годы всей рабочей массой вместе с нами, с Р.К.П. Эти отдельные волны подъема, волны сочувствия Советской России, Советскому государству и Р.К.П. сейчас сливаются в один могучий поток.

Кто идет в нашу партию сейчас? Рядом с комсомольской молодежью — смелой, отважной, но не пережившей всей тяжести прежних годов капиталистического рабства, идут старые рабочие и работницы, десятки лет работающие на заводе. Им *стыдно сейчас быть беспартийными*. Рабочий на беспартийной конференции Ленинского района говорит: «*Довольно нам называться беспартийными. Надо вычеркнуть это позорное прозвище. Надо уничтожить самое название беспартийный. Как может быть сейчас рабочий нашей страны беспартийным? Что может мешать сейчас рабочему — честному рабочему — стать членом партии?*»

Но вместе с тем именно *огромное чувство ответственности*, которое выросло сейчас у рабочих в огромной степени, это чувство подсказывает им, что нельзя итти всем в партию. Очень часто рабочие на своих собраниях делают сами отбор, выбирают только *стойких, достойных*. Это — как бы дело их гордости, чтобы не опозорить фабрику, завод, чтобы не дать в партию недостойного носить звание ленинца, звание члена Р.К.П. Здесь сказывается и огромное уважение к Ленину и не менее огромное уважение к партии Ленина, к Р.К.П. Очень часто рабочие говорят на собрании: «*Кто честен и смел, стойкие, самые лучшие, идите в партию!*». Какая в этом правда и как она осознана в эти дни! Когда мы сейчас говорим на рабочих собраниях: пусть идут в наши ряды рабочие и работницы от станка, — чувство горечи поднимается у людей, не стоящих у станка. Та же определенная тяга наблюдается сейчас *и в крестьянстве*, тяга в партию; *и среди красноармейцев, и среди учащихся, и среди учителей особенно*. Партия стала сейчас родней, ближе многим и многим. Смерть Ленина открыла глаза этим людям, и, когда Ленина нет, заставила их подумать о том, — кто же продолжит дело Ленина, кто же может продолжить его и довести до конца?

Так откликнулся рабочий класс на смерть Ленина, на это мировое событие. Горький к 50-летней годовщине Ленина писал:

Суровый реалист [1]), хитроумный политик — Ленин постепенно становится легендарной [2]) личностью. Это хорошо.

Из глухих деревень Индии, проходя сотни верст по горным тропинкам и лесам, тайком, рискуя жизнью, пробираются в Кабул, в русскую миссию индусы, замученные вековым гнетом английских чиновников, приходят и спрашивают:

— Что такое Ленин?

А на другом конце земли норвежские рабочие говорят русскому безразличному человеку:

— Вот, Ленин — самый честный парень. Такого еще не было на земле.

Я говорю, — это хорошо. Большинству людей необходимо верить для того, чтобы начать действовать. Слишком долго дожидаться, когда они начнут думать и понимать, а злой гений капитала все быстрей душит их нищетой, алкоголизмом, истощением.

Ленин для рабочего класса всего мира был как раз тем колоколом, который его разбудил, который его научил самостоятельно думать и понимать, как вести борьбу с капиталом, и смерть Ленина поэтому получила такой отклик решительно во всех странах. Не осталось того уголка, где бы рабочие, узнавшие о смерти Ленина, не пошли бы на траурное собрание, не приняли бы участия в траурной демонстрации, хотя бы рискуя расстрелом, арестом, тюрьмой. Даже там, где эти собрания были запрещены, даже там они приняли огромные размеры. И даже там, где рабочие находятся под руководством не коммунистов, под руководством врагов коммунизма — меньшевиков социал-демократов — в этот день рабочие не послушали своих вождей, а вместе с коммунистами участвовали в траурных шествиях, мыслью своею переносясь в далекую-далекую Москву, где в эти дни рабочий класс прощался со своим другом, товарищем, вождем и учителем Лениным.

Из десятков тысяч корреспонденций, сообщений отовсюду, я беру одну тысячную часть—то, что, мне кажется, наиболее просто передает переживания рабочего класса нашей страны.

Москва.

1-я гос. ситце-набивная ф-ка б. Циндель.

22-го, во вторник, в 8 час. вечера, театр был переполнен рабочими и работницами. Нет свободного места. Выступает секретарь ячейки. Вся аудитория замерла в ожидании.

— Товарищи рабочие и работницы, — а слезы в глазах блестят, хотя и старается их побороть, — не стало среди нас нашего Ильича.

Музыка заиграла похоронный марш, заглушая плач и рыданья присутствующих. А за дверьми на улице не вместившиеся рабочие требуют,

---

[1]) Не мечтатель; видящий вещи такими, как они есть на самом деле

[2]) Сказочной.

чтобы митинг повторили. Они хотят услышать печальное известие из уст того, кого создал сам Ильич, т.-е. из уст Р.К.П.

Несмотря на позднее время, пришлось согласиться с требующими повторить митинг.

— Мы все должны, как один, сомкнуться тесными рядами вокруг коммунистической партии в то время, когда умер наш Ильич, для того, чтобы сильнее и решительнее нанести последний, смертельный удар капиталистам всего мира.

Рабочие говорят, что так нас учил наш Ильич.

На фабрике «Искра».

23-го, утром, кучками, поскрипывая по жесткому снегу, потянулись рабочие и работницы в клуб. На лицах печаль. Говорят тихо, как будто каждый боится сказать громко страшные слова: Ленин умер.

Когда вышла докладчица на сцену, воцарилась нудная, тяжелая тишина, изредка прерываемая тяжелыми вздохами.

— Нет дорогого Ильича. Нет великого вождя мирового пролетариата. Велика наша потеря.

Ломается, дрожит голос докладчицы. Хмурятся лица рабочих. Капают на исхудалые щеки работниц горячие слезы.

— Нет дорогого Ильича.

Секретарь ячейки, старый рабочий, отвертывается к окну, — слезы душат.

— Но жив дух Ленина в нас, — голос докладчика звонче, крепче, — пусть не радуются враги рабочего класса — мы не станем слабее. Стальной шеренгой сплотимся вокруг коммунистов и заветов нашего Ильича.

Высыхают слезы — блестят глаза.

— Нет, жив Ильич.

Кончил докладчик.

Ширкая, полушубком вытирая слезы, говорила беспартийная старая работница:

— Трудно мне говорить. А как теперь его жене, товарищу Надежде Константиновне Крупской? Мы потеряли вождя — она потеряла все. Поможем ей в великом горе, разделим его.

Голос сорвался.

В принятой единогласно резолюции — привете Н. К. Крупской — говорилось:

«Тянутся осиротевшими сердцами работницы фабрики «Искра» к тебе, старый, боевой товарищ рабочего класса. Твое безмерное горе вместе с тобой поднимет рабочий класс. Общими усилиями поведем дальше победоносную борьбу за рабочий класс. Ленин — наше знамя».

Артамоновский трамв. парк (б. Уваров).

В мастерских парка — сутолока. Знаем уже все о смерти Ильича.

— Теперь нам нужно быть спаянными и дисциплинированными, — горячо говорил с трибуны слесарного верстака представитель союза.

В гуще рабочих толки:

— Да, все же много нам оставил Ильич. Его учение приведет рабочий класс к победе.

8-я типография Транспечати.

Докладчик — представитель райкома — при мертвой тишине собравшихся, боящихся проронить его слова и слушающих с напряженным вниманием, просто и ясно говорит о значении тов. В. И. Ленина и его роли в мировой революции. Многие, не только работницы, но и рабочие, не выдерживают и тихо плачут. Кончил говорить оратор. Как никогда едино-

душно, приняли предложенную беспартийным рабочим короткую, но ясную резолюцию:

«Мы, рабочие, сомкнемся с коммунистической партией в единое кольцо и доведем заветы Ильича до конца».

Не было и обычных вопросов докладчику — так было все ясно. Выбрали делегацию, дали плакат с призывом:

«Встань, Ильич, чтобы убедиться в нашей верности твоим заветам!»

Спели похоронный марш и разошлись к своим станкам. Тут же в ячейку пришел беспартийный рабочий тов. Черников и заявил:

— Товарищи, в этот день всеобщего траура я вступаю в ваши ряды, ряды коммунистической партии. Примите меня. Этим желанием горят многие.

Долго еще по цехам шли разговоры. Вот группа работниц, одна из них говорит:

— Лучше бы умер кто-нибудь другой.

Другая ее перебивает:

— Я сама согласилась бы умереть за него, он умер за нас — рабочий класс, потратив свои силы на наше освобождение.

В другом углу цеха собрались рабочие и беседуют:

— Не могу выразить, как мне тяжело. Умер один из лучших в мире людей.

— Да. Это действительно был товарищ, который принимал к себе и рабочих и крестьян. Личная жизнь его — это пример всем. История не забудет этого гения.

Москворецкая фабрика.

Открытое собрание ячейки. Быстро наполняется рабочий клуб. Необычайная тишина у входа, присмирели ребятишки.

У входа на эстраду шум, взволнованно поднимаются на сцену 4 работницы-ткачихи: секретарь фабкома тов. Коптева, тов. Копеечкина, Фомина и Носкова; взволнованным голосом высказываются тов. Коптева и тов. Копеечкина о желании вступить с сегодняшнего дня в члены Р.К.П.

— *Если я колебалась до сих пор, думала — малограмотна, неподготовлена, то в эти дни я непоколебимо решила войти в партию, которую создал бесконечно любимый нами Ильич. Пусть он спокойно лежит в могиле, миллионы нас, рабочих, доведут начатое им дело до конца.*

В Красно-Пресненском районе. На объединенном собрании 3 типографии и завода «Пропеллер».

Рабочий словолитни рассказывает, как рабочие любили Ильича и верили ему.

В 1921 г. горе постигло печатника 3 типографии тов. Косаевского — его обворовали, да тут семья заболела и другие неурядицы. Впал в отчаяние тов. Косаевский. Решил: «Дай, напишу Ленину письмо».

Простыми словами он обрисовал в письме Ильичу свое положение. Он указал, что он буквально разут и раздет, а что у жены нет обуви, и добавил:

— Одна на вас надежда, тов. Ленин.

Через пять недель пришли какие-то люди, целая комиссия, на квартиру тов. Косаевского. В руках у них письмо Косаевского к Ленину (письмо было отправлено по почте) и на письме резолюция: «Расследовать положение тов. Косаевского и оказать немедленную помощь». Резолюция написана была рукою самого Ильича.

Суконная фабрика имени Петра Алексеева.

22 января, в 12 ч. дня, пришли вести из города о смерти Ильича; быстро эти вести облетели по всем корпусам. Многие не верили, но все же

тревога вселялась в сердце. С нетерпением ждут все вечера, когда из райкома приедут представители и расскажут подробности.

Вечером все собрались в клубе, на сцене докладчик сообщает о смерти Ленина. Среди многих работниц послышались всхлипывания, но потом быстро они сдерживали себя.

Выступавшие рабочие призывали не падать духом, а продолжать начатое дело Ильича.

— В память его выдвинем из нашей среды несколько товарищей и пошлем их изучать ленинизм. Мы, беспартийные, должны влиться в ряды Р.К.П., — гордо сказал беспартийный.

Гром аплодисментов ответил ему.

На клочке бумаги рабочий читает резолюцию:

«Пусть не злорадствуют враги: Ильич мертв, но живы рабочий класс и коммунистическая партия. Завет Ильича мы выполним, а это — залог для окончательной победы. На смерть Ильича ответим еще большим единением вокруг Р.К.П.».

Ф-ка «Красное веретено» им. Демьяна Бедного.

На собрании рабочими выдвигается вопрос об увековечении памяти Владимира Ильича. Высказывается ряд предложений. В результате останавливаются на одном: произвести вычет из жалованья рабочих в размере одного рабочего дня и ½ проц. с общего заработка в течение 4 месяцев. Деньги передать в фонд на увековечение памяти Ильича. Собрание кажется уже конченным. Но вот одна работница, Петровичева, просит слова. Председатель дает разрешение.

— Товарищи, — смело говорит работница, — я понимаю ту утерю Р.К.П., которую принесла смерть Ильича. Я желаю вступить в Р.К.П.

Шум аплодисментов заглушает последние слова.

— Товарищи, — поднимается старик, лет 60, — и я тоже вступаю в Р.К.П. Моя дочь там. И я теперь хочу быть с ней в рядах коммунистической партии.

Опять аплодисменты.

— И я, я тоже вступаю в Р.К.П., — слышится откуда-то из угла.

Нельзя описать тот восторг, с которым встречали вступающих в Р.К.П. беспартийные. Без устали аплодировали на слово каждого вступающего.

В институте Карла Маркса.

Огромный зал убран траурно. Посредине над самой сценой — бюст Ильича, пронизывающе глядящий на присутствующих.

Ораторов слушают, затаив дыхание, точно это сам Ленин говорит, а не о Ленине говорят. Жадно ловят ухом подробности о последних днях его жизни. Глаза горят огнем при упоминании о заветах Ильича.

Подымается старик-рабочий, делегат на Съезд Советов.

— Я с Черного берега, с Ростова. Послали меня рабочие с государственными людьми решать государственные дела. Ехал в Москву и радовался: увижу красную столицу. А вот сегодня мне не радоваться, а плакать хочется. Я — беспартийный, но я тридцать лет у станка. Между партийным и беспартийным рабочим разницы нет. Все мы — ленинцы. И вы, товарищи-студенты, вы, будущие красные спецы, вы для нас, рабочих, все равно как бы комсостав. Вы должны пойти и нас повести по тому пути, который указал рабочему классу товарищ Ленин.

Ответ вузовцев прозвучал, как клятва:

— Мы от станков пришли в вузы для того, чтобы продолжать дело Ильича. Мы пойдем только по пути великого учителя, дорогого нашего Владимира Ильича.

Я заканчиваю просмотр сообщений о притоке в партию 15/II 1924 г. И к этому дню по всей Москве (за исключением Рогожско-Симоновского района и уездов) мы имеем (на 14 февр.) 19.318 заявлений. Да по уездам Московской губ. подано больше 8.000 заявлений. Таким образом, в среднем, если считать 25 дней, протекших со дня смерти Ильича, около 800 заявлений поступает ежедневно только по Москве. Но вместе с тем надо отметить, что приток еще не ослабевает: за 14 февраля подано по Москве 1.300 новых заявлений.

Следует отметить еще одну черту. Мы имели очень немного партийных ячеек среди рабочих и работниц *частных* предприятий. В эти дни почти всюду стали организовываться, возникать самостоятельно такие ячейки.

По уездам Московской губернии та же картина:

Реутовская прядильная фабрика.

В 2 часа дня 22 января уком передал телефонограмму о кончине Ильича. Через полчаса помещения фабкома и ячейки были переполнены народом.

Партийные, беспартийные, комсомольцы, женщины, подростки и администрация — все со встревоженными лицами. В 5 часов клуб переполнен. Помещение, рассчитанное на 400 человек, трещит, вместив в себя до 1.500 человек народа. В зале полнейшая тишина. Рассказывает об Ильиче директор фабрики тов. Таланов. Говорит взволнованно, речь прерывается. Работница Чугина не смогла окончить речь и разрыдалась. Плакали не только женщины, но и закаленные в борьбе рабочие, привыкшие твердо переносить всякие лишения и невзгоды. Не было печальнее вчерашнего дня в истории пролетариата! В подшефных селах: Ивановском, Никольском и Горенском, расположенных в 3 — 5 верстах от фабрики, клубы тоже переполнены. Местное крестьянство, услышав о смерти тов. Ленина, собралось на митинги.

И крестьяне, и рабочие горевали о потере своего вождя.

Ленинград.

На Трубочном заводе имени тов. Калинина.

Зрительный зал клуба переполнен рабочими и работницами.

Докладчик и выступающие в прениях товарищи говорят о задачах ленинской партии и всего рабочего класса в целом.

— В самое трудное время мы видим, как рабочие и работницы фабрик и заводов массами вступали в партию, чувствуя нависшую над революцией опасность. Такой же момент стихийной тяги переживаем мы и сейчас. Рабочие знают, какую страшную потерю понесли партия и весь мировой пролетариат, и своим классовым чутьем чувствуют, как нужно заделывать образовавшуюся брешь. *Рабочий знает, что главная задача — это укрепить партию, созданную Ильичем, укрепить все отрасли нашего хозяйства.*

— Вот почему мы, — говорит один из рабочих,—сплоченной массой идем в партию. Мы идем туда, чтобы своим непосредственным коллективным участием в работе заменить умершего вождя.

С 21 января по 2 февраля в коллектив завода подано 120 заявлений о вступлении в партию. За десяток дней коллектив со 100 человек вырос

до 220, и подача заявлений не прекращается. В партию идут высококвалифицированные рабочие, имеющие производственный стаж от 17 до 35 лет. Из всех вступивших только 8 человек имеют 5-летний стаж.

В принятой резолюции коллектив отмечает, что всесоюзная партийная конференция правильно оценила момент, вовлекая рабочих от станка в партию.

Коллектив считает, что нашим лозунгом должно стать:

— *Нет рабочего у станка — не члена Р.К.П.*

(«Ленинградская Правда», 5 февраля.)

На «Красном Путиловце».

$4^1/_2$ часа — окончание работы, и рабочие-путиловцы спешат в кинотеатр на собрание. Зал набит битком людской массой. Доклад о порядке вступления в партию делает тов. Матюшин, организатор коллектива.

После доклада зачитываются анкеты о вступлении в партию. *За 2 дня число поданных заявлений достигает 210. Разбирается* каждая кандидатура по косточкам.

Выступает старик, ветеран, герой труда, работающий на «Путиловце» 39 л. —*тов. Кузьмин* (76 лет), и просит принять его в коммунистическую семью. Ему говорят:

— Ты, ведь, стар и у тебя не хватит сил.

Но Кузьмин отвечает:

— Я работал на «Путиловце» около 40 л. и *еще столько же проработаю, ибо я за эти дни помолодел, и у меня сил хватит. Я желаю все силы отдать партии большевиков.*

Принимается в партию единогласно.

Утверждены все 210 чел. Все они — квалифицированные рабочие от станков.

(«Ленинградская Правда», 5 февраля.)

На Балтводе.

Двери коллектива не держатся на петлях — все новые и новые партии идут в коллектив с заявлениями о вступлении в ряды Р.К.П.

Секретаря, тов. Австрикова, совсем завалили анкетами. Бюро не может без помощи со стороны выполнить техническую работу — привлечены члены коллектива. В бюро не хватает анкет — дан заказ заводской типографии.

Бегут уполномоченные цехов, требуя десятки анкет. Со всех цехов завода рабочие с большим производственным стажем идут в Р.К.П., говоря: «Мы умрем, но не забудем заветы Ильича».

После принятых 194 человек подано еще более ста заявлений.

Надо искать места для собраний — театр завода уже мал.

Коллектив Балтвода растет и крепнет, как и вся Р.К.П.

(«Ленинградская Правда», 5 февраля.)

И так — всюду.

14 февраля количество заявлений о желании вступить в партию достигло в Ленинграде и по уездам Ленинградской губернии около 25.000. Приток заявлений и там еще не ослабевает. Таким образом, две только губернии — Московская и Ленинградская с обеими столицами — дали более 50.000 рабочих и работниц, желающих вступить в Р. К. П.

Харьков.

Первые дни.

На плакате Ратау на театральной площади неожиданно появились слова: «В. И. Ленин скончался». Черные буквы на белом фоне в траурной рамке выглядели зловеще. Густая толпа долго стоит ошеломленная, неподвижная, потрясенная, а с окраин доносится шум и рев тревожных гудков. Тысячи взволнованных людей, помнящих великие дни боев 17—18 годов, кишат в своих мастерских и заводах, узнают каждую новость, машинально строятся в ряды и массой идут в центр, в город.

Хмурые ряды манифестантов в сумраке сереющего зимнего вечера черным людским морем заливают площадь перед В.У.Ц.И.К. и улицу Либкнехта, против здания Ц.К. партии. Красные знамена, кажущиеся черными при свете факелов, взволнованные слова ораторов, рыдания, разрывающие тишину траурной толпы, создают картину огромного, невиданного народного горя. В толпе перед В.У.Ц.И.К. плач и обмороки, но не нужно думать, что это слабонервная городская публика не может сдержать свое волнение. На заводах, во время митингов, посвященных памяти усопшего вождя, тишина во время речей ораторов не раз прерывалась глухими мужскими рыданиями, так непривычными в обстановке ремней, машин и суровых закопченых жизней.

Нет лучшего доказательства тесной связи, спаявшей рабочую массу с ее авангардом — коммунистической партией, как самопроизвольный порыв, поднявший на трибуну рабочих ораторов, единогласно заявлявших, что отныне не может быть беспартийных, что все рабочие пойдут в коммунистическую партию для того, чтобы продолжать дело тов. Ленина.

Что касается крестьянства, то в его неимущей, незаможнической части смерть тов. Ленина вызвала настоящий порыв к дальнейшему сближению с коммунистической партией. Комитеты незаможних селян сообща со середняками выделяют делегатов для посылки в Москву на похороны тов. Ленина. Резолюции крестьянских сходов говорят о твердом намерении крестьян впредь держаться ленинских идей о смычке с городом.

(«Правда».)

В ряды Р. К. П.

(По телефону в редакцию «Правды».)

Харьков, 25 января. Смерть Ильича всколыхнула беспартийные массы. В ячейки Петинского района в последние дни поступают массовые заявления беспартийных рабочих о желании вступить в партию, чтобы в ее рядах бороться за ленинские заветы. Ряд районов и заводов выносит постановления о присвоении им имени Ленина. Собираются средства на сооружение памятника.

25 января. Со всей Украины непрерывно поступают телеграммы с сообщением о глубокой скорби, охватившей трудящихся при известии о смерти Ленина. Поступают сведения о первых откликах селянства на смерть Ленина. Из сел в ближайшие города начали прибывать селянские делегации. В селах все работы прекратились, с раннего утра до поздней ночи продолжались крестьянские сходы. В исполкомах толпится множество селян, интересующихся подробностями смерти Ильича. Селяне выбирают делегации для участия в погребении. В резолюциях селянство заявляет, что в союзе с рабочими оно добьется победы мировой революции.

31 января. *Непрерывно поступают сведения о вступлении в партию новых групп рабочих. Рабочие 3-й государственной мельницы подали коллективное заявление о вступлении в партию*, в котором говорят, что, только

тесно сплотившись, рабочий класс сможет заменить тяжелую утрату. Среди вступающих подавляющее большинство с большим производственным стажем. *На харьковском паровозостроительном заводе из ста рабочих, подавших заявления, 15 проц. с производственным стажем от пяти до десяти лет, 60 проц. со стажем от десяти до двадцати лет, 20 проц. со стажем свыше двадцати лет, из этих последних многие со стажем до сорока лет.*

Рабочие главного железнодорожного депо, заслушав заявление группы рабочих депо о вступлении в партию, заявляют: «*Это только авангард, все 1.200 рабочих депо будут свято хранить заветы Ильича и твердо пойдут под руководством коммунистической партии*».

Паровозники на собрании в память Ильича заявили: «*Нет беспартийных*, далее нельзя стоять в стороне, нужно общими силами укреплять Советскую власть и крепче держать знамя, полученное от Ильича». Такие же сведения о массовом вступлении рабочих в партию поступают со всей Украины. *За последние три дня по грубому подсчету в одном только Харькове и в Донбассе вступило в партию до пяти тысяч человек.*

Изюм, 31 января. В главных изюмских железнодорожных мастерских Донецких ж. д. *из общего числа 1.200 рабочих 238 подали заявление о желании вступить в ряды коммунистической партии.* Заявления эти были поданы после трехдневного обсуждения на собраниях о целях и задачах партии. Среди подавших заявления большинство с большим производственным стажем, многие со стажем в 20 — 30 лет.

Донбас (Бахмут).

Голос рудокопов.

25 января. На Щербиновских рудниках рабочие узнали о смерти Ленина 22 января поздно вечером. Несмотря на поздний час, в рудничном клубе собралось свыше пяти тысяч человек. Собранием послана телеграмма Ц.К. Р.К.П., в которой заявляется, что рабочие стоят на страже октябрьских завоеваний.

25 января. Кончина Ильича сильно всколыхнула беспартийные массы. Отовсюду сообщают, что в последние дни приток рабочих в партию сделал резкий скачок к увеличению. На Селезневском руднике, Луганского округа, после митинга, посвященного памяти Ильича, *35 старых шахтеров подали заявление о вступлении в ряды коммунистической партии.*

1 февраля. Отовсюду с рудников и заводов поступают новые сведения о вступлении рабочих в партию. В резолюциях, принятых на общих собраниях, беспартийные рабочие заявляют, что *только коммунистическая партия может завершить дело революции, и поэтому вокруг нее должен сплотиться весь рабочий класс.*

На руднике «Золотое» рабочие заявили: «Мы не только присоединяем свой голос в общей скорби о кончине Ленина, но заверяем рабоче-крестьянское правительство, что мы еще сильнее сомкнем ряды для завершения революции».

2.000 рабочих Горловского рудника в принятой резолюции говорят:

«Идеи Владимира Ильича живы среди нас, мы теперь *еще сильнее сплотим ряды вокруг коммунистической партии и пойдем вперед для осуществления задач, оставленных нам Ильичем*».

На руднике «Парижская Коммуна» рабочие заявили: «Пусть закордонная буржуазия не мечтает видеть Россию без коммунистов, мы любили и любим ленинскую коммунистическую партию и пойдем ей на помощь».

На руднике имени Воровского 32 забойщика подали заявление о вступлении в партию. Охрана рудника также в полном составе вступила в партию.

Рабочие Бахмутского гвоздильного завода в телеграмме Ц.К. партии заявляют: «В этот тяжелый час мы вместе с вами. Под знаменем коммунистической партии и ленинизма сплотимся вокруг партии и будем бороться до окончательной победы».

Рабочие Калининского рудника в обращении к Ц.К. партии клянутся, что они всегда будут проводниками великих идей Ильича и будут бороться до полной победы над всемирной буржуазией.

Рабочие Никитовского ртутного рудника заявляют: «Заветы нашего дорогого вождя и учителя живут в наших сердцах. Клянемся выполнить их под руководством авангарда пролетариата — коммунистической партии».

Многолюдное собрание рабочих, работниц, крестьянок и трудящейся интеллигенции Ровенецкого района, Шахтинского округа, приняло резолюцию, в которой, между прочим, говорится: «Ильичу не удалось дождаться полной победы международного пролетариата, но мы ее добьемся, удвоив, утроив, удесятерив наши труды, спайку и борьбу».

15 февраля. Всего подано заявлений о вступлении в коммунистическую партию в Юзовском округе — 3.500, в Луганском — 2.500, в Бахмутском — 3.500, в Шахтинском — 1.500. Приток заявлений продолжается. В Юзовском округе уже утверждены кандидатуры 1.577 рабочих.

Нижний-Новгород.

(Сормово, Выкса.)

В несколько дней.

2 февраля. *В Сормове,* после цеховых собраний, прошедших под лозунгом «укрепляйте партию», и докладов делегатов о похоронах Ильича, вступило в партию более 1.000 чел. На Выксунских заводах, Приокского горного округа, принято за последние дни 500 чел. Вступление мелкими группами в 20 — 50 человек на всех мелких заводах идет ежедневно.

2 февраля. *На Сормовском заводе* за один только день 1 февраля в ячейки поступило 500 заявлений от рабочих о желании вступить в Р.К.П. Большинство подавших заявления — рабочие с многолетним производственным и профсоюзным стажем. *Всего по Сормовскому заводу в течение последних 4 дней вступило в Р.К.П. 854 рабочих.*

(«Правда», 3 февраля.)

Всем заводом.

На общем собрании рабочих *Верхне-Выксунского завода,* в присутствии 900 человек, вынесено единогласное решение — всем заводом вступить в ряды Р.К.П.

На Брянском арсенале, на общем собрании рабочих после докладов о Ленине, о его похоронах, единогласно и единодушно принимается предложение — *коллективно, всем составом рабочих войти в партию коммунистов* и в ней бороться за осуществление заветов учителя — Ленина.

Партийная организация Кулебак, уже принявшая за последний, сравнительно небольшой период в свои ряды около 200 человек рабочих, после смерти Ленина *имеет уже еще 225 заявлений рабочих.*

Рабочие подают заявления и поодиночке, и целыми группами. В большинстве подающие заявления — квалифицированные рабочие.

80 рабочих завода «Судоверфь», входящего в Приокский горный округ, подали заявление в партию. В заявлении рабочие пишут, что лучшим памятником Ленину будет — выполнение его заветов, живущих в коммунистической партии, потому они и просят партию принять их в свои ряды и обещаются выполнять заветы Ильича.

На Мотиловской текстильной фабрике до 8 февраля в партию подано 140 заявлений. Тяга рабочих и работниц в партию продолжается, продолжают поступать и единоличные, и групповые заявления.

Тверь.

29 января. Никогда фабричный район Твери не переживал такого тесного единения рабочих с партией, как в этот раз. Собрания, происходившие с 21 по 28 января, были так многолюдны, что не хватало помещений. Везде приняты резолюции, в которых рабочие обещают быть верными заветам Ильича и объединиться вокруг Р.К.П. — стального авангарда пролетариата.

Рабочие откликнулись на наш призыв вступить в партию, и 28 января на торжественном заседании в Большом Пролетарском театре от всех заводов и фабрик района был преподнесен партии подарок в количестве 1.632 рабочих, вновь вступивших в партию. Запись продолжается. Настроение приподнятое.

2 февраля. Лозунг «Тысяча новых членов партии от станка к XIII съезду Р.К.П.», выброшенный пленумом губкома в декабре, отразил действительное настроение рабочих масс в губернии. Смерть Ильича ускорила формальное вступление рабочих в партию. *По предварительным, неполным данным, по губернии вступило в партию более 2.000 человек, преимущественно рабочих от станка.*

Тула.

Рабочая Тула глубоко и остро восприняла весть о смерти Ильича. В среду, 23 января, рабочие, собравшиеся на работу, повсюду потребовали организации собраний, а после них весь тульский пролетариат стихийно вышел на многотысячную демонстрацию.

Вечером 23 января состоялись партийные собрания при участии многих тысяч беспартийных рабочих. Речи ораторов часто прерывались рыданиями работниц и стариков-рабочих. Никогда еще не чувствовалось так наглядно, как в эти дни общего горя, какая глубокая связь и спайка соединяют нашу партию с широкими рабочими массами.

Траурное заседание тульского совета совместно с пролетарскими организациями, послав телеграммы соболезнования Н. К. Крупской, Ц.К. Р.К.П., В.Ц.И.К. и Совнаркому, постановило открыть в Туле дом беспризорного ребенка имени Ленина, заложить и построить на средства рабочих памятник Ильичу, переименовать оружейные заводы в заводы имени Ленина, а патронный завод — в завод Владимира Ильича Ульянова.

В день похорон Ильича, 27 января, по всем мастерским и предприятиям перед траурной демонстрацией состоялись собрания. Рабочие в сотнях резолюций поклялись продолжать дело Ильича, итти к победе под знаменем ленинизма. Всюду отмечалось, что рабочие верят наследнице Ленина — Р.К.П. *Тут же на собраниях стали поступать заявления о вступлении в ряды Р.К.П. Под лозунгом — «Ильича нет, заменим его сотнями тысяч новых бойцов»*, — это вступление рабочих в партию приняло массовый характер, неожиданный по своим результатам. *В оружейном и патронном заводах и на ж.-д. узле заявили о вступлении в партию большевиков 2.000 рабочих* (из них около 1.000 рабочих на оружзаводе, около 500 на патронном заводе и около 500 на железной дороге). *Как правило, идут в партию лучшие, наиболее квалифицированные и культурные рабочие исключительно от станка.* В ряде мастерских число подавших заявления превышало в два-три раза число имеющихся членов ячейки.

В часы похорон Ильича началась траурная демонстрация. Около 50 тысяч рабочих и работниц — небывалое в Туле за все годы революции число — участвовало в отдании последнего долга Ильичу. Заводы и мастерские выходили целиком, без исключения.

После демонстрации, в момент салютов, был заложен памятник Ильичу на площади, где в 1903 г. впервые в Туле была организована рабочая демонстрация против царизма и буржуазного строя.

Вечером в рабочих районах были организованы митинги о заветах Ильича.

Так Ленин не только своей жизнью, но и своей смертью сплотил вокруг революционного знамени рабочий класс.

30 января. На утрату Владимира Ильича тульские рабочие ответили массовым вступлением в ряды Р.К.П.

В течение двух дней, следовавших за похоронами, в ячейки наших заводов, только по городу Туле, поступило 3.050 заявлений от рабочих, желающих вступить в Р.К.П. По предварительному ознакомлению с характеристиками поступающих выяснилось:

1) *Что из общего числа вступающих 2.480 человек — рабочие от станка, имеющие в среднем 10-годичный производственный стаж.*

2) *Среди вступающих нет ни одного неграмотного. Большинство из них квалифицированные рабочие.*

3) Большинство вступающих — рабочие, которые и прежде были близки нашей партии (члены советов, рабкоры, уполномоченные профсоюзов, делегаты).

Кандидатуры всех вступающих в партию обсуждаются на общем собрании рабочих по мастерским с лозунгом: «Пошлем в партию тех, кто получше и покрепче».

Черный город (Баку).

24 января. На всех промыслах, заводах, фабриках, в красноармейских частях, на военных кораблях идут собрания памяти Ильича. Рабочие идут на собрания с семьями.

В Черном городе тревожные гудки сообщили о скорбной вести. На площади собралось все рабочее население Черного города. Собравшиеся в своей резолюции заявили: «У открытого еще гроба вождя клянемся всем своим существом еще более крепкими рядами сомкнуться вокруг коммунистической партии и довести дело освобождения рабочих всего мира до конца».

Рабочая молодежь промыслов Биби-Эйбата в своей резолюции клянется никогда не забыть Ильича и его учение, которое он оставил в наследство. «По первому зову коммунистической партии мы рука об руку с нашими старшими товарищами пойдем завершить дело Ильича.» Групповое собрание рабочих и служащих фабрично-заводского района постановило учредить несколько стипендий имени Ленина в школах для беднейших учеников. Рабочие и служащие машиностроительного завода имени лейтенанта Шмидта в числе тысячи человек клянутся на могиле Ильича, объединившись под знаменем Коминтерна, довести до конца работу, начатую Ильичем.

12 февраля. Намеченная бакинским комитетом коммунистической партии Азербейджана цифра в 2.000 новых членов партии — рабочих — превзойдена почти вдвое. По 11 февраля рабочими подано 3.869 заявлений о вступлении в партию. В фабрично-заводском районе после смерти Ленина вступило в партию 1.040 рабочих, в Ленинском (бывш. Балахано-Сабунчинском) районе — 1.000 рабочих, в Баилово-Биби-Эйбатском районе —749, в Городском — 534, в Сураханском — 223, в Завокзальном — 221, в Бинагадинском — 102.

Грозный.

12 февраля. За три дня поступили коллективные заявления о вступлении в партию от 1.300 рабочих.

Одесса.

31 января. За последние три дня в Одессе среди рабочих сильнейшая тяга в коммунистическую партию. Повсюду выносятся резолюции о необходимости пополнения той потери в партии, какой является кончина Ильича. *В одном Ленинском районе, рабочем ядре Одессы, за последние три дня подано свыше 3.000 заявлений о вступлении в партию. Нет ни одного предприятия в Ленинском районе, где бы беспартийные не подали заявления.* На траурном вечере первой и второй государственных мельниц 48 рабочих заявили о вступлении в партию. *На многочисленном собрании водников 600 водников, старейших квалифицированных моряков, коллективно вступили в партию.* В ячейку порта, объединяющую многочисленные мастерские, мелкие портовые предприятия, мелкие суда, поступило 300 заявлений о вступлении в Р.К.П.; рабочие в своих заявлениях указывают, что только коллективная воля сможет заменить Ильича. Рабочие завода «Ген» вступили в партию в числе 50 человек. Ремонтные мастерские Чижикова, после доклада об Ильиче на общем собрании в 500 человек, поставили вопрос о коллективном вступлении в Р.К.П. Собрание всеми голосами при 18 воздержавшихся, спецах и администраторах, постановило коллективно вступить в партию. На пятом государственном кожевенном заводе 45 рабочих, все квалифицированные с долголетним стажем, подали заявление о вступлении в партию. На судостроительном заводе Марти и Бадина 417 рабочих с долголетним производственным стажем подали заявление о вступлении в партию. На заводе имени Красного 13 металлистов, давно работающих на заводе, постановили вступить в партию. Вследствие обилия заявлений, в Ленинском районе организована специальная комиссия для рассмотрения заявлений и тщательной фильтровки.

В Привокзальном районе в партию вступили 300 рабочих джутовой фабрики, 60 рабочих январских железнодорожных мастерских, 60 рабочих службы тяги и 97 рабочих других предприятий.

В Свердловском (городском) районе подали заявление о вступлении в партию 70 рабочих государственной обувной фабрики, 40 — первой государственной типографии, 64 — второй государственной типографии, 45— деревообделочников.

По предварительным грубым подсчетам, число всех заявлений достигает 5.000. Подавляющее большинство подавших заявления — рабочие от станка с большим производственным стажем, испытанные в революционных боях.

Екатеринбург.

24 января. Скорбная весть о смерти вождя Ленина встречена рабочими, крестьянами и красноармейцами Урала с глубокой болью. Трудящиеся Урала в сотнях резолюций заявляют, что они никогда не забудут заветов дорогого Ильича, потеря вождя еще теснее сплотит трудящихся вокруг знамени коммунистической партии.

Прибывшие с уральских заводов представители рабочих сообщили о той скорби, которая охватила рабочих по получении известия о смерти Ленина. Рабочие клятвенно обещают тесно сомкнуться в единую рабочую семью под руководством коммунистической партии.

Челябинск.

24 января. Город в трауре. Рабочие стихийно вышли на демонстрацию. На заседании городского совета, партийных организаций и парткомов постановлено построить в Челябинске памятник Ленину и назвать его именем площадь и партийную школу.

Пермь.

Завод Мотовилиха.

Известие о смерти Ильича было получено 22 января. После окончания работ был назначен митинг.

На собрании была принята следующая резолюция:

«Умер наш любимый вождь Ильич. Не стало гениального руководителя русской и международной революции.

Русские рабочие и крестьяне и международный пролетариат лишились того, кому все мы безоговорочно доверяли, кто свыше 25 лет шаг за шагом вел к победе рабочий класс и в 1917 г. к этой победе привел.

Под руководством нашего дорогого Ильича мы побеждали в течение шести лет революции.

Теперь, когда его не стало, наши враги, может быть, попытаются вновь посягнуть на нашу независимость.

В этот ответственный момент мы заявляем всем нашим открытым и тайным врагам, что все их попытки не поколеблют наших завоеваний и встретят самый решительный отпор.

Мы, как один, еще более, чем до сих пор, сплотимся вокруг Р.К.П., вокруг той партии, которую создал Ильич и под знаменем которой мы боролись, чтобы теперь победить окончательно.

Да здравствует союз рабочих и крестьян!

Да здравствует международная революция!»

Николаев.

Клятва рабочих гор. Николаева.

24 января. В городе состоялась траурная демонстрация трудящихся. На Центральной площади десятитысячная толпа, обнажив головы, склонив знамена, обратившись в сторону портрета Ленина, пела похоронный марш. Делегатам Николаева на второй всесоюзный съезд советов поручено быть представителями трудящихся Николаева на похоронах Ильича. В наказе, врученном делегатам, говорится: «Поручаем вам передать хозяину советской земли — Второму Всесоюзному Съезду Советов — и нашему центральному рабоче-крестьянскому правительству, что мы клянемся впредь, как всегда, стоять на страже завоеваний Октября и охранять заветы Ильича. Вожди умирают, — их дело живет. Память об Ильиче никогда не изгладится из сознания миллионов рабочих и крестьян. Вечная память Ильичу. Да здравствует наш коллективный вождь — коммунистическая партия! Да здравствует живое, тесное единение рабочего класса и крестьянства вокруг коммунистической партии!».

К зданию окружного комитета партии одна за другой продолжают подходить демонстрации с траурными знаменами. Из ближайших деревень прибыли делегации крестьян. Явившаяся к окружному комитету манифестация трудовой интеллигенции заявила, что интеллигенция всего мира имеет только один путь — совместно с пролетариатом всего мира и коммунистической партией.

Сивашская дивизия в резолюции заявляет, что смерть Ильича еще сильнее скрепит ряды красных бойцов. «Теперь мы должны охранять, — говорится в резолюции, — не только красные границы, но и неприкосновенность могилы нашего великого вождя и учителя.»

Решено соорудить в Николаеве памятник Ленину и открыть в центральном клубе комнату Ленина.

Голос иностранных моряков.

25 января. Команда находящегося в порту голландского парохода «Лерсум» устроила митинг, посвященный кончине Ильича. В митинге приняли участие моряки всех иностранных судов. В своих речах иностранные моряки заявляли о глубоком сочувствии горю трудящихся Советского Союза. «За время нашего пребывания здесь, — говорили они, — мы сроднились с жизнью Советской республики и поняли ту великую роль, которую сыграл в истории развития мировой революции вождь трудящихся всего мира — Ленин.» Перед зданием, где происходило собрание моряков, шли непрерывные летучие митинги.

* * *

1 февраля. Последнее заседание ячейки завода Марти и Бадина прошло при небывалом скоплении беспартийных. Особенно интересовались беспартийные рабочие отношением коммунистической партии к массовым заявлениям рабочих о вступлении в партию. Собранием принято постановление, указывающее на необходимость временного прекращения доступа в партию непролетарского элемента.

На общегородском собрании работниц, посвященном памяти Ленина, выступило много беспартийных работниц, заявивших о своем желании вступить в коммунистическую партию.

На общегородском партийном собрании, посвященном памяти Ленина, постановлено обратиться в Ц.К. Р.К.П. с просьбой переименовать коммунистическую партию большевиков в коммунистическую партию ленинцев.

2 февраля. На всех заводах рабочие выносят резолюции о необходимости заполнения бреши, пробитой в партии смертью Ленина. В окружной комитет партии поступило свыше 1.000 заявлений от рабочих о приеме в партию, в том числе от 200 рабочих завода Марти и Бадина и от 40 рабочих электрической станции. Рабочие завода «Плуг и Молот», пожарные и водники постановили вступить в партию в полном составе. Окружной комитет образовал специальную комиссию, которая посетит все заводы и на месте разберет заявления.

Киев.

15 февраля. Подано 1.566 заявлений о приеме в партию. Фастовское ж.-д. депо на собрании 400 человек дало партии 32 лучших рабочих.

Царицын.

29 января. Рабочие лесопильных заводов имени Минина в числе 150 человек коллективно вступили в коммунистическую партию. Рабочие маслобойного завода «Возрождение» послали в партию 15 лучших товарищей.

Все заводы постановили на церковный праздник Сретения работать и деньги за этот день отдать на постройку памятника Ленину. Кроме того, решено отчислить 2 проц. жалованья на покупку печатных трудов Ленина. Рабочие просят переименовать Царицын в город Ильич. Горчичный завод «Победа» послал в партию 5 рабочих, бекетовские лесопильные заводы — 9 рабочих. Горячо обсуждается вопрос о посылке в партию лучших товарищей на наиболее крупном заводе «Красный Октябрь».

Крестьяне села Карповка 2 Донского округа собрали 60 пуд. хлеба в фонд постройки памятника Ленину в своем селе. Все села, даже медвежьи уголки, в трауре. Во многих селах такого подъема настроения не было даже в дни Октября.

Новороссийск.

30 января. На открытых ячейковых собраниях, при участии большого числа беспартийных, вынесены резолюции о необходимости укрепления партии путем вступления в нее рабочих. 140 рабочих цементных заводов подали заявление о вступлении в коммунистическую партию. Из водников подали заявление 47 рабочих, рабочих местного транспорта — 39, железнодорожников — 30. На заводе Судосталь подали заявление 30 рабочих, на элеваторе — 40 рабочих. *Заявления о желании вступить в партию подали даже 12 иностранных моряков.*

Якутск.

24 января. Известие о смерти Ильича получили утром 23-го. Днем состоялись многочисленные собрания областного комитета, городской организации, профсоюзов, воинских частей, учащихся при широком участии населения. На митингах, шедших на якутском языке, выступало много беспартийных представителей национальной интеллигенции, отмечавших тяжесть потери Ильича. Поступают сведения из Ленского, Вилюйского и Олекминского округов о массовых митингах. Проводятся собрания в глухих якутских улусах и деревнях. Экстренной сессией якутского Ц.И.К., областным комитетом Р.К.П. и съездом кооперативов установлены 5 стипендий имени Ленина в коммунистических вузах. 23 — 29 января установлена неделя траура по всей Якутии.

Томск.

24 января. Со вчерашнего дня город погружен в траур. Сотни собраний заявляют о своей решимости стойко следовать заветам Ильича. Идет сбор на венок. Открыт сбор на сооружение памятника Ленину в Томске. Партийная и комсомольская организации послали соболезнование Ц.К. Р.К.П., тов. Крупской, Троцкому и Бухарину и решили просить о переименовании Москвы в город Ленина.

Благовещенск.

24 января. Во всех учреждениях, предприятиях, профессиональных организациях, среди широких рабочих масс, у безработных, состоялись экстренные митинги. Резолюции призывают теснее сомкнуть ряды и продолжать начатое дело. Резолюция городского общепартийного собрания говорит: «Ленин умер — ленинизм жив. Да здравствует ленинизм!»

Хабаровск.

24 января. Вчера получены телеграммы, извещающие о смерти Ленина. По всему городу состоялись митинги памяти Ленина, на которых присут-

ствовало до 10.000 человек. Во всех резолюциях, постановлениях и телеграммах, посланных Ц.К. Р.К.П. и В.Ц.И.К., выражается глубокая скорбь об утрате вождя мирового пролетариата и призыв к объединению и сплочению вокруг Р.К.П.

На траурном заседании бюро ячеек, посвященном памяти Ильича, принята резолюция, в которой говорится: «Мы даем клятвенное обещание, что не свернем с пути, по которому повел нас Ильич. Выполняя завет нашего великого учителя, мы завершим смычку рабочих и крестьян».

Чита.

24 января. Состоялось совместное собрание городского совета, партийной и комсомольской организаций и многочисленных рабочих. В телеграмме, посланной Ц.К. Р.К.П., собрание, выражая свою скорбь, заявляет, что завоевания великой Октябрьской революции всецело зависят от единства рабочего класса и всех трудящихся масс, идущих за авангардом пролетариата — Р.К.П., организатором и вождем которой был Ленин.

Верхнеудинск.

24 января. Все население Бурятской республики потрясено известием о кончине Владимира Ильича Ленина. Все собрания единодушно заявляют, что трудящиеся будут охранять все завоевания пролетарской революции. При библиотеке бурятского профсовета открыта выставка трудов Ленина.

Владивосток.

24 января. Весть о смерти Ильича получилась 22 января, когда в рабочих клубах заканчивались вечера памяти 9 января. 23 от 2 до 4 часов все фабрики, заводы и учреждения закрылись, везде состоялись митинги. В резолюциях рабочие клянутся не выпускать красное знамя из своих рук до полной победы.

25 января. Вчера — второй день траура. Состоялось траурное заседание городского совета, при участии фабзавкомов, профессиональных организаций, воинских частей. По окончании речей демонстрируется картина великой борьбы 1917 — 1922 г.г.: на экране на митинге перед многотысячной толпой говорит Ильич.

На заседании выступали представители рабочих металлистов, железнодорожников, рабочих местного транспорта, Красной армии, Красного флота, студенчества. Мысль всех речей одна — заветы Ильича будут выполнены трудящимися.

Единогласно решено главную Светланскую улицу переименовать в улицу Ленина. Образована комиссия по постройке памятника Ленину. Губисполкому предложено из средств местного бюджета приобрести пай в Дальне-Восточном обществе сельско-хозяйственного кредита на сумму в 20.000 рублей, назвав его «паем смычки имени Ленина», и по мере укрепления местного бюджета увеличивать его.

30 января. Из Харбина сообщают, что большое количество беспартийных рабочих от станка подали заявление о приеме их в местную организацию компартии. Прием производится с большим выбором, так как организация находится на нелегальном положении.

Тюмень.

25 января. Во всех клубах состоялись собрания рабочих. Клубы переполнены. Во время речей многие плакали. Рабочие металлисты постано-

вили соорудить памятник Ленину. Объявлена неделя траура, по всем улицам вывешены черные флаги.

Семипалатинск.

25 января. Весть о смерти Ленина потрясла население. Повсюду происходят траурные заседания. В город прибывают крестьянские делегации.

Новониколаевск.

25 января. Поступающие с окраин Сибири сообщения показывают, что известие о смерти тов. Ленина потрясло население необъятной Сибири от берегов Тихого океана до Урала и от Ледовитого океана до Алтая и Монголии. Известие проникло во все медвежьи уголки Сибири, в аймаки, улусы. Ни одно сообщение со времени революции так не волновало разноплеменную Сибирь, не исключая и туземцев севера и Алтая, среди которых имя Ленина было наиболее популярным.

В Новониколаевске перед плакатами-сообщениями Роста толпится народ до глубокой ночи. С нетерпением ожидаются центральные газеты. Сиброста осаждается желающими узнать сообщения ранее, чем они появятся в печати.

Красноярск.

25 января. Третий день в учреждениях, школах, войсковых частях, рабочих кварталах, в деревнях продолжаются траурные митинги, посвященные покойному Ильичу. В редакцию «Красноярского Рабочего» поступили сотни резолюций, в том числе из глухих деревень далекого севера, Туруханска, Урянхая. Вместе с выражениями скорби рабочие и крестьяне клянутся, что дело, за которое боролся Ленин, будет ими доведено до конца. Истпарт организовал ленинскую выставку по материалам ссылки Ильича в Енисейской губернии.

Омск.

2 февраля. В связи со смертью Ильича, тяга в Партию сразу и резко повысилась. Омская организация Р.К.П. за три дня получила 322 заявления о желании вступить в партию. Почти все желающие, за ничтожным исключением, — рабочие от станка, преимущественно из железнодорожных мастерских. 24 человека подали заявления о желании вступить в комсомол.

Оренбург.

16 февраля. До сих пор подано рабочими 1.600 заявлений о вступлении в партию. Заявления продолжают поступать.

По сводке ЦК РКП на 9 апреля по СССР подано 258.845 заявлений о вступлении в партию. Утверждено 114.256 заявлений.

По отдельным организациям количество заявлений распределяется следующим образом: по Москве на 24 марта подано заявлений 40.000, по Ленинградской организации на 24 марта подано 34.944 заявления, Донец-

кой на 3 марта — 19.000, Уральской на 22 марта — 9.936, Нижегородской на 7 апреля — 7.911, Иваново-Вознесенской на 1 апреля — 4.000, Костромской на 23 марта — 780, Бакинской на 31 марта — 8.733, Ижевской на 17 марта — 1.100, Брянской на 22 марта — 2.800, Тверской на 27 марта — 3.185, Ярославской на 24 марта — 2.865, Донской на 28 марта — 4.791, Владимирской на 1 апреля — 6.707, Куб.-Черноморской на 23 марта — 3.837, Черниговской на 25 марта — 1.755, Подольской на 25 марта —1.127, Волынской на 17 марта — 636, Пензенской на 13 марта — 1.706, Рязанской на 23 марта — 2.242, Н.-Николаевской на 1 апреля — 1.378, Вятской на 1 апреля — 987, Сыр-Дарьинской на 10 марта — 2.335 (сведения исключительно по Ст. и Нов. Ташкенту и его уездам), Грузии на 31 марта — 2.026, Омской на 17 марта — 1.806, Труд. Ком. Немц. Поволжья на 27 марта — 644, Астраханской на 31 марта — 3.843, Тамбовской на 1 марта — 2.272, Белоруссии на 21 марта — 3.078, Забайкальской на 21 марта — 1.686, Енисейской на 1 марта — 1.881, Смоленской на 17 марта — 2.156, Симбирской на 14 марта — 1.264, Сев.-Двинской на 24 марта — 431, Череповецкой на 31 марта — 896, Новгородской на 14 марта — 1.219, Приморской на 17 марта — 7.272, Чувашской на 17 марта — 72, Актюбинской на 10 марта — 1.118, по Кустанайской всего подано и утверждено 72 заявления, по Башкирии на 17 марта подано 993 заявления, Кар.-Черкесской на 1 марта — 33, Мурманской на 11 марта — 400, Орловской на 24 февраля — 472, Гомельской на 15 марта — 2.936, Акмолинской на 19 марта — 370, Крымской на 15 марта — 378, Дальбюро на 28 марта — 4.986, Харьковской на 26 марта — 7.809, Одесской на 23 марта — 5.763, Екатеринославской на 23 февраля — 5.737, Полтавской на 8 марта — 1.716, Самарской на 8 марта — 2.183, Саратовской на 2 апреля — 4.258, Царицынской на 23 марта — 2.077, Курской на 29 марта — 3.673, Калмыцкой на 6 марта — 100, Воронежской на 10 марта — 1.300, Псковской на 25 февраля — 1.320, Вологодской на 7 марта — 2.443, Калужской на 1 марта — 640, Тверской на 17 марта — 1.313, Алтайской — 292 заявления (утверждено), Карелии на 1 апреля — 353, Тульской на 30 марта — 9.061, Грозненской на 18 февраля — 1.381, Иркутской на 8 марта — 612, Якутской на 24 февраля — 117, Уральской на 24 февраля — 283, Томской на 8 марта — 1.549, Оренбургской на 22 марта — 1.933, Армении на 1 марта — 306, Семипалатинской на 2 апреля 724, Букеевской на 27 марта — 18, Киевской на 20 марта — 4.275, Ферганской на 1 марта — 528 (сведения только по городу Коканду), Казанской на 15 марта — 1.574, Архангельской на 15 марта — 328 (сведения неполные), по Бур. обкому на 3 марта подано 268 заявлений.

Еще не настало время подвести итоги этому небывалому, невиданному движению рабочих. Вхождение в партию — первый шаг. Рабочим хочется сейчас же, на собрании, сказать о своих глубоких чувствах родственной связи с этой партией.

В то же время хочется увековечить имя Ленина. Имя Ленина отныне будет жить в названиях сотен деревень, волостей, городов (Ленинград, Ленинск, Лениндорф и так далее), улиц, площадей, домов ребенка, домов отдыха, фабрик, заводов, совхозов, школ, клубов. Рабочие хотят, чтобы мы свою партию переименовали в Ленинскую.

Комсомол переименовывает свой союз в Ленинский. Организуются в каждой библиотеке, в каждом клубе, школе, фабрике, красноармейской казарме, деревенской избе-читальне уголки

Ленина, школы ленинизма, курсы по изучению ленинизма, кружки ленинцев.

Центральный Комитет нашей партии имел право сказать в день смерти Ленина:

Ленин живет в сердце каждого честного рабочего.

Ленин живет в сердце каждого крестьянина-бедняка.

Ленин живет среди миллионов колониальных рабов.

Ленин живет в ненависти к ленинизму, коммунизму, большевизму в стане наших врагов.

Знаем мы, что ленинское сердце
В каждом восставшем рабочем живет.
Мы еще увидим
Ленина в красноармейце,
Штык вонзающем в панский живот.

Мы его увидим
В траурной мессе [1]),
Мессе о каждом свергнутом короле.
Или в рабе,
Сжигающем поместье
На потрясаемой в битве земле.

Ленин жив
Во вражеской брани,
В каждой стачке, в уличной борьбе.
Мы его увидим
В каждом восстаньи,
В каждой битве под знаком Р.К.П...

Если б знали — бились лбом бы
Сотни ноющих ныне подлиз.
Ох, как грохнут буйные бомбы,
Волей Ленина
Брошенные в капитализм!

Сколько Лениных, сколько знакомых,
Сколько будет
Живых Ильичей
Во всесветных наших ревкомах,
Завоеванных
Без
Речей!

Нынче он — ленинизм —
В рабкоре
Или в пониженных ценах сапог;

Будет день:
Сегодняшнее горе
В радость революции выльет Восток.

Нынче он
В работающем тресте,
В деле смычки, в мелочи любой, —

---

[1]) Месса — панихида.

Будет день:
Вселенское поместье
Мы построим этой борьбой.

Нынче Ленин — молнией
И громом
На бесхозяйственность в наших рядах,

Завтра он —
Всемирным Совнаркомом
Подымает ленинский стяг.

Пролетарии! Слезы льются?
В даль глядите:
Вам, крича,
Машет Ленин.
— Всемирную революцию
Воздвигай
Над гробом Ильича!

(А. Безыменский.)

Пролетарии всего мира с Лениным.

При жизни Ленина мы имели бесчисленные доказательства глубочайшей любви к Ленину со стороны рабочих масс во всем мире. Но никогда мы не представляли себе, как рабочие массы во всем мире ответят на смерть Ленина. Если смерть Ленина была ударом, могучим толчком для рабочих и работниц, для всех трудящихся в нашей стране, где на глазах их протекала его борьба, его работа, то в других странах этот удар, этот толчок был не меньше.

Иностранные газеты в течение нескольких дней — как коммунистические, так и враждебные коммунизму — полны были статьями о Ленине. Стиснув зубы, наша белогвардейщина должна была читать ежедневно на столбцах буржуазных газет признание гениальности Ленина, признание того, что Ленин, которого они оплевывали всю жизнь, является величайшим гением человечества, выдвинутым веками борьбы. Стоит прислушаться к этим голосам, которые идут далеко не из нашего лагеря.

Вот Отто Бауэр, австрийский социал-демократ, когда-то теоретик марксизма, один из теоретиков национального вопроса, один из основателей $2^1/_2$ Интернационала. Ленин не однажды разоблачал его шатания, его половинчатость, его измену по отношению к делу рабочего класса. В сочинениях Ленина можно найти много жестоких и горьких слов, высказанных по адресу Отто Бауэра, и вот Отто Бауэр говорит о том, что у могилы Ленина молчат все эти разногласия и что они (читай—соглашатели), боровшиеся с Лениным в течение многих годов, «склоняют знамена перед гением его воли, перед его революционизирующим весь мир делом». В присланном в редакцию «Известий» письме Отто Бауэр говорит:

Социал-демократическая рабочая партия Австрии скорбит у гроба великого революционера. Он часто резко выступал против нас. Мы не

согласны были с тем, что его дело осуществимо теми самыми путями, что в России, в совершенно другой социальной обстановке Запада. Однако, у могилы Ленина молчат все эти разногласия, мы тоже склоняем наши знамена перед гением его воли, перед его революционизирующим весь мир делом.

И мы были его учениками. Гегемония пролетариата над крестьянством, только она является путем к власти. Так учил нас Ленин. Мы думаем, что эта гегемония может быть осуществима в Средней и Западной Европе другим путем и другими средствами, чем в России. Но что она должна быть и здесь осуществима — в этом величайший урок побед Владимира Ильича Ленина.

Дантон, Марат, Робеспьер, Гебер — все они страстно боролись друг с другом и посылали один другого на гильотину; но ныне великая французская революция является нам как их общее дело. Точно так же настанет время, когда нашим потомкам Великая революция нашего времени будет казаться общим делом нас всех, несмотря на все то, что разделяет ныне коммунистов и революционных социал-демократов. В духе этой общности и мы склоняемся перед памятью вашего бессмертного вождя.

Вот профессор В. Шюкинг, член германского рейхстага и международного трибунала в Гааге. Он не коммунист. Как он оценивает Ленина? Ленин для него *«один из тех огненных столпов, которые указывают дорогу к прогрессу человечества, с трудом пробирающегося в темноте»*.

Так же, как сама история человечества, стара история человеческой нужды. Но человек не может примириться с последней и считать ее чем-то неизбежным. Две мечты спаяли поэтов и философов всех времен. Как появилась на земле нужда и как можно удалить ее? Она воплощена в легенде об утерянном рае и золотом веке; но гораздо важнее другая — стремление создать на земле царство идеала, государство, в котором никто не голодает и каждому обеспечено достойное существование. *Самую грандиозную попытку во всей всемирной истории осуществить этот идеал предпринял Ленин. Как бы ни судили о его методах и о его успехах, его чистая воля, его неуклонное стремление помочь страждущему человечеству остаются вне сомнения.* В этом он явится примером и образцом для будущих поколений России и всех остальных народов мира.

Вот буржуазные политики Франции де-Монзи, Эррио, Виктор Баш и Пенлеве. Они не коммунисты. Коммунизм им враждебен и они будут бороться с коммунизмом в своей собственной среде и во всем мире и, быть может, самыми беспощадными мерами будут бороться. Но вот что они заявляют в своей беседе с коммунистом Шарлем Раппопортом:

Сенатор *де-Монзи* заявил: «Я никогда не видел Ленина, но я знаю культ Ленина, созданный русским народом. Я часто слышал выражение: «Если бы Ленин это знал». Я видел помещение в Кремле, которое ему предоставили и от которого он отказался, предпочтя ему более скромную квартиру. Его *неумолимая, жесткая логика* скрывала, повидимому, очень *нежное сердце*, ибо *история человечества не знает примера, чтобы народ оплакивал вождя, любовь которого он бы не чувствовал*. Русский народ скорбел уже о болезни Ленина. Я помню, с каким *уважением* относились в Советской России к врачам, лечившим Ленина. Я помню, как Чичерин говорил о Ленине с такой же *нежностью*, как и люди из народа. Я не берусь судить Ленина. Я склоняюсь перед *редким явлением человеческой природы*».

Эррио заявил: «Нет нужды указывать, как далек я был от ленинского учения, но я всегда восхищался его *исключительными дарованиями государственного человека*, его *решительностью, энергией* и *действительно энциклопедической образованностью*. Я уверен, что если бы он жил, то он бы еще многое сделал для своей страны, ибо это был человек, который *умел оценивать всякое положение и находить выход из него*».

Профессор Сорбонны и вице-председатель Лиги Защиты Прав Человека *Виктор Баш* заявил: «*Ленин был гением действия*, Ленин был нужен России для того, чтобы покончить с царизмом и внедрить идеи социализма, как нужен был в свое время Петр Великий для приобщения России к культуре Запада. *Ленин не боялся жестокости, когда она была нужна для дела, в которое он верил*. Мы, демократы, не можем принять методов Ленина. Мы не можем принять террора русской революции, как не можем принять террора французской революции. Я все же *восхищаюсь Лениным, как единственной крупной личностью, которую дала нам история после всемирной войны*».

Пенлеве заявил: «Ленин — поразительная личность, трудно понимаемая нами, людьми Запада. Мы восхищались его *исключительной волей, энергией, всегда живой, не боящейся поражений, всегда полной свежих сил*. Во всяком случае его влияние на мировые события не изгладится никогда».

Даже Карл Каутский, которого Ленин заклеймил именем предателя, ренегата Каутского [1]), Каутский вынужден признать:

Наши разногласия не должны делать нас слепыми к величию усопшего. Он был колоссальной фигурой, каких мало можно найти во всемирной истории. Это был человек самой непреклонной и самой смелой силы воли.

Вот Бертран Россель, враждебный коммунизму, враждебный большевизму, как боевому учению классовой борьбы, как боевому вооруженному стремлению рабочего класса овладеть государственной властью, чтобы перестроить мир. Он не согласен с Лениным. Россель был у нас в России в 1920 г. Об этом времени он пишет про Ленина:

Он произвел на меня впечатление *совершенно искреннего человека, лишенного чувства эгоизма* [2]). Я убежден, что он заботился только об общественных целях, но не о своей власти; я верю, что он в любой момент остался бы в стороне, если бы он таким образом мог двинуть вперед дело коммунизма. Его решимость в действии объясняется его непоколебимой верой. Он был так тверд в своих убеждениях, как это трудно найти на полном скептицизма Западе.

И вот этот Бертран Россель считает Ленина единственным действительно великим человеком, которого породила война.

Смерть Ленина, — пишет он, — *лишает мир единственного, действительно великого человека*, которого породила война. Можно полагать, что *наш век войдет в историю веком Ленина и Эйнштейна*, которым удалось завершить огромную работу синтеза, одному — в области мысли, другому — в действии. Ленин казался потерпевшей мировой буржуазии разрушителем, но не разрушение сделало его известным. *Разрушить могли бы и другие, но я сомневаюсь, нашелся ли бы хоть еще один человек, который смог бы*

---

[1]) Ренегат—отступник. См. книгу Ленина: «Пролетарская революция и ренегат Каутский».

[2]) Т.-е. себялюбия.

построить так хорошо заново. У него был стройный творческий ум. Он был философом, творцом системы в области практики . . . Он соединял в себе узкую ортодоксальность мысли с умением приспосабливаться к действительности, хотя *он никогда не делал таких уступок, которые имели бы другую цель, кроме окончательного торжества коммунизма».*

Конечно, не верно, что Ленина породила война. Ленин — порождение вековых страданий рабочего класса; Ленин воспитан был всей русской революцией, лучшими ее преданиями; и то, что Россель называет «узкой ортодоксальностью», т.-е. узким правоверием, то, в чем обвиняли всегда Ленина, называя его узким сектантом, на самом деле было тем стройным миропониманием, которое широко охватывало не только далекое прошлое и настоящее, но и далекое будущее.

Вот другой английский писатель Брейльсфорд. Он также Ленина считает фанатиком. Он видит у него огромные ошибки.

Есть люди, — говорит Брейльсфорд, — которых историческая обстановка выдвигает на первый план, и тогда они кажутся великими. Но стоит измениться обстановке, и они сходят со сцены. Таким, например, является Людендорф. В тот момент, когда империалистическая война сразу предоставила в его распоряжение лучшие умы германского народа и миллионы солдат, которыми он мог двигать, как пешками, он казался великим. Но стоило ему потерпеть поражение, и все увидели, что он представляет собой в действительности. Совсем другое — Ленин. В черные годы реакции 1906 — 1914 г.г. он выковал большевистскую партию в инструмент своей тактики . . . В 1914 г. в Европе было около миллиона человек, которые имели кое-какое представление о марксистской исторической концепции [1]). В их мозгах невольно должна была зарождаться мысль, что из мировой войны вырастет мировая революция. Многие умышленно забыли это, другие покорно ждали развития событий. Один только Ленин решил ввести в действие свою непреклонную волю, чтобы ускорить и оформить темные процессы исторического развития.

С какой стремительной быстротой, с какой неутомимой энергией, как оратор, агитатор и журналист, он, борясь с клеветой, которая чуть не утопила его, гнал вперед исторический рок, начиная с Февральской революции 1917 г. и кончая ее кульминационным пунктом — своим собственным триумфом в октябре! . . Из Лондона мы наблюдали эту революцию с обратной стороны телескопа. Наиболее опытные корреспонденты описывали ее как бунт, который не протянется больше, чем пару недель . . . Но история последующих лет раскрывает такой эпос, равного которому не знала история.

Вот буржуазный германский писатель Максимилиан Гарден, ничего общего не имеющий с коммунистами. Он говорит:

Он был незаменим: ибо он был не только знаменем и символом, но самим делом. Он не может умереть совсем, ибо над его образом, который, как образ Кромвеля, Бонапарта, Бисмарка, мог бы быть созданием великого поэта, — над образом Ленина будет продолжать неустанно работать народная фантазия. Он — часть древней русской земли (не без внутреннего и наружного отпечатка татарщины); за стальным сводом его лба ученого жил инстинкт, здравый рассудок и юмор крестьянина, умеющего мыслить и выражать свою волю в простых образах. Влияние его неизмеримо распространилось на весь мир: он, а не армия и не полководец, убил царизм

---

[1]) Т.-е. о марксистском понимании истории.

и захватил вместе с ним в пучину две другие большие империи; и все Мустафы-Кемали, Муссолини, Стамбулийские, Хорти, Прима-де-Риверы, а также Эберты и Макдональды могли явиться на сцену только потому, что был Ленин. Только мелочная тупость может спрашивать у этой могилы, разрешительно ли восхищаться без буржуазных оговорок коммунистом.

С инстинктивной безошибочностью Ленин угадывал вытекающую из действительного положения дел необходимость перестановки вех. Без этого инстинкта он не стал бы Павлом социализма. Тот самый Ленин, который немилосердно высмеял призыв Струве «пойти на выучку к капитализму», произнес, при совершенно другой обстановке, можно сказать — под другим небом, знаменитые слова: у каждого дюжинного приказчика мы можем и должны учиться. Он никогда не был более великим, чем в этой своей речи на XI съезде своей партии. Червь болезни уже подтачивал его тогда; но прежде чем закатилось его солнце, небо еще раз засияло под его лучами, и не было еще утра, не было еще полдня с таким ослепительным блеском и великолепием. Сотни миллионов, вплоть до темнейших глубин Азии, видели в нем, в Ильиче, в родном, в брате и друге, учителе и страже, огненный маяк своих надежд. Перелистайте книгу времен: где и когда в истории было нечто подобное? Умер человек, равного которому нет, и у его могилы, его гений непобедимым, прометеевским [1]) дерзанием зовет нас к долгу следующего дня.

В том же смысле высказывается и ряд других германских писателей: Томас Манн, Генрих Манн, Эмиль Рабольд, Артур Голлитчер и другие.

Томас Манн пишет:

Несомненно, Ленин — всемирно историческая величина. Властитель дум в новом демократическом, гигантском стиле. Заряженное силой соединение воли и аскезы. Великий папа идеи, полный миросокрушающего божественного гнева. Сказочный витязь героической саги, сказавший: «Да будет проклят тот, кто опускает свой меч, боясь крови».

Генрих Манн:

Величие Ленина еще более уяснилось мне из сравнения с нынешней Германией. Что мы видим у нас? Только слепую ненависть к идее и делу, к идее, как обновляющему принципу, и к человеческому обществу, как делу творческого разума. У нас все предоставлено бессмысленному случаю, и в результате мы имеем только разрушение, но неполное разрушение, а после этого по-знахарски, вслепую пытаются вернуть негодное и называют это «восстановлением».

И в Германии мы тоже имеем экспроприацию, массовый голод и вымирание народа. К этому присоединяется нравственное падение, люди не видят перед собой никакой путеводной звезды в будущем, никакой возвышающей идеи. *Как ни смотреть на то, что произошло в России, Ленин сделал свой народ счастливее и поэтому он сам был счастливее, чем может быть какой-либо деятель в Германии.*

Эмиль Рабольд, член прусского ландтага, бывший редактор газеты «Фрейхейт» («Свобода»), говорит:

Ни один рабочий в Германии не знает лично Ленина. Писания его читали лишь немногие. Речи его и дела его доходили до нас в умышленно искаженном виде. И тем не менее миллионы германских рабочих восторгаются и преклоняются перед Лениным. В чем причина этого? Причина —

---

[1]) Прометей, по преданию древних, похитил огонь с неба и принес его людям.

в великой мощи его личности, которая действует также на расстоянии. Причина — волшебное дуновение, исходящее от самого великого вождя, от самого великого мыслителя, имеющего дар самые сложные проблемы выражать в самых простых словах.

Ленин был тип нового человека, человека будущего. И, конечно, нельзя провести никакого сравнения между ним и теми выскочками в нынешней Германии, которые проложили себе путь по спинам миллионов германских пролетариев. Это было бы кощунством. Ленин принадлежит к числу тех совсем великих, которыми судьба дарит народ, класс, в качестве вождей, быть может, раз в сто лет, не больше. Только с таким человеком, с таким вождем, как Ленин, пролетариат сумеет добиться своего освобождения.

Артур Голлитчер:

В смертный час Владимира Ильича остановилось на один момент сердце человечества, прекратилось биение пульса мировой истории. Его жизнь пришла к концу, но теперь, как необъятное северное сияние, поднимается на горизонте легенда его жизни.

В Ленине впервые воплощена была воля и сила пролетариата. Вряд ли возможно в настоящее время охватить контуры и величину его личности, но уже теперь ясно, что в его личности впервые личное было побеждено великим коллективом человечества. *Не напрасно первые манифесты Ленина обращались «ко всем»! Он был пробудившейся и громко зазвучавшей совестью человечества. Этот голос никогда не заглохнет.*

Что думают о Ленине теперешние социал-демократы, меньшевики? Русские социал-демократы Даны, Абрамовичи и компания, сидя на реках Вавилонских в Берлине и оплакивая поступки грешников коммунистов, в эти дни, которые так остро, так глубоко переживает весь рабочий класс нашей страны и всего мира, не нашли ничего другого, ничего лучшего, как лягнуть ослиным копытом память Ленина, имя Ленина. В передовой статье, помещенной в «Социалистическом Вестнике», они говорят о том, что Ленин был рожден для того, чтобы быть узким вождем узкой секты. Это они, представляющие собою ничтожную кучку озлобленных, обанкротившихся политиков, предававших и предающих дело рабочего класса, называют Ленина вождем узкой секты. А эта секта сейчас охватывает весь мир, а эта секта выводит на улицы в городах Европы, Азии, Америки, Африки и Австралии, севера и юга, востока и запада десятки и сотни тысяч рабочих, объединяет миллионы трудящихся. Эти люди, действительно, ничему не научились и все забыли за эти годы. Они не видят, что представляют собою жалких, тявкающих из-под эмигрантской заграничной подворотни дворняжек, которых сзади науськивают их буржуазные хозяева. Они ничего лучшего не нашли сказать сейчас по поводу нашей страны, по поводу того, что делается у нас, как руками Дана написать статью под названием: «Начало конца», где не знаешь, чего больше: подлости ли, словоблудия ли, глупости ли. А пожалуй, верней сказать: и то, и другое, и третье преобладают в этой статье над всем остальным.

Но те социал-демократы, которые сейчас принимают действительное активное участие в массовой политической борьбе, они видят, чем живет рабочий, о чем он думает, как он относится к Ленину, и они понимают хорошо, что в эти дни сказать малейшее оскорбительное слово по адресу Ленина это значит быть открытым врагом рабочего класса. Поэтому они дают другую оценку Ленину, такую, которую в душе признают все наши враги, даже Даны, которые, оставаясь наедине с собой, думают о том, какое они представляют ничтожество перед этим человеком.

Вот Лейнерт, председатель прусского ландтага, социал-демократ:

Смерть Ленина вызвала бы в социалистическом пролетариате всего мира глубокое волнение и в том случае, если бы Ленин не был главой Советской России, ибо Ленин уже до мировой войны был одним из крупных теоретиков марксизма. Тот научный арсенал, который он дал пролетариату, должен вызвать глубочайшую благодарность Ленину у всех тех, которые работают для торжества социализма.

Наше искреннее восхищение перед работой Ленина на благо рабочего класса останется навсегда, хотя Ленин, по возвращении на свою освобожденную родину, счел правильным применить другие методы классовой борьбы. Вследствие глубоких разногласий о целях и тактике рабочего движения он разошелся со своими прежними социалистическими единомышленниками и страстно нападал на них. Пусть экономические, политические и культурные условия России, по его мнению, сделали необходимым отказ от демократического социализма, но, при правильной оценке этих условий в других странах, единство пролетарской борьбы не должно было бы быть разрушено. Тем не менее, никто не может утверждать, что Ленин действовал вплоть до своей кончины не из самых чистых побуждений на благо рабочего класса. И если те методы к достижению социалистического идеала, которые применяются в России, не могут быть насильственно применены в других странах, главным образом, в Германии, то *незабываемой заслугой Ленина останется то, что именно он с большим успехом содействовал теоретическому воспитанию германской социал-демократии. Имя Ленина останется одним из самых значительных в истории рабочего движения.*

Якоб Альтмайер, германский социал-демократ:

Политикой Ленина была диктатура пролетариата, а мы годами боролись за демократию. В России нет демократии, но в Германии тоже нет ее. В стране Ленина мощь буржуазии повержена во прах, но у нас господство буржуазии стало еще неограниченнее, чем когда-либо. Под ее диктатурой конституция, право и закон превратились в негодные клочки бумаги. В России борьба за диктатуру потребовала бесчисленных жертв, но в Германии эти жертвы жизнью, кровью и состоянием несет *исключительно* пролетариат, порабощенный как никогда. Германская буржуазия, чтобы достигнуть своей цели, не останавливалась ни перед какой низостью и подлостью, клеветой, позорными судебными приговорами и убийствами. Без большевизма, без революции, при полных амбарах, при заполненных всяческим сырьем складах, народные массы голодают, мерзнут и умирают от истощения. Царит неописуемая, небывалая нужда и безработица. Каждый пятый ребенок в Германии умирает на первом году своей жизни. Весь германский пролетариат отброшен в экономическом, политическом и социальном отношениях на сорок лет назад.

Россия живет, как самая передовая держава. А германская буржуазия погубила и продала свое «отечество», лишь бы заполнить свой кошелек.

Германия, как нация, корчится в судорогах, и никто не знает, не прикончит ли ее в один прекрасный день баварская Вандея в сотрудничестве с французскими генералами.

К такому результату пришла нынешняя Германия, и нет ничего удивительного в том, что *миллионы социалистического пролетариата Германии скорбят о Ленине, как о своем; неудивительно, что даже разлагающаяся германская буржуазия с уважением и завистью обращает свои взоры на Восток, к беспрестанно растущей и усиливающейся Советской России.*

Интересно также отметить отзывы о Ленине Георга Ледебура и Павла Леви.

Георг Ледебур сталкивался очень часто с Лениным во II Интернационале. Ледебур — наиболее честный из тех колеблющихся социал-демократов, которые стремились еще сохранить правильную социалистическую линию во время мировой войны. Но и у него целый ряд колебаний, шатаний, которые не позволяли ему стать в ряды коммунистической партии. Георг Ледебур, однако, не пошел на объединение со II Интернационалом, остался с небольшой группой товарищей, которые работают ближе к нам и проводят линию приблизительно такую, какую у нас проводили так называемые «интернационалисты» в 1917 г. Георг Ледебур пишет о Ленине:

Я имел случай работать вместе с Лениным на интернациональных конгрессах до-военного времени. Уже тогда Ленин ясностью и цельностью своего мышления, а также своей действенной решимостью вызывал у всех нас уверенность, что ему суждены великие успехи, когда придет к этому время. Летом 1915 г. мы встретились с ним на конференции в Циммервальде. Там было положено начало тому революционному пожару, который впоследствии в России, Германии и Австрии низвергнул троны, а в России, кроме того, повел к полному сокрушению капиталистического режима.

Наученные опытом первой русской революции, наши русские друзья в 1917 г. действовали с более прочным успехом, чем мы в Германии два года спустя. Уже более шести лет наши русские товарищи победоносно защищают свои завоевания от всех враждебных сил, им удалось также отразить военные интервенции Антанты.

У гроба великого Ленина необходимо подчеркнуть, какие уроки мы должны извлечь из служащего нам всем примером и образцом творчества Ленина. У нас, на Западе, деятельность большинства наших партийных вождей долгие годы заключалась в критике существующего строя с ораторской трибуны или с газетных столбцов; и вот, когда революционная деятельность масс внезапно доставила им власть в руки, они, эти наши «вожди», попрежнему тратили драгоценное время в жалком подражании так называемым государственным деятелям капитализма. Они этим не только отнимали у действительных социалистов и революционеров возможность созидательной работы, но тяжело скомпрометировали социализм в самих рабочих массах. Только Ленин в своем смелом и гигантском творчестве дает нам всем урок — упорно и решительно творить революцию, созидая новое по зрело обдуманному плану.

Пауль Леви—один из способнейших социал-демократов, который одно время вошел в Коммунистический Интернационал. Однако, войдя в Коммунистический Интернационал, он принес с собою худшее, что у него осталось от меньшевизма, и это худшее вернуло его снова в ряды II Интернационала. Ему Ленин

посвятил самые блестящие строки о левом ребячестве и левой фразе. В последнее время, когда обнаружились для всех предательство и измена германских социал-демократов, Пауль Леви снова выступает с защитой революционной линии. И вот отзыв этого человека, который все время колеблется между революционным путем диктатуры пролетариата, революционным путем пролетарской революции и предательской политикой II Интернационала, представляет, конечно, известный интерес.

Пауль Леви пишет:

Вся колоссальность дела Ленина будет осознана лишь тогда, когда оно проявится не только в России, но окажет все свое политическое и социально-экономическое влияние на Европу, затем и на весь мир. Тогда *дело Ленина окажется более великим, чем даже Французская революция.* В масштабе мировой истории Русская революция является более высокой ступенью, чем Французская, ибо в ней впервые выступает пролетариат, как сознательный класс, резко отмежевавшийся от других классов и поборовший феодализм не для буржуазии, но в борьбе против буржуазии. Времена, когда другие классы делали свои революции на спине терпеливого пролетариата, — эти времена прошли безвозвратно. Пока существует хотя бы один угнетенный и страдающий пролетариат на свете, до тех пор все души будут с восторгом обращены к великой первой русской попытке освобождения пролетариата и к человеку, который дал ей свое имя.

Но неужели, подумает читатель, не было явно злобных выходок, кроме выходок «Социалистического Вестника»? Мы были бы неправы и были бы слишком хорошего мнения о наших врагах, если бы допустили, что они могут обойтись без злобы, без клеветы, в связи со смертью Ленина.

Право-эс-эровская газета «Дни» каждый день помещает статьи по поводу известий, связанных со смертью Ленина. Слезы, рыдания рабочих и работниц, по мнению эс-эров — это конечно, все выдумки, это все нарочно так устроено, это все Г. П. У. заставляет людей плакать притворными слезами. Огромные очереди у Колонного зала Дома Союзов в 26 градусный мороз — это Г. П. У. насильно выгнало всех и насильно заставляет их проходить через Колонный зал. Миллионная масса проходит через Красную площадь — это все Г. П. У. устроило, это насильственно выгнали всех на мороз и заставляют их итти со знаменами к Красной площади. Белогвардейская газета «Руль» не отстает от них (впрочем, скорее «Дни» не отстают от белогвардейского «Руля»). Неизвестно, кто из них кого превзошел в подлости.

«Руль» пишет:

Решительный день расплаты после бесславной кончины бесславного вождя приближается.

Вечерняя газета нью-йоркских биржевиков «Сэн» («Солнце») пишет:

Ленин использовал свои таланты для гибельных целей.

Главной особенностью карьеры Ленина является непоколебимая уверенность в неизбежности немедленной беспощадной классовой борьбы. Спо-

собности и искренность Ленина не подлежат сомнению; однако, его жизнь останется памятником того зла, к которому могут привести такие способности, когда они дурно направлены.

Буржуазная лондонская «Утренняя Почта» («Морнинг Пост») пишет:

Большая ошибка оценивать Ленина как умеренного коммуниста. Ленин — одна из самых мрачных фигур человечества.

Парижская газета «Эхо Парижа» («Эко де-Пари») соглашается с отзывами русских меньшевиков и русских эс-эров и с биржевиками Нью-Иорка и Лондона. Журналист Пертинакс пишет в этой газете:

Ленин был великим разрушителем, совершенно бескорыстным, но в то же время он был либо союзником Гогенцоллернов, либо был просто ими одурачен.

Газета «Шведская Печать («Свенска Прессен») поместила, может быть, самую гнусную статью. В этой статье шведские капиталисты, которые потеряли в России во время революции телефонные заводы и хотят во что бы то ни стало вернуть свои капиталы и предприятия, потерянные во время революции, не могли удержаться от злобной радости, что Ленин умер. «Свенска Прессен» выражает сожаление, что Ленин умер естественной смертью и что его нельзя, поэтому, повесить. Газета выражает удовольствие по поводу того, что Ленин долго болел, считая, что эта болезнь явилась для него хотя бы и очень недостаточным, но все-таки наказанием. Газета сравнивает Ленина с Аттилой и Чингисханом. Газета заканчивает:

Русская революция была простым бунтом.

Интересно и важно здесь отметить то, что русские белогвардейцы нашли здесь один и тот же язык с русскими с.-р., русскими меньшевиками, нью-йоркскими, лондонскими, парижскими, шведскими и иными банкирами, капиталистами, фабрикантами и заводчиками. Удивительно ли? Ведь они делают общее дело! Поэтому неудивительно, что русские белогвардейские газеты и сейчас полны сообщений о всякого рода антисоветских беспорядках, которые, будто бы, происходят в нашей стране. Мы знаем, какой отклик получился со смертью Ленина в рабочих и крестьянских массах. Но белогвардейщина живет прошлым и берет для своих сообщений образцы прошлого.

Вот газета «Последние Новости». Откуда она получает эти «последние новости»? Сообщение идет из Лондона: «Лондон, 1 февраля». Но откуда берет Лондон сведения? Лондон берет сведения от рижского корреспондента «Таймса» (английская газета). И вот «Таймс» сообщает:

В Омске железнодорожные работники заперли помещение, где происходил коммунистический митинг, и подожгли здание. Всех пытавшихся спастись из горящего дома, через окна, тут же пристреливали. В огне

погибло 22 коммуниста. Подошедшие войска арестовали 300 железнодорожников. Часть арестованных была расстреляна.

Откуда это? Белогвардейцы вспомнили, как «Союз русского народа» в 1905 г. поджег собрание в Томске, где пытаешихся спастись из горящего дома через окна тут же пристреливали. И они воображают, что это мыслимо сейчас в нашей Советской России. А если вы перенесетесь сейчас в Омск, вы увидите, как огромная масса железнодорожников собирается в клубе имени Лобкова и там дает клятву верности Коммунистической партии и из своей среды выдвигают не одну сотню лучших рабочих железнодорожников, которые входят в Коммунистическую партию.

Белогвардейцы пишут о том, что наши улицы после смерти Ленина напоминали февральские дни 1917 г., когда массы выходили в бой. Да, это верно, что наши улицы, наши районы напоминали величайшие революционные дни. В районные комитеты нашей партии день и ночь шли огромные толпы, огромный поток. Это все, действительно, напоминало революционные дни. Это был подъем невиданного сочувствия нашей партии, невиданного притока новых и новых масс. Да, наши улицы напоминали дни революции, потому что в эти дни рабочие вспоминали лучшее, что связывало их с нашей партией, вспоминали дни, когда партия вела их от одной победы к другой.

Но зачем белогвардейцам напрягать свое воображение и пытаться представить себе, что делается у нас, в нашей стране? Разве они не могли наблюдать в Западной Европе громадного воодушевления рабочих масс? Разве они не видели проявления этого огромного сочувствия в Германии, Франции, Англии, в Америке, во всех решительно государствах Западной Европы? Мы здесь приводим только часть сообщений, полученных после смерти Ленина. Эти сообщения лучше, чем всякие разговоры, свидетельствуют о том, что дело ленинизма, дело Коммунистической партии есть дело рабочего класса всего мира.

В Германии.

Корреспондент «Правды» — Гамма сообщает:

Берлин, 25 января (Роста). Зеверинг разрешил комфракции рейхстага созвать в воскресенье торжественные собрания, посвященные памяти Ленина. Собрания состоятся в самых больших залах Берлина. *Почти на всех крупных предприятиях рабочие вынесли решения прервать в субботу работу на два часа в знак траура. Соц.-дем. и беспартийные рабочие сами вносят соответствующие резолюции.* Безработные присоединяются к резолюциям. На многих предприятиях принято решение отправиться в субботу после окончания работы на могилу Либкнехта. Рабочие организации готовятся во всех районах к траурным демонстрациям.

27 января. Организованные комфракциями рейхстага и прусского ландтага траурные собрания носили исключительно прочувствованный характер. Ораторы освещали перед тысячами собравшихся пролетариев деятельность Ленина и проводили сравнение между победой русского пролетариата и поражением германского, который вынужден ныне переносить режим военщины, вследствие измены меньшевиков. Все присутствовавшие на собраниях дали клятвенное обещание выполнить, под руководством компартии, заветы Ленина. По закрытии собраний перед зданием Большого драматического театра состоялась траурная демонстрация. Полиция рассеяла собравшихся.

28 января (Роста). По всей Германии состоялись демонстрации и собрания рабочих, посвященные памяти тов. Ленина.

В Гамбурге полиция разогнала демонстрантов и арестовала 3 человек.

31 января (Роста). Центральный комитет германской коммунистической партии в связи с кончиной тов. Ленина выпустил воззвание, что в то время, как меньшевизм развалился, ленинизм объединил рабочий класс и организовал пролетарскую революцию, и что, несмотря на нелегальность положения и на правительственные преследования, германская компартия осуществит заветы Ленина. «Ленин, — гласит далее воззвание, — продолжает жить в миллионах сердец германского пролетариата. Основной политической задачей германских рабочих является усиление массовой борьбы за заработную плату, за сохранение 8-часового рабочего дня. Партия должна организовать эту борьбу. Германская коммунистическая партия протягивает руку российской коммунистической партии, принося братскую клятву, что она будет неустанно бороться за осуществление коммунистических идеалов. Союз германского и русского пролетариата создаст непобедимую армию, которая водрузит революционное знамя на всем земном шаре».

31 января (Роста). В Бремене между рабочими, организовавшими демонстрацию по случаю кончины тов. Ленина, и полицией произошло столкновение.

В Дрездене, несмотря на запрещение полиции чествовать память тов. Ленина, состоялись демонстрации. Полиция пыталась рассеять демонстрантов, но встретила сопротивление молодежи, которая прорвала цепь полицейских. Демонстранты были рассеяны после прибытия вызванного на помощь сильного отряда полиции.

27 января. Истекшая неделя прошла под знаком кончины Ленина. Вся печать, полная информации и комментариев о Ленине, находится под впечатлением этого события. Только русские эмигрантские газеты опустились ниже уровня крайне реакционных иностранных органов, которые при всей своей враждебности к Советской России все же не могли скрыть своего уважения к великому покойнику.

Немецкие газеты полны материалов о великом вожде новой России, его исключительной государственной мудрости, энергии и самоотверженности. На книжном рынке наплыв бесчисленных книг и брошюр, новых и старых, рисующих Ленина как политика, публициста, человека и возлюбленного вождя народа.

Следует отметить, что многие буржуазные газеты глубже оценивают роль российской революции и ее покойного вождя, чем те социал-демократические газеты, которые находятся под влиянием эмигрантов-меньшевиков.

Так, например, «Франкфуртер Цейтунг» пишет, что не будь Ленина, российская революция уперлась бы в тупик февральской революции и впоследствии вынуждена была бы уступить место царистской контр-революции.

«Фоссише Цейтунг» пишет: «То, что произошло в России, кажется многим в Западной Европе фальсификацией марксизма; но за истекший год пришлось пересмотреть эту позицию, отвергающую то, что не совпадает с субъективным желанием, тем более, что Западная Европа, которая хочет

взять на себя роль воспитательницы, сама еще не закончила своего воспитания». «Так, например, — продолжает «Фоссише Цейтунг»,— та Германия, которая упрекает большевиков в том, что они сфальсифицировали социал-демократическую идею, теперь покорно наклоняет голову под ударами кнута деспотии тяжелой промышленности.»

Характерно, что социал-демократическая печать осторожно обходит такие параллели. Но часть ее, в особенности провинциальная печать, признает огромное значение деятельности Ленина. «Хемницер Фольксштимме», например, заканчивает свою статью о Ленине следующими словами: «Смерть Ленина — большая потеря для международного пролетариата».

В продолжение всей недели происходили многочисленные рабочие собрания, посвященные памяти Ленина. Сегодня в Берлине в театре Рейнгардта под руководством коммунистов состоялось огромное траурное собрание. Перед многотысячной аудиторией Эберлейн произнес сильную речь о кончине Ленина, оставившую глубокое впечатление. Зал был украшен большим портретом, изображающим Ленина в рабочем кабинете. Рабочий хор пел «Вечную память», музыка играла траурный марш Бетховена. Собрание закончилось пением «Интернационала» и возгласами: «Да здравствует Советская Россия!», «Да здравствует мировая революция!», «Долой военную диктатуру!». На улице произошла стихийная демонстрация, что вызвало появление полиции.

Франция.

Париж, 27 января. Сегодня днем французский пролетариат, отозвавшись на призыв компартии, чествовал память Ленина грандиозной манифестацией.

Перед зданием городской думы Сен-Дени, почти рядом с знаменитым аббатством, где покоятся французские короли, на эстраде, покрытой красным сукном, — громадный портрет Ленина. Под портретом — венок из пунцовых роз с лентой, на которой надпись: «От советских учреждений во Франции». Во главе шествия идут члены Ц.К. компартии, автор «Интернационала» Дегюитер, представитель советских учреждений во Франции — тов. Скобелев, сотрудники парижского отделения «Роста», члены компартии в парламенте, члены редакции «Юманите» и делегаты от провинций.

Прохождение процессий перед портретом Ленина продолжалось около двух часов.

Вся площадь перед зданием городской думы и аббатства переполнена народом. За группой комсомольцев, несущих плакаты с надписями: «Мы оплакиваем великого покойника», «Ленин был рулевым революции» и т. д., — проходят все районы компартии Парижа и предместий, провинциальные делегации, группы союза бывших участников войны, представители унитарных профсоюзов, красных кооперативов, союза квартиронанимателей и т. д.

В шествии участвуют также группы коммунистов различных наций: русских, польских, венгерских, китайских и других.

Проходя перед портретом Ленина, знамена, окаймленные трауром, склоняются, манифестанты срывают с себя бутоньерки из красных цветов и бросают их к подножию портрета Ленина. Многие из рабочих плачут.

Некоторые женщины, проходя перед изображением Ленина, указывают на него своим детям, которые с трогательной наивностью посылают ему поцелуи.

Шествие продолжается под аккомпанимент траурного марша, исполняемого оркестрами рабочих.

После небольшого перерыва, во время которого манифестанты, обнажив головы, в глубоком молчании, стоят неподвижно перед портретом,

оркестры по сигналу играют «Интернационал», который подхватывается 50.000 толпой.

Затем группа русских товарищей поет «Вы жертвою пали», и толпа медленно расходится.

31 января (Роста). В будущее воскресенье французская компартия организует во всех крупных центрах Франции митинги и демонстрации, посвященные памяти тов. Ленина.

29 января (Роста). Союз французской коммунистической молодежи организовал в Париже грандиозный митинг, посвященный памяти тов. Ленина, на котором выступали Кашэн и ряд представителей союза. Митинг прошел с большим успехом, без всяких инцидентов.

29 января (Роста). Вчерашняя манифестация в Сен-Дени по поводу кончины тов. Ленина произвела большое впечатление на буржуазные французские круги.

«Попюлер» (газета социалистов) констатирует величественность и грандиозность манифестации. В манифестации, между прочим, участвовала группа русских коммунистов, несших венок с надписью на красной ленте: «Незабываемому вождю международного пролетариата — Ленину от русских коммунистов». Толпа горячо приветствовала русских коммунистов и встречала их пением «Интернационала». Русские коммунисты во Франции отправили в Москву телеграмму с выражением соболезнования по поводу кончины тов. Ленина.

Съезд сенской федерации социалистической партии принял резолюцию, гласящую: «В день смерти вождя советских республик мы *забываем наши разногласия с коммунистами* и выражаем семье покойного и всему русскому народу соболезнование. Мы склоняемся перед могилой революционера».

«Юманите» (центральный орган французской компартии) публикует воспоминания тов. Скобелева о Ленине, в которых он подчеркивает исключительную революционную энергию покойного вождя, его умение предвидеть события и поразительную волю к действию.

Англия.

Лондон, 29 января (Роста). По сообщению ирландских газет, в Дублине в воскресенье состоялись два митинга, посвященные памяти Ленина. Вечером несколько тысяч человек с факелами в руках продефилировали по улицам на митинг, на котором выступал вождь ирландских революционеров Ларкин. Во главе шествия шли почтовики, неся плакат со следующей надписью: «Ленин умер. Да здравствует Советская Россия!».

29 января (Роста). По поручению участников рабочего митинга в Попларе, Ц.К. британской компартии отправил тов. Крупской следующую телеграмму:

«Дорогой товарищ, в этот час общей печали рабочих всех стран мы шлем вам, как постоянной подруге Ильича, столько лет боровшегося за интересы трудящихся, уверение, что мы останемся верными его заветам и будем продолжать его дело. Мы знаем, что лучшим выражением нашего глубокого сочувствия к вашему горю будет эта клятва. Секретарь *Инкпин*».

Телеграммы с выражением соболезнования посланы также лигой пропаганды марксизма («Плэбс»), глазговским советом трэд-юнионов (профсоюзов), норвудским отделом рабочей партии, рядом организаций горнорабочих.

31 января (Роста). Вчера в Манчестере состоялась крупная демонстрация безработных. На одной из самых больших улиц города был созван митинг, на котором в течение нескольких минут присутствующие стояли с обнаженными головами, в полном молчании, отдав этим долг памяти Ленина.

28 января (Роста). В субботу, утром, в церкви братства, где в 1907 г. происходил пятый съезд российской социал-демократической партии (III съезд большевиков), состоялось траурное собрание сотрудников советских учреждений в Лондоне памяти Ленина. Председательствовал на собрании тов. Берзин, который показывал собравшимся помещения, в которых происходил съезд 1907 г.

С речами выступили тов. Раковский и другие. Затем были исполнены русский и английский похоронные марши, а в заключение был исполнен «Интернационал».

После полудня английская компартия организовала в рабочем округе Поплар массовый митинг, на который собралось свыше 5.000 рабочих. На митинге выступали т.т. Лэнсбэри, Белл, Мэрфи, Крауфорд.

В некоторых округах духовенство, сочувствующее рабочей партии, отслужило панихиды по Ленине. На вчерашнем заседании кооперативного общества на пять минут, в память Ленина, были приостановлены занятия.

25 января. Национальный совет независимой рабочей партии на своем сегодняшнем заседании выражает глубокое соболезнование русскому народу по поводу смерти Ленина и отмечает его заслуги перед мировым социализмом. Председатель *Клиффорд Аллен.* Секретарь *Брокуэй.*

Соединенные Штаты.

Нью-Иорк, 28 января (Роста). На митинге рабочих партий в Чикаго решено отправить тов. Калинину следующую телеграмму: «Выражаем наше сочувствие С.С.С.Р. по поводу потери величайшего мирового рабочего вождя. Сомкнем ряды. Мы с вами».

На адрес Коминтерна отправлена следующая телеграмма: «Скорбим вместе с рабочими всего мира по поводу величайшей утраты международного рабочего класса. Ленин умер, но идеалы его живут в нас».

В Уилькcбаре, небольшом городке угольного района, штата Пенсильвании, члены «Американского Легиона» вместе с полицией ворвались в помещение траурного рабочего митинга и грубой силой заставили присутствовавших рабочих салютовать американскому флагу.

Из Гаванны (Куба) сообщают: рабочие организовали процессию с красными флагами, задрапированными черной материей, и посадили в честь Ленина оливковое дерево.

11 февраля (Роста). Полиция снова отказалась разрешить чествование памяти Ленина в Уилькcбаре (Пенсильвания). После запрещения властями первого собрания, сотрудничающий с «Уоркерс-Парти» (Рабочей партией) «Союз защиты гражданских свобод» устроил второе собрание с целью проверить право свободы речи. Это собрание было запрещено полицией.

25 января (Роста). Декларация, опубликованная Ц.К. американской «Уоркерс Парти», после перечисления заслуг Ленина перед революцией, гласит следующее:

«Наш вождь Ленин умер. Но мировая организация, созданная на тех принципах, которые он дал нам, жива. Коминтерн будет продолжать его дело и бороться до тех пор, пока эти принципы не приведут к победе всемирной революции пролетарской».

Все отделы «Уоркерс-Парти» организуют 3 февраля митинги, посвященные памяти Ленина. Завтра будут закрыты нью-йоркские бюро всех советских организаций, включая Центросоюз, Сельскосоюз, Доброфлот, Текстильный синдикат и др. Собрание представителей всех этих организаций отправило Совнаркому и тов. Крупской телеграммы с выражением соболезнования.

От Ц.К. Канадской Уоркерс-Парти.

Телеграмма заканчивается словами: «Дело Ленина таково, что миллионы рабочих во всем мире готовы вести борьбу за его принципы, за принципы пролетарской революции. Буржуазия обманывается. Ленин не умер... Он живет в лице сотен тысяч коммунистов России, в лице миллионов в Коммунистическом Интернационале . . .»

От Еврейской секции Уоркерс-Парти (Нью-Иорк).

Мы оплакиваем смерть нашего великого вождя и клянемся продолжать его дело, дело освобождения рабочего класса.

Чехо-Словакия.

Прага, 27 января (Роста). Вчера во всех крупных промышленных центрах Чехо-Словакии состоялись траурные манифестации рабочих памяти Ленина.

В Праге около 10.000 рабочих продефилировали перед помещением полномочного представителя С.С.С.Р.

«Рудо Право» сообщает, что в Братиславе в манифестации приняли участие свыше 5.000 рабочих. Полиция пыталась разогнать манифестантов.

Швейцария.

Берлин, 29 января (Роста). Швейцарский социал-демократический орган «Бернер Тагвахт», в статье, посвященной Ленину, пишет, что ни один человек нашей эпохи не будет стоять в истории так неизмеримо высоко, как Ленин.

«Сильнее самой бешеной ненависти, — пишет газета, — была безграничная любовь, которою русские рабочие и крестьяне окружали этого человека, который, не взирая на собственную нужду и лишения, не взирая на тюрьму и смертельные опасности, служил народному делу. Если мы спросим, почему именно этот небольшой человек с некрасивой лысиной, совершенно непохожий на школьное представление о герое, внушал народу такую любовь и беспредельную преданность, почти беспримерные в истории, то останется только один ответ: полной бескорыстностью, которая без каких бы то ни было личных соображений отдает себя на службу народу, своей собственной безусловной верой в дело народа там, где этот народ сам отчаивался, своей всегдашней готовностью к мученичеству, без следа тщеславных претензий на мученический венец. Бескорыстное отсутствие личных интересов, чистота его идей и целей заставляли даже буржуазных противников уважать его; ненависть, правда, оставалась, но клевета бежала от него. Вместе с русскими рабочими и крестьянами его оплакивают сознательные рабочие всего мира, забывая все разногласия у гроба великого вождя».

25 января (Роста). Вся швейцарская печать приводит портреты и биографию Ленина, а также помещает посвященные ему передовицы. Буржуазная печать воздает должную дань личным качествам Ленина и указывает на его всемирное историческое значение. Описывая жизнь Ленина в Швейцарии, газеты указывают: «Никто не подозревал, что скромный, одинокий ученый превратится в величайшую фигуру нашего времени». Соц.-дем. газета «Бернер Тагвахт» приводит ряд статей Ленина. «Весь рабочий класс, — пишет газета, — оплакивает вместе с русскими рабочими и крестьянами кончину великого вождя трудящихся». Компартия призывает к организации траурных демонстраций.

Дания.

Копенгаген, 10 февраля (Роста). Последняя траурная демонстрация, организованная в память тов. Ленина, собрала на улицах Копенгагена до 30.000 рабочих. Такого удара местные социал-демократы не ожидали. Их упорные старания помешать демонстрации сорвались, и вся рабочая масса, включая 75 проц. сторонников социал-демократической партии, вышла на улицы под знаменем коммунистической партии.

Одновременно был организован большой митинг, но здание, в котором он должен был происходить, не уместило количества явившихся рабочих и пришлось устраивать параллельные митинги на улице и на дворе. Оттуда вся масса, во главе с коммунистической партией, студенческой молодежью и профсоюзами, под красными знаменами, с факелами, направилась траурным шествием к зданию представительства С.С.С.Р. Порядок шествия соблюдали выставленные коммунистической партией «маршалы»; все время оркестр играл похоронный марш. Во время шествия не произошло никаких столкновений с полицией.

Такой торжественной траурной демонстрации Дания еще никогда не видала. Недаром даже буржуазная печать не осмелилась отрицать неожиданного успеха коммунистов и старалась в своих сообщениях лишь сократить цифру участвовавших в демонстрации. Депутация от демонстрантов была принята сотрудниками представительства С.С.С.Р., которые горячо благодарили датских рабочих за участие, проявленное ими в великом горе русского рабочего класса. Речь, произнесенная одним из сотрудников на немецком языке, была переведена затем всем стоящим на улице, после чего рабочие разошлись с пением «Интернационала» и возгласами: «Да здравствует Советская Республика!».

От Датской коммунистической партии.

Коммунистическая партия Дании выражает свою глубокую скорбь по поводу великой потери, понесенной международным коммунистическим движением и мировой революцией со смертью тов. Ленина. В его духе мы будем продолжать его дело.

Юго-Славия.

От компартии Юго-Славии.

Наше глубочайшее соболезнование о потере нашего великого учителя и вождя.

Швеция.

Стокгольм, 27 января (Роста). Сегодня утром в полпредстве С.С.С.Р. с участием шведских товарищей состоялось траурное заседание.

Вчера состоялось траурное собрание шведской компартии, посвященное памяти Ленина, Либкнехта и Розы Люксембург, на котором выступали Хеглунд, Нерман, Флиг.

С прочувствованной речью выступил один из лидеров соц.-дем. партии Энкберг, который охарактеризовал Ленина, как одного из величайших государственных деятелей, знаменосца рабочего класса, *вождя величайшей мировой революции* и великого человека, при чем подчеркнул, что соц.-дем. партия глубоко сожалеет о понесенной международным пролетариатом утрате.

По просьбе редакции полпред С.С.С.Р. тов. Осинский напечатал в «Социал-Демократен» пространную статью под заглавием «Ленин и его

наследство». Вчера в «Политикен» помещена статья тов. Осинского, озаглавленная: «Над могилой Ленина».

Вчера вечером перед полпредством С.С.С.Р. состоялась демонстрация комсомола и компартии. Полпред тов. Осинский обещал довести до сведения Съезда Советов о чувствах шведских товарищей.

Австрия.

Вена, 28 января (Роста). В день похорон тов. Ленина австрийская компартия организовала в здании ратуши многолюдный митинг. По окончании собрания участники намеревались пройти к полпредству С.С.С.Р., но *полиция не пропустила шествия*, вследствие чего для выражения соболезнования полпреду была послана делегация. Проживающие в Вене венгерские эмигранты-коммунисты, украинская коммунистическая группа и студенты-коммунисты также организовали траурное собрание, посвященное памяти Ленина.

Советское представительство как в день получения известия о кончине Ленина, так и в день его похорон устроило траурные собрания. Последнее состоялось под председательством замполпреда С.С.С.Р. тов. Богомолова в присутствии представителей компартии, делегаций от профсоюзов и многочисленных гостей. С речами выступали тов. Балабанова, отметившая всемирное историческое значение Ленина для всего человечества, а также представители компартии и комсомола. Полпредством С.С.С.Р. получена, кроме ноты соболезнования австрийского правительства, масса выражений сочувствия от торговых и промышленных кругов.

Румыния.

Вена, 12 февраля. Несмотря на запрещение охранной полиции во многих румынских городах, хотя и с некоторым запозданием, рабочие почтили память Ленина. На государственном пороховом заводе в Бухаресте, а также галацкой секцией компартии были устроены митинги, посвященные памяти Ленина. На многих заводах рабочие приостановили на 5 минут работы в день похорон Ленина, за что охранная полиция арестовала 50 рабочих и предала их военному суду.

От Греческой компартии.

Ц.К. Греческой коммунистической партии и красный совет профсоюзов, узнав о кончине великого и славного вождя освободительного движения пролетариата тов. Ленина, выражают от имени греческого пролетариата свою безграничную скорбь по поводу незаменимой утраты, понесенной всемирным пролетариатом в его борьбе.

От Балканской коммунистической федерации.

В сокрушительной горести о потере нашего великого, незаменимого вождя выражаем наше глубочайшее сочувствие.

Италия.

Рим, 29 января (Роста). В день похорон тов. Ленина «Аванти» поместил статью, в которой говорится, что *пролетариат всего мира мысленно переносится в Москву, преклоняясь перед вождем*, который поднял восстание и победил в борьбе за интересы рабочих.

Полпредством С.С.С. Республик в Риме получены следующие выражения соболезнования по поводу кончины В. И. Ленина: 1) от студентов-коммунистов и серратианцев неаполитанского университета; 2) от итальянской федерации рабочих-пищевиков; 3) от союза молодежи, примыкающего к III Интернационалу; 4) от группы пролетариев города Турина; 5) от комитета, избранного 35 тысячами рабочих на фабриках Пирелли; 6) от команды стоящего в Генуе русского парохода «Вацлав Воровский»; 7) от римской организации компартии; 8) от исполкома социалистической группы, примыкающей к III Интернационалу.

Голландия.

Амстердам, 27 января. Грандиозное траурное собрание в Амстердаме принимает участие в международном прощании с нашим бессмертным Лениным.

Литва.

Ковно, 26 января (Роста). Несмотря на жестокий полицейский режим и на постоянную слежку за всеми лицами, входящими в сношения с полпредством С.С.С.Р., представители рабочих организаций, общественных и культурных учреждений, а также многие общественные деятели посетили полпреда С.С.С.Р. тов. Лоренца для выражения соболезнования и сочувствия по поводу смерти тов. Ленина.

Польша.

Варшава, 31 января (Роста). Вчера в варшавском народном университете состоялся вечер, посвященный памяти тов. Ленина. Собравшиеся рабочие стоя выслушали похоронный марш. Выступил целый ряд ораторов, говоривших о значении Ленина в развитии международного рабочего движения. Вечер прошел под лозунгом: «Ленин умер — да здравствует ленинизм!».

От президента Мексики Второму Съезду С.С.С.Р.

Скорбим о смерти Ленина, вождя международного рабочего движения.

Обрегона, президент республики Мексика.

Монголия.

Урга, 27 января (Роста). При огромном стечении публики и всех населяющих Ургу национальностей монгольские войска, члены монгольской народной партии и союза молодежи, во главе с полным составом монгольского правительства и полпредства С.С.С.Р., устроили траурное шествие по всему городу к консульскому поселку.

Персия.

Тегеран, 29 января (Роста). Полпредством С.С.С.Р. получены следующие соболезнования по поводу кончины В. И. Ленина: 1) от наследника; 2) от премьера персидского правительства; 3) от всех иностранных миссий;

4) от партий: социалистов, демократов, гинчакисто-аграри-ислам; 5) от всех рабочих союзов, в лице совета профсоюзов; 6) от общественных организаций; 7) от учителей; 8) от союзов молодежи; 9) от собрания соборной мечети; 10) от ряда газет; 11) от многочисленных отдельных граждан. Телеграммы с выражением сочувствия получены из 13 городов Персии. Повсюду в провинции местные власти, иностранные представители, официальные лица и представители политических и общественных организаций выразили соболезнование советским консулам. Во всех консульствах С.С.С.Р. состоялись гражданские панихиды с массовым участием советских и персидских граждан. В Мешеде в чествовании памяти Ленина приняло участие свыше 2.000 человек. Соболезнования широких общественных персидских кругов заканчиваются постоянно следующим призывом: «Бодро продолжайте дело Ленина, миллионы трудящихся угнетенных народов».

Приведенные здесь сообщения, приветствия — только слабый отголосок тех действительно глубоких чувств, глубоких переживаний, свидетелем которых был весь мир, потрясенный до самых глубин.

Пусть кто-нибудь, какой-нибудь ученый профессор перероет «пыль веков», пусть он переберет в памяти всех людей мира: разве когда-нибудь где-нибудь был в веках еще один такой человек, который играл бы столь огромную роль в жизни всего человечества при жизни и который вызвал бы *такие* чувства после смерти своей.

ДЕТИ О ЛЕНИНЕ.

То поколение, которое сейчас переживает детский возраст, входит в жизнь с образом великого вождя пролетарской революции, и этот образ заполняет детскую душу наиболее чутких детей. Все знают о Ленине, о нем не надо рассказывать чудес. Вот именно то, что он так прост, так понятен, это и делает его близким не только взрослым, но и детям. Дети переживали глубоко вместе с взрослыми время, когда Ленин пытался превозмочь тяжелый недуг. Они так же страстно ждали его выздоровления, им хотелось увидеть его снова на площади, видеть, как поворачиваются головы десятков тысяч людей к тому месту, где стоит он, — вождь революции, — Ленин, чье имя на устах миллионов людей во всем земном шаре. Не только далекий индусский мальчик Сами мечтает о том, как Ленин приласкает его, как Ленин скажет ему слово, как Ленин поможет миллионам угнетенных детей и взрослых во всем мире; там это окрашивается в цвет сказки, а здесь — близко — дети видели Ленина, разговаривали с ним, играли с ним и видели в нем также *своего человека*, близкого, родного.

У Ленина не было детей, но он с необычайной нежностью относился к детям. З. Лилина в своих воспоминаниях о Ленине рассказывает, как Ленин относился не только к ее ребенку, но и вообще к детям.

Мне Надежда Константиновна рассказывала, — пишет она, — как Ильич привязался в ссылке к мальчику Мише, — мальчику одного из товарищей, и как тяжело ему было, когда отец отказался отдать мальчика Лениным, когда они должны были уехать из ссылки. Мне пришлось наблюдать любовь Владимира Ильича к моему сынишке — Степе. Когда Степа родился, Владимир Ильич к нему долго присматривался и все спрашивал, почему он плачет. Когда Степа начал подрастать, ходить и говорить, между ним и Владимиром Ильичом установилась горячая привязанность. Владимир Ильич бурно, весело, с увлечением играл со Степой. Он никогда не уставал лазить под диван и под кровать за мячом Степы. Он носил Степу на плечах, бегал с ним взапуски и исполнял все повеления Степы. Иногда

Владимир Ильич и Степа переворачивали все вверх дном в комнате. Когда становилось особенно уж шумно, я пыталась их остановить, но Ильич неизменно заявлял: не мешайте, мы играем.

Однажды мы шли с Владимиром Ильичом по дороге к ним домой. Степа бежал впереди нас. Вдруг Владимир Ильич произнес: «эх, жаль, что у нас нет такого Степы».

Владимир Ильич любил не только Степу, но и детей вообще. В этом я убедилась в 1921 г. — в год голода в России. Петрограду сильно сократили количество детских пайков. Я ездила в Москву, хлопотала, обивала пороги, но добавочных пайков не получила. Я, зная любовь тов. Ленина к детям, отправилась к нему. Он меня принял и попросил сделать обстоятельный доклад о нашей питерской работе среди детей. Прослушал он меня с обычным для Ильича глубоким вниманием, задал мне ряд вопросов, и тут же при мне начал вызывать к телефону Наркомпрод и отдал распоряжение дать детям Петрограда из запасных хлебных фондов добавочных 5.000 пайков.

(«Ленин как человек»—«Сборник на могилу Ильича». Рабочее издательство «Прибой», Ленинград 1924, стр. 62 — 63.)

Об этой же заботе о детях рассказывает И. В. Кожевникова, которая работала в редакции «Искры»:

Все товарищи, которым приходилось работать с Владимиром Ильичом, знают, как задушевно он относился к нуждам и к делишкам их жизни. Мне же судьба подарила счастье работать с Владимиром Ильичом в те далекие времена глубокого подполья, когда нас было мало, и когда личная жизнь переплеталась с партийной. Работали вместе и отдыхали вместе и знали личную жизнь друг друга гораздо больше. Но никто из партийных товарищей не относился за всю мою дальнейшую работу в течение многих лет так заботливо и внимательно к моим личным нуждам, как Владимир Ильич. Часто спрашивал Владимир Ильич — не устала ли я, есть ли у меня деньги, не надо ли чего мне, здоровы ли дети, хорошо ли они питаются, и так далее. Особенно один случай мне врезался в память. За тот же период времени в 1902 г., когда так много было работы в редакции «Искры» и мне очень трудно было справиться с работой и с двумя маленькими детьми, я решила отправить их в Россию к родственникам. Посоветоваться побежала, понятно, не к кому другому, как к Владимиру Ильичу. Как он начал меня ругать: «Бессовестные матери, которые бросают своих детей на попечение чужих! Не имеете права. Должны заботиться сами о них». И слушать моих возражений и объяснений не хотел. Отправить же детей без согласия Владимира Ильича мне было, действительно, совестно. Несколько раз я начинала по этому поводу разговор и только после настоятельных моих объяснений, что детям плохо, что денег мне не хватает, что у родных им будет лучше, что брать от партии достаточно — как настаивал Владимир Ильич, — чтобы хватало, я не могу, он, наконец, согласился со мною.

(«Пролетарская Революция», № 3, 1924 г.—«В годы старой «Искры»— В. Кожевникова.)

Конечно, надо помнить, что Ленин говорил это в тех условиях, когда *общественное воспитание* детей было в руках буржуазии. Было бы величайшей ошибкой думать, что Ленин был противником общественного воспитания детей. Наоборот, он об этом именно воспитании неоднократно писал и говорил.

Любовь Ленина к детям не была и такой, как некоторые ее изображают: как любовь к милым животным. Это именно была любовь к подрастающим детям, к подрастающему человеку, к будущему человеку, притом любовь действенная. Ленин как-то

говорил, в известном смысле употребляя выражение философа Фридриха Ницше, что мы должны не любовь к ближнему проповедывать, а любовь к дальнему. Он хотел этим сказать, что мы должны думать вперед, думать о том поколении, которое нас сменит, создать для него условия иной жизни. Он к этой мысли возвращался не раз, когда ему приходилось говорить перед молодежью, а иногда и перед детьми. Тов. Антонов-Саратовский рассказывает, как он в 1919 г. был у Ильича, докладывая ему о том, какие опустошения произвели белые в Донецком каменноугольном районе.

Когда я упомянул,—говорит он,—что в Александровско-Грушевском районе белые уничтожили до 10 тысяч рабочих, *оставив 40 тысяч сирот*, Ильич потемнел. Я никогда не видал такого мрачного блеска его глаз. Они одновременно светились и *великой скорбью*, и *великой жестокостью*. Я человек довольно не из трусливых, но у меня пошли мурашки по спине от его взгляда. Ильич умел ненавидеть врагов рабочего класса.

(«Пролетарская Революция», № 3, 1924 г. — «Отблески бесед с Ильичом» — Антонов-Саратовский).

Я уже не говорю о тех детях, с которыми ему приходилось сталкиваться, играть с ними, а он любил играть с детьми. Дети пролетариата во всем мире знают Ленина. В журнале «Работник просвещения» (февраль 1924 г., № 3) напечатано несколько записок, относящихся к Владимиру Ильичу Ленину, поданных на детской конференции школ первой ступени и детских домов города Сарапула. Я привожу здесь эти записки в том виде, как они напечатаны в журнале:

«Привет тов. Ленину. Первая конференция детей г. Сарапула приветствует всеми любимого вождя и желает скорейшего выздоровления. Дорогой Ильич чтобы вы скорей встали опять на свой пост и повели работу, мы желаем чтоб под вашим руководством поскорей были бы свободны, как мы, дети всех стран, и надеемся что наше желание будет в недалеком будущем выполнено».

«Ленин, добрый день Ленин, как вы поживаите, как ваше здоровье? Мы ходили во вторую ступень и там нам говорили, что Ленин хворает и мы все пригорюнились и вот мы стали писать вам, кто тут был в зале. Всего хорошего, до свиданья тов. Ленин».

«Ленину, добрый день Ленин, как вы поживаите, как ваше здарове; мы слышали, что вы хвараиде, ето нам очень грустно и больно слышат, скорей выздаравливайте».

«Привет тов. Ленину, нашему славному вождю от выбраных делегатов на первую окружную детскую конференцию; желаем скорого, скорого выздоровления и успеха в ваших делах по борьбе с буржуазией и капиталистами. Да здравствует наш боевой, наш великий, пролетарский вождь».

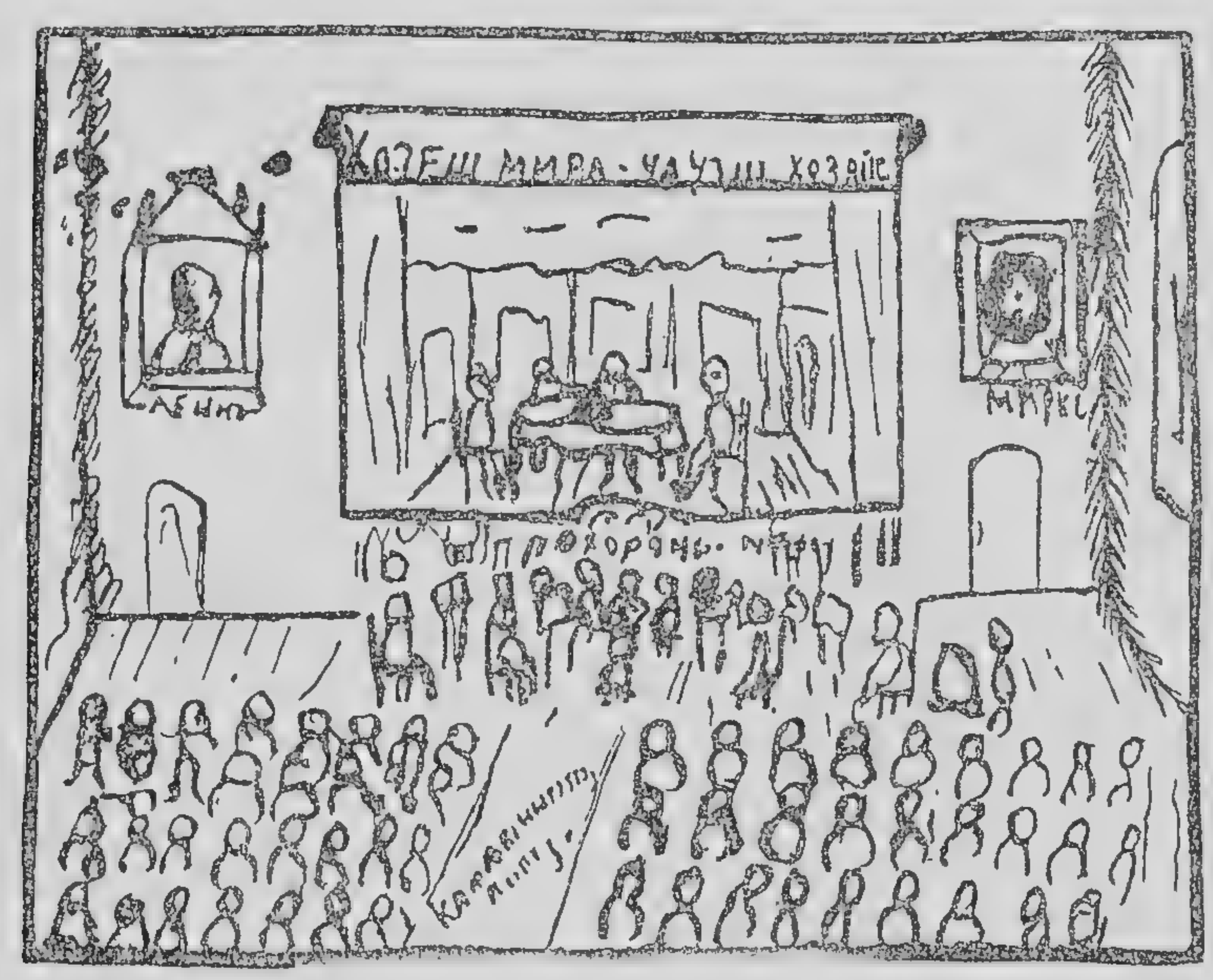
«Привет тебе наш вождь и наш отец. Желаем вам успеха во всех других делах. Ты первый указал нам путь и первый нам пробил дорогу. Мы юноши и дети сомкнем ряды свои, на смену вам пойдем мы также, как и вы».

«Да здравствует наш славный вождь. Идем тебе на смену. Привет тов. Ленину и успеха в вашем здоровьи».

«Мы, новая смена сердечно приветствуем нашева мировова вождя, тов. Ленина и желаем скорова успеха. Выздоровейте и снова продолжайте работу на великом посту».

«Привет тов. Ленину и мы, дети, желаем скорова выздоровления и продолжать начатое дело до конца всем мире».

Конечно, в этих записках отражение тех разговоров, которые дети слышат дома, но дети входят с этим багажом в жизнь. Надо собрать все эти детские записки, все эти детские письма, разбросанные и раскиданные по разным детским журналам, школам и дневникам, тогда получится чудесная книга о Ленине, написанная детьми.



Траурное собрание (рис. ребенка).

Смерть Ленина породила в детях необычайно глубокие переживания. Почти каждый ребенок как-нибудь отозвался на эту смерть. Вот ребята из «Горок», где жил в последнее время и умер Ленин. Трошина, Катя, 13 лет, пишет:

В ясный летний день мы ходили за Красный Мост за орехами. Когда мы возвращались оттуда, то вдруг увидели, что кто-то сидит на полянке, недалеко от Красного Моста в коляске. Это был тов. Ленин — около него стояла его жена и сестра милосердия.

Когда мы увидели Владимира Ильича, то сказали ему: «здравствуйте». Он *улыбнулся*, и мы пошли домой.

В Советской республике *мы самые счастливые дети, потому что мы часто его видали и жили рядом с ним.*

Второй раз я видела его на полянке в зимний морозный день, когда мы ходили в совхоз.

В третий раз я его видела, когда нас послали в имение за молоком, — он сидел на лавочке у ворот.

И в последний раз я видела Владимира Ильича уже мертвым в гробу.

Вот Клавдия Максимова, 10 лет. Слышала от детей многое, слышала о том, что итальянские дети выводят мелом и углем имя Ленин на заборах, слышала о роли буржуазии, даже про 1905 г. слышала, и пишет:

«Итальянские дети не понимали, кто такой Ленин, и все же чертили его имя на заборах. Тов. Ленин первый повел людей к революции, он знал, как трудно живется рабочим, и он хотел чтоб не было ни бедных, ни богатых.

В 1905 г. революцию победила буржуазия, во вторую революцию победили рабочие. Они захватили власть в свои руки, они старались сделать хорошо. Прежде всего они стали заботиться о том, чтоб нам детям жилось лучше и для этого стали устраивать детские сады, ясли и детдома. Зато теперь нам живется хорошо. В этом нам помог тов. Ленин.

Вот мальчик Романов, 12 лет, рассказывает коротко про свои детские игры и про улыбку Ленина; как это хорошо, по-детски сказано: *«это был Ленин, он улыбнулся»*.

Однажды я и Сережа Леталин бегали по лесу и стреляли из лука в ястреба.

Был ясный день, мы выбежали на поляну и увидали, что в тележке кто-то сидит, мы подбежали ближе. *Это был Ленин, он улыбнулся.*

В эти тяжелые для него дни, когда Ленин должен был передвигаться в тележке, не мог сказать, что гнетет его, о чем он думает, вид детей вызывал у него улыбку радости. И эта улыбка, быть может, навсегда останется в памяти тех детей, игравших в лесу, когда Ленин был болен.

Вот юные пионеры, корреспонденты «Барабана», пионер Аля Шамиева из Красной Пресни и пионер Весел из Малаховки. Они рассказывают о том, что пережили они со смертью Ленина, когда проходили они мимо гроба.

Ильич живет.

Юные пионеры, нет нашего вождя, Ильича. Пионеры, нужно соединиться еще крепче, чем раньше, и крепко держать Советскую власть, которую нам открыл Ильич. Пусть буржуазия сожжет трехаршинную свечку за то, что умер Ленин, но мы будем держать Советскую власть вместе со старшими братьями, Ленин открыл широкую дорогу, *мы должны эту дорогу светлее, еще шире открыть.*

Он умер, но осталась его память, он отдал свою жизнь за Р.К.П. *Пионер, не спускай свое красное знамя вниз, а подними выше. Его отвоевал Ильич.*

(Пионер Аля Шамиева. Красная Пресня.)

25 января, мы пионеры 1-го Малаховского отряда, приехали ко гробу Владимира Ильича Ленина, чтоб проститься с нашим дорогим вождем.

В Москве у дома союзов нам ждать долго не пришлось, и скоро, войдя в здание, при мертвом молчании мы прошли в залу, убранную венками и знаменами. По середине лежало в гробу тело дорогого Ильича. Где-то невидимый оркестр играл похоронный марш. Напряженно всматриваясь в его лицо, мы под салютом прошли мимо гроба.

Ильич! *Звено «Серп и Молот» клянется выполнить твои заветы.*

Пикор Весел. Малаховка.

Вот М. Заблудовский, 11 лет, в стихах выражая свои чувства, пишет «На смерть вождя»:

У нас закатилось
Солнышко ясное . . .
Народное море
Журчит неестественно.
Красное, черное,
Черное, красное . . .
Сердце же бьется
Торжественно . . .
Знамя все выше
Вздымайте вы красное,
Выше, рабочий, вспари.
Пусть закатилося
Солнышко ясное, —
Осталось сияние
Красной зари.

Такие чувства, такие мысли у детей могут явиться только в моменты величайшего общественного подъема, когда все кругом живет чувствами и мыслями о Ленине, когда это передается глубочайшим образом и детям.

Школьники описывают траурные часы и минуты, когда хоронили вождя. Найдите другую эпоху, найдите другое имя, которое вызвало бы такие строки из-под детского пера. Ученик первой ступени Коряков описывает похороны:

Двигалась масса народа у гроба—
Хочется видать рабочим ведь тоже:
Гроб обтянут красным сукном,
Много рабочих несли его днем.
Рабочие толпились у гроба Ильича
И тихо прощалися с телом вождя,
Прощались и пели похоронный все марш
И слезы катились с печальных их глаз.

Школьник А. Виноградов пишет:

Не звенит благовест в церквах
И не поют псалмов попы,
Стоит лишь «караула» ряд
И держит он напор толпы.
Зачем пришла толпа сюда?
Зачем миллионы здесь стоят?
То хоронят отца-вождя,
Она пришла в последний раз . . .
Вот опускают гроб. Молчат . . .
Все лица напряженно ждут.
Все тихо, тихо . . . Лишь трещат
Аэропланы там и тут.
Кого товарищи, друзья,
Кого хороним мы сейчас?
Вождя хороним — Ильича
В последний раз,
В последний раз.

Или, вот, ученица 42-й школы Сергеева пишет на смерть вождя:

Великий вождь. Как грустно, что впервые
Мы в гробе лишь тебя лежащим увидали.
Ты тих и бледен был, как те цветы немые,
Которые тебя так пышно осыпали.
Великий вождь, ты умер,
Но в стране родимой
Твои заветы долго будут жить,
И мы пришли к тебе,
Чтоб образ твой любимый
В своих сердцах навек запечатлеть.

Мы должны позаботиться о том, чтоб эти детские переживания не изгладились. Мы должны углубить в детях это чувство глубочайшего уважения и любви к Ленину, сделать все, что мы можем, чтобы в школах, в детских садах и в детских домах, всюду ребенок воспринимал все то великое, что дает нам это великое время, в которое жил и боролся Ленин. Мы должны сделать все, что в наших силах, чтобы эти дети, дети, родившиеся и выросшие при Ленине, стали детьми великой ленинской семьи, ленинцами, коммунистами.

СЕМЬЯ ЛЕНИНА.

Я говорю здесь не только о тех близких Ленину людях, — по крови близких, — с которыми прожил жизнь свою Ленин, которые окружали его в детстве и юности, воспитывали его, заботились о нем во время его болезни. Семья Ленина гораздо шире. Ленин создал многомиллионную коммунистическую семью. Мы все чувствуем себя братьями, сестрами, — детьми Ленина.

Но в то же время надо знать, что и близкая по крови семья Ленина — коммунистическая семья. Мать его гордилась Лениным, хотя и не была членом партии, и эту свою гордость не скрывала перед царскими опричниками, перед охранниками, вроде директора департамента полиции, которому она бросила свое гордое, материнское: «*я горжусь своими детьми*».

Брат Владимира Ильича, *Александр Ульянов*, принадлежал к партии «Народная Воля». Об этой партии, о ее задачах и способах борьбы я говорил уже в первых главах настоящей книги. В 1887 г. он был арестован по обвинению в подготовке покушения на жизнь царя Александра III и казнен вместе с другими товарищами. По воспоминаниям всех знавших Александра Ульянова, это был редкой чистоты и огромной силы воли человек. Он погиб в неравной борьбе с царским самодержавием. Но память о нем глубоко врезалась в сознание молодого Владимира Ильича.

Была еще у Владимира Ильича сестра *Ольга*, но она умерла, когда Ильич был еще юношей. По словам всех знавших ее, это был необыкновенно хороший человек; ее смерть очень тяжело перенесли все в семье; более всех мужественно перенес ее смерть, как и смерть брата, Владимир Ильич.

Анна Ильинична (Елизарова) принимала в свое время непосредственное участие в революционном движении. Когда Владимира Ильича за участие в студенческих волнениях выслали в с. Кокушкино, Казанской губ., там проживала в то время и находившаяся под надзором полиции Анна Ильинична.

Последнее время Анна Ильинична работает в «Истпарте», т.-е. разрабатывает материалы по истории рабочего движения, по истории нашей партии.

Мария Ильинична Ульянова — давнишний партийный работник. Она всегда была заодно с нашей партией, помогала ей всеми силами. У нее те же ценные черты товарищеские, что и у Ильича: необыкновенная скромность, внимательность к другим, которую она так тепло и нежно отмечала в Ильиче (называя его всегда в разговоре с близкими: «Володя»), глубокая преданность партии, прямота, особенно там, где дело идет об отношении партии. В течение многих лет состояла она бессменным секретарем центрального органа нашей партии, газеты «Правда». Этой работе она отдает исключительную свою энергию и внимание и теперь. Постоянно заботится об улучшении газеты, об улучшении отделов. Особенно много она уделила за это время внимания правильной постановке отдела «Рабочей жизни».

Это ей мы обязаны созданием и выработкой сотен рабочих корреспондентов — «рабкоров», которые связаны с производством, дают отражение в газете того, чем живет, чем болеет, чему радуется рабочий, раскрывая светлые и темные стороны рабочей жизни, бичуя недостатки и преступления, помогая совершенствовать, чистить наш промышленный аппарат. Она постоянно заботится о том, чтобы поставить рабочего корреспондента в такие условия, чтобы он был огражден в своей работе от происков и влияния тех, чьи недостатки и преступления раскрывает рабкор.

Это Мария Ильинична поставила и провела в «Правде» конкурс (соревнование) на лучшего директора, на лучшего учителя и этим заставила наших ответственных работников промышленности подтянуться, показать, чего достигли красные директора, вывести на чистую воду всех, кто неправильно, неумело или преступно хозяйничает. Точно так же конкурс (соревнование) на лучшего учителя помог нам увидеть в натуре лучшие наши и худшие школы, лучших и худших учителей, обратила наше внимание на недостатки, помогла нам эти недостатки устранить и отметить в то же время наши несомненные успехи в деле народного образования. Это Мария Ильинична затем сорганизовала, собрала наших рабочих корреспондентов «Правды», устроила *всесоюзный съезд рабкоров* и тем значительно подвинула вперед дело правильного, всестороннего освещения рабочей жизни самими рабочими. Она состоит редактором в значительной мере ею созданного осенью 1923 г. журнала «Рабочий Корреспондент», который объединяет тысячи рассеянных по всей стране рабочих корреспондентов, учит их, воспитывает настоящих работников нашей советской и партийной печати. Это в значительной степени она *собрала и сорганизовала и красных директоров*, помогла им объединиться в единую семью товарищей, работающих во

главе советских фабрик и заводов. Она заботится об издании журнала рабкоров, так же как и журнала красных директоров («Предприятие»). Она постоянно помогает и журналу «Прожектор», освещает жизнь С.С.С.Р. и всего мира. Во всей этой большой работе она — трудно заменимый человек. Все, работающие в газете «Правда», это особенно ощущали, когда Мария Ильинична должна была уйти оттуда, чтобы целиком отдать свое время уходу за Ильичом, вместе с Надеждой Константиновной Крупской.

Врачи, лечившие Ленина, отзываются с огромным уважением и в то же время с нежностью об их заботах о Ленине, с таким же уважением — о них самих.

Так, доктор Елистратов, лечивший Ленина до последней минуты, пишет в своих воспоминаниях в «Правде»:

Со стороны его близких, в лице Надежды Константиновны и Марии Ильиничны, как в периоды тяжелых осложнений, так и в периоды относительного благополучия было отдано на служение Владимиру Ильичу все, что только у них было. Они беззаветно отдавали все свои силы. Они предупреждали, угадывали все малейшие желания больного, старались всячески облегчить, скрасить и разнообразить его однообразную жизнь. И надо отдать им справедливость, они своим сердечным участием достигали этого и, несомненно, они много облегчили Владимиру Ильичу борьбу его с тяжелым недугом и с угнетавшим его сознанием вынужденного прекращения его деятельности.

Надежда Константиновна Крупская родилась в военной семье. Надежда Константиновна вспоминает, как отец ее пытался бороться с холопством, униженностью, какая царила в прежней Польше, пережившей ряд жестоко подавленных восстаний. Военная среда в Польше насчитывала в то время немало людей, принимавших участие в революционном движении.

С Лениным Надежда Константиновна принимала участие в деятельности в *«Союзе борьбы за освобождение рабочего класса»* и с тех пор она является неразлучным другом, товарищем, сотрудником, бессменным секретарем, помощником Ленина. Она едет к нему в ссылку, помогая ему в его большой литературной работе. Затем в изгнании, заграницей, она является секретарем нашей большевистской организации, переписывается со всеми организациями и отдельными товарищами, хранит адреса, шифры, следит за успехами работы, когда надо, — инструктирует, ободряет в работе, подталкивает, где надо.

Я увидел впервые Надежду Константиновну в 1905 г., и она произвела на меня впечатление, которое сохранилось на всю жизнь: я понял, что за этой необычайной простотой скрывается стойкий кремень-человек, который никогда не свернет с пути пролетарской революции.

Это впечатление выдержало проверку за эти годы. Менялись времена и люди, неизменными в основном оставались Ильич

и Надежда Константиновна. Я вспоминаю Надежду Константиновну в столовой Технологического Института, куда она, будучи нелегальной (скрываясь от полиции, живя по чужому паспорту), приходила для свиданий и встреч с большевиками, связывала нас таким образом с Ильичом. С ней было легко, к ней всякий подходил, как к давно знакомому товарищу. Я проверял много раз это впечатление у молодых, новых товарищей, встречавшихся с нею впервые.

С первых же дней революции Надежда Константиновна принимает большое участие в нашей работе по народному образованию, по созданию *единой трудовой школы.*

Надо было создать новую школу на место пошедшей на слом старой: не увлекаясь фразой, избегая часто лишенных содержания разговоров об особой «пролетарской культуре», Надежда Константиновна в то же время упорно и систематически проводит в жизнь все, что может, все, что поможет нашей школе стать школой рабочих и крестьян. Ей принадлежит заслуга создания *Главного Просветительного Комитета* (Главполитпросвета), подвинувшего значительно вперед постановку дела политического воспитания рабочих и крестьян и уничтожения неграмотности. Для выполнения этой последней задачи создана была Чрезвычайная Комиссия по ликвидации (уничтожению) неграмотности, в которой также много поработала Надежда Константиновна. Через Надежду Константиновну Ленин был связан с важнейшей частью нашей работы, мог видеть все недостатки нашей школы, и откликался не раз на эти недостатки. Уже совсем больной, Ленин писал о необходимости поднять политический уровень и материальное положение народных учителей.

Надежда Константиновна, несомненно, сыграла большую роль и в деле постановки нашей коммунистической работы среди работниц и крестьянок: кажется, не было ни одного серьезного момента в этой работе, которым не интересовалась бы близко Н. К. Крупская, состоящая бессменным членом редакционной коллегии журнала «Коммунистка».

И не только в русском рабочем движении принимала участие Надежда Константиновна. Она помогала всегда международному рабочему движению. В 1923 г. в Исполкоме Коминтерна она оказалась единственным аккуратным человеком из всех нас, работавших тогда в отделе агитации и пропаганды Коминтерна, который выполнял работы по составлению материалов для сборника Коминтерна об Р.К.П. Уже тогда она была очень перегружена, и в то же время оказалась точнее и аккуратнее всех нас.

Сейчас не пришло время подводить итоги огромной работы тов. Н. К. Крупской на благо пролетарской революции, но мы все знаем, как эта работа огромна. Надежда Константиновна

Н. К. Крупская.

работала в необычайно трудных условиях. Григ. Ив. Петровский вспоминает, как она секретарствовала в Галиции, будучи завалена всякого рода работой, вынужденная экономить каждый грош. Никто, кажется, не видел на ней никогда ни малейшего украшения. Вот почему, когда белогвардейцы написали в газетах, что Н. К. Крупская одевается в бриллианты, эта глупая и злобная сплетня вызвала только смех. Когда Надежда Константиновна заболела как-то, рассказывает тов. Ильин, товарищи достали небольшую сумму денег на лечение и передали Ильичу, который жил тогда нищенски, впроголодь. Ильич вернул через несколько дней деньги с запиской: «*ничего не могу с ней сделать — отказывается*».

Нынешние тяжелые недели и месяцы болезни Ильича Надежда Константиновна была почти неразлучно с ним. Они чередовались с Марией Ильиничной в уходе за Ильичом. Надежда Константиновна, однако, не покидала совсем работы по Наркомпросу, по Главполитпросвету. В 5 — 6 часов утра занималась она делами, перечитывала доклады, писала. С огромным вниманием работала она над тем, чтобы помочь Ильичу восстановить речь и научиться писать. В начале января еще, на районной партийной конференции Бауманского района, Надежда Константиновна говорила с уверенностью почти, что к Ильичу летом вернется речь, что он будет здоров.

Все мы понимаем, как тяжела утрата Ильича его семье.

Только слабой тенью тех чувств глубочайшего уважения к этим близким нам людям, какие переживает вся рабочая и крестьянская наша страна, вся коммунистическая семья в особенности, являются приветствия, посланные Надежде Константиновне и Марии Ильиничне.

В то время как мы, старые большевики, часто не могли удержаться от слез, Надежда Константиновна накануне похорон Ильича выступила с речью, которая останется навеки недосягаемым образцом революционного мужества. Она сказала:

— Товарищи, то, что я буду говорить, меньше всего будет напоминать какую-нибудь парламентскую речь. Но, так как я говорю к представителям республик трудящихся, к близким, дорогим товарищам, которым предстоит строить жизнь на новых началах, то поэтому, товарищи, думается, — *я не должна связывать себя никакими условностями.*

Товарищи, за эти дни, когда я стояла у гроба Владимира Ильича, я передумывала всю его жизнь, и вот что я хочу сказать вам. Сердце его билось горячей любовью ко всем трудящимся, ко всем угнетенным. Никогда этого он не говорил сам, *да и я бы, вероятно, не сказала этого в другую, менее торжественную минуту.* Я говорю об этом потому, что это чувство он получил в наследие от русского героического революционного движения. Это чувство заставило его страстно, горячо искать ответа на вопрос — каковы должны быть пути освобождения трудящихся? Ответы на свои вопросы он получил у Маркса. Не как книжник подошел он к Марксу. Он подошел к Марксу, как человек, ищущий ответов на мучительные настоятельные вопросы. И он нашел там ответы. С ними пошел он к рабочим.

Это были 90-е годы. Тогда он не мог говорить на митингах. Он пошел в Петроград в рабочие кружки. Пошел рассказывать то, что он сам узнал у Маркса, рассказать о тех ответах, которые он у него нашел. Пришел он к рабочим не как надменный учитель, а как товарищ. И он не только говорил и рассказывал, он внимательно слушал, что говорили ему рабочие. И питерские рабочие говорили ему не только о порядках на фабриках, не только об угнетении рабочих. Они говорили ему о своей деревне.

В зале Дома Союзов, у гроба Владимира Ильича, я видела одного из рабочих, который был тогда в кружке у Владимира Ильича. Это — тульский крестьянин. И вот этот тульский крестьянин, рабочий Семянниковского завода, говорил Владимиру Ильичу: «Тут, — говорит,—в городе мне все трудно объяснять, пойду я в свою Тульскую губернию и скажу все, что вы говорите: я скажу своим родным, другим крестьянам. Они мне поверят. Я ведь свой. И тут никакие жандармы нам не помешают».

Мы вот теперь много говорим о смычке между рабочими и крестьянами. Эта смычка, товарищи, дана самой историей. Русский рабочий одной стороной своей — рабочий, а другой стороной — крестьянин. Работа среди питерских рабочих, разговоры с ними, внимательное прислушивание к их речам дало Владимиру Ильичу понимание великой мысли Маркса, той мысли, что рабочий класс является передовым отрядом всех трудящихся и что за ним идут далее трудящиеся массы, все угнетенные, что в этом его сила и залог его победы. Только как вождь всех трудящихся рабочий класс может победить. Это понял Владимир Ильич, когда он работал среди питерских рабочих. И эта мысль, эта идея освещала всю дальнейшую его деятельность, каждый его шаг. Он хотел власти для рабочего класса. Он понимал, что рабочему классу нужна эта власть не для того, чтобы строить себе сладкое житье за счет других трудящихся; он понимал, что историческая задача рабочего класса — освободить всех угнетенных, освободить всех трудящихся. Эта основная идея наложила отпечаток на всю деятельность Владимира Ильича.

Товарищи, представители советских республик, республик трудящихся! К вам обращаюсь я и прошу эту идею Владимира Ильича особенно близко принять к сердцу.

Я хочу сказать, товарищи, последние несколько слов. Товарищи, умер наш Владимир Ильич, умер наш любимый, наш родной.

Товарищи коммунисты, выше поднимайте дорогое Ленину знамя, знамя коммунизма.

Товарищи — рабочие и работницы, товарищи крестьяне и крестьянки, трудящиеся всего мира, смыкайтесь дружными рядами, становитесь под знамя Ленина, под знамя коммунизма!

Вот почему так бледны наши приветствия и выражения сочувствия. Я привожу здесь только некоторые, чтобы сохранить в этой книге о Ленине хоть частицу чувств, какими жива вся наша семья по отношению к семье Ленина:

Н. К. Крупской-Ульяновой. Сестрам. Семье Ленина.

Дорогие товарищи!

В этот первый горький час, когда мы, и заодно с нами миллионы, ощущают всю тяжесть утраты нашего величайшего вождя, когда у всех нас одно чувство: не может, не может быть, чтобы смерть вырвала из нашей среды этого единственного, незаменимого,—мы с глубокой скорбью думаем о вас, на чью долю выпало счастье близко стоять к нему на протяжении всей его жизни, жизни борьбы и труда.

Как остро должны чувствовать этот удар вы! Ведь вы были тесно связаны с ним внутренней общностью чувств и воли. Вы с первых дней знали этого неутомимого борца революции, ставшего гениальным вождем рабочих и крестьян России, вождем обездоленных всего мира. Вы близко знали этого великого, прекраснейшего человека, сердце которого билось чужими печалями и который стремился помочь каждому, кто в помощи нуждался.

В своем горе, мы раньше всего вспоминаем вас, дорогой товарищ Надежда Константиновна. Вы прошли вместе с Лениным его крутой, тернистый, обильный жертвами путь вплоть до той гордой вершины, на которой несравненный вождь увидел в Союзе Социалистических Советских Республик осуществление мечты своей жизни: освобождающийся трудовой народ на свободной земле. Вы были ближайшим свидетелем того, как неустанный труд, мужественное, уверенное в цели и связанное с величайшей ответственностью руководство борьбой день за днем истощали кровь Ленинского сердца, пожирали пламя его мысли, пока не надорвались, наконец, могучие, казалось неистощимые силы гиганта. Вы, наиболее близкий его помощник в борьбе и работе на службе пролетарской революции, пошли с ним на его Голгофу страданий и, поддерживаемая верными сестрами, стали самоотверженной и чуткой сиделкой.

От имени несчетных масс всего мира, любивших и оплакивающих Ленина, мы благодарим вас троих за то обилие заботливой любви, которым вы окружали его в дни злого недуга. Наша признательность вам неистощима, как неистощимы любовь и преклонение перед великим усопшим. Для всех, кто видит в Коммунистическом Интернационале вождя революционной освободительной борьбы пролетариата, Ленин останется символом их лучших устремлений, их священной борьбы. Сливаясь с вами в безграничном горе, мы знаем, что и вы присоединяетесь к нашему торжественному обету черпать силу для борьбы, как понимал ее он, в воспоминаниях о том, кто был для нас учителем революционной теории и практики и послужил нам великим примером.

Вперед, к борьбе — вот единственное воздание чести, достойное Ленина. Всемирный союз коммунистических республик — вот единственный памятник, достойный его величия. С таким сознанием весь Коммунистический Интернационал склоняет головы перед вашим великим горем.

С коммунистическим приветом

Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала.
Исполнительное Бюро Красного Интернационала профсоюзов.

Москва, 22 января 1924 г.

От Ц.К.К. Н. К. Крупской.

Надежда Константиновна, любимый друг, неразлучный товарищ Владимира Ильича!

В дни великой скорби и печали, охватившей весь трудящийся мир по случаю смерти Ильича, Центр. Контр. Комиссия Р.К.П. обращается к вам не со словами утешения, — такие слова не нужны, — а с просьбой и призывом сохранить свои нужные партии и революции силы. Центральная Контрольная Комиссия — последнее детище Ильича. В бесконечных думах своих о том, как сохранить и укрепить единство партии, связь между рабочими и крестьянами, мощь советского государства, он предложил партии создать новый партийный орган. Он предупреждал, что задача трудная, что только медленным и упорным трудом ее можно будет разрешить. Мы ее разрешим, мы создадим твердокаменный орган твердокаменной партии, но

нам много легче это будет делать, когда среди нас будете вы, его настоящий и действительный секретарь. При вас зарождались его мысли, зрели и развивались. Вы можете больше, чем кто бы то ни было, помочь нам своими указаниями, правильно ли мы понимаем то, что успел нам сказать Владимир Ильич, не уклоняемся ли от указанного им пути. Мы хотим вас иметь среди нас, вы должны работать с нами в деле осуществления последнего завета Владимира Ильича.

Центральная Контрольная Комиссия Р.К.П. (б).

М. И. Ульяновой.

Дорогая Мария Ильинична!

В дни великой потери, которую понесли партия, рабочий класс, трудящиеся всего мира, Центральная Контрольная Комиссия Р.К.П. выражает уверенность, что вы, Мария Ильинична, родная Ильичу не только по крови, но и по духу, в умении настойчиво и неуклонно служить рабочему классу найдете в себе силы настойчиво и неуклонно продолжать то дело, которому вы отдавали всю свою энергию, всю свою силу.

Центральная Контрольная Комиссия Р.К.П.

24 января 1924 г.

Семье В. И. Ленина.

Дорогие товарищи!

Пленум Центрального Комитета Российского Коммунистического Союза Молодежи выражает вам от имени всей рабочей и крестьянской молодежи Союза Республик соболезнование в глубоком горе, постигшем рабочий класс всего мира.

Мы знаем, как тяжело для вас, плечом к плечу шедших с тов. Лениным по тернистому, но славному пути нашей партии, перенести эту потерю.

Но мы знаем также, что лучшим утешением для вас будет сознание, что все, кто до сих пор твердо боролись под руководством Ленина, ни на минуту не сложат оружие и в будущем. Мы обещаем, что, несмотря на скорбь и печаль о невозвратимой утере, мы кропотливым трудом, всеми помыслами, энергией и молодыми силами рабочего и крестьянского юношества станем на служение делу победы ленинизма.

Ц.К. Р.К.С.М.

22 января 1924 г.

Н. К. Крупской.

Дорогая Надежда Константиновна!

Мы, члены коллегии Наркомпроса, ближайшие ваши сотрудники по работе, просим вас принять выражение нашей глубочайшей скорби и нашего сердечного участия.

Вы хорошо понимаете, дорогая Надежда Константиновна, что мы испытываем скорбь по поводу понесенной утраты не только в мере, какую испытывает вся страна, и выражаем вам свое соболезнование не только

как люди, имеющие счастье быть близкими к вам по просветительной работе. Вы знаете, что мы имеем основание быть особенно опечаленными утратой именно как группа лиц, ответственных за судьбы просвещения в нашей стране.

Владимир Ильич неоднократно обращал внимание на задачи просвещения, и каждое слово, им сказанное или написанное в этом отношении, ободряло не только нас, но и всех просвещенцев страны и оставляло глубокий и благотворный след. Мы выражаем твердую надежду, что эта великая и совершенно непоправимая утеря вызовет и взрыв всеобщей энергии, и величайшее внимание к каждому завету Владимира Ильича и в том числе к столь драгоценным для нас заветам в области просвещения.

И мы глубоко надеемся, что вы, Надежда Константиновна, еще надолго останетесь передовым работником в области просвещения и сможете сами содействовать тому, чтобы заботы, выраженные Владимиром Ильичем незадолго до его болезни относительно судьбы русской школы, как можно скорее и полнее осуществились.

Мы крепко жмем вашу руку, дорогая Надежда Константиновна, желаем вам душевной бодрости и надеемся, что ваша дальнейшая вдохновенная и благотворная работа хоть в некоторой степени смягчит вашу скорбь. *А. Луначарский, М. Покровский, И. Ходоровский, В. Яковлева, В. Мещеряков, О. Бем.*

Москва, 25 января 1924 г.

Дорогая Мария Ильинична.

В дни тягчайшей скорби пролетариата ваша скорбь тяжела вдвойне. Вы потеряли вместе с нами мирового вождя, потеряли еще и незаменимого друга-брата. И мы, организованные вами, глубоко скорбя о смерти дорогого Ильича, выражаем вам наше горячее соболезнование.

Секция красных директоров — журнал «Предприятие».

М. И. Ульяновой, Н. К. Крупской, А. И. Елизаровой.

Дорогие Мария Ильинична, Надежда Константиновна и Анна Ильинична! Мы, рабочие-корреспонденты «Правды», шлем вам выражение своего глубокого сочувствия по поводу вашего и нашего общего горя — смерти дорогого Ильича.

Рабочие-корреспонденты «Правды» считают себя выразителями и проводниками заветов Ильича.

В маленьких заметках с фабрик и заводов мы всегда отстаивали и проводили эти заветы.

Все наши силы, все наши помыслы мы направляли на проведение этих заветов через «Правду», создание и детище Ильича, в гущу рабочих масс.

Такими же ленинцами останемся мы и теперь, когда нет Ильича. С такой же энергией, последовательностью и упорством будем мы и впредь проводить ленинское учение в нашей дорогой ленинской «Правде».

Рабочие-корреспонденты «Правды».

Но особенно врежется в память всех будущих поколений ответ Надежды Константиновны на многочисленные приветствия. Этот ответ будет иметь огромное значение, он уже теперь дал направление, дал практическое выражение тому огромному

стремлению увековечить имя Ленина, каким живут трудящиеся всего мира.

> Товарищи рабочие и работницы, крестьяне и крестьянки. Большая у меня просьба к вам: не давайте своей печали по Ильичу уходить во внешнее почитание его личности. Не устраивайте ему памятников, дворцов его имени, пышных торжеств в его память и т. д. — всему этому он придавал при жизни так мало значения, так тяготился всем этим. Помните, как много еще нищеты, неустройства в нашей стране. Хотите почтить имя Владимира Ильича — устраивайте ясли, детские сады, дома, школы, библиотеки, амбулатории, больницы, дома для инвалидов и т. д., и самое главное — давайте во всем проводить в жизнь его заветы.

Мне пришлось делать доклад о Ленине на многочисленных рабочих собраниях почти все эти дни. И я чувствовал: семья Ленина — это не только Мария Ильинична, Анна Ильинична, Дмитрий Ильич Ульяновы и Надежда Константиновна Крупская. Мне хочется им сказать то, что говорят на собраниях тысячи рабочих и крестьян: мы все — великая семья, еще невиданная в мире — семья Ленина. Мы все хотим итти до конца по дороге, по которой шел Ильич. Мы все — ваши братья и сестры, вместе с вами доведем до конца дело Ленина — дело всего рабочего класса — дело пролетарской революции.

Семья старого буржуазного общества распадается, умирает. Личная семья все больше и больше теряет свое значение. Все больше растет значение семьи-коллектива — партии. Она не умирает, не распадается, она растет, ширится. В ее ряды входят новые и новые миллионы. Она охватывает все народы, все страны мира. Она борется, часто истекая кровью, теряя на пути таких великанов мысли и дела, как Ленина и Маркса.

Но ряды ее вновь смыкаются. Коллективной, общей, классовой пролетарской волей крепка она. Эта воля все преобразует, все победит.

Милый, родной Ильич. Друг, боевой товарищ, брат, учитель, вождь!

Твоя семья живет, крепнет, борется.

Она победит.

Под твоим знаменем — знаменем коммунизма.

ВОЗЗВАНИЕ Ц.К. Р.К.П. ПО ПОВОДУ СМЕРТИ В. И. ЛЕНИНА.

К партии. Ко всем трудящимся.

21 января окончил свой жизненный путь товарищ Ленин.

Умер человек, который основал нашу стальную партию, строил ее из года в год, вел ее под ударами царизма, обучал и закалял ее в бешеной борьбе с предателями рабочего класса, с половинчатыми, колеблющимися, с перебежчиками. Умер человек, под руководством которого несокрушимые ряды большевиков дрались в 1905 г., отступали во время реакции, снова наступали, были в первых рядах борцов против самодержавия, сумели разбить, разоблачить, свергнуть идейное господство меньшевиков и эс-эров. Умер человек, под боевым водительством которого наша партия, окутанная пороховым дымом, властной рукой водрузила красное знамя Октября по всей стране, смела сопротивление врагов, утвердила прочно господство трудящихся в бывшей царской России. Умер основатель Коммунистического Интернационала, вождь мирового коммунизма, любовь и гордость международного пролетариата, знамя угнетенного Востока, глава рабочей диктатуры в России.

Никогда еще после Маркса история великого освободительного движения пролетариата не выдвигала такой гигантской фигуры, как наш покойный вождь, учитель, друг. Все, что есть в пролетариате поистине великого и героического — бесстрашный ум, железная, несгибаемая, упорная, все преодолевающая воля, священная ненависть, ненависть до смерти к рабству и угнетению, революционная страсть, которая двигает горами, безграничная вера в творческие силы масс, громадный организационный гений, — все это нашло свое великолепное воплощение в Ленине, имя которого стало символом нового мира от запада до востока, от юга до севера.

Ленин умел, как никто, видеть и великое и малое, предсказывать громаднейшие исторические переломы и в то же время учесть и использовать каждую маленькую деталь; он умел, когда нужно, бешено наступать и, когда нужно, отступать, чтобы готовить новое наступление. Он не знал никаких застывших формул; никаких шор не было на его мудрых, всевидящих глазах. Ибо он был прирожденный вождь пролетарской армии, гений рабочего класса.

В сокровищницу марксизма тов. Ленин внес немало драгоценного. Именно ему рабочий класс обязан разработкой учения о пролетарской диктатуре, о союзе рабочих и крестьян, о всем значении для борющегося пролетариата национального и колониального вопросов и, наконец, его учением о роли и природе партии. И все это богатство было в руках Ленина не мертвым капиталом, а живой, несравненной практикой. «Революцию гораздо приятнее делать, чем писать о ней», — не раз говаривал Владимир Ильич. И всю свою жизнь, от ее сознательного начала до последнего мученического вздоха, тов. Ленин отдал до конца рабочему классу. Не было и нет человека, который так глубоко был бы предан своему делу, как Ленин, не знавший в своей прекрасной жизни ничего, кроме интересов партии, пролетариата, коммунистической революции. Не было и нет человека, который имел бы такое глубочайшее чувство своей ответственности, как он. Нечеловеческая, неудержимая жажда работы, неустанная мысль, беспощадная растрата своей энергии сломили этот богатырский организм и погасили навсегда жизнь любимейшего из любимых — нашего Ильича.

Но его физическая смерть не есть смерть его дела. Ленин живет в душе каждого члена нашей партии. Каждый член нашей партии есть частичка Ленина. Вся наша коммунистическая семья есть коллективное воплощение Ленина.

Ленин живет в сердце каждого честного рабочего.

Ленин живет в сердце каждого крестьянина-бедняка.

Ленин живет среди миллионов колониальных рабов.

Ленин живет в ненависти к ленинизму, коммунизму, большевизму в стане наших врагов.

Теперь, когда нашу партию постиг самый тяжелый удар — смерть Ильича, — мы должны с особой настойчивостью выполнить его основные заветы.

Никогда Ленин не был так велик, как в минуты опасности. Твердой рукой он проводил партию через строй этих опасностей, с несравненным хладнокровием и мужеством идя к своей цели. Ничего противнее, отвратительнее, гаже паникерства, смятения, смущения, колебания для Ленина не было.

Партия и здесь пойдет по его стопам. Он ушел от нас навеки, наш несравненный боевой товарищ. А мы пойдем бесстрашно

дальше. Пусть злобствуют наши враги по поводу нашей потери Несчастные и жалкие! Они не знают, что такое наша партия! Они надеются, что партия развалится. А партия пойдет железным шагом вперед. Потому, что она — ленинская партия. Потому, что она воспитана, закалена в боях. Потому, что у нее есть в руках то завещание, которое оставил ей товарищ Ленин.

Против мирового союза помещиков и капиталистов мы будем строить наш союз рабочих и крестьян, союз угнетенных наций.

Мы твердой ногой стоим на земле. В европейской развалине мы являемся единственной страной, которая под властью рабочих возрождается и смело смотрит в свое будущее. Вокруг нашего славного знамени собираются миллионы. Смерть нашего учителя — этот тяжелый удар сплотит еще сильнее наши ряды. Дружной боевой цепью идем мы в поход против капитала, и никакие силы в мире не помешают нашей окончательной победе.

Эта победа будет самым лучшим памятником товарищу Ленину, тому, которого, как лучшего друга, массы звали своим «Ильичем».

Да здравствует, да живет и побеждает наша партия!

Да здравствует рабочий класс!

Центральный Комитет Р. К. П.

Москва, 22 января 1924 г.